U 244
63
T. 2 B.2

1030

У 244/63

Статистическій Отдѣлъ при Главномъ Управленіи Алтайскаго округа.

МАТЕРІАЛЫ

ПО ИЗСЛѢДОВАНІЮ

крестьянскаго и инородческаго хозяйства

въ Томскомъ округѣ.

1

ТОМЪ II.

ВЫПУСКЪ II.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ и ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЕ.

Составили С. П. Швецовъ и П. М. Юхневъ.

БАРНАУЛЪ.
Типо-литографія при Главномъ Управленіи Алтайскаго округа.
1898 г.

И 244/63

Статистическій Отдѣлъ при Главномъ Управленіи
Алтайскаго округа.

МАТЕРІАЛЫ

ПО ИЗСЛѢДОВАНІЮ

крестьянскаго и инородческаго хозяйства

въ Томскомъ округѣ.

ТОМЪ II.

ВЫПУСКЪ II.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ и ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЕ.

Составили С. П. Швецовъ и П. М. Юхневъ.

БАРНАУЛЪ.
Типо-литографія при Главномъ Управленіи Алтайскаго округа.
1898 г.

Печатано по распоряженію Начальника Алтайскаго округа.

Госуд. ротаевная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
35 855-46.

2007041434

Настоящій выпускъ составляетъ сводъ матеріаловъ по крестьянскому и инородческому землевладѣнію и землепользованію той части Томскаго округа, которая входитъ въ составъ Алтайскаго. Въ предисловіи къ I выпуску этого тома подробно изложено, при какихъ условіяхъ производилось собираніе матеріала и между кѣмъ распредѣляется отвѣтственность за его качества. Разработка матеріала и приготовленіе къ печати выполнены П. М. Юхьевымъ и С. П. Швецовымъ, изъ которыхъ первымъ написанъ параграфъ о пользованіи лѣсомъ, кромѣ кедровниковъ (стр. 199-274); все же остальное—г. Швецовымъ, ему же принадлежитъ и общая редакція выпуска. Карта Томскаго округа будетъ приложена къ одному изъ слѣдующихъ выпусковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . I.

Глава I . . . . . 1-48.

Земли занятыя и пустолежащія; количество тѣхъ и другихъ. Учетъ земель; степень достовѣрности получаемыхъ данныхъ,—стр. 1-7. Взаимное положеніе земель занятыхъ и свободныхъ; ихъ характеристика,—7-16. Раздѣленіе занятыхъ земель на городскія, крестьянскія и инородческія. Земли городскія,—стр. 16-19. Источникъ и объемъ правъ крестьянскаго и инородческаго населенія на занимаемыя ими земли,—стр. 19-31. Особенности Уртамской и Спасской волостей,—стр. 31-33. Земли, отводимыя подъ переселенческіе участки,—стр. 33-36. Распредѣленіе земель по волостямъ,—стр. 36-38. Распредѣленіе земель по угодьямъ,—стр. 38-42. Распредѣленіе земель по общинамъ. Недостатки имѣющихся данныхъ,—стр. 42-49.

Глава II . . . . . 49-131.

Значеніе, придаваемое въ настоящемъ трудѣ терминомъ—землевладѣніе и землепользованіе,—стр. 49. Наличная форма землевладѣнія: общины сложныя, простыя, раздѣльныя; смѣшанныя формы,—стр. 49-52. Распредѣленіе общинъ по волостямъ,—стр. 52-58. Общины Кайлинской волости,—стр. 58-73. Общины Кривощековской волости,—стр. 73-80. Общины Чаусской волости,—стр. 80-82. Общины Ояшинской волости,—стр. 82-89. Общины Тутальской волости,—стр. 89-101. Общины Уртамской и Спасской волостей и Телеутской, Чатской, Мало-Коряковской инородныхъ управъ,—стр. 101-107. Причины распаденія сложныхъ общинъ: межеваніе 20-хъ-30-хъ г.г. настоящаго столѣтія; губернскій поземельный сборъ; образованіе болѣе мелкихъ административныхъ единицъ, вызываемое ростомъ населенія; переселенческое движеніе,—стр. 107-126. Форма распаденія сложныхъ общинъ,—стр. 130. Ограниченія права крестьянъ на землю: воспрещеніе образовывать оброчныя статьи,—стр. 130-131.

Глава III . . . . . 132-283.

Право на землю членовъ общины; различныя формы осуществленія этого права—захватъ, отводъ, передѣлъ. Смѣна этихъ формъ и вызывающія ее причины. Регулирующая роль общины. Разновре-

менность перехода отъ одной формы пользованія къ другой различныхъ угодій. Необходимость изученія формъ пользованія по отдѣльнымъ угодіямъ,—стр. 132-134. *Усадебныя и прiусадебныя земли.* Образованіе новыхъ усадебъ; захватъ, отводъ. Существовавшій ранѣе порядокъ; причины его измѣненія. Право передачи усадебъ другому лицу; наслѣдованіе. Право постороннихъ на пользованіе усадебными землями,—стр. 134-143. *Выгонныя земли* Право на пользованіе выгономъ; ограниченія и причины ихъ. Поскотины; городьба ихъ и ея распредѣленіе между членами общины. Надзоръ за состояніемъ поскотины. Приворотники. Засѣка. Пастьба скота въ поскотинахъ и вић ихъ. Пастухи. Потравы. Условія пользованія выгономъ для постороннихъ,—стр. 143-161. *Пахотныя земли.* Трудъ, какъ источникъ права на пользованіе пахотными землями. Вольное пользованіе. Запимка, какъ остатокъ прежнихъ формъ землепользованія. Способъ регулированія со стороны общины пользованія пахотными землями; ихъ происхожденіе. Прекращеніе права на занимаемый участокъ. Право на «пѣрыи» и на подсачиваемый для пашни лѣсъ. Наслѣдованіе пахотныхъ земель. Выморочные участки. Условія пользованія пахотными землями для постороннихъ,—стр. 161-176. *Сѣнокосы.* Право на пользованіе различными видами ихъ; неравномѣрность распредѣленія сѣнокосовъ. Подворно-наслѣдственная форма пользованія; ея происхожденіе. Душевое пользованіе. Отсутствіе коренныхъ передѣловъ. Душевой пай. «Ровненки», «передвижки». Дробленіе паевъ. Право хозяина на занимаемый имъ пай. Право стариковъ, солдатъ, вдовъ и проч. на пай. Разверсточная единица. Техника передѣла. Неравномѣрность паевъ и причина ея. Вольное пользованіе сѣнокосами и его формы,—стр. 176-199. *Лѣсъ.* Сокращеніе площади хвойныхъ лѣсовъ. Вольное пользованіе борами. Ограниченія; время возникновенія ихъ и ближайшая причина—истощеніе лѣсовъ. Охрана бора; «опалка»; «заказъ». Запрещеніе въѣзда въ лѣсъ посторонимъ. Пользованіе «заказнымъ» лѣсомъ—вольное и душевое. Форма пользованія лиственнымъ лѣсомъ; вольное пользованіе. Охрана лиственныхъ лѣсовъ и ограниченія пользованія ими; «заказы»; душевое пользованіе. Передѣлы; ихъ основаніе. Разверстка. «Садки», «защищенныя рощи», ихъ назначеніе и форма пользованія ими. Пользованіе лѣсомъ, отпускаемымъ по «валовымъ билетамъ». Правила для безплатнаго отпуска лѣса, существовавшія до 1883 года. Нынѣ дѣйствующія правила. Способы пользованія безплатнымъ лѣсомъ; пользованіе личное и по разверсткѣ схода. Опредѣленіе потребительнаго корма,—стр. 199-274. *Кедровники;* форма пользованія ими; кедровый промыселъ, его техника,—стр. 274-279. Форма пользованія другими угодьями. Каменоломни. Рыбалки,—стр. 279-283.

стр.

Приложенія: 1. Таблица крестьянскаго землевладѣнія въ Томскомъ округѣ . . . . . 1-15.

2. Земельныя и подворныя общины Томскаго округа . . . . . 1-8.

3. Таблица, безплатнаго отпуска лѣса сельскому населенію Томскаго округа . . . 1-3.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ и ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЕ.

I.

Всѣ земли той части Томскаго округа, которыя входятъ въ составъ Алтайскаго, могутъ быть раздѣлены на земли занятыя, находящіяся на тѣхъ или иныхъ условіяхъ въ постоянномъ фактическомъ пользованіи различныхъ группъ населенія, и земли «пустопорожнія», находящіяся въ исключительномъ распоряженіи Главнаго Управленія Алтайскаго округа.

Количество тѣхъ и другихъ, за отсутствіемъ полнаго плановаго матеріала, можетъ быть опредѣлено далеко не точно. Какъ это уже говорилось во введеніи, Томскій округъ никогда не былъ подвергнутъ сплошной съемкѣ, и это обстоятельство исключаетъ возможность точныхъ опредѣленій. Приходится обращаться къ такому ненадежному, но единственному источнику, какъ карта Мейена, и заняться вычисленіемъ по ней площади округа, что и сдѣлано чертежной Главнаго Управленія для настоящаго изслѣдованія. Столь грубый пріемъ и самъ по себѣ не могъ дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ, но полученный результатъ долженъ былъ оказаться еще менѣе удовлетворительнымъ вслѣдствіе неокончательнаго проведенія сѣверной границы Алтайскаго округа. Все это дѣлаетъ полученную цифру площади Томскаго округа только «вѣроятною».

Не лучшимъ матеріаломъ располагаетъ изслѣдованіе и для установленія количества земель, находящихся въ пользованіи различныхъ группъ населенія. Главнѣйшимъ источникомъ въ этомъ случаѣ служатъ планы съемки крестьянскихъ и инородческихъ земель въ 1820-37 г.г. текущаго столѣтія. О неудовлетворительности этихъ плановъ говорить въ настоящее время было бы совершенно излишне, какъ о фактѣ почти

общеизвѣстномъ. Достаточно привести слѣдующую выписку изъ оффиціальнаго документа: «Въ 1856 г. начальникъ межеваго корпуса М. Н. Муравьевъ сообщилъ бывшему управляющему Кабинетомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА графу Перовскому, что съемка (1820-37 г.г.) невѣрна; впослѣдствіи, по освобожденіи приписныхъ къ горнымъ заводамъ крестьянъ, тоже заявленіе съ рѣдкимъ единодушіемъ поступило отъ Горнаго Правленія, мировыхъ посредниковъ и самихъ крестьянъ».[1])

Впослѣдствіи не разъ подтверждалась неточность съемки провѣрочными работами, напримѣръ, производившимися по Бійской казачьей линіи, по приказанію бывшаго генералъ-губернатора Западной Сибири Казнакова, въ 1880 г. Въ дальнѣйшемъ изложеніи также придется не разъ указывать на невѣрность плановъ 20-37 г.г., поскольку это касается изслѣдуемаго района; тѣмъ не менѣе приходится пользоваться этими данными за отсутствіемъ болѣе точныхъ.

Все сказанное относится къ землямъ, находящимся въ пользованіи бывшихъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ Кайлинской, Кривощековской, Ояшинской, Тутальской и Чаусской волостей. Для опредѣленія площади земель, занятыхъ государственными крестьянами Уртамской и Спасской волостей, имѣются только свѣдѣнія Томской губернской чертежной. Нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній, которыя позволяли бы полагать, что плановый матеріалъ этихъ волостей отличается большей точностью; къ тому же онъ страдаетъ неполнотой: нѣтъ никакихъ данныхъ о количествѣ земли, которою пользуется цѣлый рядъ селеній.[2]) Тоже нужно сказать и о земляхъ, находящихся въ пользованіи инородческаго населенія.[3])

Все это до крайности затрудняетъ учетъ занятыхъ земель, сводя получаемыя данныя на степень «приблизительныхъ». Подсчитывая весь имѣющійся цифровой матеріалъ о коли-

---

[1]) Докладъ Н. Ваганова и М. Брещинскаго Кабинету ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА: „Измѣреніе земель горнаго Алтайскаго округа“, стр. 2.

[2]) Уртамской вол. Кругликова, Еловка, Чилина, Луговая и Ересная, Спасской вол. Батурина.

[3]) Нѣтъ данныхъ о размѣрахъ землепользованія инородческихъ селеній: Каштаковскихъ юртъ и Тугучина Кумышской управы.

чествѣ земель, находящихся въ пользованіи населенія, получаемъ 1,851,000 десятинъ занятой площади округа.

Для учета земель второй категоріи—«пустопорожнихъ»—нѣтъ даже и такихъ скудныхъ данныхъ. Правда, имѣются кое-какіе цифровые матеріалы о площади лѣсовъ, расположенныхъ главнымъ образомъ на земляхъ внѣ границъ крестьянскаго землепользованія, но руководиться этими цифрами въ какихъ нибудь практическихъ цѣляхъ было бы крайне рискованно въ виду ихъ полной проблематичности.

Прежде всего нужно замѣтить, что учетъ лѣсной площади производится по лѣсничествамъ, границы которыхъ не совпадаютъ съ принятыми изслѣдованіемъ территоріальными единицами округомъ, волостью, селеніемъ. Затѣмъ, въ общую лѣсную площадь вошли не только лѣса, произрастающіе на пустолежащихъ земляхъ, но также нѣкоторые лѣса, растущіе въ дачахъ крестьянскихъ отводовъ и въ качествѣ таковыхъ уже подлежавшіе нашему учету вмѣстѣ съ землями первой категоріи. Для выдѣла же этихъ лѣсовъ изъ массы остальныхъ не имѣется никакихъ руководящихъ данныхъ. Есть небольшія лѣсныя пространства, которыя, по своей относительной незначительности, не были включены въ число охраняемыхъ лѣсовъ, и поэтому не вошли въ общій счетъ. Примѣромъ такихъ лѣсныхъ клочковъ можетъ служить большая часть такъ называемыхъ поскотинныхъ боровъ и кедровниковъ Кайлинской, Тутальской и др. волостей. Наконецъ, всѣ данныя о лѣсахъ относятся къ срединѣ текущаго столѣтія, главнымъ образомъ къ 1842-54 г.г., когда производилась съемка горнозаводскихъ лѣсныхъ дачъ. Съ тѣхъ поръ, разумѣется, лѣсныя дачи претерпѣли крупныя видоизмѣненія, о которыхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній; на ряду съ этимъ шло расширеніе площади занятыхъ земель на счетъ свободныхъ, а въ частности бывшихъ подъ лѣсами. Такъ, настоящему изслѣдованію удалось констатировать почти полное уничтоженіе нѣкоторыхъ боровъ, до сихъ поръ значащихся на планахъ, а съ другой стороны, существованіе небольшихъ боровъ, на которые въ планахъ не имѣется никакихъ указаній, такъ какъ въ моментъ съемки эти бора или не представляли,

по своей незначительности, никакой цѣнности въ общемъ горнозаводскомъ хозяйствѣ, въ интересахъ котораго была предпринята и самая съемка, или же въ то время это были одинъ порубки, только напоминавшія о прежнемъ борѣ, на мѣстѣ котораго впослѣдствіи отросли теперешніе борки. Въ своемъ мѣстѣ этого рода факты будутъ отмѣчены болѣе полно, здѣсь же достаточно привести одинъ примѣръ. Въ дачѣ сложной общины Сосноваго Острога (10 селеній) Тутальской вол. нѣкогда было довольно много хвойнаго лѣса, наибольшая площадь котораго находилась на правомъ берегу р. Сосновки и тянулась отъ излучины этой рѣки у д. Вороновой къ сѣверо-востоку, между рѣчками Сосновкой и Мельничной, верстъ на 15 въ длину да версты на 3-4 въ ширину. Въ свое время,[1]) при съемкѣ дачи лѣсъ былъ нанесенъ на планъ, гдѣ онъ фигурируетъ и до сихъ поръ, какъ и во всѣхъ разсчетахъ, касающихся этой дачи. Между тѣмъ, въ настоящее время отъ этого бора остались одни лишь кое-гдѣ торчащіе «пеньки»: бывшій боръ смѣнился березнякомъ и осинникомъ, которые въ свою очередь уступили мѣсто пашнямъ и пустошамъ; давно все вырублено и ушло на Томскій рынокъ. Современное молодое поколѣніе крестьянъ не сохраняетъ уже и воспоминаній о бывшемъ здѣсь борѣ, и только одиноко разбросанныя сосны да лиственница позволяютъ догадываться, что нѣкогда мѣстность имѣла совершенно иной видъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, исключаетъ всякую возможность пользованія имѣющимся цифровымъ матеріаломъ для опредѣленія общей лѣсной площади округа. Между тѣмъ, эти цифры единственныя, имѣющія какое-нибудь отношеніе къ «пустопорожнимъ» землямъ; всѣ другія о земляхъ, находящихся въ арендномъ содержаніи частныхъ лицъ, слишкомъ отрывочны и случайны, и поэтому уже совершенно не пригодны для какихъ бы то ни было общихъ разсчетовъ.

Чтобы получить хоть какія нибудь числовыя выраженія взаимнаго положенія пустопорожнихъ и занятыхъ земель, выраженія, которыя позволили бы сколько нибудь ориентиро-

[1]) Въ 1828 году.

ваться, пришлось прибѣгнуть къ единственно-возможному, хотя крайне грубому пріему—къ простому вычитанію «приблизительной» цифры занятыхъ земель изъ «вѣроятной» цифры всей площади округа. Разность дала 304,000 десятинъ, которыя и должны выражать площадь пустопорожнихъ земель.

Чтобы покончить съ этими приблизительными разсчетами, необходимо отмѣтить одно чрезвычайно любопытное явленіе, отчасти только подтвержденное, отчасти вновь установленное настоящимъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ, именно, уничтоженіе ряда селеній, существовавшихъ во время хозяйственной съемки 20-30-хъ г.г.[1]) Земли этихъ селеній или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ должны бы быть отнесены къ числу пустопорожнихъ, хотя въ настоящее время всѣ онѣ и находятся въ фактическомъ пользованіи крестьянскаго населенія. Но этого не сдѣлано по двумъ причинамъ. Во 1-хъ, часть исчезнувшихъ поселеній и въ моментъ межеванія не составляла самостоятельныхъ общинъ, а входила въ составъ сложныхъ. Съ уничтоженіемъ такихъ деревень, земли, которыми пользовались ихъ жители, остались въ распоряженіи той же общины, которой онѣ принадлежали и ранѣе. Такъ было въ д. Соколовой Тутальской вол., составлявшей одну общину съ Мѣлковой, Пашковой, Сосновымъ Острогомъ и многими другими селеніями; такъ было и съ д. Черепановой, входившей въ одну общину съ д. Моткової, и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выдѣленіе земель исчезнувшихъ селеній изъ общихъ дачъ не представлялось возможнымъ ни съ практической, ни съ принципіальной стороны: разъ сохранилась община, а она несомнѣнно сохранилась во всѣхъ этихъ случаяхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ за ней удерживается и право на отведенныя земли, совершенно независимо отъ того, увеличился или уменьшился составъ ея населенія. Къ тому же, почти во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ послѣднимъ моментомъ въ жизни исчезнувшихъ деревень было переселеніе оставшихся дворовъ въ другую деревню *своей же* общины: изъ Черепановой въ Моткову, изъ Соколовой въ Моткову и т. д.

[1]) Въ Тутальской вол. д.д. Гутова, Соколова, Воронова (теперешняя Воронова заселена вновь переселенцами); въ Кайлинской вол. Черепанова; въ Ояшинской—Умревченскій Острогъ и др.

Другія деревни, какъ Гутова, составляли и ранѣе самостоятельныя общины, и съ уничтоженіемъ ихъ могли бы быть выдѣлены изъ крестьянскаго пользованія и ихъ земли. При тѣхъ грубыхъ разсчетахъ, какіе были произведены выше, подобное выдѣленіе очень мало способно внести дѣйствительную поправку, хотя и имѣло бы всю видимость таковой. Вотъ это то и было тѣмъ вторымъ соображеніемъ, которое не позволило вносить поправокъ на счетъ земель исчезнувшихъ селеній. Это тѣмъ болѣе позволительно, что какъ разъ однородные, только обратнаго порядка, факты могутъ быть наблюдаемы относительно пустопорожнихъ земель. Выше уже упоминалось, что нѣкоторыя селенія, какъ Тугучинъ (инородческій) Кумышской управы, Тропина Заимка Чаусской вол., Каштаковскія юрты Темерчинской управы и пр., не имѣютъ отводовъ, хотя и пользуются опредѣленнымъ пространствомъ удобной земли. Всѣ такія «занятыя» земли, для опредѣленія плана которыхъ не имѣется никакихъ данныхъ, вошли въ счетъ пустопорожнихъ.

Если наличный плановый матеріалъ даетъ очень мало для учета различныхъ категорій земель, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страдаетъ и другимъ, не менѣе существеннымъ, недостаткомъ, благодаря которому нельзя съ точностью перечислить всѣ тѣ пункты, гдѣ находятся пустопорожнія земли: случается обнаруживать такъ называемые «междуграпки» тамъ, гдѣ казалось бы, менѣе всего возможно было ожидать ихъ; опредѣлены они могли бы быть только черезъ возстановленіе «границъ» въ натурѣ, а не путемъ изученія плановаго матеріала. Вотъ почему въ настоящемъ случаѣ могутъ быть отмѣчены только главнѣйшія черты взаимнаго положенія занятыхъ и пустопорожнихъ земель, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ указаны нѣкоторыя детали.

Крестьянскія и инородческія селенія Томскаго округа расположены по рѣкамъ Оби и Томи съ ихъ многочисленными притоками, и по почтовымъ трактамъ Московскому и Барнаульскому. Это лучшая часть округа, и занятыя земли тянутся сплошной полосой не только между Томью и Обью, но и далеко за Томью (по правому берегу ея) до границы черно-

выхъ лѣсовъ; расположены онѣ также и за Обью (по лѣвому берегу), гдѣ Чаусская волость въ юго-западной части примыкаетъ къ губернской границѣ. Въ сѣверной части той же волости, въ Уртамской и отчасти въ Ояшинской волостяхъ сплошная полоса занятыхъ земель тянется между Обью и западной чернью. На сѣверъ она отдѣлена отъ губернской границы обширнымъ Калтайскимъ боромъ, а на югѣ непосредственно сливается съ населенной же полосой Барнаульскаго и Кузнецкаго округовъ и только въ одномъ пунктѣ примыкаетъ къ западной оконечности Салаирской черни.

Изъ этого видно, что пустолежанія земли имѣютъ главное распространеніе по границамъ округа. На востокѣ положеніе этихъ земель опредѣляется, съ одной стороны, границей Алтайскаго округа, а съ другой, границами сложныхъ общинъ: Сурановой (самая сѣверная), Панковой, Шубиной, Литвиновой, Писаной и Колмагоровой и границами общинъ однодеревенскихъ—Власковой и Пачинской. Всѣ эти общины, за исключеніемъ Сурановой Ояшинской вол., принадлежитъ къ Тутальской волости. На югѣ таже полоса пустолежащихъ земель ограничивается дачами д. Подиковой и переселенческаго заселка Ново-Польяковскаго, принадлежащихъ уже къ Верхотомской волости Кузнецкаго округа.

Такимъ образомъ, пустолежанія земли на востокѣ округа представляютъ собой относительно узкую, мѣстами расширяющуюся, полосу, имѣющую сѣверное направленіе. Вся эта мѣстность болѣе или менѣе лѣниста, таежна и составляетъ начало обширной черни, покрывающей сѣверо-западные отроги Кузнецкаго Алатау. Это обстоятельство на ряду съ большей гористостью мѣстности дѣлаетъ пользованіе землею здѣсь менѣе удобнымъ и во всякомъ случаѣ требующимъ большей затраты силъ и средствъ, чѣмъ въ сосѣднемъ занятомъ районѣ, гдѣ мѣстность ровнѣе, а лѣса разрѣжены и повырублены. Затѣмъ близость къ тайгѣ отражается неблагопріятно на урожайности хлѣбовъ, о чемъ болѣе подробно говорится въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

На земляхъ этой полосы въ послѣднее десятилѣтіе былъ образованъ рядъ переселенческихъ заселковъ: Сѣверный, Ду-

бровскій, Верхъ-Пачинскій, Яшки и Еловка. Всѣ эти поселки были причислены къ Тутальской волости Томскаго округа, вмѣстѣ съ другими селеніями котораго они и были подвергнуты настоящему изслѣдованію.

Восточнѣе перечисленныхъ поселковъ, въ глубь тайги, по рѣчкамъ и ключамъ, которыми богато одарена вообще вся восточная часть округа, разбросаны заимки, ведущія пасѣчное и земледѣльческо-скотоводческое хозяйство. Нѣкоторыя изъ этихъ заимокъ состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ хозяйствъ, образуя нѣчто въ родѣ небольшихъ поселковъ, другія изъ одного хозяйства, вокругъ котораго на десятки верстъ нѣтъ никакого жилья. Всѣ эти заимки пользуются землей или на правѣ аренды, или же на основаніяхъ самовольнаго захвата. Въ послѣднемъ случаѣ пользованіе не сопряжено съ какою-либо оплатой: часто о существованіи такой заимки никто не знаетъ, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, которымъ нѣтъ никакихъ поводовъ сообщать о ней кому-либо постороннему. Вообще, это край глухой и дикій, почти никѣмъ не посѣщаемый, кромѣ самихъ заимочниковъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи всѣ эти земли подчинены Томскому участковому лѣсничему, на обязанности котораго лежитъ завѣдываніе пустолежащими землями, изъ которыхъ образовываются такъ называемыя арендныя статьи. По свѣдѣніямъ этого лѣсничаго, въ 1893 г. въ этой черни считалось 18 заимокъ и 49 пасѣкъ; пашни арендовалось 61,5 дес., сѣнокоса 302 и выгона 140 десятинъ. Если эти цифры, можетъ быть, и пригодны для опредѣленія размѣра арендная хозяйства разсматриваемой полосы, то онѣ во всякомъ случаѣ не даютъ представленія о количествѣ фактически занятыхъ земель и еще менѣе о количествѣ пригодныхъ для занятія подъ культуру. Фактически большая часть этого края, какъ и вообще незанятыхъ земель Алтая, предоставлена самой себѣ, и о ней имѣются лишь очень скудныя, отрывочныя свѣдѣнія, не позволяющія даже приблизительно опредѣлить число заимокъ, ихъ положеніе, размѣръ хозяйства и пр.

Нѣсколько инымъ характеромъ обладаютъ пустолежащія земли, прилегающія къ сѣверной границѣ Алтайскаго округа.

Здѣсь, почти на всемъ пространствѣ между Обью и Томью раскинулся Калтайскій боръ, занимающій, по даннымъ лѣсной администраціи, 11,000 десятинъ. Границами бора служатъ на сѣверѣ дачи д.д. Смокотниной и Кондинской (со стороны Томи), а затѣмъ граница Алтайскаго округа, на югѣ же дачи слѣдующихъ деревень: Аллаевой, Варюхиной, Кожевниковой, Черной, Зудовой и Елизаровой, двухъ Елбакскихъ и Корасевой, и Бибѣевой. Всѣ эти селенія принадлежатъ къ Ояшинской волости. Въ западной части Калтайскій боръ соприкасается съ землями Ургамской волости и юртъ Капшаковскихъ Темерчинской инородной управы.

Въ бору разбросано довольно много озеръ, изъ которыхъ нужно упомянуть Кирекъ и болѣе южную группу, извѣстную подъ именемъ Святыхъ озеръ. Вблизи этихъ озеръ, по лѣснымъ, болѣе или менѣе обширнымъ прогалинамъ живутъ заимочники, занимающіеся хозяйствомъ. Въ общемъ, эти заимки того же типа, что и въ предыдущемъ районѣ, но здѣсь наблюдается нѣсколько большая скученность ихъ. Самая крупная заимка—Кирекъ на озерѣ того же имени; въ ней насчитывается нѣсколько десятковъ дворовъ мѣщанъ, крестьянъ-старожиловъ и переселенцевъ. Эта заимка имѣетъ свою поскотину, для которой всѣ заимочники сообща арендуютъ 174 десятины выгонной земли. Изъ другихъ заимокъ нужно упомянуть о расположенныхъ по р. Березовой, верстахъ въ 6 отъ заимки Кирекъ, о заимкахъ на Нижнихъ озерахъ, на р. Еловкѣ и пр. Всего арендныхъ заимокъ насчитывается 49, 24 пасѣки, 11 мельницъ и 1 смолокурня; подъ хлѣбопашество арендуется 215 десятинъ, подъ сѣнокосъ 420 и подъ выгонъ—438. По общимъ условіямъ завѣдыванія, пользованія землею и пр., этотъ районъ мало чѣмъ отличается отъ восточной полосы свободныхъ земель; тоже свободное пользованіе землей, отсутствіе точныхъ свѣдѣній и пр., что и тамъ. Близость такого крупнаго центра, какъ Томскъ, въ разсматриваемомъ отношеніи не оказываетъ никакого вліянія на положеніе этихъ земель.

Третій районъ пустолежащихъ земель находится на западѣ, гдѣ онъ разбросаны отдѣльными клочками и прерываю-

ся дачами, которыя находятся въ пользованіи крестьянскаго и инородческаго населенія. Главная площадь этихъ земель между дачами д. Базонской Ояшинской волости и юртъ Акбалыкскихъ Чатской инородной управы (на сѣверѣ), землями Мало-Коряковской управы (на востокѣ, со стороны Оби) и дачами крестьянскихъ селеній Чаусской волости Черемшанки, Кондыковой, Вьюнской, Паутовой и Тропиной (съ юга); наконецъ, западную границу составляютъ казенныя земли Томской губерніи. Значительная часть этой мѣстности состоитъ въ пользованіи д. Тропиной Заимки, образовавшейся черезъ выселеніе части крестьянъ изъ д. Тропиной Чаусской волости на свободныя земли въ 1866 г. Этой деревнѣ, какъ и многимъ другимъ въ Алтайскомъ округѣ, образовавшимся послѣ съемки 20-30-хъ г.г., не было отведено опредѣленной дачи, почему въ настоящее время рѣшительно нельзя сказать, какъ велико пространство занимаемыхъ ею земель, въ какой степени границы ея фактическаго землепользованія совпадаютъ съ границами всей площади пустолежащихъ земель или не совпадаютъ. Во всякомъ случаѣ, не всѣ свободныя земли заняты крестьянами, что видно изъ факта сдачи части этихъ земель въ арендное содержаніе лицамъ, постороннимъ обществу д. Тропиной Заимки. По имѣющимся отъ завѣдующаго арендой свѣдѣніямъ, въ 1894 г. здѣсь было сдано 5 участковъ хлѣбопахотной земли въ количествѣ 36 десятинъ, сѣнокосной—148,5 десятинъ (21 участ., отъ 2 до 25 дес. въ каждомъ); кромѣ того, имѣлось двѣ постоянныхъ арендныхъ заимки. Арендаторами являлись крестьяне д. Паутовой, Тропиной, Скалы и Анбы, а также колыванскіе мѣщане. Общее число арендаторовъ—24.

Другая значительная площадь незанятыхъ земель расположена нѣсколько южнѣе и примыкаетъ къ землямъ заштатнаго города Колывани. Границами и здѣсь служатъ дачи крестьянскаго землепользованія слѣдующихъ селеній Чаусской волости: с. Чаусскаго и д. Подгорной и Скалы (сложная община), Сидоровскаго переселенческаго заселка, лежащаго на р. Вьюнѣ, Воробьевой и Черемшанки, имѣющихъ общую дачу, наконецъ, земли сложной же общины Большаго и Малаго

Оеша и Киселевой. До поступленія этихъ земель имѣли протяженіе до самой «губернской границы», отдѣляющей земли вѣдомства Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ казенныхъ земель, но съ образованіемъ переселенческаго поселка Сидоровскаго, площадь пустопорожнихъ земель разбилась на два куска: отъ выгона г. Колывани до р. Вьюны, а затѣмъ отъ границъ Сидоровскаго поселка, который, кромѣ указанныхъ дачъ, примыкаетъ еще къ дачѣ д. Южной,—и до границъ Каинскаго округа.

Какъ здѣсь, такъ и тамъ свободныя земли сдаются въ арендное содержаніе, причемъ дальнія изъ нихъ, лежащія за Сидоровскимъ поселкомъ, разбиты на опредѣленные участки. Общее количество сдаваемой земли, по даннымъ завѣдующаго Колыванскимъ арендным райономъ, выражается въ такихъ цифрахъ: въ 1894 г. было заарендовано 55 участковъ хлѣбопахотной земли, площадью въ 506,5 десятинъ; 87 уч. въ 1130,5 дес. сѣнокосной земли и 190 дес. (14 уч.) выгонной земли. Нѣкоторые изъ арендаторовъ живутъ здѣсь постоянно заимками, число которыхъ достигаетъ 30. Главный составъ арендаторовъ - болѣе 80 „ Колыванскіе мѣщане, а затѣмъ крестьяне с. Южной, Любы, Тырышкиной и Киселевой. Въ числѣ арендаторовъ состоятъ два крестьянскихъ общества Чаусской волости - деревень Тырышкиной и Поцволошной, каждое изъ которыхъ арендуетъ по 250 десятинъ сѣнокоса. Изъ полорныхъ (возлѣ г. Колывани) арендныхъ земель въ томъ же году сдавалось: Колыванскому мѣщанскому обществу 430 десятинъ хлѣбопахотной земли; сѣнокосной находилось въ арендѣ 368 десятинъ, изъ которыхъ 259 снималось обществомъ г. Колывани, остальныя - отчасти отдѣльными семьями мѣщанъ, отчасти крестьянами с. Чаусскаго. Ни постоянныхъ заимокъ, ни сдаваемыхъ подъ выгонъ скота земель, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, здѣсь нѣтъ.

Сюда же долженъ быть отнесенъ небольшой клочекъ сѣнокоснаго мѣста, лежащаго по р. Оби, возлѣ д. Ореко-Борской (12 верстъ), который считается въ настоящее время въ числѣ свободныхъ земель. Въ этомъ участкѣ всего 12 десятинъ. Ранѣе онъ находился въ пользованіи казаковъ коннаго

полка, стоявшихъ въ Колывани, и былъ вырѣзанъ изъ дачи д. Погорюи;[1]) впослѣдствіи, съ упраздненіемъ полка,[2]) онъ изъятъ изъ казачьяго пользованія. Въ 1894 г. онъ также находился въ арендномъ содержаніи частныхъ лицъ.

Свободныя земли находились и за границами (южной и западной) д. Вахрушевой Чаусской волости. Но въ 1890 г. здѣсь образованъ переселенческій заселокъ Михайловскій, границами котораго—опять-таки южной и западной—служатъ свободныя земли, лежащія между крестьянскими дачами Ординской волости и казенными землями Томской губерніи (внѣ Алтайскаго округа). Часть этихъ земель и теперь арендуется обществами деревень Кочневой (Камышенка), Казаковой и Сенчихиной Кривощековской волости, а именно 450 десятинъ дубровнаго сѣнокоса. Кромѣ того, здѣсь же арендуется 9 участковъ въ 225 десят. дубровнаго же сѣнокоса отдѣльными крестьянами д. Чиковской, Буньковой и Прокудкиной той-же волости.

Чтобы покончить съ пустолежащими землями западной части округа, необходимо сказать о «междугранкѣ», образуемомъ дачами деревень Котковой и Крохалевой, Буньковой и Чиковской, Прокудкиной и Казаковой Кривощековской и д. Вахрушевой Чаусской волостей. Площадь междугранка, извѣстнаго подъ именемъ Крохалевской оброчной статьи, опредѣляется въ 4035 десятинъ. Вся эта мѣстность находилась въ пользованіи крестьянъ окрестныхъ селеній, главнымъ образомъ д. Котковой; но года три назадъ она изъята изъ общественнаго пользованія и обращена въ оброчную статью Главнаго Управленія Алтайскаго округа.[3]) Въ 1894 г. 55 участковъ хлѣбопахатной земли (часть Крохалевской статьи разбита на участки), площадью въ 1889 десятинъ и 23 участка выгонной въ 198 десятинъ, находились въ арендномъ содержаніи отдѣльныхъ домохозяевъ д. Котковой и мѣщанъ г. Колывани.

Западная часть Томскаго округа, собственно мѣстность

---

[1]) Архив. дѣло № 1557, 1873 г.

[2]) Высочайше утвержденное мнѣніе Госуд. Совѣта 17 іюля 1868 г.

[3]) См. дѣло о Крохалевской оброчн. статьѣ № 670 1894 г., планъ по описи № 31 1893 г.

прилегающая къ р. Оби, довольно богата хвойнымъ лѣсомъ, большая часть котораго находится въ крестьянскихъ дачахъ или же на земляхъ, на которыя предъявляютъ свои права инородцы. Таковы, напримѣръ, бора Орскій, Кашламскій, значительная часть Нижне-Обскаго, Чемскаго и пр. Всѣ такіе бора вошли въ учетъ земель занятыхъ. Но на ряду съ ними есть и другіе бора, лежащіе внѣ плановаго отвода крестьянскихъ дачъ. Въ разсматриваемой мѣстности ихъ очень немного, и здѣсь достаточно назвать только болѣе значительные изъ нихъ, а именно сѣверную часть Нижне-Обскаго бора, лежащую между южной границей Чаусской волости, западной границей деревни Бѣлоярской той же волости и р. Обью (правымъ берегомъ), и др. Почти вся площадь между названными границами занята боромъ, и только западный ея уголъ, гдѣ р. Обь круто поворачиваетъ на востокъ, свободенъ отъ хвойнаго лѣса. Южныя части того же бора находятся въ дачахъ крестьянскихъ селеній Кубовой, Мочища и др. Другой подобный боръ лежитъ на противоположномъ, лѣвомъ, берегу р. Оби, между дачами д. Кривощековой и Криводановой. Нѣсколько ниже по теченію рѣки, за островами, образуемыми протоками р. Оби находится еще борокъ, меньшихъ размѣровъ. Оба эти бора, отдѣленные отъ степи озеромъ Казыкъ, могутъ разсматриваться, какъ одинъ, и оба они носятъ названіе бора Кудряшевскаго; южная же, большая часть этого бора, извѣстна также и подъ именемъ Крохалевскаго. Площадь всего Кудряшевскаго бора, по даннымъ лѣсной администраціи, опредѣляется въ 11,977 десятинъ (по съемкѣ 1854 г.) Еще южнѣе, по лѣвой же сторонѣ р. Оби лежитъ боръ Чатскій (подъ этимъ именемъ извѣстна сѣверная часть Рѣчкуновскаго бора). Большая часть его принадлежитъ уже сосѣднему Барнаульскому округу, именно Берской волости, но сѣверная его доля отчасти входитъ въ дачу д. Тюменцевой Кривощековской волости, отчасти лежитъ внѣ крестьянскихъ дачъ. За отсутствіемъ данныхъ, площадь этой доли опредѣлена быть не можетъ, но во всякомъ случаѣ она не превосходитъ 2-3 тысячъ десятинъ. Борокъ этотъ пересѣкается болотомъ, по окраинамъ котораго имѣются сѣнокосы—11 десятинъ,—сни-

маемые въ аренду крестьянами д. Верхне-Чемской Кривощековской волости.

Обращаясь къ характеристикѣ свободныхъ земель западной части Томскаго округа, должно сказать, что въ общемъ онѣ мало отличаются отъ сосѣднихъ занятыхъ земель Чаусской и Кривощековской волостей. Различія, наблюдаемыя между отдѣльными пунктами ихъ, тѣ-же, что встрѣчаются и въ крестьянскихъ земляхъ этого района: особенности отдѣльныхъ пунктовъ, какъ занятыхъ, такъ и свободныхъ земель касаются распредѣленія лѣсной растительности, болотъ и сѣнокосовъ.

О борахъ нечего говорить, такъ какъ въ этомъ отношеніи никакой разницы между тѣми и другими землями нѣтъ. Что же касается лиственнаго лѣса, то его почти лишена средняя часть Чаусской волости, именно возлѣ г. Колывани, въ дачахъ Сидоровскаго заселка, Южиной, Воробьевой и др. въ настоящее время здѣсь лишь кое-гдѣ разбросаны небольшіе «колки»,[1]) годные, да и то далеко не вездѣ, на дрова. Богаче лѣсомъ сѣверныя дачи Чаусской волости деревень Черемшанки, Тропиной и др., особенно же Воронина заимка, лежащая уже въ районѣ свободныхъ земель. Въ юго-западныхъ дачахъ Кривощековской волости—Каменки, Казаковой болѣе крупные березняки сохранились только въ поскотинахъ, на поляхъ же есть лишь рѣдкій и мелкій березнякъ. На прилегающихъ къ этимъ дачамъ свободныхъ земляхъ лиственнаго лѣса сохранилось нѣсколько больше, есть даже, хотя и очень рѣдкія, березовыя «дубровы». Сѣверная часть Чаусской волости и главнымъ образомъ свободныя земли одарены большимъ количествомъ болотъ и займищъ, сравнительно съ лежащею къ югу мѣстностью, гдѣ болота встрѣчаются преимущественно въ долинѣ р. Оби. Наконецъ, заливные сѣнокосы расположены главнымъ образомъ по лѣвому берегу р. Оби и на ея многочисленныхъ островахъ; поэтому такихъ сѣнокосовъ свободныя земли имѣютъ достаточно только тамъ, гдѣ прилегаютъ или близко подходятъ къ р. Оби земли возлѣ г. Колывани, отчасти занятыя Тропиной заимкой. Хорошіе сѣно-

[1]) „Колокъ"—молодой березнякъ, ростущій отдѣльными куртинами въ степной мѣстности.

косы, по дубровные, находятся за границами д. Кочневой Кривощековской волости.

Настоящій бѣлый очеркъ пустолежащихъ земель, примыкающихъ къ изслѣдованному району, будетъ законченъ, если сказать нѣсколько словъ о крайней сѣверо-западной оконечности Салаирской черни, захватывающей съ юга Кайлинскую волость Томскаго округа. Черь эта, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Таволгана»[1]) подходитъ къ дачамъ крестьянскихъ селеній Карпысакскаго и Усть-Каменскаго, жители которыхъ пользуются ею отчасти для выпаса скота, отчасти для пчеловодства. Какъ для того, такъ и для другого промысла черь представляетъ много удобствъ. Настоящее изслѣдованіе не располагаетъ данными для опредѣленія хотя бы только приблизительнаго количества свободныхъ земель въ этомъ пунктѣ, числа арендаторовъ и пр. Относительно этихъ земель не имѣется даже тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, какія приведены выше для характеристики свободныхъ земель въ другихъ частяхъ Томскаго округа.

Значеніе пустолежащихъ земель для Томскаго округа въ настоящее время не велико: ими пользуются или немногіе домохозяева ближайшихъ селеній, которымъ тѣсно въ своихъ общинныхъ дачахъ, или же лица, коренному населенію округа посторонніе—это мѣщане г. Колывани и Томска, торговцы, проживающіе по деревнямъ и пр. Исключеніе составляютъ тѣ немногія земли, которыя ранѣе находились въ пользованіи крестьянскихъ обществъ и только впослѣдствіи были изъ этого пользованія изъяты; таковъ, напримѣръ, «междугранокъ» въ Кривощековской волости—Крохалевская оброчная статья. Въ этихъ случаяхъ арендаторами являются тѣ именно крестьяне и цѣлыя общества, которые и ранѣе распоряжались ими на правахъ вольнаго пользованія и перваго захвата.

Гораздо большее значеніе имѣютъ тѣ-же земли для пришлаго элемента современной мѣстной деревни—для переселенцевъ, находящихъ на этихъ земляхъ удобныя мѣста для по-

[1]) Отъ слова „таволга", таволожникъ" (spiraïa)—кустарникъ, въ изобиліи растущій въ черни.

селенія и хозяйственной дѣятельности. Рядъ переселенческихъ заселковъ, возникшихъ въ послѣдніе годы на пустопажанныхъ земляхъ округа, какъ нельзя лучше доказываетъ это. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ теченіемъ времени число поселковъ будетъ возрастать (на востокъ округа) по мѣрѣ того, какъ человѣкъ будетъ отодвигать побѣду надъ окружающимъ его лѣсомъ, по мѣрѣ того, какъ линія «черни» будетъ отодвигаться дальше. Тоже будущее, по всей вѣроятности, ожидаетъ и занятыя степныя пространства, лежащія за Михайловскимъ поселкомъ и дачей д. Кочневой Кривощековской волости.

Всѣ занятыя земли Томскаго округа, по характеру своего юридическаго положенія, могутъ быть раздѣлены на городскія, крестьянскія и инородческія. Различіе между ними опредѣляется не только источникомъ права городскаго, крестьянскаго и инородческаго населенія на занимаемую ими землю, но въ еще большей степени самымъ характеромъ и объемомъ этого права каждой изъ названныхъ группъ населенія.

Какъ видно изъ предыдущаго,[1]) въ недавнее время нѣкоторыя земли, правда, очень небольшое количество, находились въ пользованіи казаковъ;[2]) также извѣстное количество удобныхъ земель изъ находившихся ранѣе въ пользованіи крестьянъ было предоставлено въ пользованіе церковныхъ причтовъ. Съ упраздненіемъ 12-го коннаго казачьяго полка, находившіяся въ его пользованіи земли были возвращены въ распоряженіе Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и въ настоящее время входятъ въ число арендныхъ земель округа. Что-же касается церковныхъ земель, то вслѣдствіе состоявшейся, по желанію самого духовенства, замѣны земельнаго довольствія причтовъ ругой хлѣбной натуральной повинностью, которую несетъ все сельское населеніе, онѣ снова перешли въ фактическое пользованіе крестьянскихъ общинъ, изъ дачъ которыхъ были вырѣзаны ранѣе.[3]) Кое-гдѣ, правда,—въ Сосно-

[1]) Стр. 17 настоящей главы.

[2]) Въ 1835 г. отведены унтеръ-шихтмейстеромъ Пѣчкинымъ казакамъ 12-го коннаго полка.

[3]) Журн. Главн. Упр. Зап. Сиб. 9 ноября 1867 г. № 109.

вомъ Острогѣ Тутальской волости, напримѣръ,—отдѣльные представители мѣстнаго духовенства оспариваютъ эти земли у крестьянскихъ обществъ, тѣмъ не менѣе въ настоящее время церковныхъ земель, какъ особой категоріи землевладѣнія, нѣтъ въ Томскомъ округѣ; нѣтъ также и казачьихъ земель.

Всѣ городскія земли сосредоточены вблизи г. Колывани, лежащаго на лѣвомъ берегу р. Чауса, въ 11 верстахъ выше впаденія послѣдней въ р. Обь. Хотя г. Колывань и не входилъ въ число другихъ населенныхъ пунктовъ, подлежавшихъ настоящему изслѣдованію, тѣмъ не менѣе, въ виду существующихъ,—вѣрнѣе, существовавшихъ въ недавнемъ прошломъ земельныхъ отношеній между этимъ городомъ и окрестными селеніями, здѣсь необходимо болѣе подробно изложить наличныя условія землепользованія г. Колывани.

Въ 1848 г. былъ составленъ, согласно указу Сената отъ 20 іюня 1836 г.,[1]) планъ на дачу г. Колывани межевщикомъ Попугаевымъ, причемъ подъ выгонъ были отрѣзаны земли отъ слѣдующихъ сложныхъ общинъ: с. Чаусскаго, д.д. Подгорной и Скалинской 1329 десятинъ 1756 кв. саж. и изъ дачи д.д. Мельниковой, Большаго и Малаго Осипа и Киселевой 1307 дес. 1177 кв. саж., всего, слѣдовательно, 2637 дес. 533 кв. саж. Планъ этотъ, хотя и не былъ утвержденъ, какъ найденный межевой канцеляріей бывшаго Горнаго Правленія составленнымъ невѣрно, тѣмъ не менѣе городъ отмежеванными землями пользовался.

Въ 1856 г. д. Мельникова, входившая въ составъ сложной общины съ д.д. Большимъ и Малымъ Осипомъ и Киселевой, начала хлопотать о перечисленіи въ мѣщане г. Колывани, для чего и выправила себѣ увольнительный приговоръ отъ всей Чаусской волости. Причина стремленія Мельниковскаго общества къ выдѣленію изъ общины и вступленію въ составъ посторонняго до тѣхъ поръ мѣщанскаго общества, лежала въ ростѣ, какъ самой деревни, такъ и города, приведшемъ къ полному слитію ихъ между собой, такъ что въ моментъ возникновенія хлопотъ о перечисленіи Мельникова «отдѣлялась

[1]) Арх. дѣло № 9, 1838 г.

отъ него (города) только улицами и переулками». Въ теченіи многихъ лѣтъ шла совершенно безрезультатная переписка между различными учрежденіями мѣстными и центральными, и мельниковцы получали отказъ за отказомъ.

Одной изъ причинъ, препятствовавшихъ перечисленію, являлись существовавшія въ то время обязательныя отношенія населенія деревни къ горнымъ заводамъ, отношенія, которыхъ не знали городскіе мѣщане. Съ переходомъ 150 ревизскихъ душъ деревни въ мѣщанское общество, лежавшія на нихъ обязательства по исправленію заводскихъ работъ и всѣ другія натуральныя повинности должны были пасть на остальное крестьянское населеніе округа. Въ тоже время понесли бы убытокъ и заводы, лишившись 150 работниковъ. Какъ то, такъ и другое Горное Правленіе находило невыгоднымъ и нежелательнымъ и для населенія, и для заводоуправленія.

Только послѣ прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянскаго населенія къ заводамъ могло состояться перечисленіе. Но тутъ возникъ вопросъ о земляхъ, которыми до того пользовались крестьяне д. Мельниковой.

Горное Правленіе высказалось[1]) за отводъ Мельниковскому обществу 18 десятинъ земли подъ выгонъ и селитьбу изъ крестьянской дачи, согласно 2 п. 132 ст. Мѣст. положенія. Кабинетъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА согласился на сохраненіе за крестьянами права на выдѣлъ земель въ томъ случаѣ, если въ общемъ городскомъ выгонѣ земли окажется недостаточно. Земли, входившія въ крестьянскую дачу, должны быть «отобраны съ сохраненіемъ, однакожъ, за ними права пользоваться ими землями или частью ихъ на правахъ аренды за установленный въ пользу заводовъ оброкъ». Настоящее мнѣніе Кабинета получило утвержденіе Г. Министра Двора.[2])

По измѣренію губернскаго землемѣра Николаева, въ выгонѣ, отведенномъ Пугаевымъ, оказалось, вмѣсто 2637 десят. 533 кв. саж., которыя значатся по экспликаціи (2200 десят. 2340 кв. саж. удобной земли), —всего 2540 дес. 1040 кв. саж.

[1]) Журн. пост. Горн. Правленія 28 сент. 1867 г. за № 156.
[2]) 7 ноября 1870 г. № 3109.

(въ томъ числѣ удобной 1977 дес. 1267 кв. саж.) Вслѣдствіе этого Николаевъ проектировалъ прирѣзку еще 658 дес. отъ дачи д. Мельниковой, съ чѣмъ Горное Правленіе не согласилось. Тѣмъ не менѣе Николаевъ отрѣзку произвелъ, но уже 677 дес. 1616 кв. саж. удобной и 13 дес. 848 кв. саж. неудобной земли. Горное Правленіе не признало правильности этой отрѣзки,[1]) вслѣдствіе чего земли эти съ 1873 г. находились въ арендномъ содержаніи мѣщанъ г. Колывани за 214 р. 18 к. въ годъ.[2]) Окончательное перечисленіе крестьянъ въ мѣщане состоялось только въ 1874 г.,[3]) а въ 1891 г. послѣдовало согласіе Главнаго Управленія округа на оставленіе выгона въ прежнемъ пользованіи города.[4])

Послѣ перваго вычѣта (1848 г.), въ распоряженіи сложной общины Большаго, Малаго Осипа и др. деревень осталось 11,276 дес. удобной земли; отсюда нужно вычесть еще 677 д. 1616 кв. саж., отрѣзанныхъ Николаевымъ, и тогда мы получимъ цифру современнаго пользованія землею трехъ деревень сложной общины, отъ которой 20 лѣтъ назадъ отпала д. Мельникова.

Право на землю главной массы крестьянскаго населенія округа—такъ называемыхъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ въ настоящее время опредѣляется закономъ 8 марта 1861 г. Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого закона, необходимо ознакомиться съ нѣкоторыми фактами изъ исторіи изучаемаго края.

Заселеніе изслѣдованной части Томскаго округа началось одновременно съ постройкой г. Томска (1604 г.) и г. Кузнецка (1622 г.), между которыми былъ заложенъ рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ для охраненія края отъ набѣговъ инородцевъ—Сосновый Острогъ, Верхотомской и др. Рядъ другихъ остроговъ былъ воздвигнутъ по р. Оби: Уртамскій въ 1692 г., Умревинскій—1696 г., въ концѣ того же столѣтія Чаусскій и др. Такимъ образомъ, все пространство между рѣками Обью

[1]) Постан. 28 окт. 74 г. № 315.
[2]) Донесеніе аренднаго чиновника Бородухи 11 января 1891 г. № 2.
[3]) Отношеніе Томской Казен. Палаты 5 сент. 1874 г. № 18726.
[4]) 22 января 1891 г.

и Томью было ограждено двумя укрѣпленными линіями, между которыми возникали деревни и селились выходцы съ сѣвера Европейской Россіи. Особенно усилилось заселеніе края въ послѣдней четверти семнадцатаго и началѣ слѣдующаго столѣтія раскольниками, бѣжавшими въ Сибирь отъ московскихъ преслѣдованій. Ко времени появленія на Алтаѣ Демидова и затѣмъ перехода Алтайскаго округа въ вѣдѣніе Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, южная часть теперешняго Томскаго округа, какъ и округъ Кузнецкій, была уже довольно густо заселена. Заселеніе края извнѣ и разселеніе внутри его продолжалось и впослѣдствіи, не можетъ считаться законченнымъ и теперь.

Недостатокъ документальныхъ данныхъ не позволяетъ точно установить всѣ тѣ условія, на которыхъ происходило занятіе земель. Немного въ этомъ отношеніи удалось собрать фактовъ и при мѣстномъ изслѣдованіи, такъ какъ населеніе сохранило очень мало воспоминаній, относящихся къ болѣе ранней исторіи края, работы же въ мѣстныхъ архивахъ[1]) немогли имѣть мѣсто вслѣдствіе ограниченности времени, какимъ располагало изслѣдованіе. Несомнѣнно, однако, что условія эти были довольно разнообразны: одни изъ пришельцевъ, селившіеся по вызову правительства, получали десятинную пашню, другіе селились самовольно на пустующихъ или инородческихъ земляхъ, вытѣсняя прежнихъ владѣльцевъ и захватывая ихъ земли себѣ; селились и съ согласія самихъ инородцевъ, уступавшихъ свои земли за деньги, получали земли за сторожевую службу, и т. д. и т. д.

Вообще, всѣ имѣющіяся литературныя и архивныя данныя указываютъ, что первоначально мѣстное землевладѣніе представляло чрезвычайно пеструю картину, слагавшуюся подъ воздѣйствіемъ самыхъ разнообразныхъ вліяній. Къ началу текущаго и концу прошлаго столѣтія, т. е. къ тому времени, свѣдѣнія о которомъ, хотя и отрывочныя, могли быть получены при мѣстномъ изслѣдованіи, картина землевладѣнія русской части населенія края уже совершенно измѣняется, и характерной ея осо-

[1]) Церковный архивъ Соѣловаго Острога, архивъ Чаусскаго волостнаго правленія и нѣкоторые другіе.

бенностью является уже не пестрота, а напротивъ, однотонность. Покупка, пожалованіе и пр., какъ источникъ права на землю, уступаетъ мѣсто факту наличнаго пользованія, которымъ опредѣляется и фактъ владѣнія. Нивелирующимъ началомъ явилось обиліе свободныхъ земель, для пріобрѣтенія которыхъ требовалось только одно—трудъ, внѣшнимъ выраженіемъ котораго является захватъ. Ниже придется болѣе подробно говорить объ этой чертѣ, имѣющей чрезвычайно важное значеніе въ развитіи формъ землевладѣнія и землепользованія. Здѣсь же замѣтимъ только, что разъ простое приложеніе труда къ землѣ является источникомъ права на дальнѣйшее пользованіе и владѣніе ею, то тѣмъ самымъ всякій иной видъ пріобрѣтенія права на землю, образцы чего могутъ быть наблюдаемы въ XVII столѣтіи, теряетъ свое значеніе и изглаживается постепенно даже изъ памяти населенія. Границами пользованія и владѣнія были границы захвата отдѣльныхъ общинъ, будетъ ли то деревня, группа деревень, или цѣлая волость.

Въ такомъ именно положеніи застали русское землевладѣніе на Алтаѣ указы, послѣдовавшіе въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія и имѣвшіе въ виду установленіе опредѣленныхъ нормъ народнаго землевладѣнія и подчиненія имъ крестьянскаго и казачьяго населенія Алтайскаго округа. Казачьихъ селеній въ извѣстномъ районѣ пять, и это обстоятельство позволяетъ обойти молчаніемъ указъ 27 марта 1773 г., подчинявшій казачье землевладѣніе 6-десятинному надѣлу на душу. Для разсматриваемаго края важное значеніе имѣлъ другой изъ упомянутыхъ Высочайшихъ указовъ, именно указъ 13 февраля 1773 г. на имя Иркутскаго и Колыванскаго губернатора Якобія. Этимъ указомъ предписывалось снять окружною межою заселенныя земли, «чтобы видѣть, гдѣ есть еще удобныя мѣста къ поселенію».[1]) Второй указъ о размежеваніи относится къ 1787 г.,[2]) а 26 апрѣля 1797 г. состоялось Высочайшее повелѣніе «о надѣленіи крестьянъ пятнадцатидесятинной пропорціей».[3]) Къ работамъ по измѣренію и описанію земель было

[1]) Записка И. Ваганова и М. Брещинскаго: „Измѣреніе земель горнаго Алтайскаго округа". Въ Полномъ Собраніи Законовъ этого указа нѣтъ; не удалось также отыскать его и въ архивѣ бывшаго Горнаго Правленія.

[2]) А. Вагановъ: „Инородцы Алтайскаго округа", стр. 2.

[3]) Тамъ же. Въ Полн. Собр. Законовъ этихъ указовъ нѣтъ.

приступлено только въ 1820 г. Съемка производилась по инструкціи, составленной маркшейдеромъ Сметаниным, горными чинами, «къ дѣлу спеціально не подготовленными». Между тѣмъ это была не только съемка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическое изслѣдованіе края: въ программу входило опредѣленіе качества почвы и подпочвы, размѣровъ скотоводства, земледѣлія и главнѣйшихъ промысловъ, собираніе данныхъ о цѣнахъ на жизненные продукты, строительнаго матеріала, описаніе промышленныхъ заведеній, учетъ населенія и т. п.[1]) Въ теченіи семнадцати лѣтъ производились работы, и за это время былъ снятъ и описанъ почти весь Алтайскій округъ. Съемка производилась по границамъ фактическаго пользованія, устанавливаемаго черезъ опросъ выборныхъ отъ крестьянскихъ обществъ —«лучшихъ людей». Въ тоже время производились разсчеты, сколько каждому селенію требуется земли, а затѣмъ сколько отъ нанесенной на планъ дачи причтется отрѣзать или же прирѣзать, если земли въ ней мало. Нормой была принята 15-десятинная, получавшаяся изъ слѣдующихъ слагаемыхъ: на каждую мужскаго пола душу предполагалось нарѣзать, въ общее пользованіе всего селенія или группы таковыхъ, пашни по $7^1/_2$ десятинъ, сѣнокоса—5 дес. и выгонной, усадебной земли и лѣсу—$2^1/_2$ десятины.

На практикѣ подчиненіе крестьянскаго населенія опредѣленному земельному надѣлу ограничилось этими предварительными разсчетами да съемкой на планъ границъ фактическаго землепользованія населенія. Изъ этого видно, что измѣреніе земель 20-30 гг. имѣло характеръ предварительныхъ работъ для

[1]) Вообще, по мысли, эти работы должны были быть поставлены весьма широко, и будь онѣ выполнены сколько-нибудь удовлетворительно, онѣ дали бы драгоцѣнный матеріалъ, который и въ настоящее время имѣлъ бы огромное значеніе. Къ сожалѣнію, „неподготовленность“ исполнителей не могла не отразиться на работахъ. Выше уже было говорено о достоинствахъ собственно съемки и о той оцѣнкѣ, которую она впослѣдствіи получила со стороны спеціалистовъ межеваго дѣла и не спеціалистовъ. Не могла, разумѣется, не отразиться также неподготовленность и на другихъ сторонахъ работы, требовавшихъ гораздо больше и общихъ, и спеціальныхъ свѣдѣній, чѣмъ тѣ, какими располагали межевые чины того времени. Собранный ими матеріалъ не былъ подвергнутъ надлежащей разработкѣ, а тѣмъ болѣе критической оцѣнкѣ. Будучи систематизированный, да и то далеко не весь, во многихъ своихъ частяхъ давно утраченный, онъ въ настоящее время представляетъ груду цифръ и фактовъ, отрывочныхъ и разрозненныхъ, разбросанныхъ по экспликаціямъ плановъ, полевымъ журналамъ, земельнымъ таселямъ и пр. При всѣхъ своихъ недостаткахъ и отрывочности, этотъ матеріалъ единственный, который позволяетъ судить объ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія въ Алтайскомъ округѣ въ первую половину текущаго столѣтія.

производства въ будущемъ надѣла землей. Преслѣдуя чисто хозяйственныя цѣли, съемка сама по себѣ не вносила ничего новаго въ существовавшія отношенія населенія къ землѣ; она не имѣла и не могла имѣть никакого юридическаго значенія, которое болѣе упрочивало бы право крестьянскаго населенія на занимаемыя имъ земли; почему и не было надобности въ особомъ утвержденіи составленныхъ плановъ, которое и не производилось. Такимъ образомъ, трудъ въ формѣ перваго завладѣнія, выражаемый запашкой, косьбой и пр., по прежнему оставался единственнымъ источникомъ права на землю. Это не относится къ поселявшимся вновь въ округѣ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ, хотя далеко не во всѣхъ, получали отъ бывшаго Горнаго Правленія разрѣшеніе на водвореніе здѣсь.

Изъ предыдущаго не слѣдуетъ, что межевыя работы 20-30 г.г. вовсе не имѣли вліянія на формы народной жизни. Напротивъ, оно было очень велико въ области обычныхъ и междуобщинныхъ отношеній; эти работы не имѣли значенія лишь въ правовомъ смыслѣ, не вносили ничего новаго въ установившіяся и историческимъ путемъ сложившіяся правовыя отношенія.

Новымъ словомъ въ этой области явился законъ 8 марта 1861 г., которымъ опредѣляются права крестьянскаго населенія на землю и до сихъ поръ. Законъ этотъ говоритъ слѣдующее: «Впредь до приведенія въ извѣстность и разграниченія земель Алтайскаго горнаго округа, крестьянамъ, въ немъ поселенным, предоставляется пользованіе всѣми усадебными, пашенными, сѣнокосными и другими угодьями въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ угодья сіи состояли въ ихъ пользованіи до 1861 г.[1]) Освобождая крестьянское населеніе округа отъ обязательнаго труда на заводы, тотъ же самый законъ призналъ за нимъ и право на пользованіе занимаемыми землями. Самое упоминаніе 1861 года, т. е. момента изданія закона, указываетъ на то, что законъ 8 марта имѣетъ въ виду фактическое землепользованіе даннаго времени, а не границы прежняго межеванія, отвѣчавшія дѣйствительности только тогда, когда производилась самая

[1]) „Положеніе о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ"; гл. 5, ст. 87.

съемка, да въ ближайшее къ ней время. Иначе и быть не могло, какъ потому, что планы 20-30 г.г. не имѣли никакой юридической силы, такъ и потому, что со времени межеванія границы претерпѣли крупныя измѣненія, что будетъ показано ниже, не только путемъ захватовъ и расширенія землепользованія, но также черезъ передѣлы земли между селеніями, отрѣзки и прирѣзки, производившіяся съ вѣдома, а нерѣдко и при непосредственномъ участіи Горнаго Правленія, земскихъ управителей и другихъ мѣстныхъ агентовъ правительственной власти. Такимъ образомъ, Положеніе 8 марта вводило крестьянское землевладѣніе въ опредѣленныя рамки фактическаго пользованія даннаго момента, а вмѣстѣ съ тѣмъ до общаго размежеванія, подъ чѣмъ нужно понимать общее поземельное устройство крестьянскаго населенія въ округѣ, никакія «прирѣзки» и «отрѣзки» не должны были имѣть мѣста.

Въ такомъ именно смыслѣ и былъ понятъ законъ 8 марта, какъ Горнымъ Правленіемъ, мѣстными мировыми учрежденіями и пр., такъ и населеніемъ; такіе онъ понимается многими и теперь. Этимъ только и можно объяснить, что и въ настоящее время не рѣдко можно встрѣтить селенія, не имѣющія ни малѣйшаго представленія о положеніи плановыхъ границъ и знающія лишь границы фактическаго пользованія или установленныя путемъ полюбовныхъ развертокъ. Но въ 1869 г., по частному вопросу объ образованіи оброчныхъ статей въ крестьянскихъ дачахъ, послѣдовало разъясненіе Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, а также распоряженіе генералъ-губернатора Западной Сибири[1]) о томъ, что границами крестьянскаго пользованія должно признавать границы не фактическаго пользованія, бывшаго въ 1861 г., а установленныя межевыми работами 20-30 г.г. и позднѣйшими.[2]) Это разъясненіе ставило вопросъ на совершенно новую почву, придавъ планамъ прежняго межеванія характеръ безспорныхъ юридическихъ документовъ, какого

[1]) 13 іюля 1869 г. № 813.

[2]) „Допустивъ это (пользованіе по фактическимъ границамъ) послабленіе, нарушались бы всѣ основанія для опредѣленія юридическихъ правъ крестьянъ на землю, какъ въ настоящее время, такъ, въ особенности, при будущемъ душевомъ ихъ надѣлѣ. Земель, самовольно захваченныхъ, въ округѣ много; вѣрно опредѣлить, когда захватъ послѣдовалъ—до 61 г. или послѣ,—почти невозможно, такъ какъ всѣ показанія объ этомъ будутъ дѣлаться самими крестьянами". Предл. Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ 11 окт. 1869 г. за № 2919.

ранѣе они никогда неимѣли. Однимъ изъ практическихъ послѣдствій этого было возникновеніе массы земельныхъ споровъ, вызываемыхъ желаніемъ многихъ крестьянскихъ обществъ возстановить границы прежняго межеванія, какъ болѣе выгодныя для нихъ, въ ущербъ сосѣднимъ общинамъ, фактическія границы которыхъ шире плановыхъ.

Чтобы закончить рѣчь объ основныхъ положеніяхъ, обусловливающихъ права бывшихъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ на землю, нужно сказать о тѣхъ ограниченіяхъ, какія установлены для пользованія лѣсомъ, ростущимъ внутри крестьянскихъ дачъ. Въ дореформенное время приписные къ заводамъ крестьяне пользовались лѣсомъ изъ боровъ, по особымъ билетамъ, выдававшимся горными конторами и бывшимъ Горнымъ Правленіемъ. Опредѣленной нормы не существовало: размѣры пользованія зависѣли отъ «дѣйствительной потребности», которая устанавливалась общественнымъ приговоромъ. Если эта потребность была ниже 50 бревенъ на дворъ, разрѣшеніе давалось Горной Конторой; если же выше Горнымъ Правленіемъ. Для рубки указывался боръ и дѣлянка; затѣмъ—никакого дальнѣйшаго надзора, регулированія пользованія со стороны горной администраціи не было. Отпускъ производился изъ извѣстныхъ болѣе или менѣе крупныхъ боровъ, которые такъ или иначе охранялись или, по крайней мѣрѣ, должны были охраняться. Болѣе мелкіе бора, такъ называемые «отборки», иногда очень значительные по пространству, но не имѣвшіе значенія для общаго заводскаго хозяйства, а также кедровники, березовыя дубровы и пр., были внѣ контроля горнозаводской администраціи и фактически, на ряду съ другими угодьями, состояли въ пользованіи населенія.

Послѣ освобожденія населенія отъ обязательнаго труда необходимо долженъ былъ возникнуть вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ лѣсу. Въ 1866 г. управляющій лѣсною частью Машуковъ внесъ въ Горный Совѣтъ проэктъ о сохраненіи безплатнаго отпуска лѣса за различными категоріями мѣстнаго населенія, въ числѣ другихъ и за бывшими приписными крестьянами на ихъ общественныя и личныя надобности. Проэктъ этотъ черезъ Горный Совѣтъ поступилъ въ Кабинетъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, который призналъ право крестьянъ на безплат-

ный отпускъ лѣса,[1]) какъ вытекающее изъ закона 8 марта 1861 г. Этимъ распоряженіемъ и по настоящее время опредѣляются отношенія крестьянскаго населенія къ борамъ въ смыслѣ безплатнаго пользованія мѣснымъ матеріаломъ.

Прежній порядокъ сохранялся еще въ теченіи 17 лѣтъ, когда Главное Управленіе округа установило норму безплатнаго отпуска,[2]) впослѣдствіи нѣсколько разъ измѣнявшуюся въ сторону пониженія.[3]) Принципіально этимъ дѣло нисколько не измѣнялось: «отборки», дубравы и пр. по прежнему оставались въ пользованіи тѣхъ общинъ, въ границахъ которыхъ они произрастали. Горное Правленіе не разъ, по различнымъ частнымъ поводамъ, высказывалось въ смыслѣ отрицанія за населеніемъ права на пользованіе лѣсомъ въ иной формѣ, кромѣ полученія по такъ называемымъ валовымъ билетамъ,[4]) а вмѣстѣ съ тѣмъ и права распоряженія лѣсами, поступившими въ крестьянскихъ дачахъ. Учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ всегда опротестовывали этого рода распоряженія Управленія, и протесты эти за необжалованьемъ въ Сенатъ или слишкомъ поздпимъ обжалованьемъ входили въ законную силу. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ рѣшеніе по дѣлу с. Енисейскаго, которое вошло въ законную силу и обжалованье на которое оставлено Сенатомъ безъ разсмотрѣнія за пропускомъ установленнаго срока.[5]) Не меньшій интересъ представляетъ дѣло о заготовкѣ дегтя въ Воскресенской дачѣ[6]) и нѣкоторыя другія.

Въ принципіальномъ отношеніи этотъ вопросъ и теперь находится въ томъ же положеніи, какъ и 30 лѣтъ назадъ. Въ смыслѣ же практической постановки дѣла наблюдаются нѣко-

[1]) „...Признавая, что бывшіе приписные къ заводамъ крестьяне, сохранившіе по указу 8 марта 1861 года, за 6-рубленый съ души оброкъ, всѣ прежнія земли и угодья, должны также сохранить и право на даровое пользованіе дровянымъ и строевымъ лѣсомъ, на собственныя, впрочемъ, потребности, впредь до ограниченія земельнаго ихъ надѣла и подчиненія затѣмъ общимъ правиламъ о крестьянахъ, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ". Распоряж. Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 31 авг. 1867 г. № 2439.

[2]) Распоряж. Начальника Алтайск. округа 10 окт. 1883 г. № 3803.

[3]) Въ Томскомъ округѣ въ Рожневскомъ и Кудряшевскомъ борахъ, сокращенія были произведены въ 1889 году.

[4]) 1 янв. 1884 г.

[5]) „Дѣло о сдиркѣ бересты и сидкѣ дегтя въ дачѣ крестьянами деревень Новоселовой и Нововоскресенской. 1883 г. № 66.

[6]) 1 янв. 1884 г.

торыя измѣненія, которыя не могутъ быть пройдены молчаніемъ. Къ числу такихъ измѣненій должно быть отнесено и распоряженіе Начальника Алтайскаго округа о «безусловномъ воспрещеніи рубки лѣса ближе 5 верстъ отъ городовъ и селъ, въ Алтайскомъ округѣ находящихся».[1]) Мѣра эта должна быть разсматриваема, какъ преслѣдующая общія цѣли сохраненія лѣсовъ, и ни мало не вытекаетъ изъ тѣхъ или иныхъ принциповъ пользованія землею какой-либо изъ мѣстныхъ группъ населенія. Если гдѣ-нибудь въ Алтайскомъ округѣ эта мѣра и возъимѣла дѣйствіе, то въ изслѣдованномъ районѣ ея вліяніе въ первые годы рѣшительно ничѣмъ не отразилось, и только года два-три назадъ, и то лишь кое-гдѣ крестьянскія общества стали встрѣчать со стороны мѣстныхъ представителей лѣснаго надзора препятствія къ пользованію лѣсомъ въ своихъ поскотинахъ.[2])

Другой мѣрой, не опредѣляемой никакимъ спеціальнымъ распоряженіемъ, было подчиненіе нѣкоторыхъ борковъ общему надзору за борами и запрещеніе пользоваться ими. Мѣра эта опять таки примѣнялась далеко не вездѣ, тѣмъ не менѣе практическія послѣдствія ея очень ощутительны и выражаются въ усиленной рубкѣ тѣхъ самыхъ борковъ, которые еще недавно были «въ заказѣ».[3])

Этими немногими чертами здѣсь можно и ограничиться, такъ какъ въ послѣдующемъ изложеніи не разъ придется возвращаться по различнымъ поводамъ къ вопросу о пользованіи лѣсомъ крестьянскаго населенія.

Совершенно въ иномъ положеніи относительно земли находится другая изъ основныхъ группъ населенія, болѣе древняя, чѣмъ приписные крестьяне-инородцы Чатской, Темерчинской, Мало-Коряковской, Телеутской и Кумышской 1-й половины управъ, входящихъ въ составъ изслѣдованнаго района. Не представляютъ эти управы и сами по себѣ чего-нибудь однороднаго, цѣльнаго, въ особенности Кумышская и Темерчинская, отличающіяся въ разсматриваемомъ отношеніи столько же отъ

[1]) Сообщ. Томскому Губернатору отъ 4 ноября 1883 г., за № 4752.

[2]) Д.д. Карпысакъ, Моткова, Аланова Кайлинской волости и др.

[3]) С. Гутово, д.д. Шубкина, Кусьмень и др. Кайлинской вол.

окружающаго русскаго населенія, какъ и отъ остальныхъ инородцевъ, отъ послѣднихъ даже болѣе. Въ виду этого Кумышскую и Темерчинскую управы удобнѣе разсматривать отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ.

Инородцы, исконные обитатели страны, основываютъ свое право на землю на различныхъ царственныхъ актахъ, которыми упрочивалось инородческое землевладѣніе и вообще положеніе инородцевъ въ краѣ, все болѣе и болѣе занимаемомъ русскими выходцами. Характеръ и юридическое значеніе этихъ документовъ далеко не одинаковы и не равноцѣнны: тутъ и дѣйствительно жалованныя грамоты, и данныя на землю различныхъ воеводскихъ канцелярій—Тарской, Томской, Кузнецкой, и «выписи» изъ рѣшеній тѣхъ же канцелярій и различныхъ судебныхъ учрежденій, и т. д., и т. д. Всѣ эти документы въ глазахъ инородцевъ имѣютъ одинаковую важность, всѣми ими они обосновываютъ свое право владѣнія въ многочисленныхъ спорахъ, которыми сопровождаются отношенія инородцевъ и русскихъ едва ли не съ перваго дня появленія послѣднихъ на Алтаѣ. Если къ этому прибавить, что самые древніе документы, которые опредѣляли дѣйствительно право на землю, въ большинствѣ случаевъ инородцами утрачены,[1]) и о нихъ сохранилось лишь неясное представленіе, то станетъ очевидной запутанность вопроса объ инородческомъ землевладѣніи.

Кабинетъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА основываетъ свое право на земли, находящіяся въ пользованіи инородцевъ въ предѣлахъ Алтайскаго округа на ст. 1084 т. VII Уст. Горн., которая гласитъ слѣдующее: «Алтайскимъ заводамъ принадлежатъ всѣ находящіяся на пространствѣ ихъ горнаго округа земли, лѣса, озера, рѣки, рудники, пріиски, ломки цвѣтныхъ камней и заводы». Границы же Алтайскаго округа точно опредѣлены закономъ; онѣ объемлютъ и земли, находящіяся въ пользованіи инородцевъ. Кромѣ того, по находящимся въ архивѣ Главнаго Управленія планамъ 50-хъ годовъ Орскій боръ, который ино-

[1]) Для поясненія достаточно привести слѣдующій фактъ: „...въ 1782 году, по распоряженію Директора Экономіи, были отобраны отъ инородцевъ 483 владѣнные указы на землю на томъ основаніи, что акты эти выдавались не по царскимъ грамотамъ, а по указамъ одной Кузнецкой воеводской канцеляріи, воеводами, не имѣющими полномочія ни представлять въ даръ огромныя пространства лучшихъ земель, ни раздавать ихъ въ безвозмездное пользованіе". Записка А. Ваганова: „Инородцы Алтайскаго округа", стр. 2.

родцы Акбалыкскихъ юртъ считаютъ имъ принадлежащимъ, быть приписанъ къ Салаирскимъ заводамъ и принадлежитъ, какъ сказано въ экспликаціяхъ на этихъ планахъ, помянутымъ заводамъ.

Можетъ быть, здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить тотъ фактъ, что всѣ инородцы Томскаго округа одно изъ доказательствъ своихъ правъ на землю видятъ въ отсутствіи оброчной подати съ нихъ въ доходъ Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, какую несутъ окрестные крестьяне Алтайскаго округа. Пользованіе кабинетскими землями въ ихъ глазахъ обусловливается несеніемъ оброчной подати; инородцы же, что будетъ видно въ главѣ о податяхъ, несутъ оброкъ въ доходъ казны по 2 руб. 41 коп. съ ревизской души. Если припомнить, что оброчная подать въ Алтайскомъ округѣ имѣетъ своимъ источникомъ переводъ на деньги стоимости обязательнаго труда, какой несли приписные крестьяне въ пользу заводовъ до 8 марта 1861 г., то отсутствіе оброчной въ доходъ Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подати у инородцевъ, которые не знали обязательнаго заводскаго труда, является вполнѣ понятнымъ.

Другое доказательство инородцы видятъ въ фактѣ уголовной ссылки на ихъ земли, тогда какъ Алтайскій округъ освобожденъ отъ ссылки съ 1808 года.[1]) Въ инородческія селенія Телеутской, Чатской управъ до послѣдняго времени практиковалась ссылка, какъ селили ссыльныхъ и въ д. Батуриной Уртамской волости, которая и ростомъ своимъ обязана ссылкѣ. Въ главѣ о населеніи собраны данныя о распредѣленіи ссыльныхъ по инороднымъ управамъ.

Совершенно иное положеніе занимаютъ инородцы Кумышской 1-й половины управы, разсѣянные по крестьянскимъ селеніямъ Кайлинской и отчасти Тутальской волостей, а также инородцы юртъ Каштаковскихъ, въ настоящее время составляющихъ самостоятельную инородную управу.

Утративъ представленіе о своемъ происхожденіи, языкъ и пр., эти инородцы въ тоже время не сохранили воспоминаній и о первоначальныхъ своихъ отношеніяхъ къ землѣ, изъ ко-

[1]) Высочайше утвержденный докладъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи и Управляющаго Кабинетомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 18 іюня 1808 года.

торыхъ могли бы выводить свое право на землю. Ничего этого нѣтъ. Живутъ они почти вездѣ совмѣстно съ русскими, пользуясь вмѣстѣ съ ними землей, въ рѣдкихъ случаяхъ нѣкоторыми угодьями — сѣнокосами, напримѣръ, — обособленно. Исключеніе составляютъ каштаковцы, которые говорятъ, что нѣкогда у нихъ была грамота на земли, выданная при Петрѣ I, но утрачена въ началѣ этого столѣтія. Говорятъ что, когда-то и дача была имъ отведена, но когда и кѣмъ объяснить не умѣютъ. Вообще, всѣ эти воспоминанія весьма неопредѣленны и смутны, и на современныя земельныя отношенія вліянія не имѣютъ.

Была также отведена дача и инородцамъ д. Тугучина Кумышской управы.[1]) но ни границы этой дачи, ни времени и обстоятельствъ ея отвода инородцы не помнятъ. Всѣ остальные инородцы Кумышской управы, проживающіе въ 15 селеніяхъ (кромѣ Тугучина): въ 9 селеніяхъ Кайлинской волости, 3—Тутальской и 3 -Тареминской волостей Кузнецкаго округа, не имѣютъ своихъ дачъ, отдѣльныхъ отъ крестьянъ тѣхъ деревень, въ которыхъ они проживаютъ.

Когда, въ концѣ 20-хъ г.г. настоящаго столѣтія производилось надѣленіе 15-десятинной пропорціей земли тѣхъ инородцевъ, которые пользовались меньшимъ количествомъ ея, Горнымъ Правленіемъ было предписано шихтмейстеру Залѣсову произвести отводъ также и инородцамъ Кумышской управы. Надѣлъ этотъ, однако, не состоялся, такъ какъ инородцы отказались отъ принятія особаго надѣла и просили оставить ихъ пользоваться землей совмѣстно съ крестьянами, «какъ прежде было». Инородческимъ старшиной былъ созванъ сходъ «лучшихъ людей» Тугучина, Шумиловой, Сурковой и др. деревень, которые и дали за всѣхъ инородцевъ подписку въ томъ, что они не желаютъ принимать 15-десятиннаго надѣла, такъ какъ ими подано прошеніе ревизовавшимъ около того времени Сибирь сенаторамъ о выселеніи изъ Алтайскаго округа. Этимъ дѣло и ограничилось: инородцы не выселились,

[1]) Изъ архивныхъ дѣлъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа видно, что инородцамъ д. Тугучина дача была отведена во время общаго межеванія и съемки земель, находившихся въ пользованіи крестьянъ деревни того же имени, въ 29 г.; нарѣзано „по окружной чертѣ" 29 верстъ 250 саж., а „внутри 6556 дес. 131 саж." Арх. дѣло № 1561.

оставшись на прежнихъ мѣстахъ, и пользуются землей совмѣстно съ крестьянами, «какъ прежде было».

Въ общихъ чертахъ совершенно таково-же положеніе нѣсколькихъ семей инородцевъ Шуйской управы (въ Кузнецкомъ округѣ), проживающихъ въ деревняхъ Глядѣнѣ и Васиной Кайлинской волости. Взаимныя земельныя отношенія инородцевъ и русскихъ крестьянъ, въ дачахъ которыхъ первые пользуются землей, будутъ очерчены ниже.

Говоря о существующихъ правовыхъ отношеніяхъ основныхъ группъ населенія къ занимаемымъ ими землямъ, нельзя пройти молчаніемъ государственныхъ крестьянъ и ссыльныхъ Уртамской и Спасской волостей, нѣсколько селеній которыхъ въ ближайшемъ будущемъ фактически будутъ присоединены къ Алтайскому округу. Всѣ эти селенія вошли въ округъ настоящаго изслѣдованія.

Въ 1832 г. Начальникъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ «ходатайствовалъ предъ Министромъ Финансовъ о проведеніи въ натурѣ черты сѣверо-восточной части заводскаго округа для того, чтобы частные золотопромышленники не могли заходить съ своими поисками въ черту заводскаго округа, и чтобы заводское начальство имѣло опредѣлительную возможность недопускать къ поиску золота въ заводской грани».[1]) Опредѣленіе границы Министръ Финансовъ нашелъ необходимымъ; что же касается до проведенія ея въ натурѣ согласно «межевымъ правиламъ» «весьма продолжительнымъ и неудобнымъ», а потому «полагалъ границы эти только точнѣе опредѣлить».[2]) Описаніе этихъ границъ находится въ приложеніи къ 2431 ст. VII тома свода законовъ, опредѣляющей мѣстности, въ которыхъ можетъ быть допускаема частная золотопромышленность.[3])

При проведеніи этой границы чинами Горнаго Правленія

[1]) Записка Кабинету ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА А. Ваганова: „Споръ о проведеніи сѣверо-восточной и сѣверной границъ Алтайскаго горнаго округа".

[2]) Тамъ же.

[3]) „...Сѣверо-восточная .. по хребту Алатау, съ исходомъ верховьевъ рѣчекъ, впадающихъ въ р. Томь съ правой стороны, до крайняго заводскаго селенія Кафтанчикова, стоящаго на р. Томи выше города Томска, по проведенной въ натурѣ межѣ; отъ сего селенія въ прямую линію на рѣку Обь къ селу Уртамскому, состоящему въ Томскомъ округѣ; потомъ по чертѣ Каинскаго округа къ озеру Чанамъ, что будетъ съ западной стороны". Приложеніе къ ст. 2431.

возникъ споръ между заводскимъ вѣдомствомъ и Казенной Палатой о томъ, какъ должна идти граница согласно имѣющемуся въ ст. 2431 описанію. Казенная Палата настаивала на томъ, что, дойдя отъ д. Кафтанчиковой до р. Оби «къ селу Уртамскому», граница не должна переходить р. Обь, а повернуть правымъ ея берегомъ до устья р. Чауса, а отсюда на границу Кайнскаго округа и озера Чаны. Основаніе для такого толкованія Казенная Палата видѣла въ томъ, что Уртамская и Спасская волости населены государственными крестьянами, никогда не бывшими въ обязательныхъ отношеніяхъ къ заводскому вѣдомству, и въ томъ, что земли по лѣвому берегу р. Оби, отъ рѣчки Кинды до устья р. Чауса, «по писцовой книгѣ 1703 года», числятся за татарами юртъ Орскихъ и Акбалыцкихъ, и за ними признаны были по рѣшеніямъ 1796 и послѣдующихъ годовъ.

Горное Правленіе понимало описаніе той-же границы иначе, именно въ смыслѣ перехода ея черезъ р. Обь къ с. Уртамскому, а отсюда «прямой линіей» къ озеру Чанамъ. При этомъ направленіи границы къ Алтайскому округу присоединялось изъ различныхъ волостей 269,450 дес. земли съ населеніемъ въ 6203 души, не состоявшихъ ранѣе въ обязательныхъ отношеніяхъ къ заводамъ Алтайскаго округа.

Споръ этотъ законченъ въ 1894 году по соглашенію Министровъ Императорскаго Двора и Государственныхъ Имуществъ.

Въ настоящее время проводится граница, сообразно съ этимъ соглашеніемъ, и въ вѣдѣніе Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отходятъ слѣдующія деревни: с. Спасское, д.д. Батурина и Ипатова Спасской волости и с. Ворново, д.д. Чигина, Батурина, Ерестная, Еловка, Екимова, Крупникова и Луговая (Шалаевскій выселокъ) Уртамской волости. Кромѣ того, юрты Каштаковскія вся, Мало-Коряковская управа и юрты Акбалыцкія Чатской управы.

Относительно инородческихъ управъ уже было говорено ранѣе, кто же касается крестьянскихъ селеній, то изслѣдованіе располагаетъ слѣдующими данными. Селенія Спасской волости имѣютъ земли по отводу 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія; кромѣ того, въ послѣдніе годы (въ 1893 г.) были на-

рѣзаны проэктные надѣлы по 15 десятинъ на душу. С. Спасское, принадлежа къ числу самыхъ древнихъ въ этой мѣстности, пользуется землей совмѣстно съ инородцами юртъ Казанскихъ Чатской управы. Д. Кондинская, большая часть населенія которой—бывшіе государственные крестьяне Спасской волости, хотя самая деревня числится въ Ояшинской, имѣетъ общую дачу съ 3 другими селеніями Ояшинской же волости Смокотниной, Кафтанчиковой и Калтаемъ; въ двухъ послѣднихъ, кромѣ бывшихъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, живутъ также инородцы Чатской управы. Къ Спасской же волости относится и д. Ботева, лежащая среди земель заводскаго вѣдомства въ Тутальской волости. Объясненіе этого факта находится въ томъ, что многіе крестьяне Спасской волости съизлавна жили по заводскимъ селеніямъ притомскаго района. Въ 1874 г., по иниціативѣ Главнаго Управленія Алтайскаго округа, всѣ государственные крестьяне Спасской волости были причислены по мѣсту жительства и подчинены оброку, которымъ обязано заводское населеніе Кабинету ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Въ это время всѣ деревни Болтовскаго сельскаго общества, кромѣ Тарабыкиной,[1]) входили въ составъ Спасской волости и были причислены къ Тутальской. Исключеніе составила д. Ботева, оставшаяся приписанной по прежнему къ Спасской вол. Томскаго округа Впрочемъ, часть населенія Ботевой числится по Тутальской волости.

Въ Уртамской волости, по даннымъ, сообщеннымъ Томской Губернской Чертежной, имѣютъ опредѣленный надѣлъ лишь д.д. Батурина, сидящая на землѣ инородцевъ юртъ Акбалыцкихъ, Воронова и Екимова; всѣ же остальныя пользуются землей изъ пустолежащихъ пространствъ—д.д. Кругликова, Луговая и др. Уртамская, отчасти и Спасская волости населены главнымъ образомъ ссыльными и ихъ потомствомъ; но въ послѣдніе годы ссылка сюда пріостановлена.

Какъ видно изъ предыдущаго, колонизація Томскаго округа, какъ и вообще Алтая, далеко еще не закончена. Переселенія изъ Европейской Россіи направляются и сюда, на ря-

[1]) Д. Болтова, Балахнина, двѣ Шубины и Истомина. Тарабыкина же и ранѣе принадлежала къ Тутальской волости.

ду съ остальными мѣстностями обширнаго Алтайскаго округа, хотя, правда, и нѣсколько слабѣе. Прибывающіе переселенцы селятся, какъ въ уже существующихъ, такъ и во вновь образуемыхъ селеніяхъ; для послѣднихъ земли отводятся главнымъ образомъ изъ пустолежащихъ, но иногда также и изъ бывшихъ уже въ пользованіи крестьянъ-старожиловъ, входившихъ въ составъ ихъ дачъ.

Приселеніе къ уже существующимъ селеніямъ старожиловъ не можетъ представлять съ разсматриваемой точки зрѣнія сколько-нибудь значительнаго интереса, такъ какъ самый фактъ приселенія новыхъ лишь къ уже существующей общинѣ ничего не измѣняетъ и не вноситъ новаго въ правовыя отношенія этой послѣдней къ землѣ. Каждый вновь присоединяющійся къ такой общинѣ цѣликомъ принимаетъ установившіяся до него отношенія. Алтайскій округъ, въ частности же изслѣдованная часть его—Томскій округъ, въ виду неокончательнаго устройства крестьянскаго населенія и его временно-обязательныхъ отношеній къ заводскому вѣдомству, представляетъ лишь то отклоненіе отъ общаго порядка, что здѣсь, кромѣ обычнаго согласія общины на пріемъ новаго члена, требуется еще, какъ упоминалось въ предыдущей главѣ, дополнительное согласіе Главнаго Управленія Алтайскаго округа, въ вѣдѣніи котораго находятся всѣ алтайскія земли. Безъ этого условія не можетъ состояться причисленіе.

Водвореніе переселенцевъ во вновь образуемыхъ заселкахъ первоначально предполагалось допустить на слѣдующихъ условіяхъ. Заселки должны быть открываемы только «на свободныхъ заводскихъ земляхъ, ни къ рудникамъ и заводамъ, ни къ крестьянскимъ селеніямъ не приграниченныхъ». Размѣръ надѣла опредѣленъ количествомъ «не менѣе 15 десятинъ на душу удобной земли съ нѣкоторымъ, на случай увеличенія населенія, запасомъ». Размѣръ этого запаса точно опредѣленъ не былъ, -ставилось лишь общее положеніе, что величина его должна отвѣчать мѣстнымъ обстоятельствамъ и нуждамъ самихъ переселенцевъ. До полученія разрѣшенія на водвореніе, переселенцы должны были лично осмотрѣть земли и убѣдиться въ ихъ пригодности для заселенія. Никакими льготами, которыми сопровождается переселеніе на казенныя земли, пере-

селенцы не должны пользоваться, «но во всякомъ случаѣ отпускать вновь прибывшимъ крестьянамъ безплатно небходимый на постройки усадебъ лѣсъ и топливо наравнѣ съ бывшими приписными къ заводамъ крестьянами. Отводить участки и давать разрѣшеніе на водвореніе въ нихъ можетъ только Горное Правленіе (нынѣшнее Главное Управленіе Алтайскаго округа).[1])

Водворившійся и причисленный переселенецъ подчинялся всѣмъ дѣйствующимъ положеніямъ относительно крестьянъ старожиловъ. Наравнѣ съ ними онъ подчинялся шестирублевому оброку съ ревизской души, а вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени прикрѣплялся къ землѣ: выходъ изъ Алтайскаго округа допускался лишь въ двухъ случаяхъ: если общество обязывалось за выбывающаго уплачивать оброкъ на все будущее время, или же выселяющійся долженъ былъ положить въ казначейство сумму, проценты съ которой равнялись бы слѣдующему съ него въ годъ оброку.[2]) Впослѣдствіи, по представленію Начальника Алтайскаго округа В. К. Болдырева, это правило отмѣнено, и переселенцамъ открытъ свободный выходъ изъ Алтайскаго округа.[3])

На основаніи всѣхъ этихъ положеній, въ предѣлахъ Томскаго округа разновременно было открыто на свободныхъ земляхъ нѣсколько новыхъ переселенческихъ заселковъ, о которыхъ говорилось уже не разъ: Дубровскій, Сѣверный, Сидоровскій и др.

Всѣ эти новые заселки присоединены къ ближайшимъ волостямъ Тутальской и Чаусской. Приселеніе въ нихъ производится Главнымъ Управленіемъ по особымъ разрѣшительнымъ свидѣтельствамъ, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы на душу не было въ среднемъ менѣе 15 десятинъ удобной земли. Разъ состоялось разрѣшеніе и перечисленіе, положеніе переселенцевъ ничѣмъ не отличается отъ положенія старожиловъ—платежи, повинности и пр. несутъ одинаково, какъ тѣ, такъ и другіе.

---

[1]) 30 іюля 1865 г. Основанія для водворенія переселенцевъ, выработ. Кабинетомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

[2]) Распоряженіе Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 10 апр. 1880 г., № 826.

[3]) Распоряженіе Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 22 окт. 1893 г.

Право перехода изъ одного участка въ другой, изъ участка въ старое селеніе и обратно для переселенцевъ всегда было свободно въ той же степени, какъ и для всякаго старожила. Въ послѣднее время, опять-таки наравнѣ съ старожилами, они пользуются и правомъ выселенія за предѣлы Алтайскаго округа. Впрочемъ, положеніе старожиловъ по отношенію передвиженія нѣсколько менѣе благопріятно, и здѣсь это необходимо отмѣтить. Согласно дѣйствующимъ въ Алтайскомъ округѣ правиламъ, старожилы не могутъ выселяться на пустопорожнія земли и образовать новыя селенія, но это не служитъ препятствіемъ къ переселенію на уже существующіе участки, открытые для переселенцевъ, прибывающихъ извнѣ Алтайскаго округа.[1])

На практикѣ образованіе переселенческихъ участковъ не ограничилось одними пустолежащими землями: подъ нихъ отводились иногда и земли ранѣе занятыя, входившія въ крестьянскія дачи. Въ этомъ случаѣ требуется лишь согласіе общества старожиловъ на уступку части находящейся въ ихъ распоряженіи земли подъ переселенческій заселокъ, и это согласіе должно быть выражено въ формѣ общественнаго приговора. Такимъ именно образомъ были образованы поселки Гусиный Бродъ Кривощековской и Владиміровка Кайлинской волости. Для образованія перваго изъ этихъ поселковъ дали приговоръ д.д. Камень, Изрева и Жеребцова—все общины однодеревенскія; для образованія Владиміровскаго поселка приговоръ былъ данъ сложной общиной, состоящей изъ трехъ деревень—Чемской, Агафонихи и Дергоусовой. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ уступленная обществами площадь земель оказалась недостаточной для образованія поселка, почему была произведена дополнительная прирѣзка изъ пустопорожнихъ земель.

1,669,039 десятинъ, которыми, по имѣющимся плановымъ даннымъ, опредѣляется площадь земель, состоящихъ въ пользованіи крестьянскаго и инородческаго населенія, распредѣля-

---

[1]) Распоряженіе Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 1871 г., № 473.

ются въ слѣдующей послѣдовательности.[1]) Наибольшимъ количествомъ земли располагаетъ Ояшинская волость, площадь которой опредѣляется въ 388 тысячъ десятинъ; немного менѣе Кайлинская волость—387 тысячъ десятинъ. Затѣмъ слѣдуютъ Тугальская и Кривощековская волости—въ первой 308 тыс., во второй 302 тысячи десятинъ. Изъ волостей съ горнозаводскимъ крестьянскимъ населеніемъ наименьшая по пространству—Чаусская, имѣющая 150 тысячъ десятинъ. Ни одна изъ остальныхъ волостей и управъ, по сравненію съ перечисленными, не имѣетъ уже сколько-нибудь значительной площади: Мало-Коряковская управа имѣетъ 66 тысячъ десятинъ, Уртамская—44 тысячи, Спасская—9 тыс., наконецъ, Чатская управа и юрты Константиновы (Костенкины) Телеутской управы не имѣютъ и одной тысячи каждая.

Эти цифры не даютъ представленія о количествѣ земли, какимъ располагаютъ инородцы Кумышской и Шуйской управъ, пользующіеся землей совмѣстно съ крестьянами Кайлинской волости, инородцы, Телеутской управы (кромѣ юртъ Константиновыхъ), земли которыхъ замежеваны въ общую дачу съ крестьянами д. Поперечнаго Искитима, и пр. Уменьшая такимъ образомъ площадь земель, находящихся въ фактическомъ пользованіи инородцевъ, тѣ-же цифры соотвѣтственно увеличиваютъ площадь крестьянскаго землевладѣнія. Въ виду общности дачъ и владѣнія ими не представляется возможности сдѣлать сколько-нибудь строгое разграниченіе между ино-

[1]) Всѣ данныя о размѣрахъ крестьянскаго и инородческаго землевладѣнія сосредоточены въ особомъ приложеніи; здѣсь же не лишнее привести нѣкоторые поволостные итоги, оговорившись, что здѣсь мы пользуемся данными прежнихъ межевыхъ работъ, которыя нѣсколько разнятся отъ данныхъ, полученныхъ въ 1894 г. и послужившихъ намъ для опредѣленія общей площади свободныхъ и занятыхъ земель округа, такъ какъ эти послѣднія работы коснулись не всѣхъ изслѣдованныхъ волостей.

Волость	Десятинъ		
	Удобной	Неудобной	Всего
Ояшинская	327887,2	61007,6	388894,8
Кайлинская	334898,7	52333.0	387231,7
Тугальская	263119,3	45028,7	308148,0
Кривощековская	260479,8	42485,1	302964,9
Чаусская	119852,7	30593,6	150446,3
Мало-Коряковская	47520,5	29152,4	76672,9
Уртамская	39355,0	4862,0	44217,0
Спасская	7357,5	1648,3	9005,8
Чатская	689,0	192,7	881,7
Телеутская	576,6	„	576,6
Итого	1401736,3	267303,4	1669039,7

родческими и крестьянскими землями на основаніи имѣющагося плановаго матеріала.

Изъ всей площади земель, находящихся въ распоряженіи населенія по межевымъ документамъ, 84,0% считается «удобными», т. е. въ томъ или иномъ отношеніи пригодными для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, и 16,1%—«неудобными».[1]) По отдѣльнымъ волостямъ эти отношенія между тѣми и другими землями измѣняются, хотя и не особенно значительно. Изъ пяти волостей съ бывшимъ приписнымъ къ заводамъ крестьянскимъ населеніемъ въ наименѣе благопріятномъ положеніи съ разсматриваемой точки зрѣнія находится Чаусская волость, удобныя земли которой составляютъ 79,7%; для остальныхъ четырехъ волостей процентъ удобныхъ земель таковъ: Кайлинская —86,5%, Кривощековская—85,9, Тутальская—85,4 и Ояшинская—84,3. Изъ волостей съ населеніемъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ наиболѣе благопріятно поставлена Уртамская волость,—она же занимаетъ первое мѣсто и вообще въ ряду всѣхъ волостей и управъ изслѣдованнаго округа,—удобныхъ земель въ ней—89,4%; въ Спасской вол.—81,7%. Изъ инородныхъ управъ наибольшее количество удобныхъ земель въ Чатской управѣ, гдѣ онѣ составляютъ 75,9%, наименьшій процентъ, какъ для управъ, такъ и для всего округа даетъ Мало-Коряковская управа—62,0. Что касается юртъ Константиновыхъ, то по плану инородцы въ нихъ пользуются только усадьбой, выгономъ да сѣнокосомъ—576,63 дес.,—почему неудобныхъ земель здѣсь нѣтъ вовсе.

Изъ этого видно, что самое благопріятное отношеніе между удобными землями наблюдается въ волостяхъ, населенныхъ бывшими приписными къ заводамъ крестьянами (исключеніе составляетъ Чаусская волость). Пространство, занимаемое этими четырьмя волостями, равняется 72,1% площади всѣхъ занятыхъ земель округа. Въ каждой изъ этихъ волостей процентъ удобныхъ земель выше средняго для всего округа. Сюда же нужно отнести и Уртамскую волость. Наименѣе выгод-

[1]) Къ удобнымъ землямъ были отнесены усадебныя, выгонныя, пахотныя, сѣнокосныя, лѣсъ хвойный, лиственный и мѣшанный, кустарники и 1/3 солонцевъ; все остальное къ землямъ неудобнымъ.

ное отношеніе между удобными и неудобными землями наблюдается въ инородныхъ управахъ, а изъ нихъ въ Мало-Коряковской—въ самой обширной.

Нѣсколько лучшее положеніе занимаютъ волости Чаусская съ населеніемъ бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ и Спасская, населенная государственными крестьянами, хотя процентъ въ нихъ все-же ниже средняго для округа.

Прежде, чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію относительной обезпеченности въ землѣ отдѣльныхъ общинъ, умѣстно будетъ ознакомиться съ самымъ характеромъ удобныхъ земель, т. е. съ относительнымъ количествомъ тѣхъ угодій, на которыя онѣ естественно распадаются.

Первое мѣсто среди всѣхъ остальныхъ угодій принадлежитъ землямъ, «пригоднымъ для хлѣбопашества». Это вѣрно для всѣхъ волостей. Что касается инородныхъ управъ, то изъ нихъ мы будемъ здѣсь говорить лишь о Мало-Коряковской, такъ какъ въ остальныхъ инородцы нѣкоторыми угодьями пользуются совмѣстно съ крестьянами, вслѣдствіе чего здѣсь невозможны никакія заключенія о взаимномъ отношеніи угодій между собой. Мало-Коряковская же управа пользуется всѣми угодьями совершенно обособленно отъ общинъ съ русскимъ населеніемъ.

Для всего округа хлѣбопахотныя земли составляютъ 65,6% всѣхъ удобныхъ земель округа, и площадь ихъ равняется 919 тысячамъ.[1]) Въ трехъ волостяхъ онѣ составляютъ въ каждой около $^3/_4$ всего количества удобныхъ земель, а именно: въ Чаусской—74,4%, въ Уртамской—75,2% и въ Тутальской—76,7%. Изъ остальныхъ крестьянскихъ волостей процентъ хлѣбопахотныхъ земель выше средняго по округу только въ двухъ —въ Кривощековской—73% и въ Ояшинской—67,2. Въ Кайлинской хлѣбопахотныхъ земель—56,7% и въ Спасской—41,4%. Мало-Коряковская инородная управа стоитъ совершенно особнякомъ въ разсматриваемомъ отношеніи: хлѣбопахотныя земли

[1]) Сотни десятинъ нами вездѣ откидываются, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда самая площадь, о которой идетъ рѣчь, настолько не велика, что каждая сотня, а иногда и десятокъ десятинъ имѣетъ серьезное значеніе—таковы, напр., данныя объ усадебныхъ, отчасти и о выгонныхъ земляхъ. Всѣ точныя цифры о количествѣ земельныхъ угодій по межевымъ даннымъ находятся въ приложеніи.

въ ней не составляютъ и 4% (3,8) удобныхъ земель, какими располагаютъ инородцы.

Сопоставленіе этихъ данныхъ съ положеніемъ самыхъ волостей обнаруживаетъ, что хлѣбопахотными землями бѣднѣе одарена средняя часть описываемаго округа, т. е. именно дубравная полоса, которая служитъ водораздѣломъ между главнѣйшими рѣками округа—Томью и Обью; здѣсь лежатъ Кайлинская и Ояшинская волости, самыя богатыя удобными землями вообще. Наибо́льшее относительное количество хлѣбопахотныя земли составляютъ въ западныхъ волостяхъ, лежащихъ за р. Обью, по лѣвому ея берегу и въ районѣ, примыкающемъ къ р. Томи. Исключеніе и здѣсь составляетъ Мало-Коряковская инородная управа, расположенная въ полосѣ хвойныхъ лѣсовъ по долинѣ р. Оби. Другое исключеніе представляютъ три селенія Спасской волости, лежащей за р. Томью.

Площадь луговыхъ сѣнокосовъ равняется 5,5% всѣхъ удобныхъ земель округа. Распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ волостямъ еще неравномѣрнѣе, чѣмъ земель хлѣбопахотныхъ. Въ Спасской волости сѣнокосы занимаютъ 33,5% всей плановой площади угодій; въ Мало-Коряковской инородной управѣ—23,6%. Правда, обѣ эти волости занимаютъ нѣсколько исключительное положеніе въ раду всѣхъ остальныхъ, тѣмъ не менѣе неравномѣрность распредѣленія сѣнокосовъ неограничивается только ими, но наблюдается и во всѣхъ остальныхъ волостяхъ, хотя уже съ менѣе рѣзкими отклоненіями отъ средней. Изъ волостей съ бывшимъ горнозаводскимъ населеніемъ наибольшимъ относительнымъ количествомъ луговъ располагаютъ Чаусская и Кривощековская волости: въ первой изъ нихъ сѣнокосы составляютъ 9,4%, а во второй 7,9%. Тутальская и Кайлинская волости по отношенію сѣнокосовъ поставлены почти въ равныя условія (3,1% и 3,3%), но сравнительно съ Кривощековской волостью эти условія почти вдвое хуже. Еще менѣе благопріятныя условія даетъ Ояшинская волость—2,9% сѣнокосовъ. Въ Уртамской волости сѣнокосы занимаютъ 5,6% площади удобныхъ земель. Въ общемъ, слѣдовательно, наибольшимъ процентомъ сѣнокосной площади обладаютъ волости, прилегающія къ р. Оби (исключая Ояшинскую), а затѣмъ Спасская по р. Томи. Наиболѣе бѣдны луговыми сѣнокосами

волости той-же дубровной полосы, о которой уже говорилось выше, и Тутальская, лежащая по р. Томи.

Немного меньшую по сравненію съ сѣнокосами площадь имѣютъ выгонныя земли—73598,2 десятинъ, что составитъ 5,2% въ распредѣленіи же ихъ по волостямъ наблюдается гораздо большая равномѣрность. Въ трехъ волостяхъ эти земли составляютъ нѣсколько болѣе 4%—въ Ояшинской (4,3%), въ Кривощековской (4,4%) и Уртамской (4,2); въ Тутальской—5%, въ Чаусской—5,5% и въ Кайлинской—7,2%. Наибольшаго относительнаго количества выгонныя земли достигаютъ въ Спасской волости, гдѣ онѣ составляютъ 13,5%, наименьшаго же—въ Мало-Коряковской управѣ—всего 1,5% удобныхъ земель.

Усадебныя земли по планамъ занимаютъ всего 2871,9 десятинъ или 0,2% общаго количества всѣхъ удобныхъ земель округа. Колебанія площади усадебныхъ земель для волостей заключаются между 0,1% (Ояшинская волость) и 0,9% (Спасская вол.).

Таково въ общихъ чертахъ взаимное отношеніе главнѣйшихъ угодій, поскольку оно представляется данными межеванія 20-30 г.г. Но, помимо этихъ угодій, въ тѣхъ же дачахъ крестьянскаго и инородческаго населенія имѣются и нѣкоторыя другія, на счетъ которыхъ постепенно идетъ расширеніе площади пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій—это главнымъ образомъ земли, занятыя различнымъ лѣсомъ,—хвойнымъ, лиственнымъ, мѣшаннымъ, кустарникомъ, и др.; сюда же относится и солонцеватая почва, треть которой причисляется къ землямъ удобнымъ. Все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ менѣе четверти (23,6%) всей площади удобныхъ земель. Изъ этого количества (328 тысячъ десятинъ) очень немного приходится отнести на счетъ солонцовъ—664,91 дес.,[1]) все же остальное падаетъ на лѣса и кустарники.

Въ крестьянскихъ волостяхъ наименьшій процентъ этихъ угодій имѣетъ Чаусская волость—9,8% удобныхъ земель, затѣмъ Спасская—10,7%, Тутальская—14,6%, Уртамская—14,8%,

[1]) Въ трехъ дачахъ Кайлинской и трехъ же дачахъ Тутальской волостей.

Кривощековская—16,9%. Это какъ разъ тѣ самыя волости, гдѣ относительное количество хлѣбопахотныхъ земель достигаетъ наибольшей величины. Тоже, только въ обратномъ порядкѣ, мы видимъ въ Кайлинской и Ояшинской волостяхъ: эти угодья даютъ здѣсь наибольшій процентъ—въ первой 32,7, а во второй 25,3,—тогда какъ процентъ хлѣбопахотныхъ земель наименьшій (изъ волостей съ приписнымъ населеніемъ).

Въ Мало-Коряковской управѣ лѣсомъ хвойнымъ и лиственнымъ принадлежитъ преобладающее мѣсто среди всѣхъ остальныхъ угодій—90,4%, что и понятно, если припомнить, что хлѣбопахотныя земли здѣсь составляютъ 4,8%, выгонныя—менѣе 2, а сѣнокосы 3,2% удобныхъ земель.

Неравномѣрность распредѣленія, какъ вообще удобныхъ земель, такъ и отдѣльныхъ угодій, устанавливаемая приведенными выше данными, становится рѣзче, если отъ волостей перейдемъ къ болѣе мелкой земельной единицѣ—къ дачѣ. Фактъ этотъ имѣетъ свои причины, лежащія въ прошломъ крестьянскаго землевладѣнія и въ дальнѣйшемъ изложеніи получитъ свое разъясненіе.

Группируя плановыя данныя о среднемъ, наибольшемъ и наименьшемъ количествѣ удобныхъ земель, приходящемся на наличную душу мужскаго пола въ различныхъ общинахъ (межевыхъ) отдѣльныхъ волостей, получаемъ слѣдующую характерную табличку. Чтобы не затруднять изложеніе обиліемъ цифроваго матеріала, здѣсь взяты лишь главныя пять волостей съ горнозаводскимъ населеніемъ, причемъ въ разсчетъ принято все населеніе общинъ, т. е., какъ крестьянское, такъ и инородческое, хотя послѣднее въ административномъ отношеніи составляетъ самостоятельныя единицы—управы.

Волость	Въ средн. на душу м. п.	Община	Maximum на душу м. п.	Община	Minimum на душу м. п.
Кайлинская	52,0	Чемская	165,9	Гутово	14,4
Кривощек.	28,3	Каменка	73,1	Крохалевск.	6,5
Чаусская	24,0	Вахрушева	71,2	Чаусская	15,5
Ояшинская	62,7	Верхъ-Балта	159,1	Алласва	11,7
Тутальская	45,4	Лукина	110,4	Яшка	9,1

Наиболѣе обезпеченной земельными угодьями, какъ видно

изъ таблички, является Ояшинская волость, затѣмъ Кайлинская, Тутальская, Кривощековская и Чаусская. Это уже совсѣмъ не тотъ рядъ, который мы видѣли выше, когда были взяты абсолютныя цифры обезпеченія удобной землей: тогда первое мѣсто принадлежало Кайлинской, а послѣднее Чаусской волостямъ. Что касается отдѣльныхъ дачъ, то первое мѣсто принадлежитъ опять-таки Кайлинской волости, именно ея Чемской дачѣ (межевая община)—165,9 дес.; второе—Ояшинской —159,1 дес., затѣмъ идутъ Тутальская, Кривощековская волости, послѣднее же мѣсто занимаетъ Чаусская волость. Наименѣе благопріятно поставлено населеніе въ Крохалевской общинѣ (сложная изъ 2 селеній) Кривощековской волости, гдѣ на душу не приходится даже 7 десятинъ; въ Тутальской волости минимальное обезпеченіе—9,1 дес. въ переселенческомъ заселкѣ Яшкѣ, въ остальныхъ же волостяхъ этотъ минимумъ равенъ 11,7, 14,4 и 15,7 десятинъ на душу. Такимъ образомъ, разница въ степени обезпеченія землей Крохалевской и Чемской общинъ достигаетъ внушительныхъ размѣровъ—въ первой населеніе въ 25,1 раза менѣе обезпечено, чѣмъ во второй.

Сравнивая степень земельнаго обезпеченія общинъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ волостей, мы видимъ, что наибольшихъ колебаній достигаетъ Ояшинская волость, гдѣ максимальный надѣлъ превышаетъ минимальный въ 13,6 разъ; непосредственно за ней занимаетъ мѣсто Тутальская волость, въ которой удобныхъ земель въ дачѣ Лукиной въ 12,1 разъ болѣе, чѣмъ у заселка Яшки; въ Кайлинской волости Чемская община имѣетъ надѣлъ въ 11,5 разъ болѣе, нежели Гутово; въ Кривощековской—надѣлъ Каменки превосходитъ Крохалевскій въ 10,8 разъ, а въ Чаусской Вахрушевская община въ 4,5 раза болѣе обезпечена, нежели Чаусская. Такимъ образомъ, въ Чаусской вол. земли распредѣлены наиболѣе равномѣрно.

Если принять за норму земельнаго обезпеченія 15 десятинъ на наличную мужскаго пола душу, то окажется, что въ Кайлинской вол. одна дача съ однимъ селеніемъ,[1]) гдѣ земли менѣе этого количества, въ Кривощековской—3 дачи съ 4 селе-

[1]) Гутово.

ніями,[1]) въ Ояшинской—1 дача съ 1 селеніемъ,[2]) въ Тутальской—также одна съ однимъ же селеніемъ;[3]) въ Чаусской же нѣтъ ни одного селенія и дачи, гдѣ удобной земли приходилось бы менѣе 15 десятинъ на душу.

Прослѣдимъ такимъ же образомъ степень обезпеченія населенія двумя главнѣйшими угодьями—пашней и сѣнокосомъ. Начнемъ съ пахотной земли.

Волость	Среднее на душу м. п.	Община	Maximum на душу м. п.	Община	Minimum на душу м. п.
Кайлинская	29,5	Чемская	125,5	Суркова	5,7
Кривощек.	19,9	Каменка	67,6	Крохалева	4,4
Чаусская	17,9	Вахрушева	55,9	Орско-Борская	0,3
Ояшинская	42,1	Верхъ-Балта	123,6	Аллаева	8,1
Тутальская	35,0	Писаная	137,8	Яшка	5,5

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе въ этой таблицѣ совпаденіе ея въ нѣкоторыхъ частяхъ съ предыдущей, что вполнѣ понятно, такъ какъ въ большинствѣ дачъ разсматриваемыхъ волостей пахотныя земли занимаютъ первое мѣсто въ ряду другихъ угодій. Богаче другихъ одарены этими землями общины Писаная, Чемская (сложная) и Верхъ-Балта, а затѣмъ Каменка и Вахрушева. Бѣднѣе всѣхъ хлѣбопахотными землями Орско-Борская, гдѣ на душу приходится менѣе одной десятины; за ней слѣдуетъ Крохалевская Кривощековской волости и т. д. до Аллаевой Ояшинской волости, гдѣ на душу приходится 8,1 десятинъ.

Колебанія достигаютъ наибольшей степени между дачей Писаной—137,8 дес. на душу и Орско-Борской—0,3 дес., т. е. въ первой пахотныхъ земель въ 426 разъ болѣе, чѣмъ во второй. Въ предѣлахъ отдѣльныхъ волостей самыя сильныя колебанія наблюдаемъ въ Чаусской, гдѣ максимальный надѣлъ (въ Вахрушевой) превышаетъ минимальный (въ Орско-Борской) въ 186,3 разъ; затѣмъ въ Тутальской—одна дача превосходитъ другую по количеству пахотныхъ земель въ 25,1 разъ, въ Кайлинской—22 раза, Ояшинской—15,3 раза и Кривощековской

---

[1]) Крохалево, Коткова, Толмачева и Криводанова.
[2]) Аллаева.
[3]) Яшка.

—14,7 разъ. Слѣдовательно, наиболѣе равномѣрно распредѣлены пахотныя земли въ Кривощековской, а наименѣе—въ Чаусской.

Придерживаясь принятой выше нормы, т. е. 15 дес. удобной земли на душу, или 7,5 дес. хлѣбопахотной, узнаемъ, что во всѣхъ волостяхъ есть общины, въ которыхъ количество хлѣбопахотныхъ земель менѣе нормы, а именно: въ Кайлинской волости такихъ общинъ 6,[1]) въ Кривошековской— 2,[2]) въ Ояшинской—1,[3]) въ Чаусской—2,[4]) въ Тутальской—1.[5])

Относительное обезпеченіе населенія сѣнокосами выражается слѣдующей табличкой:

Волости	Среднее на душу м. п.	Община	Maximum на душу м. п.	Община	Minimum на душу м. п.
Кайлинская	1,8	Калаганова	6,1	Чертенкова	0,2
Кривощек.	2,2	Кривощеков.	5,4	Тюменина	0,2
Чаусская	2,9	Орско-Борск.	16,6	Грязнушинская	0.2
Ояшинская	1,8	Ташара	7,8	Калтай	0,2
Тутальская	1,4	Писаная	9,5	Литвиновская	0,3

Данныя этой таблички удерживаютъ тотъ же характеръ, что и двѣ предыдущія: тѣже колебанія между общинами, возьмемъ ли мы одну и ту-же волость, или различныя, только колебанія здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ выражены нѣсколько рѣзче: такъ, въ Кайлинской волости maximum сѣнокоса превосходитъ minimum въ 50 разъ, въ Кривощековской—въ 27, Чаусской —83, Ояшинской—39 и Тутальской—47,5 разъ.

Нормальное количество сѣнокоса при 15-десятинномъ надѣлѣ считается 2,5 десятинъ на душу. Въ Томскомъ округѣ нѣтъ ни одной волости изъ числа разсматриваемыхъ, въ которой не было бы общинъ съ недостаточнымъ количествомъ сѣнокосныхъ угодій для такой нормы земельнаго довольствія.

---

[1]) Гутова, Суркова, Кускова, Осиновка, Владиміровка и Усть-Каменка.
[2]) Крохалевская (2 селенія) и Кочнева.
[3]) Камень.
[4]) Орско-Борская и Бѣлоярская.
[5]) Яшка.

Напримѣръ, въ Кайлинской волости общинъ этого рода 30,[1]) въ Кривощековской—14,[2]) въ Чаусской—9,[3]) Ояшинской —18[4]) и Тутальской—26.[5])

Этими данными можно и ограничиться, говоря о распредѣленіи земель по крестьянскимъ дачамъ изслѣдованнаго района. Для болѣе детальной разработки вопроса о степени обезпеченія отдѣльныхъ общинъ тѣми и другими угодьями имѣющійся плановый матеріалъ не представляетъ достаточныхъ гарантій точности, хотя онъ и былъ подвергнутъ нѣкоторымъ исправленіямъ, насколько это оказалось возможнымъ.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя данныя о качествѣ плановаго матеріала, которымъ изслѣдованіе пользовалось. Въ 1893 г. въ предѣлахъ Томскаго округа особая межевая партія Главнаго Управленія Алтайскаго округа производила съемку земель крестьянскаго владѣнія. Сопоставленіе результатовъ этой съемки съ данными 20-30 г.г.—до послѣдняго времени единственными—обнаруживаетъ большую разницу между ними, какъ видно изъ слѣдующей таблички, для которой взято нѣсколько дачъ, подвергшихся съемкѣ и въ 20-30 г.г., и въ 1893 г.

Община	Десятинъ земли		
	По съемкѣ 20-30 г.г.	По съемкѣ 1893 г.	Разница на 100 дес
Ярская Вершинина	7061,94	4031,57	—42,91
Саламатова	5183,78	6193,80	+19,48

[1]) Гутова, Кайлина, Елтышева, Манойлова Таокаева. Асанова, Татаринова, Бжицкова. Елфимова Ача, Корнилова, Долгова. Суркова, Кійская. Осиновка, Кусьмень, Чертенкова. Горевка, Вассина, Боровлянка, Чемская (сложная), Шумилова, Борцова. Усть-Каменка. Карпысакъ, Моткова, Томилова, Канарбуга, Кудрина и Тугучинъ.

[2]) Крохалевская (2 сел.), Чиковская (2 сел.), Прокудкинская (2 сел.), Сенячкина, Шилова, Пайвина, Алексѣевская, Тулинская, Тюменина, Криводанова, Каменка, Быкова, Барышевская (6 сел.), Барлакская (4 селен.)

[3]) Михайловскій заселокъ, Грязнушинская, (2 селен.), Больше-Черемшанская (2 селен.), Сидоровскій заселокъ, Южина, Тропинская (2 сел.), Анба, Вьюнская (3 селен.), Бѣлоярка.

[4]) Ояшъ, Новый Поросъ, Поросъ, Верхъ-Балта, Воронова, Балта, Бибѣева, Чебула, Карасевская (3 сел.), Болотная, Черная, Кожевниковская (3 сел.), Проскокова, Зеледѣева, Аллаева, Ярская (2 сел.), Коневская (3 сел.), Калтайская (4 селен.)

[5]) Пача, Больше-Тайменская (2 сел.), Баранова, Власкова, Еловка, Яшка, Литвиновская (2 сел.), Романовская (5 сел.), Поломошновская (2 сел.), Саламатова, Шубинская (6 селен.), Сѣверная, Корчугановская (3 сел.), Сосново-Остроженская (10 селен.), Мальцева, Томиловская (2 сел.), Асанова, Пяткова, Филонова, Безмѣнова, Чахлова, Турнаевская (3 сел.), Тутальская, Кулаковская, Арлюкъ, Митрофанова.

Литвинова Маянова	5142,37	6914,78	+36,41
Ларина Конева Суранова	16974,53	8275,26	—51,25

Сопоставленіе данныхъ той и другой съемки о площади отдѣльныхъ угодій даетъ еще большую разницу, что объясняется различіемъ въ понятіи объ «удобной» и «неудобной» землѣ теперь и 70 лѣтъ назадъ.

Есть и другіе факты, обязывающіе возможно осторожнѣе обращаться съ данными 20-хъ годовъ. Такъ, напримѣръ, въ сложной общинѣ, состоящей изъ д.д. Карасевой, Елбакской и Верхъ-Елбакской по плану считается 191204 десятинъ, что составитъ около половины площади всей Ояшинской волости, къ которой принадлежитъ община. Ошибка очевидна. По вычисленію плана, произведенному для Статистическаго Бюро межевымъ инженеромъ Розановымъ, общая площадь Карасевско-Елбакской дачи не должна превышать 31083 десятинъ.[1]) Между тѣмъ, при введеніи въ 1887 г. губернскаго поземельнаго сбора, для названной общины площадь была принята та, которая показала на планѣ, т. е. въ 191204 дес. Три маленькія деревушки не могли вынести такого налога, и къ моменту изслѣдованія на общинѣ накопилось свыше 14 тысячъ недоимки по поземельному сбору.

Другой примѣръ очевидной невѣрности даетъ планъ дачи д. Чертенковой Кайлинской волости. Отъ дачи д. Изыловъ къ Чертенковой было прирѣзано 25 десятинъ сѣнокоса; отъ Чертенковой же дважды произведена отрѣзка сѣнокосовъ: въ пользу д. Кусковой—321 дес. и въ пользу Боровой—32 дес.[2]) Сопоставивши эти цифры съ плановыми, узнаемъ, что въ Чертенковой всего лишь 15,77 дес. сѣнокоса, тогда какъ въ дѣйствительности эта деревня особенной нужды въ сѣнокосахъ не чувствуетъ.

[1]) Справка Меж. Инж. Розанова 24 февр. 1895 г. № 105.
[2]) Сообщ. Меж. Инж. Розанова 24 января 1894 г., № 40.

Такіе факты убѣждаютъ, что плановыми данными можно руководствоваться лишь въ крупныхъ цифрахъ, для грубыхъ разсчетовъ, какъ это выше и сдѣлано.

II.

Изслѣдованіе общинныхъ формъ, въ какія отливаются отношенія крестьянскаго и инородческаго населенія къ землѣ, обнаруживаетъ двѣ весьма отличныя одна отъ другой, по самому своему характеру, стороны: отношеніе къ землѣ общины въ ея цѣломъ и отношеніе каждаго изъ ея членовъ въ отдѣльности къ той-же землѣ. Будучи тѣсно связаны между собой, въ извѣстной степени опредѣляясь одна другою, каждая изъ нихъ въ тоже время обладаетъ совокупностью столь рѣзко выраженныхъ чертъ, что смѣшеніе ея съ другой становится уже неудобнымъ и нежелательнымъ, какъ могущее внести спутанность и сбивчивость въ вопросъ, который прежде всего требуетъ ясности и опредѣленности.

Въ виду этого вездѣ въ настоящемъ изслѣдованіи разграничивается общинное землевладѣніе отъ общиннаго же землепользованія. Подъ первымъ вездѣ понимается отношеніе къ землѣ всей общины въ цѣломъ; сюда, слѣдовательно, войдутъ самыя формы общины, ихъ взаимныя отношенія, развитіе и распаденіе и пр.—общины простыя, сложная, раздѣльная будутъ разсматриваться, какъ самостоятельныя формы общиннаго землевладѣнія. Внутреннія же земельныя отношенія, существующія въ каждой изъ этихъ общинъ,—заимки, вольное пользованіе, періодическіе передѣлы и ихъ разнообразныя основанія и пр.—все это относится нами къ общинному землепользованію, приэтомъ, съ принципіальной точки зрѣнія, совершенно безразлично, имѣемъ ли дѣло съ отдѣльнымъ членомъ общины—«земельной душой», или съ болѣе крупной единицей, на какія распадается община—дворомъ, «десяткомъ», цѣлымъ селеніемъ (въ сложныхъ общинахъ) и т. д.

Современныя земельныя отношенія крестьянскаго и инородческаго населенія Томскаго округа даютъ образцы всѣхъ извѣстныхъ формъ общиннаго землевладѣнія: общины сложныя

или составныя, простыя или однодеревенскія и раздѣльныя, т. е. общины, охватывающія не цѣлое селеніе, а лишь часть его. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь наблюдаются и самыя разнообразныя смѣшенія этихъ основныхъ формъ, когда одна и таже община одновременно представляетъ собой и простую, и сложную, а иногда и раздѣльную форму, въ зависимости отъ того, по отношенію къ какому угодью будетъ разсматриваться она.

Наиболѣе яркимъ примѣромъ такого смѣшенія формъ можетъ служить Калтайская русско-инородческая община, лежащая на сѣверѣ, подъ самымъ г. Томскомъ и въ административномъ отношеніи принадлежащая отчасти (рус. населеніе) къ Ояшинской и Спасской волостямъ, отчасти же (инородцы) къ Чатской инородной управѣ. Относительно усадебныхъ и сѣнокосныхъ угодій русская и инородческая «половины» Калтая составляютъ раздѣльную общину, по отношенію лѣса и выгона—однодеревенскую; пашней же пользуются «въ обоюдѣ», т. е. безраздѣльно русское населеніе Калтая и т. д. Смокотиной и Кондинской, а также русская же часть населенія другой русско-инородческой раздѣльной (относительно усадебной и сѣнокосной земли) общины д. Кафтанчиковой; Калтайскіе же инородцы, хотя хлѣбопашествомъ не занимаются, тѣмъ не менѣе признаютъ за собой право на пахотныя земли,—такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ уже составную общину.

Калтай—далеко не единственный примѣръ столь сложныхъ и спутанныхъ земельныхъ отношеній; онъ представляетъ извѣстное исключеніе развѣ въ томъ только смыслѣ, что раздѣльныхъ общинъ вообще немного въ описываемомъ округѣ, а, слѣдовательно, и соединеніе ихъ съ другими должно быть рѣдкимъ явленіемъ.

Что-же касается смѣшенія простой и составной формы общины, то съ этимъ явленіемъ изслѣдованію пришлось встрѣчаться почти повсемѣстно, и общинъ, которыя были бы совершенно свободны отъ него, очень немного: гдѣ оно не могло быть констатировано для даннаго момента, тамъ въ большинствѣ случаевъ удавалось установить его существованіе въ недавнемъ прошломъ,—измѣненіе произошло вслѣдствіе процесса обособленія, которымъ характеризуется исторія общиннаго землевладѣнія послѣднихъ лѣтъ въ Томскомъ округѣ.

Настоящему изслѣдованію не удалось прослѣдить на мѣстѣ, путемъ опроса населенія, исторію возникновенія и первоначальнаго развитія сложныхъ формъ общины, которымъ еще недавно принадлежало гораздо болѣе видное положеніе, чѣмъ то, какое они занимаютъ въ послѣднее время. Возникновеніе и полное развитіе могло быть прослѣжено лишь по отношенію общинъ недавняго происхожденія, которыхъ очень немного въ Томскомъ округѣ, заселявшемся главнымъ образомъ въ концѣ XVI и въ XVII столѣтій.

Одна изъ выдающихся чертъ кореннаго русскаго населенія изслѣдованной мѣстности—это поразительно слабый интересъ его къ своей исторіи, а, можетъ быть, и ко всему, что выходитъ за предѣлы разнообразныхъ интересовъ даннаго момента. За исключеніемъ очень немногихъ единичныхъ случаевъ, крестьяне-старожилы во время опросовъ не могли даже приблизительно опредѣлить времени возникновенія селенія, кто и откуда были его основатели и пр. Всѣ подобные вопросы вызывали недоумѣніе схода, какъ что-то, по меньшей мѣрѣ, странное и ненужное, между тѣмъ, тотъ же сходъ относился съ живымъ интересомъ къ вопросамъ, затрогивающимъ настоящее или недавнее прошлое—лѣтъ за 50-60, рѣдко дальше. Отсутствіе интереса къ своему прошедшему, отсутствіе преданій, которыя охватывали бы сколько-нибудь значительный періодъ времени, у кореннаго русскаго населенія округа и были причиной, почему въ огромномъ большинствѣ случаевъ первоначальная исторія общины не могла быть возстановлена. До извѣстной степени это можно было бы сдѣлать черезъ разработку нѣкоторыхъ архивовъ, содержащихъ, нужно думать, богатый матеріалъ по первоначальной исторіи края (архивъ Чаусскаго волост. правл., церковный архивъ с. Сосноваго Острога и др.), но для этой работы изслѣдованіе не располагало ни временемъ, ни силами.

Все это вынуждаетъ отказаться отъ попытки прослѣдить возникновеніе мѣстной общины, ограничившись изученіемъ современныхъ земельныхъ отношеній и ихъ ближайшаго прошлаго, не восходящаго дальше конца XVIII столѣтія за немногими исключеніями, главнымъ же образомъ, послѣднихъ 5-6

десятилѣтій. Этого матеріала тѣмъ не менѣе вполнѣ достаточно, чтобы сдѣлать нѣкоторые выводы относительно многихъ сторонъ разсматриваемой общины въ ея прошломъ, на сколько оно оказало вліяніе на современныя земельныя отношенія.

Отличаясь извѣстнымъ разнообразіемъ формъ, крестьянское землевладѣніе Томскаго округа даетъ образчики той запутанности междуобщинныхъ отношеній, которая могла создаться, какъ увидимъ ниже, лишь на почвѣ разложенія формъ, болѣе крупныхъ, чѣмъ наблюдаемыя въ настоящее время. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ[1]) это явленіе можетъ быть установлено болѣе ясно и отчетливо, въ другихъ менѣе, но присутствіе его повсемѣстно. Мало того, процессъ распаденія болѣе крупныхъ и образованія мелкихъ земельныхъ единицъ и есть именно тотъ, который придаетъ извѣстное направленіе и цвѣтъ всей жизни современной мѣстной общины. Съ него мы и должны начать обзоръ наличныхъ формъ общиннаго землевладѣнія.

Въ Кайлинской волости (съ Кумышскою 1-й половины управою) насчитывается 44 селенія; 35 изъ нихъ въ 20-30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, во время хозяйственной съемки,[2]) были замежеваны отдѣльныя для каждаго дачи; 8 другихъ получили землю въ четырехъ дачахъ; сорокъ четвертому же селенію дача была отведена много времени спустя—это переселенческій заселокъ Владиміровскій (Анчешъ), возникшій въ 1886 г. Четыре дачи, или иначе сложныя *межевыя* общины, суть слѣдующія: 1, для д.д. Агафонихи, Дергоусовой и Чемской; 2, Татариновой, Бѣлицковой, Асановой; вмѣстѣ съ этими селеніями въ той же дачѣ получила землю д. Шитикова, въ настоящее время принадлежащая къ Тутальской волости, а въ моментъ межевыхъ работъ входившая въ составъ Кайлинской; 3, Мотковой и Черепановой, изъ которыхъ послѣдняя теперь уже не существуетъ, и 4, Буготакской и Орской (она же Петровская или Мошкина); послѣдняя лѣтъ тридцать назадъ отпала отъ Кайлинской и перечислилась къ Ояшинской волости.

[1]) Пока здѣсь имѣются въ виду пять волостей съ населеніемъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ.

[2]) Земли Кайлинской волости были сняты между 1821 и 1827 годами.

Въ 1894 г. изслѣдованіе застало крестьянское землевладѣніе волости уже въ такомъ видѣ: 21 селеніе принадлежитъ къ простымъ (однодеревенскимъ) общинамъ, 21 къ смѣшаннымъ (сложно-простымъ и раздѣльно-простымъ), и 3 селенія—къ сложной (д.д. Агафониха, Дергоусова и Чемская). Смѣшанныхъ общинъ десять, а именно: *Бжицковская,*[1]) состоящая изъ 4 селеній, изъ которыхъ одно—Шитикова—принадлежитъ къ Тутальской вол.; *Чертенковская* изъ 4 селеній (2 Тареминской вол.); *Сухострыловская*— 3 сел., въ томъ числѣ одно Тутальской и одно Таремнской вол.; *Горевская*—2 сел., *Гутовская*—2, *Мотковская* 4, *Томиловская* 2, *Канарбургская*—2, *Ачинская* и *Тугучинская* по одному селенію въ каждой—раздѣльно простыя общины.

Съемка крестьянскихъ земель по Кривощековской волости производилась между 1823 и 1830 г.г., большая же часть работъ относится къ 1826 и 29 г.г. Изъ 40 современныхъ селеній волости во время межеванія было 39,[2]) земли которыхъ были замежеваны въ 15 дачъ; въ томъ числѣ для 8 селеній дачи были замежеваны подеревенно, т. е. для каждой отдѣльно, земли же 31 остальныхъ селеній распредѣлялись по семи дачамъ, отъ 2 до 11 селеній въ каждой, а именно: Кривощековская община 11 селеній, Котковская—2, Казаковская—2, Чиковская 2, Барлакская—4, Барышевская 6 и Толмачевская 4 селенія. Всѣ угодія каждой изъ этихъ межевыхъ общинъ находились въ совмѣстномъ пользованіи всѣхъ составлявшихъ ее селеній, а потому ни одна изъ перечисленныхъ дачъ, кромѣ послѣдней, не имѣетъ никакихъ внутреннихъ границъ, которыя при межеваніи были бы нанесены на планъ. Что-же касается Толмачевской дачи, то здѣсь были отмѣчены границы фактическаго пользованія каждаго изъ входящихъ въ общую дачу селеній, отчасти по «живымъ урочищамъ», отчасти нанесеніемъ на планъ «граней»; выдѣленіе коснулось всѣхъ угодій, почему и учетъ земли былъ произведенъ не для всей дачи заразъ, а для каждаго селенія въ отдѣльности. Изслѣдо-

[1]) Общины называются нами по имени одной изъ деревень, входящихъ въ ихъ составъ: въ дѣйствительности же онѣ не имѣютъ особыхъ названій.

[2]) Переселенческій заселокъ Гусиный Бродъ образовался 15 лѣтъ назадъ.

ваніе 1894 г. застало нѣсколько иную группировку селеній по общинамъ. Сложныхъ общинъ уже шесть, да и тѣ лишь частью прежнія общины, а затѣмъ всѣ онѣ принадлежатъ къ числу смѣшанныхъ,—вполнѣ сохранившихся во всѣхъ своихъ частяхъ сложныхъ общинъ въ настоящее время всего лишь одна—Усть-Инская; если не брать за признакъ обособленности отдѣльность усадебныхъ земель и поскотинъ, такъ какъ общность ихъ возможна только въ очень рѣдкихъ случаяхъ близкаго сосѣдства или слитія двухъ селеній въ одно. Наиболѣе рѣзкія измѣненія касаются Кривощековской общины, состоявшей изъ одиннадцати селеній и распавшейся на три обособленныхъ сложныхъ общины: Кривощековскую въ 4 селенія, Нижне-Чемскую 4 сел. и Усть-Инскую 2 сел., и одну самостоятельную односеленскую д. Ельцовка. Барышевская община распалась на шесть односеленскихъ, и, сверхъ того, на ея земляхъ образовался переселенческій заселокъ Гусиный Бродъ, жителямъ котораго былъ выданъ приговоръ на уступку земли обществами д.д. Жеребцовой, Изревы и др. На односеленскія же распались Казаковская и Толмачевская общины. Чиковская, Барлакская и Котковская общины остались въ прежнемъ составѣ, но только по отношенію лишь нѣкоторыхъ угодій, преимущественно хлѣбопахотныхъ земель; относительно же другихъ угодій наблюдается уже распаденіе, какъ и въ остальныхъ сложныхъ общинахъ. Односеленскихъ общинъ—22; изъ нихъ 21 принадлежатъ къ числу прежнихъ, а одна—Гусиный Бродъ—новѣйшаго образованія.[1])

Число сложныхъ общинъ въ Чаусской волости въ настоящее время тоже, какое было отмѣчено межеваніемъ 20-хъ годовъ. Измѣненія коснулись лишь численнаго состава нѣкоторыхъ общинъ—Тырышкинской и Оешинской, изъ которыхъ каждая уменьшилась на одно-селеніе.

Межеваніе различало слѣдующія общины: *Тырышкинскую*, состоявшую изъ 4 селеній, *Грязнушинскую*—2 сел., *Больше-Черемшанскую*—2 сел., *Оешинскую* 4, *Чаусскую*—3, *Тропинскую* 2 и *Вьюнскую*—3 селенія. Изслѣдованіе застало всѣ эти общи-

[1]) 1879 годъ.

ны, по отчасти въ уменьшенномъ видѣ, о чемъ уже сказано, отчасти въ измѣненномъ, а именно: во всѣхъ этихъ общинахъ луговые сѣнокосы уже подверглись раздѣлу между селеніями, входящими въ общины, почему вполнѣ сохранившейся сложной общины въ Чаусской волости уже не можетъ быть наблюдаемо. Въ нѣкоторыхъ общинахъ распаденіе коснулось не однихъ сѣнокосовъ, но также и выгонныхъ земель (поскотинъ)—въ Чаусской, Грязнушинской, Ояшинской, гдѣ ранѣе поскотины были общія для всѣхъ селеній каждой общины.

Другое существенное отличіе современныхъ общинъ отъ межевыхъ 20-хъ годовъ заключается въ томъ, что границы нѣкоторыхъ изъ нихъ оказываются шире установленныхъ межеваніемъ и число селеній, входящихъ въ общину, больше: къ Вьюнской общинѣ принадлежитъ (пашнями) Тропина Заимка, образовавшаяся послѣ межеванія, а къ Чаусской—Скала (въ пашняхъ и сѣнокосахъ).

Общее число селеній въ волости—26, изъ нихъ 3 новѣйшаго образованія: Тропина Заимка, не имѣющая опредѣленной межевой дачи, и переселенческіе заселки Михайловскій и Сидоровскій, дачи которыхъ хотя и отводились въ 1893 г., но утверждены не были. Со времени межеванія двѣ деревни—Панафидина и Мельникова уничтожились, одна черезъ переселеніе всѣхъ жителей въ другія селенія, а вторая черезъ слияніе съ г. Колываньо и перечисленіе ея жителей въ мѣщане.

Простыхъ (односеленскихъ) общинъ въ настоящее время —6,—тѣ-же, что были и при межеваніи и, кромѣ того, два новыхъ переселенческихъ заселка. Раздѣльныхъ общинъ въ волости нѣтъ.

Изъ современныхъ общинъ Ояшинской волости въ періодъ съемки 20-хъ г.г. было 24 межевыхъ общинъ, по которымъ распредѣлялось 39 селеній. Сложныхъ общинъ было 10: *Уневинская* изъ 2 селеній, *Карасевская*—3 сел., *Зудовская*—2, *Кожевниковская*—3, *Ярская*—2, *Верхъ-Балтинская*—2 с., *Сурановская*—3 селен., *Калтайская*—4 и *Чебулинская* изъ 2 селеній. Односеленскихъ общинъ было 16 Фактическія общины 1894 г. представляются въ такомъ видѣ: сложныхъ общинъ—10 и односеленскихъ—14. Изъ прежнихъ сохрани-

лись лишь слѣдующія: Карасевская, Зудовская, увеличившаяся на одно селеніе (д. Кирякову)—выселокъ изъ д. Зудовой, Кожевниковская и Сурановская. Умревинская и Чебулинская общины изъ сложныхъ перешли въ число односеленскихъ въ виду того, что въ каждой изъ этихъ общинъ уничтожилось по одному селенію: въ первой—Умревинскій Острогъ, а во второй—Кунгурова. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ земли перешли въ е диполичное распоряженіе сохранившагося селенія бывшей сложной общины. Ярская община распалась на двѣ односеленскихъ. Верхъ-Балтинская сохранила еще связь между двумя составляющими ее селеніями, но въ тоже время находится въ связи съ двумя другими селеніями, имѣющими обособленныя дачи. Калтайская община осталась въ прежнемъ видѣ. Всѣ остальныя современныя сложныя общины принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя межеваніемъ были совершенно игнорированы. Изъ числа всѣхъ сложныхъ общинъ волости смѣшанныхъ—5, въ томъ числѣ одна (Калтайская) сложно-раздѣльная.

Послѣднія изъ волостей съ бывшимъ приписнымъ къ заводамъ Алтайскаго округа населеніемъ—Тутальская, самая большая по числу селеній, имѣла 14 межевыхъ сложныхъ общинъ, а именно: *Миничевская*—2 сел., *Мало-Тайменская*—2 с., *Литвиновская*—2, *Коргугановская*—3, *Романовская*—5 сел., *Шубинская*—6 сел., *Основаго Острога*—12 с., *Мальцевская*—2, *Безмыновская*—2, *Турнаевская*—4, *Пятковская*—2, *Томиловская*—2, *Асановская*—2 и *Больше-Тайменская*—4. Односеленскихъ общинъ—20. Въ 1894 г. односеленскихъ общинъ было уже 29, а сложныхъ—16 (съ 41 селеніемъ и 2 выселками), въ томъ числѣ смѣшанныхъ (сложно-простыхъ)—8. Измѣненія претерпѣли слѣдующія сложныя межевыя общины: Литвиновская и Томиловская, распавшіяся на двѣ односеленскія каждая; Коргугановская, выдѣлившая д. Терехину въ особую общину; община Основаго Острога, въ которой 2 селенія обособились въ одно деревенскія общины, и одно уничтожилось вовсе; Мальцевская, Асановская, Безмѣновская и Пятковская, изъ которыхъ каждая состояла изъ 2 селеній, перешли въ односеленскія вслѣдствіе уничтоженія 4 селеній, по одному въ каждой общинѣ—д.д. Старо-Мальцевой, Анкудиновой, Лебяжьей

и Кужекпиной; изъ четырехъ селеній Турнаевской общины одно—д. Елпина—уничтожились; Шубкинская распалась на 2 сложныя и 2 однодеревенскія.

За истекшіе со времени межеванія годы не только уничтожились селенія (къ перечисленнымъ выше надо прибавить еще Гутову, бывшую однодеревенской общиной), но возникали и новыя, частью путемъ выдѣленія изъ прежнихъ селеній—д.д. Занмка изъ Колмагоровой, Бурлакова[1]) изъ Власковой, Юрга изъ Поломошновой,—частью путемъ образованія переселенческихъ заселковъ изъ пустолежащихъ земель—Яшка, Верхъ-Пача, Еловка, Сѣверный, Дубровскій. Уже одно это не могло не внести крупныхъ измѣненій въ группировку селеній по общинамъ, повышая число однодеревенскихъ (всѣ переселенческіе заселки принадлежатъ къ нимъ) и одновременно уменьшая количество составныхъ единицъ—селеній въ нѣкоторыхъ сложныхъ общинахъ.

Всѣ только что перечисленные факты, хотя они были затронуты пока съ одной числовой стороны, указываютъ тѣмъ не менѣе, что крестьянское землевладѣніе разсматриваемаго района далеко не представляетъ чего-нибудь вполнѣ законченнаго, отлившагося въ извѣстную опредѣленную форму. Напротивъ, повсемѣстно наблюдается движеніе, смѣна однѣхъ формъ другими. Наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ этого движенія служитъ распаденіе сложныхъ и крупныхъ формъ владѣнія и процессъ обособленія мелкихъ земельныхъ единицъ. Если этимъ движеніемъ можно характеризовать исторію крестьянскаго землевладѣнія со времени межеванія, т. е. въ теченіи 70 лѣтъ, то имъ же характеризуется и настоящій моментъ, и въ томъ же процессѣ разложенія крупныхъ единицъ общиннаго владѣнія лежитъ источникъ современныхъ запутанныхъ земельныхъ отношеній, какія наблюдаются повсюду въ Томскомъ округѣ; тѣмъ-же процессомъ, несомнѣнно, будетъ опредѣляться крестьянское землевладѣніе и въ будущемъ, по крайней мѣрѣ ближайшемъ. Отсюда необходимость болѣе близкаго и детальнаго изученія, какъ самыхъ условій распаденія сложныхъ

[1]) Въ сводной таблицѣ показана вмѣстѣ съ Власковой

формъ и образованія новыхъ, такъ и главнѣйшихъ причинъ, вызывающихъ явленіе.

Изъ приведенныхъ выше фактовъ одинъ не можетъ не остановить на себѣ вниманія даже при поверхностномъ знакомствѣ съ существующими земельными отношеніями въ разсматриваемомъ районѣ, а именно наличность связи, выражающейся въ смѣшанныхъ формахъ владѣнія, между такими селеніями, которыя еще во времена межеванія представляли собой настолько уже обособившіяся единицы, что имъ были замежеваны особыя дачи, отдѣленныя границами, которыя обозначались «столбами», «ямами» и пр., отъ дачъ другихъ селеній. Выше были приведены данныя, указывающія на существованіе этого факта, но въ виду запутанности земельныхъ отношеній между селеніями онъ не могъ быть выраженъ во всей полнотѣ, которая позволила бы сдѣлать вытекающіе изъ него выводы, такъ какъ многое совершенно не поддается цифровому выраженію. Особенно это относится къ различнымъ второстепеннымъ оттѣнкамъ явленія, которые тѣмъ не менѣе имѣютъ весьма важное значеніе.

Семьдесятъ лѣтъ назадъ, говорятъ межевые документы, сорокъ четыре селенія Кайлинской волости[1]) составляли три сложныхъ и тридцать шесть однодеревенскихъ общинъ. Всѣ эти общины имѣли совершенно обособленное владѣніе, въ удостовѣреніе чего имѣется 39 плановъ, составленныхъ согласно межевой техникѣ своего времени. Въ настоящее время вполнѣ обособившихся общинъ всего лишь 21, считая и сложную изъ 3 селеній, и общину, возникшую въ послѣднее десятилѣтіе; остальныя же селенія (21) не обособились и находятся между собой въ разнообразнѣйшихъ земельныхъ отношеніяхъ, во многихъ случаяхъ весьма еще крѣпкихъ. Эта цифра только грубо выражаетъ дѣйствительность, такъ какъ обособленіе первыхъ изъ названныхъ общинъ, по крайней мѣрѣ, многихъ изъ нихъ, строго говоря, далеко еще не завершилось: постоянно возникаютъ въ нихъ вопросы, которые съ полной убѣдительностью доказываютъ, что, если былая связь внѣшнимъ

[1]) Здѣсь не принимаются во вниманіе селенія, перечисленныя въ настоящее время въ другія волости.

образомъ и можетъ считаться уже порванною, то въ повседневныхъ междуобщинныхъ отношеніяхъ она еще сказывается, какъ нѣчто живое, и время отъ времени даетъ себя чувствовать.

С. Гутово, занимающее въ Кайлинской волости центральное положеніе, имѣетъ самостоятельную межевую дачу, отмежеванную въ 1821 г., почему и относится къ вполнѣ обособленнымъ межевымъ общинамъ. Въ настоящее время земельныя отношенія этого селенія представляются въ такомъ видѣ: съ д. Кудриной той-же волости оно имѣетъ общій выгонъ; въ отношеніи же другихъ угодій землевладѣніе с. Гутова уже настолько обособилось, что, какъ пахотная и сѣнокосная община, оно должно считаться одиодеревенской общиной, почему въ вышеприведенномъ счетѣ и вошло въ число смѣшанныхъ. Сложная форма владѣнія выгономъ могла возникнуть позже межеванія, подъ вліяніемъ какого-нибудь частнаго соглашенія двухъ общинъ, вызваннаго текущей жизненной потребностью.[1]) Это вполнѣ объясняло бы превращеніе двухъ одиодеревенскихъ общинъ въ одну смѣшанную—сложно-простую, если бы изслѣдованію не удалось обнаружить ряда другихъ фактовъ, неопровержимо доказывающихъ, что въ ближайшемъ прошломъ сложная форма владѣнія въ названныхъ общинахъ была гораздо шире, чѣмъ въ настоящую минуту, и не ограничивалась однимъ выгономъ, во 1-хъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и составъ общины не ограничивался двумя деревнями Гутовой и Кудриной, во 2-хъ, оказывается, что еще не такъ давно гутовцы «были въ обоюдѣ,» «заходили другъ за друга»[2]) со многими другими селеніями, также имѣющими отдѣльныя межевыя дачи: съ Кайлиной, Елтышевой (Глызы), Ирбой, Сурковой и Ту-

[1]) Въ дѣйствительности такъ и было. Ранѣе и Гутова, и Кудрина имѣли каждая свою поскотину, причемъ часть гутовской городьбы находилась на лѣвомъ берегу р. Инп, гдѣ городили и кудринцы. Поскотины сходились около рѣки, въ какихъ-нибудь 40 саженяхъ одна отъ другой. Кудринская поскотина была очень не велика; возрастаніе населенія и вызванное этимъ увеличеніе скотоводства потребовали ея расширенія и увеличенія выгона; но податься было некуда: мѣшала гутовская поскотина. Кудринцы стали требовать, чтобы гутовцы пустили ихъ къ себѣ; тѣ отказывали. Возникли ссоры; кудринцы не разъ ломали городьбу, и т. д. Тогда „старики“ согласились соединить обѣ поскотины въ одну. Нѣсколько лѣтъ прошло мирно, но затѣмъ вновь начались столкновенія, повторяющіяся аккуратно каждый годъ весною и осенью.

[2]) Такъ крестьяне Томскаго округа обозначаютъ совмѣстное, нераздѣльное владѣніе и пользованіе землей.

тучиномъ. Первыя три изъ перечисленныхъ селеній недавно составляли съ с. Гутовымъ одно сельское общество и одну податную общину; въ обоюдѣ были не только пашнями, но и сѣнокосами, пасѣками и пр. Такъ, наприм., гутовскія пасѣки находились въ Ирбинской дачѣ. Съ Тутучиномъ и сейчасъ не могутъ разобраться, гдѣ чьи земли, почему и пользуются черезполосно. Съ Кудриной идетъ споръ о сѣнокосахъ: въ прежнее время здѣсь также было совмѣстное пользованіе, которое прекратилось уже много лѣтъ назадъ.

Это, однако, не все: фактическія земельныя отношенія имѣли границы еще гораздо шире, чѣмъ сказано. Кайлина, Елтышева, Ирба составляли прежде одну общину не только съ Гутовой и Сурковой, но также съ Глядѣномъ, Кривоящемъ, Долговой Кайлинской вол. и Болотной Ояшинской вол.—всѣ были «въ обоюдѣ,» «заходили другъ за друга,» «пахали сувмѣстяхъ», говорятъ крестьяне во всѣхъ этихъ селеніяхъ, входя въ подробныя разъясненія, что значитъ быть въ обоюдѣ, пахать сувмѣстяхъ и пр. Кайлина, Елтышева и Глядѣнь совмѣстно пользовались сосновымъ лѣсомъ, произрастающимъ въ поскотинѣ первой. Единство показаній и самый характеръ разъясненій не оставляютъ сомнѣній, что рѣчь идетъ о крупной сложной общинѣ, границы и время распаденія которой крестьяне опредѣляютъ не всегда вполнѣ точно, какъ видно будетъ ниже,—время многое уже стерло изъ памяти населенія.

Болотная, входившая ранѣе въ одно сельское общество съ Кривоящемъ, съ которымъ и теперь еще принадлежитъ къ одному церковному приходу, совмѣстно пользовалась всѣми угодьями съ д.д. Ачей, Таскаевой, Маноиловой, а Кривоящъ былъ въ обоюдѣ съ Савиновой. Между Маноиловой, Таскаевой и Болотной прежнія отношенія сохранились отчасти еще и теперь, не смотря на то, что формально эти селенія разграничили свои владѣнія нѣсколько лѣтъ назадъ путемъ «разъѣзда границ:»[1]) всѣ эти селенія по границѣ и сейчасъ еще заходятъ другъ за друга, хотя и не такъ далеко, какъ прежде, но никакихъ недоразумѣній изъ за этого между общинами не возникаетъ.

[1]) См. ниже формы распаденія сложныхъ общинъ и разрѣшенія земельныхъ споровъ.

Продолжая въ прежнемъ круговомъ направленіи путь по волости отъ одной современной общины къ другой, мы изъ Савиновой переходимъ въ сложную межевую, фактически же смѣшанную общину, состоящую изъ четырехъ деревень—Бжицковой (Болуновой), Татариновой (Басалаевой), Асановой и Шитиковой.[1]) Въ 1824 г. для этихъ селеній была обмежевана одна общая дача, внутри которой обозначены границы фактическаго пользованія каждаго изъ нихъ, что и нанесено на планъ. До 50-хъ г.г. всѣ эти селенія входили въ одинъ сельскій участокъ и составляли одну «колоду,»[2]) распавшуюся съ переходомъ Шитиковой въ Тутальскую волость и присоединеніемъ ея къ Чахловскому сельскому участку.[3]) Въ земельномъ отношеніи всѣ четыре селенія составляли одно цѣлое, къ которому принадлежала, повидимому, и д. Чахлова Тутальской вол. Въ настоящее время связь между этой послѣдней деревней и четырьмя остальными порвана окончательно; что-же касается Бжицковой и другихъ селеній межевой общины, то, заходя во многихъ пунктахъ другъ за друга пашнями, каждая деревня считаетъ, что все-же у нея есть и свои земли и опредѣляетъ ихъ по «урочищу,» за каковое между Асановой и Татариновой принимается р. Болотная, а между этими деревнями и Бжицковой р. Лебяжья, хотя и за Лебяжьей есть мѣстность, считающаяся за Татариновой; между Бжицковой и Шитиковой границей служитъ р. Черемшанка, хотя бжицковцы и сейчасъ пашутъ за этой рѣчкой.[4]) Всѣ четыре селенія, считая и Шитикову, городятъ одну поскотину, каждая съ своей стороны, въ опредѣленномъ мѣстѣ; Асанова и Татаринова имѣютъ особый выгонъ для овецъ, общій для обѣихъ деревень. Въ той части дачи, которая считается принад-

[1]) Въ настоящее время въ административномъ и податномъ отношеніи Шитикова принадлежитъ къ Тутальской волости.

[2]) „Колодой“ крестьяне Томскаго округа называютъ податную общину.

[3]) Лучшіе люди и старосты Кайлинской вол. составили въ декабрѣ 1861 г. приговоръ о согласіи волости на перечисленіе д. Шитиковой къ Тутальской вол. Шитиковцы мотивировали свое желаніе перейти тѣмъ, что ихъ деревня находится на границѣ Кайлинской вол. и далеко отъ волостнаго правленія, тогда какъ Тутальское волостное правленіе ближе. Лучшіе люди признали это обстоятельство уважительнымъ. Арх. дѣло № 24.

[4]) Имѣющіе въ межевомъ архивѣ Главнаго Управленія Алтайскаго округа въ настоящее время планы на Бжицковскую дачу не позволили сравнить современныя „грани по урочищамъ“ съ границами 1828 г.; на волостномъ же планѣ, которымъ пользовалось изслѣдованіе, внутреннія границы Бжицкорской дачи не обозначены.

лежащею Асановой, находится борокъ, пользуются которымъ не только асановцы, но и жители другихъ селеній—Бжицковой, Татариновой, Ачи, Таскаевой, Елфимовой, Корниловой, —все деревень, уже обособившихся по отношенію ко всѣмъ угодьямъ и признающихъ въ настоящее время свое владѣніе единоличнымъ. Изслѣдованію не удалось установить для настоящаго времени между Бжицковской смѣшанной общиной и другими, смежными съ нею, болѣе тѣсной связи, которая охватывала бы и другія стороны общинной жизни. Показателями былыхъ отношеній могутъ служить такіе факты, какъ споръ между д.д. Болотной и Асановой, бывшій въ 60-хъ г.г. изъ за совмѣстнаго пользованія этихъ деревень хлѣбопахотными землями. Споръ возникъ вслѣдствіе желанія обѣихъ деревень прекратить установившійся порядокъ. Другой споръ былъ между Таскаевой и Татариновой также изъ за хлѣбопахотныхъ земель. Наконецъ, съ той-же точки зрѣнія можно смотрѣть на существованіе хлѣбозапаснаго магазина, общаго для д.д. Таскаевой и Татариновой. Во всякомъ случаѣ, здѣсь слабѣе, чѣмъ въ другихъ общинахъ, слѣды былыхъ земельныхъ порядковъ, изъ которыхъ брали свое начало современныя отношенія.

Еще слабѣе тѣже слѣды въ современной однодеревенской общинѣ Елфимовой, на прежнія формы которой указываютъ такіе факты, какъ загораживанье Елфимовой для поскотины части земель, считаемыхъ ачинцами за свои. Ачинцы хорошо знаютъ, что нѣкоторыя ихъ земли находятся въ распоряженіи елфимовцевъ, тѣмъ не менѣе положеніе остается прежнимъ, хотя временами изъ за этого и возникали столкновенія, а въ послѣдніе годы часто раздаются голоса за то, чтобы елфимовцевъ и «вовсе отжить отъ грани».[1]) Происхожденіе современныхъ отношеній объясняютъ такъ: очень давно (70-лѣтній старикъ не помнитъ самъ, а знаетъ отъ прежнихъ стариковъ) у обоихъ селеній была общая поскотина. Когда и при какихъ

[1]) Изъ приговора крестьянъ разныхъ деревень видно, что елфимовская поскотина дѣйствительно находится на плановыхъ земляхъ д. Ачинской, и объясняется это недостаткомъ земель въ елфимовской дачѣ (приговоръ 23 апр. 1848 г.) Когда возникъ споръ, и ачинцы потребовали земли отъ елфимовцевъ и „порубили поскотину", бывшее Горное Правленіе признало, какъ ранѣе сдѣлалъ и земскій управитель, право елфимовцев на эту землю. Арх. дѣло № 3986.

условіяхъ произошло обособленіе, никто изъ стариковъ объяснить не можетъ; тѣмъ болѣе не могло сохраниться преданій у младшаго поколѣнія—современныхъ домохозяевъ. Можно думать, что нѣкогда существовала болѣе тѣсная связь и между Елфимовой и Поломошновой Тутальской вол., на что указываютъ споры о владѣніи, бывшіе въ 80-хъ г.г. нашего столѣтія.

Наблюдается тяготѣніе къ Елфимовой сосѣдней общины Корниловой, тяготѣющей одновременно и къ Ачѣ и Кулаковской (Простокишкиной) Тутальской вол.; Корнилова была также «въ обоюдѣ» съ Сурковой, Ирбой, Маной, Ловой. Чертой, за которую не переступали корниловцы, была граница земель д. Осиновки, можетъ быть, и не совпадавшая съ плановаго, тѣмъ не менѣе признаваемая обѣими сторонами; не распространяли въ этомъ направленіи своихъ запашекъ и крестьяне д. Долговой. Почему именно съ осиновцами не было обоюднаго пользованія, тогда какъ во всѣ другія стороны оно имѣло самое широкое распространеніе, никто изъ теперешнихъ домохозяевъ объяснить не можетъ, хотя всѣ категорически утверждаютъ, что совмѣстнаго пользованія между ними и осиновцами «никогда не было.» Что-же касается другихъ селеній, то примѣромъ «обоюдныхъ» отношеній могутъ служить такіе факты: ирбинцы пахали подъ Долговой, долговцы—подъ Ирбой, а «старикъ Плотниковъ даже за Ирбой,» и т. д. «Никто претензій не имѣлъ, заходили другъ за друга.» «Старики,» объясняютъ долговцы, знали, гдѣ чьи грани по старой разграникѣ, но пахали,—на это никто не смотрѣлъ,—кому гдѣ глянулось, тамъ и запахивалъ.» Въ настоящее время все это рѣзко измѣнилось, и общинная жизнь уже укладывается въ рамкѣ однодеревенскаго владѣнія и пользованія.

Особенно запутанныя отношенія наблюдаются въ общинахъ, отнесенныхъ нами къ смѣшаннымъ и лежащихъ въ восточной части волости, на границѣ съ волостями Тутальской и Таремінской, изъ которыхъ послѣдняя принадлежитъ уже къ Кузнецкому округу, -въ д.д. Чертежковой, Изылахъ, Сухострѣловой, Горевкѣ, Васенной, Шубкиной. Въ теченіи уже нѣсколькихъ дѣсятилѣтій нѣкоторыя изъ этихъ селеній служатъ ареной нескончаемыхъ земельныхъ споровъ, разрѣшае-

мыхъ черезъ посылку межевщиковъ и возобновленіе границъ 20-30-хъ г.г., волостные и третейскіе суды, и пр., и пр., Все это пока ни къ чему не приводитъ, а, пожалуй, еще болѣе затягиваетъ и осложняетъ недоразумѣнія, жизнь общинъ по-прежнему остается тревожной и тяжелой.

Жители д. Чертенковой пашнею и сѣнокосами пользуются совмѣстно съ крестьянами д.д. Ново-Изылинской и Саламатовой Таремнской волости. Здѣсь деревни какъ-бы обмѣниваются разнородными угодьями: д. Чертенкова, въ дачѣ которой много солонцеватыхъ земель, для обработки негодныхъ, поставлена въ болѣе выгодныя условія относительно сѣнокосовъ, чѣмъ хлѣбопахотныхъ земель, въ которыхъ ощущается сильный недостатокъ; въ деревняхъ же Ново-Изылинской и Саламатовой, имѣющихъ одну межевую дачу, наблюдается какъ разъ обратное—много хлѣбопахотныхъ и мало сѣнокосныхъ земель. Соединяясь въ одно цѣлое, три селенія уравниваютъ условія и даютъ возможность удовлетворять потребность въ различныхъ угодьяхъ. Примѣры подобнаго выхода изъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій могутъ быть констатированы и относительно другихъ селеній того-же района —Боровой Тутальской вол. и Сухострѣловой Кайлинской вол. Кромѣ того, чертенковцы имѣютъ сѣнокосы черезполосно съ крестьянами д. Изыловъ (Кайлинской же волости), съ которой ранѣе Чертенкова составляла одну общину, но теперь уже обособилась. Поскотину Чертенкова имѣетъ отдѣльную, но близко подходящую къ Изылинской; прежде же поскотина была общая. Чертенковцы платятъ часть дороги въ Изылинской поскотинѣ, за что и пользуются нѣкоторыми кулигами. Лѣсъ на гать изылинцы даютъ изъ поскотины, но всякое иное право на лѣсъ не признаютъ за чертенковцами, и случаи порубокъ этими послѣдними считаются уже самовольствомъ. Чтобы закончить характеристику современной Изылинской общины, нужно прибавить, что относительно пашни и сѣнокоса наблюдается уже полное обособленіе, такое какъ и въ отношеніи «моховища,»[1]) которымъ до 1887 г. пользовались совмѣстно не только члены собственно Изылинской об-

[1]) Моховое болото, съ котораго деруть мохъ для конопатки жилищъ.

шины, но и другихъ деревень—Тутучина, Кудриной, Шумиловой. Когда-то всѣ эти деревни составляли въ земельномъ отношеніи одно цѣлое, всѣ «въ обоюдѣ были,» заходя другъ за друга.

Сухострѣлова и Боровая пользуются совмѣстно пашнями, лежащими въ дачѣ первой изъ этихъ общинъ, и сѣнокосами, находящимися въ дачѣ Боровой (Тутальской вол.). Поскотина у Сухострѣловой общая съ Саламатовой Таремпнской вол.; каждая деревня городитъ свою сторону, по опалку поскотиннаго лѣса производятъ сообща. Имѣетъ въ частномъ, обособленномъ пользованіи, какъ поскотинный, такъ и запоскотинный.

Чертенкова, Изылы, Сухострѣлова, Саламатова, Ново-Изылинская, Боровая и Завьялова (Колягина)[1]) имѣли общія хлѣбопахотныя угодья, заходя повсемѣстно другъ за друга. Такъ было еще въ началѣ 60-хъ г.г. Деревни, рядомъ лежащія, напр., Горевка въ 5 верстахъ отъ Чертенковой, не участвовали въ совмѣстномъ пользованіи съ названными, кромѣ д. Изылинской,—такъ было, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе лѣтъ 40. Сложная форма разсматриваемой общины не ограничивалась только хлѣбопахотными землями: тоже самое было и по отношенію всѣхъ остальныхъ угодій, за исключеніемъ рощеннаго лѣса. Нельзя сказать, по крайней мѣрѣ, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія добыты изслѣдованіемъ, чтобы границы этой сложной общины были въ то время (въ 60-хъ г.г.) уже строго обособлены, такъ какъ нѣкоторыя селенія, входившія въ составъ ея «заходили другъ за друга» и съ другими обособленными общинами. Такъ, Русакова, въ настоящее время являющаяся совершенно отдѣльной общиной, заходила другъ за друга пашнями и сѣнокосами съ Чертенковской общиной, также, какъ Боровая съ Кійской. Между тѣмъ, Русакова входила въ составъ другой сложной общины вмѣстѣ съ д.д. Кусьменью, Усть-Сосновской, Конульской и Березовой (двѣ послѣднія Таремпнской вол.). Нѣкоторыя изъ этихъ селеній въ свою очередь имѣли частныя земельныя связи съ другими общинами, уже болѣе или менѣе обособившимися. Очевидно, что

[1]) Таремпнская вол. Кузнецкаго округа.

такое запутанное землевладѣніе и землепользованіе могло явиться только, какъ результатъ болѣе широкой земельной связи, порвавшейся нѣкогда подъ вліяніемъ причинъ, теперь населенію неизвѣстныхъ. Разложеніе Чертенковской, Русаковской и др. сложныхъ общинъ, послѣдовавшее въ 60-хъ г.г., представляетъ уже вторичный процессъ распаденія сложныхъ формъ и обособленія болѣе мелкихъ земельныхъ единицъ,—процессъ, далеко еще не закончившійся и въ наше время. Обособленіе Чертенковой отъ Завьяловой имѣло мѣсто всего лишь нѣсколько лѣтъ назадъ.[1]) Постоянные споры между Чертенковой и Изылами въ ближайшемъ будущемъ могутъ порвать послѣдніе остатки бывшей земельной связи между этими селеніями; для этого нужно только разгородить окончательно поскотину, «разбить на стекла» сѣнокосъ, о чемъ уже нѣсколько лѣтъ идутъ жаркія схватки и препирательства между отдѣльными членами той и другой общины, и пр.

С. Горевское и д. Васенна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и сейчасъ еще являются сложной общиной, тогда какъ въ остальныхъ они обособились въ односеленскія. Васенна же, кромѣ того, распадается, опять-таки лишь по отношенію нѣкоторыхъ угодій (части луговыхъ сѣнокосовъ), на три раздѣльныя общины, изъ которыхъ двѣ инородческія Кумышской и Шуйской управъ и одна русская. Связующимъ угодьемъ между Горевкой и Васенной въ настоящее время служатъ лѣса, не опаливаемые общинами; по отношенію же всѣхъ другихъ угодій произошло уже полное обособленіе. Еще въ первой половинѣ 60-хъ г.г. Горевка, Васенна и Изылы были въ обоюдѣ относительно всѣхъ угодій, кромѣ выгонныхъ земель поскотинъ), передѣляемыхъ по душамъ сѣнокосовъ и «опалки,» т. е. тѣхъ общинныхъ лѣсовъ, которые опаливались крестьянами. Васенна имѣетъ «въ своемъ планѣ» относительно много удобныхъ для хлѣбопашества земель, почему собственно васенцамъ не было надобности самимъ заѣзжать въ чужія дачи для хлѣбопашества—напротивъ, другія деревни пахали на васенскихъ поляхъ; но луговъ въ Васенной мало, почему для сѣнокошенія васенцы ѣздили въ сосѣднюю сложную общину Агафоновскую.

[1]) Рѣшеніе Тарминскаго волостнаго суда въ 1891 г.

Иныя отношенія у разсматриваемыхъ деревень съ д. Дорошиной (Попрошайкиной),[1]) съ которой еще не такъ давно происходили рѣзкія столкновенія и судьбина изъ-за хлѣбопахотныхъ земель. О характерѣ этихъ столкновеній придется говорить еще ниже; здѣсь же нужно сказать, что есть основанія предполагать, что ранѣе между этими деревнями была болѣе тѣсная связь, прекращеніе которой и вызвало споры и столкновенія. Вполнѣ установить этотъ фактъ изслѣдованію не удалось, потому что оно имѣло дѣло лишь съ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ—съ Васпиной, населеніе же Дорониной осталось неопрошеннымъ, какъ принадлежащее къ другому округу—Кузнецкому.

Съ разсматриваемой точки зрѣнія, одиноко стоитъ Шубкинская община. Будучи обособленной по отношенію всѣхъ угодій и всѣхъ окрестныхъ селеній, она и ранѣе, по словамъ крестьянъ, не принадлежала ни къ какой сложной общинѣ. Всѣ воспоминанія населенія ограничиваются тѣмъ, что когда-то тугучинскіе инородцы «малость попахивали» въ ихъ дачѣ. Тугучинцы же говорятъ, что они не только «попахивали,» но и вообще совмѣстно пользовались землей съ жителями, какъ этой, такъ и другихъ сосѣднихъ деревень—Шумиловой, Кудриной, Изылами. Въ какой мѣрѣ утвержденіе тугучинцевъ отвѣчаетъ дѣйствительно бывшимъ между этими селеніями отношеніямъ,—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, отрицаніе одною изъ сторонъ, при отсутствіи другихъ доказательствъ, не позволяетъ дѣлать сколько-нибудь категорическихъ заключеній о прежнихъ взаимныхъ отношеніяхъ Шубкиной и Тугучина.

Нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Шубкиной произошло выселеніе четырехъ селеній «на трактъ,»[2]) гдѣ онѣ образовали въ предѣлахъ своей дачи заимку, еще не имѣющую опредѣленнаго имени (нѣкоторые называютъ ее Борисовкой, большинство же просто заимкой). Пока шубкинцы смотрятъ на эту заимку, какъ на часть своей деревни, и поэтому никакихъ недоразумѣній по поводу землепользованія не возникаетъ. Но,

[1]) Тарсминской вол.

[2]) Барнаульско-Томскій почтовый трактъ, пролегающій черезъ Кайлинскую волость, въ частности же черезъ Шубкинскую дачу. Выселеніе вызвано желаніемъ нѣкоторыхъ домохозяевъ заняться дворничествомъ на тракту, которымъ проходитъ много обозовъ.

вѣроятно, не далеко то время, когда эта заимка изъ четырехъ дворовъ превратится въ болѣе крупное поселеніе. На это указываетъ, какъ выгодность положенія самой заимки, такъ и желаніе многихъ шубкинцевъ послѣдовать примѣру своихъ односельчанъ и переѣхать на тракть. Многіе уже навозили лѣсу на постройку (12 семей), но шубкинское общество воспротивилось, и переселеніе пока было пріостановлено. Если общество не приметъ мѣръ къ уничтоженію заимки или, по крайней мѣрѣ, не воспрепятствуетъ ея дальнѣйшему разрастанію, то въ недалекомъ будущемъ Шубкина или превратится въ сложную изъ двухъ селеній общину, или же распадется на двѣ самостоятельныя общины, если не относительно всѣхъ, то нѣкоторыхъ угодій, имѣющихъ наибольшее значеніе.

Подвигаясь далѣе по волости въ принятомъ направленіи, достигаемъ Осиновскаго сельскаго участка, состоящаго изъ д.д. Сурковой, Осиновки, Кусьмени, Кійской и Кусковой. Каждое изъ этихъ селеній представляетъ въ настоящее время самостоятельную общину. До 60-хъ же годовъ они стояли въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ, послѣ чего остались неконтрактные земельные споры между всѣми ими. «Община, говорится въ запискахъ изслѣдованія относительно этихъ селеній, совершенно игнорировала всѣ планы и грани, и пользованіе было безъ всякихъ соображеній не только съ ними, но даже и съ границами волости, примѣромъ чему служатъ д.д. Боровая, (Тутальской вол.) и Кійская (Кайлинской вол.). Для указанія бывшихъ между этими селеніями отношеній нѣкоторый матеріалъ даетъ имѣющаяся въ Кайлинскомъ волостномъ правленіи перепеска. Въ д. Кійской проживали 12 душъ крестьянъ д. Боровой (лежащей на лѣвомъ берегу р. Ини, противъ Кійской), гдѣ и занимались многіе изъ нихъ хлѣбопашествомъ, никѣмъ не стѣсняемые. Боровскіе съ лѣваго берега косили на правомъ берегу, хотя и не пахали здѣсь; кійскіе же косили луговыя мѣста за Ией, гдѣ сѣнокосы были раздѣлены на душевые пайки. Въ боровской поскотинѣ росетъ хорошій березовый и красный лѣсъ, рощенный боровскими крестьянами. Боровляне не позволяли его рубить не только кійцамъ, но и тѣмъ изъ своихъ односельцевъ, которые жили въ Кійкѣ. Съ послѣдними у боровлянъ нерѣдко происходили рѣзкія столкновенія,

образцомъ которыхъ можетъ служить драка, происшедшая изъ-за того, что правобережные пріѣхали въ д. Боровую «порубить краснаго лѣсу» въ поскотинѣ: пріѣхавшіе были избиты, у нихъ отняты топоры, хомуты, и т. д. За самоуправство многіе изъ боровлянъ были подвергнуты тѣлесному наказанію. Это, однако, не измѣнило сущности отношеній: общество попрежнему не допускало никого къ пользованію лѣсомъ въ своей поскотинѣ. Въ остальной части дачи лѣсомъ свободно пользовались жители обѣихъ деревень; равно и поскотина была общая. Никакихъ ссоръ и столкновеній между боровлянами и кійцами не было,—жили мирно, тихо. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока правобережные боровляне не надумали перечислиться въ д. Кійскую, въ которой они жили и родились. Какъ только состоялось перечисленіе, боровляне сейчасъ же потребовали, чтобы кійскіе прекратили пользованіе сѣнокосами на лѣвомъ берегу р. Ини. Тѣ отказались выполнить требованіе, дѣло перешло въ волость, которая и распорядилась, чтобы границей между селеніями считать р. Иню и при пользованіи различными угодьями болѣе другъ за друга не заходить. Такъ прекратилась связь между двумя деревнями, существовавшая десятки лѣтъ.»

Въ настоящее время кійскіе пашней заходятъ другъ за друга съ тугучинцами, а также пользуются сообща лѣсомъ, какъ дровянымъ вообще по всей тугучинской дачѣ, такъ и строевымъ въ поскотинѣ того же селенія. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что именно по отношенію лѣса русская и инородческая половины Тугучина представляютъ раздѣльныя формы общины.

О тугучинской русско-инородческой общинѣ приходилось уже не разъ упоминать при обзорѣ наличныхъ или минувшихъ земельныхъ порядковъ въ различныхъ селеніяхъ волости. Въ настоящее время эта община представляетъ смѣшанную форму—раздѣльно-простую, но отчасти и до сихъ поръ сохранила кое-какія связи съ ближайшими общинами. Объ отношеніяхъ ея къ Кійку только что говорилось; выгонными землями (кромѣ поскотинѣ) пользуется сообща не только съ Кійской, но и съ Кусковой и др.; моховищемъ—съ Куприной и т. д. Русская и инородческая части селенія по нѣкоторымъ

угодьямъ представляютъ раздѣльныя формы общины, подробности о чемъ будутъ ниже. О прошломъ Тугучина и его отношеніяхъ къ сосѣднимъ общинамъ къ уже сказанному прибавить почти нечего, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, а именно, что хлѣбопахотной землей тугучинцы пользовались совмѣстно съ гутовцами по р. Мостовой; въ верховьяхъ той-же рѣчки пахали и сурковцы, и т. д. Но всѣ подобныя детали ничего не прибавляютъ къ тому, что уже достаточно обрисовывается и изъ другихъ фактовъ.

Агафоновскій сельскій участокъ (общество) состоитъ изъ д.д. Агафонихи, Дергоусовой, Чемской (Каменка), Владиміровка (Анчешъ), Боровлянки (она же Кукушкина и Телушкина), Борцовой и Шумиловой. Первыя три селенія имѣютъ общую дачу и въ настоящій моментъ представляютъ вполнѣ сохранившуюся сложную общину; всѣ же другія обособились въ однодеревенскія общины, каждое въ своей дачѣ. Двѣ деревни Борцова и Шумилова имѣютъ смѣшанное населеніе—русско-инородческое. Много лѣтъ ранѣе всѣ перечисленныя селенія, кромѣ Владиміровки, основанной переселенцами въ 1886 г.,[1]) пахали землю вмѣстѣ, заходя другъ за друга, а теперешняя сложная Агафоновская община еще въ концѣ 80-хъ годовъ пользовалась хлѣбопахотными и сѣнокосными землями безраздѣльно съ д. Пеньковой (Лебяжьей) и Желтоногиной Тарсминской вол.; прекратились эти отношенія въ 1888-89 г.г.

Между Борцовой и Боровлянкой лѣтъ 15 назадъ было особое полюбовное соглашеніе, вслѣдствіе котораго сѣнокосы были изъяты изъ пользованія боровлянъ и оставлены за Борцовой, къ дачѣ которой они и принадлежали; такимъ же образомъ, лѣтъ 7 назадъ борцовцы возвратили въ свое исключительное распоряженіе сѣнокосы, которыми пользовались Шумиловцы. Это было послѣднимъ шагомъ къ подеревенному обособленію.

Д. Усть-Каменка (Дмитріевка), Моткова, с. Карпысакъ и д. Буготакъ имѣютъ каждая свою земельную дачу. До 1888 г.,

[1]) Въ этомъ году Агафоновская община дала приговоръ, по которому уступила часть своихъ земель (900 дес.) переселенцамъ для образованія самостоятельнаго селенія; здѣсь именно и возникла деревня Владиміровка.

когда впервые былъ введенъ поземельный сборъ на губернскія земскія повинности, всѣ эти селенія пользовались землей совмѣстно, заходя другъ за друга и не обращая вниманія на границы. Тотъ же порядокъ въ сущности остался и теперь, съ тою, однако, разницею, что въ отдѣльныхъ случаяхъ селеніе за пользованіе землей въ его дачѣ взыскиваетъ поземельныя деньги съ лица изъ другаго селенія. Порядокъ этотъ установился послѣ столкновенія между Буготакомъ и Карпысакомъ, закончившагося въ волостномъ судѣ, который обязалъ карпысакцевъ уплачивать поземельныя за пашню, занимаемую ими въ Буготакской дачѣ. Въ настоящее время всѣ деревни по границамъ пользуются вольно хлѣбопахотными и сѣнокосными (степными) угодьями, что должно разсматривать, какъ остатки прежнихъ формъ владѣнія и пользованія землей; луговыми же сѣнокосами пользуются подеревенно, раздѣльно. Разница между луговыми и степными покосами въ этомъ отношеніи, а также хлѣбопахотными землями объясняется большей цѣнностью первыхъ, что въ свою очередь вытекаетъ изъ относительно небольшой площади луговыхъ сѣнокосовъ по сравненію съ другими угодьями.

Здѣсь нужно упомянуть, что при межеваніи д. Моткова получила общую дачу съ д. Черепановой, которая вскорѣ-же уничтожилась черезъ переселеніе ея жителей (послѣдній дворъ переселился лѣтъ 60 назадъ) въ Моткову.

Общую же дачу получили д.д. Буготакъ и Орская (она же Петровская или Мошнина). Лѣтъ 30 назадъ (точно опредѣлить время крестьяне не могли) Орская перечислилась изъ Кайлинской волости въ Ояшинскую вслѣдствіе того, что жителямъ этой деревни было далеко отъ хлѣбнаго магазина, тогда какъ въ Ояшинской вол. населеніе было освобождено отъ хлѣбной повинности, какъ продовольствовавшее натурой проходящія партіи солдатъ и арестантовъ. Никакой земельной связи между Орской и Буготакомъ давно уже не существуетъ, и населеніе этихъ деревень затрудняется даже объяснить, когда эта связь была нарушена и даже, вообще, была ли она когда-нибудь. Общій планъ на эти двѣ деревни вызываетъ только недоумѣніе ихъ жителей. Споровъ земельныхъ между Орской и Буготакомъ не возникало, такъ какъ между угодьями,

которыми пользуются та и другая деревня, находятся обширные дубравы стараго березняка, за которыя не «заѣзжаютъ» жители ни Орской, ни Буготака.

Послѣдній сельскій участокъ Кайлинской волости состоитъ изъ четырехъ деревень: Канарбуги, Калагановой (Новая), Томиловой и Гляденна (Каурдакъ). Всѣ эти селенія распадаются на двѣ смѣшанныхъ общины (сложно-простыя), по два селенія въ каждой; связующимъ звеномъ служатъ, какъ между Гляденомъ и Канарбугой, такъ и между Томиловой и Калагановой выгонныя земли, огораживаемыя поскотиной, а въ послѣднихъ двухъ, сверхъ того, и сосновый лѣсъ. По отношенію всѣхъ остальныхъ угодій произошло полное обособленіе. Въ прежнее время земельные порядки въ этихъ деревняхъ имѣли слѣдующій видъ: Гляденъ и Канарбуга были въ оброкѣ и считали, что у нихъ и межевая дача общая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пользованіе различными угодьями было общее. Такъ продолжалось до половины прошлаго десятилѣтія, когда гляденцы приняли въ свою среду нѣсколько семей переселенцевъ и колыванскихъ мѣщанъ, много лѣтъ проживавшихъ въ ихъ селеніи, но не бывшихъ почему-то причисленными. Сейчасъ послѣ перечисленія бывшіе мѣщане начали хлопотать о томъ, чтобы выправить изъ Главнаго Управленія округомъ планъ на гляденскую дачу. Въ 1888-89 г. имъ удалось добиться своего и заполучить въ руки копію съ плана, который оказался имѣющимъ очень мало сходства съ представленіями крестьянъ объ общей дачѣ, а именно оказалось, что на земли Гляденна («инородцевъ улуса Каурдакскаго») имѣется особый планъ, независимо отъ д. Канарбуги. Такимъ образомъ, разница была не въ пользу канарбугцевъ, которымъ гляденцы и предъявили требованіе считать за каждымъ селеніемъ особыя дачи, а границей между ними признать р. Иню, «какъ значится на планѣ». Канарбугцы на это не соглашаются, утверждая, что у нихъ дача общая, общей должна и оставаться; копіи съ плана, имѣющейся у гляденцевъ, значенія не придаютъ.[1]) Тѣмъ не менѣе совмѣстное запахиваніе и захожденіе другъ за друга было прекращено, но изъ за одного сѣнокоса постоянно про-

[1]) Въ дѣйствительности, Канарбуга имѣетъ отдѣльную дачу, снятую въ 1822 г. при общей съемкѣ.

исходили столкновенія: глядѣнцы считаютъ, что сѣнокосъ находится въ ихъ дачѣ, а канарбутцы—въ общей; въ пользованіи же сѣнокосъ этотъ долженъ находиться у нихъ, канарбутцевъ, такъ какъ до сихъ поръ косили здѣсь они, а не глядѣнцы.

Относительно земельныхъ порядковъ въ Глядѣнѣ нужно сказать, что здѣсь крестьяне и инородцы, составляющіе населеніе деревни, нѣкоторыми сѣнокосами пользуются раздѣльно; выгономъ-же, пашней и пр.—сообща.

Въ прежнія времена, до обособленія, наблюдаемаго повсюду въ волости, Канарбута была въ обокодѣ не только съ Глядѣномъ, но и съ Калагановой, Шумиловой и Кайлиной. Калаганова въ свою очередь заходила другъ за друга съ Бутотакомъ и Томиловой. Въ концѣ 80-хъ г.г. послѣ введенія подеревенно поземельнаго сбора, внесшаго въ спокойную дотолѣ среду стремленіе къ выдѣленію и обособленію, прежнія отношенія уступили мѣсто новымъ, и теперь каждая деревня имѣетъ свои земли, которыми и распоряжается совершенно независимо отъ остальныхъ. Исключеніе составляетъ поскотина да сосновый лѣсъ, о чемъ уже упоминалось выше. Между обособившимися общинами происходятъ, однако, споры изъ за права на сѣнокосный участокъ по р. Ипѣ, который каждая деревня считаетъ своимъ, и каждая основываетъ свое право на планахъ. Временно между сторонами состоялось соглашеніе какъ именно пользоваться спорнымъ участкомъ. . . . .

Мы разсмотрѣли одна за другой всѣ общины Кайлинской волости въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Повсюду наблюдается одно и тоже: много времени спустя послѣ межеванія, а въ извѣстномъ числѣ случаевъ даже еще и въ настоящій моментъ границы владѣнія и пользованія каждой изъ современныхъ общинъ были гораздо шире, чѣмъ онѣ опредѣляются документами межевой съемки 20-30-хъ годовъ.

Кривощековская волость сходна съ Кайлинской въ томъ отношеніи, что границы крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія здѣсь тоже шире установленныхъ межеваніемъ 20-30-хъ годовъ. Болѣе тѣсныя земельныя отношенія общинъ, уже во время межеванія считавшихся обособившимися до такой степени, что ихъ землепользованіе было выдѣлено въ осо-

быя дачи, очевидны изъ тѣхъ взаимныхъ запахиваній и закашиваній, отъ которыхъ вполнѣ свободны даже и теперь еще всего лишь двѣ общины, да и онѣ обѣ недавняго происхожденія—одна (д. Жеребцова) выдѣлилась изъ Барышевской общины, другая—переселенческій заселокъ, образованный здѣсь въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ и не могущій имѣть съ сосѣдями тѣхъ отношеній, въ какихъ стоятъ общины прежняго образованія.

Наибольшій интересъ представляютъ современныя междуобщинныя отношенія тѣхъ селеній и ихъ группъ, которыя ранѣе входили въ составъ одной общины, впослѣдствіи распавшейся на болѣе мелкія единицы.

Самая крупная изъ общинъ 20-хъ г.г.—Кривощековская, состоявшая изъ 11 селеній, сократилась до 4 селеній и выдѣлила изъ себя двѣ сложныхъ и одну простую общину. Обособленіе коснулось всѣхъ угодій и было настолько полнымъ, что каждая изъ вновь развившихся общинъ считаетъ себя совершенно независимой отъ остальныхъ. При всемъ томъ слѣды бывшаго общаго землевладѣнія и землепользованія сохранились и выражаются въ запахиваніи и закашиваніи другъ у друга, на что въ однихъ случаяхъ общины смотрятъ, какъ на «самовольство» со стороны сосѣдей, хотя такое же самовольство и въ тѣхъ же формахъ онѣ практикуютъ и сами по отношенію сосѣдей,—въ другихъ случаяхъ,—какъ на явленіе вполнѣ нормальное, понятное и терпимое. Такъ, со стороны Кривощековской общины запахиваніе происходитъ въ Усть-Инской и Нижне-Чемской общинахъ; Нижне-Чемская коситъ въ Ельцовской и Усть-Инской дачахъ; Ельцова занимаетъ въ Нижне-Чемской луговое мѣсто подъ выгонъ. Между Нижне-Чемской и Кривощековской общинами происходятъ столкновенія, которыя пробовали разобрать общимъ сходомъ, третейскимъ судомъ, наконецъ, волостнымъ судомъ. Нижне-Чемская община уступила часть своихъ луговъ Ельцовой, которая въ обмѣнѣ предоставила въ пользованіе степные сѣнокосы; съ теченіемъ времени ельцовскіе отобрали эти сѣнокосы, возвратить же обратно луга въ свою очередь не хотятъ. Нижне-чемскіе захватили у Ельцовой лугъ на островѣ на р. Оби. Дальше схода дѣло не переходило. Часть луговъ Усть-Инской общи-

ны въ 30-хъ г.г. была уступлена, при участіи земскаго управителя, Нижне-Чемской общинѣ, а косятъ ихъ мало—кривощековцы; теперь же усть-инцы заявляютъ на нихъ претензію, и т. д.

Тоже самое видимъ и въ общинахъ, разложившихся на однодеревенскія. Запахиванія наблюдаются также и въ общинахъ, которыя уже въ 20-хъ г.г. считались обособившимися. Вотъ относящіеся сюда факты.

На земляхъ, входящихъ въ Чиковскую дачу, пашутъ крестьяне Криводановской и Котковской общинъ; криводановцы, кромѣ того, пашутъ въ общинахъ Прокудкинской и Толмачевской, а толмачевцы пашутъ у криводановцевъ. Въ Прокудкинской дачѣ, кромѣ криводановцевъ, пашутъ крестьяне Чиковской сложной общины, Кочневой, Сеничкиной, Толмачевой и Алексѣевской—однодеревенскихъ; сами прокудкинцы косятъ въ кочневской дачѣ, гдѣ пашутъ также и казаковскіе. У казаковскихъ въ свою очередь пашутъ кочневскіе, сеничкинскіе и шагаловскіе (Ординской вол. Барнаульскаго округа). Шагаловскіе, поваренскіе (той-же волости) и алексѣевскіе пашутъ на земляхъ Сеничкиной, а поваренскіе и косятъ здѣсь же. Сами сеничкинцы, какъ уже сказано, пашутъ въ дачѣ Прокудкиной, Казаковой и Алексѣевской. Пайвинцы пашутъ у Алексѣевской, а въ ихъ дачѣ—Верхъ-Тулинская, Ерестная, Яркова (Ординской вол.); верхъ-тулинцы и поваренцы не только пашутъ, но и косятъ въ пайвинской дачѣ. Въ Шиловской однодеревенской общинѣ пашутъ еремпнскіе, тихоновскіе и ирменскіе (всѣ, Ординской вол.) первые же, кромѣ того и косятъ; сами шиловцы въ чужія дачи не заходятъ. Въ Толмачевской дачѣ, помимо криводановцевъ, которые здѣсь косятъ и пашутъ, косятъ и пользуются дровянымъ лѣсомъ алексѣевцы; толмачевцы же, кромѣ названныхъ выше общинъ, пашутъ въ Алексѣевской дачѣ, гдѣ мы также встрѣчаемъ крестьянъ д.д. Бугринской, Ерестной (сложной Кривощековской общины), Сеничкиной, Пайвиной и Толмачевой; о пользованіи самихъ алексѣевцевъ въ дачахъ сосѣдей уже говорилось выше. Въ Верхъ-Тулинской общинѣ никто изъ сосѣдей землями не пользуется, но сами верхъ-тулинцы пашутъ и косятъ въ Пайвинской и пашутъ въ Нижне-Чемской (сложной) общинѣ. Въ

той-же Нижне-Чемской пашутъ, кромѣ деревень, входившихъ ранѣе въ одну сложную общину съ нею, тюменинцы, а косятъ крестьяне с. Берскаго (Берской вол. Барнаульскаго окр.). Сама Нижне-Чемская коситъ у Изревой, которая выдѣлилась изъ Барышевской общины, а также у Ельцовой и Усть-Инской, ранѣе составлявшихъ одно цѣлое съ Нижне-Чемской общиной. Современная Кривощековская сложная община пашетъ и коситъ у каменскихъ, найвинскихъ и алексѣевскихъ, не говоря уже о родственныхъ общинахъ—Усть-Инской и Нижне-Чемской; коситъ въ дачѣ общины Мочищенской. Пользованія землей со стороны другихъ общинъ въ Кривощековской дачѣ не наблюдается. Барышевская обнодеревенская община еще не окончательно порвала связь съ Ельцовской, жители которой пашутъ въ ея дачѣ, и Быковской, въ дачѣ которой она сама коситъ. Усть-Инская сложная община, сохраняя еще связь съ родственными общинами Кривощековской и Нижне-Чемской, пашетъ и коситъ на земляхъ д. Каменки. Тоже наблюдается и относительно Ельцовой, которая пашетъ на земляхъ Барышевой, не порвавъ окончательно отношенія съ селеніями, входившими ранѣе въ одну общину съ нею: Нижне-Чемская у нея коситъ, она же пользуется у Нижне-Чемской луговымъ мѣстомъ для выгона скота. На земляхъ Изревинской общины пашутъ крестьяне д. Мало-Кривощековой (Нижне-Чемская община), сама же Изрева пашетъ и коситъ на земляхъ общинъ, съ которыми прежде составляла одно цѣлое—съ Березовкой и Плотниковой. На земляхъ той-же Березовской общины пашутъ крестьяне д. Быковой, въ дачѣ которой запахиваютъ и барышевцы. Такія-же двойственныя отношенія у Мочищенской общины, которая сѣнокосами и пашнями пользуется въ Каменской общинѣ, Каменская же, какъ и Бурлинская и с. Кривощеково (Кривощековской сложной общины) въ ея дачѣ косятъ. У каменскихъ пашутъ и косятъ, кромѣ мочищенскихъ, кривощековскіе, усть-инскіе; только пашутъ крестьяне д. Барлакской, только косятъ кубовцы—обѣ послѣднія деревни входятъ въ одну сложную общину. Въ дачѣ Плотниковой закашиваютъ и запахиваютъ лишь тѣ однодеревенскія общины, съ которыми она ранѣе составляла одну сложную; сама Плотникова землями другихъ общинъ не пользуется. У Березовской

общины пашутъ и косятъ быковцы; кромѣ того, Березовка взаимно запахивается и закашивается съ другими общинами, выдѣлившимися изъ Барышевской. Тоже нужно сказать о Репьевой, принадлежавшей прежде къ Барышевской общинѣ и взаимно пользующейся пашнями и сѣнокосами съ Мотковой (Кайлинской вол.). Барлакъ и Кубова (сложная Барлакская община) пользуются пашней и сѣнокосомъ въ дачѣ Каменки.

Кромѣ факта общаго землевладѣнія и землепользованія, что могло быть возстановлено по межевымъ документамъ для начала столѣтія, извѣстное разъясненіе современныхъ междуобщинныхъ отношеній даютъ тѣ немногія свѣдѣнія, какія удалось собрать по исторіи возникновенія нѣкоторыхъ селеній волости. Верткова и Бугринская—выселки изъ с. Кривощековскаго, съ которымъ онѣ и сейчасъ входятъ въ сложную общину; Сеничкина и Тюменина—выселки Бугринской; Алексѣевская—выселокъ Толмачевой; эти двѣ деревни ранѣе принадлежали къ одной сложной общинѣ, а теперь взаимно закашиваютъ другъ у друга, Алексѣевская же, сверхъ того, и рубитъ дрова въ Толмачевской дачѣ. Изъ той-же Толмачевой и Ерестной выдѣлилась д. Пайвина, входившая въ Толмачевскую общину; въ настоящее время ерестнинскіе пашутъ въ Пайвинской дачѣ, переходя черезъ дачи д.д. Алексѣевской и Верхъ-Тулинской.

Таковы современныя междуобщинныя отношенія въ Кривощековской волости. Въ цифрахъ они могутъ быть выражены такъ: изъ 28 современныхъ фактическихъ общинъ—одно-деревенскихъ и сложно-простыхъ—только 2 пользуются землей исключительно въ своихъ дачахъ, не допуская въ нихъ никого другого; 20 общинъ находятся въ двойныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, т. е. и сами пользуются землей въ чужихъ дачахъ, и у себя испытываютъ такое же пользованіе; 4 общины пользуются землей въ чужихъ дачахъ, но не испытываютъ того-же по отношенію своихъ; наконецъ, 2 обратно—сами не пользуются, но у нихъ пользуются землей другія общины.

На ряду съ этимъ наблюдается и другой фактъ, также общій съ Кайлинской волостью: расширеніе границъ фактическаго землепользованія, какъ и сокращеніе ихъ, шло не толь-

ко на счетъ земель той-же волости, но также и земель сосѣднихъ волостей—т. Мотковой Кайлинской вол., Койновой и Берской Берской вол., Шагаловой, Ирменской и др. Ординской вол. Барнаульскаго округа. Здѣсь, правда, междуволостныя, если можно такъ выразиться, отношенія ограничиваются простымъ запахиваньемъ и закашиваньемъ, а не переходятъ въ сложныя формы владѣнія и пользованія, какъ въ Кайлинской волости, но это показываетъ лишь то, что въ процессѣ разложенія сложныхъ формъ общины Кривощековской волости ушли значительно дальше, чѣмъ въ Кайлинской: тогда какъ въ послѣдней мы наблюдаемъ живую связь текущей минуты (Чертенкова и Ново-Изылы; Саламатова, Боровая и Сухостровлова) съ прошлыми формами, въ Кривощековской видимъ лишь далекія послѣдствія однородной связи, давно уже нарушенной, взаимное запахиванье и закашиванье, нескончаемые земельные споры, судьбища и пр.—все то, чѣмъ сопровождается разложеніе сложныхъ формъ общины.

Выше нѣсколько разъ упоминалось о происшедшемъ со времени межеванія полномъ или частичномъ распаденіи всѣхъ сложныхъ общинъ 20-хъ годовъ. Современныя формы владѣнія землей въ этихъ общинахъ (въ Кривощековской волости) имѣютъ такой видъ.

Изъ общинъ 20-хъ годовъ Кривощековская сократилась до четырехъ селеній. Пахотныя земли находятся въ общемъ владѣніи у всѣхъ селеній, также и выгонныя, кромѣ поскотинъ; с. Кривощековское и д. Бугринская обособились отъ остальныхъ селеній луговыми сѣнокосами, которыми и владѣютъ совмѣстно; Крестная также обособилась въ отношеніи луговъ, но владѣетъ ими уже единолично; четвертая деревня —Верткова луговыхъ сѣнокосовъ не имѣетъ вовсе. Степные сѣнокосы не подвергались раздѣлу, и по отношенію ихъ сложная форма сохранилась.

Родственная современной Кривощековской, какъ выдѣленная однимъ и тѣмъ-же процессомъ, Нижне-Чемская община состоитъ изъ четырехъ селеній, сообща владѣющихъ пашнями, степными сѣнокосами и выгонами (кромѣ поскотинъ). По отношенію луговыхъ сѣнокосовъ вполнѣ обособилась д. Мало-

Кривощекова, во всѣхъ другихъ луга общіе. Поскотина—отдѣльная у каждаго селенія.

Усть-Инская сложная община изъ двухъ селеній также, какъ и двѣ предыдущія, образовались путемъ разложенія межевой Кривощековской общины. Всѣми землями, кромѣ выгонныхъ и усадебныхъ, пользуется сообща.

Наконецъ, Ельцовская община выдѣлилась отъ всѣхъ остальныхъ селеній, съ которыми ранѣе составляла одно цѣлое по отношенію всѣхъ угодій.

Чикская община состоитъ изъ тѣхъ-же двухъ селеній, что и въ 20-хъ г.г.; но обособленіе коснулось и ея и выражается въ томъ, что лишь одна хлѣбопахотныя земли остались въ общемъ владѣніи, между тѣмъ какъ сѣнокосами каждое селеніе владѣетъ отдѣльно; поскотины также разныя.

Въ Котковской общинѣ разложеніе выразилось въ обособленіи сѣнокосовъ; хлѣбопахотными же землями и выгономъ (поскотина у обѣихъ деревень общая) владѣетъ община на прежнихъ основаніяхъ, т. е. безраздѣльно. Относительно поскотины и усадебныхъ земель эта община находится въ нѣсколько исключительныхъ условіяхъ: оба селенія общины расположены такъ близко другъ къ другу, что непзбѣжно должны слиться въ силу одного лишь естественнаго роста населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ перейти или къ однодеревенской, или къ раздѣльной формѣ владѣнія, если обособится владѣніе сѣнокосами, а можетъ быть, и хлѣбопахотными землями. Въ настоящее время усадьбы уже настолько сблизились, что для посторонняго глаза незамѣтно дѣленіе одного большаго селенія на двѣ деревни.

Послѣдняя изъ сложныхъ общинъ—Барлакская сохранила общее владѣніе только лишь относительно пахотныхъ земель; всѣ-же остальныя угодья подверглись раздѣлу.

Барышевская община распалась на шесть однодеревенскихъ, Толмачевская—на четыре, а Казаковская—на двѣ.

Всѣ разсмотрѣнныя общины сохранили слѣды былыхъ отношеній, выражающіеся во взаимномъ запахиваніи и захожденіи другъ за друга, какъ съ тѣми общинами, съ которыми не такъ давно составляли одно цѣлое, такъ и съ тѣми, болѣе

тѣсная связь съ которыми документально не могла уже быть возстановлена. Входить въ болѣе детальное разсмотрѣніе всѣхъ случаевъ запахиванія и иныхъ выраженій былаго единенія—врядъ-ли было-бы нужно, такъ какъ всѣ новыя подробности ничего не прибавятъ къ уясненію основнаго положенія.

Чаусская волость даетъ въ большомъ количествѣ тѣ-же факты, что и разсмотрѣнныя уже волости, а именно, что много времени спустя послѣ межеванія, границы общинъ были, по крайней мѣрѣ, относительно хлѣбопахотныхъ земель шире, чѣмъ онѣ обозначены на планахъ. Грязнушинская община пользовалась землей сообща съ Тырышкинской, а также заходила другъ за друга и съ Котковой Кривошековской вол. Прекращеніе такого совмѣстнаго пользованія относится къ 1891 г. Въ настоящее время Грязнушинская община состоитъ изъ двухъ селеній, а Тырышкинская—изъ трехъ. Луговые сѣнокосы подѣлены между селеніями въ каждой общинѣ; въ Грязнушинской подвергалась раздѣлу и поскотина; всѣ остальныя угодья остались въ общемъ владѣніи.

Всѣ селенія Тырышкинской общины были въ обоюдѣ не только съ Грязнушинской, но и съ Ояшинской и «со всѣми окружающими селеніями,» какъ значится въ запис на мѣстѣ.

Чаусская община пользовалась землей совмѣстно съ окрестными селеніями—Анбой, Тропиной, Паутовой, изъ которыхъ двѣ послѣднія въ настоящее время составляютъ особую общину; тутъ-же, «въ обоюдѣ» пользовалась землей и Вьюнская община; здѣсь же пахали и крестьяне Воробьевской сложной общины, и т. д., и т. д.

Вообще, до 1891 г., когда Тропина возбудила споръ о границахъ, и «когда произошло возстановленіе границъ по планамъ 20-хъ годовъ,» пашнями и степными сѣнокосами заходили другъ за друга не только сосѣднія селенія, но, случалось, и дальнія, переѣзжая смежныя дачи и выходя за границы даже волостей: каменскіе Кривошековской волости пахали въ Вьюнской дачѣ; Тропина Заимка «была въ обоюдѣ» съ д. Базойской Ояшинской вол., а Бѣлоярка (она же Бѣлоглинка) съ Дубровиной той-же волости. «Возстановленіе границъ» нѣкоторыхъ общинъ, произведенное межевыми чинами Главнаго

Управленія, ввело землевладѣніе въ рамки межевыхъ общинъ 20-хъ годовъ.

Въ настоящее время Чаусская межевая община состоитъ въ слѣдующихъ фактическихъ отношеніяхъ съ Анбинской межевой общиной: степными сѣнокосами пользуются совмѣстно жители всѣхъ четырехъ селеній; скалинцы даютъ анбинцамъ часть своихъ луговыхъ сѣнокосовъ, которые подверглись раздѣлу между селеніями межевой общины—Чаусомъ, Подгорною и Скалою, за что анбинцы позволяютъ скалинскимъ пахать въ своей дачѣ. Все это заставило причислить Анбу къ Чаусской фактической общинѣ. Скала выдѣлилась изъ сложной общины не одними луговыми сѣнокосами, но и частью выгонныхъ земель—поскотиной, которая ранѣе была общею для всѣхъ трехъ селеній, теперь же Скала имѣетъ особую, которую и городитъ собственными силами. Въ Чаусѣ и Подгорной поскотина по прежнему осталась общею. Въ Скалѣ идетъ агитація въ пользу полнаго выдѣленія землевладѣнія этой деревни изъ общаго, и отпаденіе этой деревни отъ Чаусской общины есть лишь вопросъ времени,—вѣроятно, ближайшаго будущаго.

Въ Ояшинской общинѣ раздѣлу подверглись луговые сѣнокосы и поскотина; остальными угодьями владѣютъ по прежнему безраздѣльно всѣ три селенія. Вьюнская община подѣлила также луговые сѣнокосы, пашнями же пользуется совмѣстно съ Тропиной Заимкой, которая на этомъ основаніи отнесена къ Вьюнской смѣшанной общинѣ. Таже деревня запахивается и съ Базоемъ Ояшинской волости.

Въ Тропинской общинѣ угодья не подвергались раздѣлу, и обѣ деревни, по словамъ крестьянъ, живутъ, «какъ братья,» безъ ссоръ и земельныхъ столкновеній. О Воробьевской общинѣ подробныхъ свѣдѣній не имѣется.

Однодеревенская межевая община Орско-Борская (Орскій Станецъ) въ дѣйствительности должна быть отнесена къ числу смѣшанныхъ, такъ какъ она имѣетъ общій выгонъ (поскотину) съ юртами Орскими Мало-Коряковской инородной управы. Всѣ остальныя угодья у нея въ однодеревенскомъ владѣніи и пользованіи.

Д.д. Южина, Вахрушева, Сидоровскій и Михайловскій поселки—однодеревенскія общины, владѣніе которыхъ обособлено отъ всѣхъ прочихъ общинъ. Къ однодеревенскимъ же должна быть отнесена и Бѣлоярка (она-же Бѣлоглинка), запахивающаяся кое-гдѣ съ Дубровиной Ояшинской волости, такъ какъ вполнѣ опредѣленно выраженнаго совмѣстнаго пользованія угодьями здѣсь нѣтъ въ настоящее время.

По межевымъ даннымъ 20-хъ годовъ, д.д. Поросъ и Новый Поросъ Ояшинской волости имѣли каждая свою дачу и составляли двѣ отдѣльныя общины. Рядомъ же съ ними находится общая дача д. Мошниной и Верхъ-Балтинской. Здѣсь, очевидно, произошло одно изъ тѣхъ недоразумѣній, какими такъ богаты съемочныя работы начала столѣтія. Дѣло въ томъ, что Верхъ-Балта (она-же Анисимовская заимка) имѣетъ отдѣльную отъ сосѣднихъ селеній дачу; что-же касается Мошниной (она-же Орская и Петровская), то эта деревня, какъ уже упоминалось, получила землю въ общей дачѣ съ д. Бугтакомъ Кайлинской волости, къ которой и принадлежала въ періодъ межеванія.

Нѣсколько сѣвернѣе и западнѣе этихъ дачъ лежатъ еще двѣ отдѣльныхъ межевыхъ дачи—Вороновская и Ояшинская, а къ послѣдней примыкаетъ дача небольшой деревеньки Каменки. Нѣсколько лѣтъ назадъ, до конца прошлаго десятилѣтія, когда былъ введенъ губернскій поземельный сборъ, взаимныя земельныя отношенія всѣхъ этихъ деревень были слѣдующія.

Д.д. Поросъ, Новый Поросъ и Мошнина составляли одну общину относительно всѣхъ угодій. Мошнина имѣла тѣсныя отношенія по сѣнокосамъ и пашнямъ съ Верхъ-Балтой, которая въ свою очередь составляла одно цѣлое съ Балтой и Вороновой (Турецкой), а Воронова заходила другъ за друга пахотными землями съ с. Ояшинскимъ, составлявшимъ одну пахотную общину съ д. Каменкой. Такимъ образомъ, было какъ бы три сложныхъ общины, связанныя между собой лишь отчасти—черезъ Мошнину, въ другомъ мѣстѣ черезъ Воронову. По словамъ крестьянъ, ранѣе всѣ эти деревни пользовались всѣми угодьями безраздѣльно, и связь между селеніями была

гораздо тѣснѣе. Въ 1894 г. эта община почти уже совершенно распалась на рядъ однодеревенскихъ, у каждой изъ которыхъ существуютъ болѣе или менѣе запутанныя отношенія съ сосѣдями, — взаимныя запахиванья, черезполосица и пр. Но все это не вызываетъ сколько-нибудь рѣзкихъ столкновеній и споровъ. Сохранились болѣе прочныя отношенія между Верхъ-Балтинской и Мошниной, которыя могутъ быть разматриваемы, какъ смѣшанная форма, а именно, какъ сложная община по отношенію однихъ только сѣнокосовъ, относительно же всѣхъ другихъ угодій каждая изъ деревень обособилась. Раньше балтинцы пахали почти у самой д. Вороновой, но теперь послѣдняя «оттѣснила» ихъ за грань также, какъ и ояшинцевъ. Въ одномъ мѣстѣ ояшинцы пашутъ совмѣстно съ каменцами и предлагали послѣднимъ уплачивать за эту землю совмѣстно и поземельный сборъ, но каменцы отказались. Въ ближайшемъ будущемъ, надо ожидать, и эти послѣднія проявленія былыхъ порядковъ исчезнутъ. Серьезныхъ споровъ, впрочемъ, пока еще нѣтъ. Для Верхъ-Балты и Мошниной введеніе поземельнаго сбора имѣло нѣсколько иныя послѣдствія. Въ податномъ и административномъ отношеніи Мошнина составляетъ одно цѣлое съ Поросомъ и Новымъ Поросомъ, а Верхъ-Балта—съ Вороновой и Балтой. При введеніи поземельнаго сбора въ 1888 г. Верхъ-Балта, на дачу которой не было назначено особой суммы сбора, такъ какъ по документамъ деревня эта считается въ одной дачѣ съ Мошниной, уплачивала поземельныя вмѣстѣ съ другими селеніями одной съ нею ***подитной*** общины, сообразно раскладкѣ между дими. Мошнина же требовала, чтобы Верхъ-Балта помогала ей платить поземельныя. Возникъ споръ, въ которомъ Поросъ и Новый Поросъ въ своихъ требованіяхъ исходили изъ податныхъ интересовъ, а Мошнина изъ земельныхъ. Споръ тянулся нѣсколько лѣтъ и закончился въ интересахъ земельнаго цѣлаго, такъ что въ 1894 г. Верхъ-Балта уплачивала поземельныя уже вмѣстѣ съ Мошниной, что повлекло за собой до извѣстной степени распаденіе Верхъ-Балтинской ***подитной*** общины. Не смотря на это, связь между Верхъ-Балтой и Мошниной весьма слаба уже и теперь; въ ближайшемъ же будущемъ она еще болѣе ослаб-

нетъ, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ существуетъ стремленіе къ окончательному обособленію.

Кое-какія разъясненія прежнихъ земельныхъ отношеній разсматриваемыхъ общинъ можно получить изъ имѣющихся данныхъ о возникновеніи и первоначальномъ развитіи нѣкоторыхъ селеній. Такъ, есть данныя, что Поросъ—самая старая изъ окрестныхъ деревень, о немъ крестьяне говорятъ, что онъ образовался, «какъ только порѣшились (уничтожились) чудскіе города». Новый Поросъ—выселокъ изъ Пороса. Верхъ-Балта образовалась изъ заимки крестьянина д. Балты Анисимова. Молинна присоединилась къ Пороской общинѣ по пріемному приговору, ранѣе же принадлежала къ Кайлинской волости. Такимъ образомъ, внутренняя связь этихъ пяти деревень, составлявшихъ ядро прежней крупной общины, вполнѣ понятна. Есть полное основаніе думать, по крайней мѣрѣ относительно Вороновой и Каменки, что онѣ также образовались путемъ разростанія заимокъ, какъ и Новый Поросъ, Верхъ-Балта и другія. Что касается межеванія, то о немъ у населенія Ояшинской волости очень неопредѣленное и смутное представленіе: ходили землемѣры, столбы ставили, а зачѣмъ, какое значеніе для нихъ должны были имѣть эти работы,—точно крестьяне не представляли себѣ этого до послѣднихъ лѣтъ.

Съ другими общинами, повидимому, не принадлежавшими въ недавнемъ прошломъ къ распавшейся Пороской сложной общинѣ, земельная связь выражается въ запахиваніяхъ, производимыхъ дубровинцами и ташаринцами въ Пороской дачѣ. Столкновеній здѣсь не происходитъ.

Двѣ деревни, имѣющія отдѣльныя межевыя дачи,—Ташара и Умревинское Поселье (сохранившаяся часть бывшей сложной общины изъ Умревинскаго Поселья и Умревинскаго Острога) городятъ общую поскотину, при однодеревенскомъ владѣніи и пользованіи другими угодьями, и составляютъ смѣшанную сложно-простую общину.

Д. Базойская, лежащая за р. Обью и внѣ общей границы Ояшинской вол., отъ которой она отдѣлена частью землями Мало-Коряковской инородной управы, частью землями Уртамской волости, служитъ другимъ узломъ сложныхъ земельныхъ

отношеній съ окружающими селеніями Уртамской, Чаусской и Елгайской (на государственныхъ земляхъ Томскаго округа) волостей. Съ Троицкой Заимкой Чаусской вол. связь почти порвалась, пользованіе же жителей этой деревни хлѣбопахотными землями вмѣстѣ съ базойцами послѣдніе считаютъ «самовольствомъ» заимчанъ, которые даже поскотину городятъ на базойскихъ земляхъ. Съ Чилиной Уртамской и Воробьевой Елгайской волости базойцы совмѣстно и черезполосно пашутъ, а съ Серединной и Заимкой Елгайской же волости, сверхъ того, и косятъ. Все это позволяетъ отнести Базой къ смѣшаннымъ общинамъ (сложно-простымъ).

Межевая община 20-хъ годовъ Елбакъ, Карасева и Верхъ-Елбакъ—сохранилась и до настоящаго времени. Нѣтъ 80 назадъ, по опредѣленію крестьянъ, она составляла одно цѣлое съ Чебулинской сложной общиной, состоявшей изъ д. Чебулы, которая развилась изъ заимки елбакскаго крестьянина, и Кунгуровой, жители которой переселились къ чебулинской заимкѣ. Со временемъ кунгуровцы всѣ переселились въ Чебулу, какъ расположенную на тракту и находящуюся поэтому въ болѣе выгодныхъ условіяхъ; общая дача двухъ селеній стала дачей одной Чебулы. На ряду съ этимъ шло обособленіе чебулинскаго землевладѣнія и землепользованія отъ карасевскаго, теперь почти уже закончившееся: черезполосица въ пашняхъ—единственное наслѣдіе былыхъ отношеній. Споровъ нѣтъ. Наличность черезполосицы въ пахотныхъ земляхъ указываетъ на существованіе въ прошломъ иныхъ отношеній съ Зудовской общиной. Въ настоящее время въ Карасевской общинѣ пашни и сѣнокосы между деревнями не дѣлены; у Карасевой съ Верхъ-Елбакомъ общая поскотина, у Елбака же отдѣльная. О происхожденіи старѣйшей изъ трехъ деревень—Карасевой не сохранилось преданій у населенія; что же касается двухъ другихъ, то происхожденіе ихъ весьма различно: Елбакъ основанъ выходцами изъ Зелецкой той-же волости, а Верхъ-Елбакъ «казеннымъ способомъ,» т. е. черезъ поселеніе двухъ семей крестьянъ изъ Европейской Россіи, которыя взамѣнъ рекрутской повинности должны были содержать «ямъ» на проходившемъ здѣсь въ то время Московскомъ трактѣ. Изъ этого видно, что здѣсь возникновеніе и дальнѣйшее развитіе слож-

ной формы общинныхъ отношеній должно было идти нѣсколько инымъ путемъ, нежели въ общинахъ, образовавшихся черезъ послѣдовательное выдѣленіе изъ одного пункта новыхъ селеній, которыя сохраняютъ съ нимъ связь, выдѣляя и сами новыя поселенія.

Къ сохранившимся сложнымъ общинамъ относится Зудовская, состоявшая изъ двухъ селеній въ періодъ межеванія, теперь же включающая въ себя и заимку Кирякову деревню, образованную около 30 лѣтъ назадъ переселенцами Пермской губерніи. Пользованіе пахотными и сѣнокосными угодьями для всѣхъ деревень общее; поскотина же общая только для Зудовой и Киряковой. Въ Зудовской дачѣ запахиваются д.д. Кругликова, Уртамская и Черная Ояшинской волости, но изъ за этого происходятъ болѣе или менѣе рѣзкія столкновенія. Д. Черная новѣйшаго образованія, такъ какъ еще 30 лѣтъ назадъ здѣсь были лишь слѣды деревни, исчезнувшей ранѣе вслѣдствіе перенесенія тракта съ Черной на Проскоково. Запахиванья теперешней Черной должны быть отнесены не къ общности владѣнія въ прошломъ, а къ незнанію своихъ границъ жителями этого селенія. Переселенцы этой деревни пришли одновременно съ тѣми, что образовали заимку Кирякову.

Д. Кожевникова выдѣлила изъ себя д. Макурину, изъ заимки которой образовалась Ново-Макурина. Всѣ эти деревни были замежеваны въ одну дачу и образовали одну межевую общину, которая сохранилась и до сихъ поръ, но населеніе всѣхъ деревень измѣнилось, такъ какъ прежніе ихъ жители были вытѣснены переселенцами—кержаками. Лѣтъ 50 назадъ стали приселяться къ Кожевниковой переселенцы, по большей части старовѣры изъ Пермской губерніи, и по мѣрѣ того, какъ они приселялись, старожилы уходили на трактъ. Угодья у всѣхъ селеній общія, кромѣ поскотины, которая у каждаго селенія отдѣльная. Кожевникова коситъ въ дачѣ Лукиной Тутальской вол.: есть черезполосица въ сѣнокосахъ и съ Мальцевой тоже волости. Споровъ изъ-за этого не возникаетъ. Объясненіе этого закашиванья заключается въ томъ, что новое населеніе не знаетъ границъ своей общины, но признавая себя какъ бы наслѣдниками выселившихся старожиловъ, считаютъ себя вступившими во всѣ тѣ права, какими по отношенію земли поль-

зовались принявшіе ихъ въ свою среду старожилы. Рядомъ съ этими происходитъ захватъ пахотныхъ земель въ Заледѣевской дачѣ; явленіе это новѣйшаго происхожденія и объясняется недостаткомъ хорошихъ земель въ своей дачѣ, почему, по мѣрѣ роста населенія, увеличиваются и захваты. Дальше личныхъ перекоровъ между отдѣльными домохозяевами съ той и другой стороны неудовольствія не идутъ.

С. Проскоково, дача котораго лежитъ внѣ общей границы Оянпиской волости, среди земель Тутальской вол., имѣетъ общую поскотину съ д. Безмѣновой Тутальской же волости. Межеваніемъ землевладѣніе Проскокова занесено въ особую дачу, Безмѣновой же въ одну дачу съ уничтожившейся потомъ д. Ізгиной. Ранѣе границы, въ которыхъ проскоковцы пользовались землей, были шире современныхъ: проскоковцы пахали въ дачѣ сложной общины Троицкой, на земляхъ бывшей ранѣе, а затѣмъ уничтожившейся д. Турнаевой (Калининой); когда же деревня эта «возобновилась» черезъ поселеніе здѣсь переселенцевъ въ 1892 г., то земля отошла къ ней отъ проскоковцевъ; жители другой деревни той-же общины—Троицкой (Митяковой), а также Чахловой той-же Тутальской вол. «отжали» проскоковцевъ съ другихъ пунктовъ и захватили ихъ себѣ. Но все-таки и теперь еще Проскоково запахивается почти у всѣхъ окрестныхъ селеній.

Варюхина и Алпаева, имѣющія каждая свою межевую дачу, составляютъ одно цѣлое относительно пахотной и сѣнокосной земли. Разница въ пользованіи тѣми и другими угодьями та, что сѣнокосами пользуются сообща, пашни же условно раздѣлены между селеніями; граница ихъ идетъ по р. Малой Черной и не имѣетъ ничего общаго съ межевой границей 20-хъ годовъ. Поскотины отдѣльныя.

Въ числѣ межевыхъ общинъ находится община с. Ярскаго и д. Вершининой. При межеваніи и составленіи плана на эту дачу были отмѣчены границы фактическаго пользованія землей каждаго изъ селеній въ моментъ съемочныхъ работъ. Въ настоящее время эта община уже почти распалась на двѣ отдѣльныя деревенскія; хотя запахиваніе еще сохранилось: Вершинина и Косогорова (Тутальской вол.) пашутъ у ярковцевъ; у нихъ же косятъ косогоровцы и коневцы.

Къ числу сохранившихся сложныхъ общинъ относится также Сурановская, состоящая «какъ и въ періодъ межеванія» изъ трехъ селеній. Отдѣльно эти селенія пользуются только выгонными землями (поскотины). Къ сохранившимся смѣшаннымъ (сложно-раздѣльнымъ) общинамъ принадлежитъ Калтайская, въ которую входятъ, съ одной стороны, д. д. Смокотнина, Колданская, Кафтанчикова, а съ другой Кафтанчиковскіе и Калтайскіе инородцы. О взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ этихъ селеній и ихъ частей подробно уже говорилось выше и повторять здѣсь было бы излишне. Достаточно указать одну черту —разселеніе: по словамъ калтайскихъ крестьянъ, Смокотнина образована казаками, выселившимися по окончаніи службы изъ Калтайскаго пикета (нынѣшняя д. Калтай); около того же времени казаками того же пикета братьями Лебедевыми основана заимка, впослѣдствіи разросшаяся въ д. Кафтанчикову. Эти частности уясняютъ многое въ современныхъ отношеніяхъ четырехъ перечисленныхъ селеній, составляющихъ сложно-раздѣльную общину.

О нѣкоторыхъ односеленческихъ общинахъ въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ уже говорилось выше. Остается сказать о Болотной и Блюдевой. Послѣдняя лежитъ на границѣ Уртамской волости и до недавняго времени пашнями пользовалась сообща съ д. Кругликовой этой волости, но теперь уже обособилась отъ нея. Совмѣстное пользованіе сѣнокосами было съ д. Батуриной Уртамской вол., теперь также уже прекратившееся. Слѣды этихъ отношеній можно видѣть въ современныхъ спорахъ о правѣ каждаго изъ названныхъ селеній на такъ называемый Симанскій лугъ. Что-же касается Болотной, то въ прежнее время она заходила другъ за друга съ нѣкоторыми деревнями Калтинской волости, что въ своемъ мѣстѣ и отмѣчено.

Всѣ приведенные факты изъ земельныхъ отношеній Ояшинской волости указываютъ, что здѣсь, какъ и въ предыдущихъ волостяхъ, наблюдается, во 1-хъ, что фактическія границы сложныхъ общинъ не совпадаютъ съ границами общинъ межевыхъ—въ однихъ случаяхъ онѣ шире, въ другихъ уже, а во 2-хъ, что и односеленческія общины въ новѣйшее время дали матеріалъ, показывающій, что границы этихъ общинъ ранѣе

были иныя и также не совпадали съ межевыми, выходили за нихъ.

Въ общемъ, ту-же картину представляетъ и Тутальская волость—вся разница въ частностяхъ, мелочахъ.

На границѣ Томскаго и Кузнецкаго округа, при впаденіи р. Писаной въ р. Томь, лѣтъ сто назадъ образована заимка жителями д. Колбихи теперешней Верхотомской вол., лежащей на противоположномъ берегу р. Томи. Впослѣдствіи заимка, получившая названіе Писаной, по имени рѣчки, на берегахъ которой она раскинулась, разрослась въ деревню и сама выдѣлила заимки Миничеву и Морковкину, въ свою очередь развившіяся въ деревни. Нѣсколько южнѣе д. Писаной, верстахъ въ четырехъ находится д. Колмогорова (она же Пожарище), самая древняя изъ всѣхъ ближайшихъ селеній. Какъ и при какихъ условіяхъ возникла и развилась эта деревня, изслѣдованію установить не удалось. Отсюда, лѣтъ около 80 назадъ, выселились двѣ семьи братьевъ Быковыхъ на заимку, лежащую между Колмогоровой и Писаной. Заимка эта также выросла въ деревню, извѣстную въ настоящее время подъ именемъ Колмогоровой Заимки или просто Заимки. Всѣ эти селенія въ отношеніи землевладѣнія представляли собой одно цѣлое, только поскотины были разныя, кромѣ Колмогоровой съ Заимкой. Населены деревни были крестьянами различныхъ волостей—Тутальской, Подонинской (нынѣ уже уничтожившейся), Спасской и Пачинской (также уничтоженной), въ административномъ же отношеніи принадлежали къ послѣдней изъ нихъ. Въ податномъ отношеніи онѣ составляли, вмѣстѣ съ Колбихой, Копыловой и нѣкоторыми другими деревнями Тарсминской волости, одну общину, одинъ «участокъ»—Колбихинскій. При межеваніи землевладѣніе разсматриваемыхъ селеній было раздѣлено по тремъ дачамъ, на каждую изъ которыхъ составленъ планъ, именно: на Колмогорову съ Заимкой, Писаную и Миничеву съ Морковкиной. Въ дѣйствительности подобнаго обособленія въ то время не было, и совмѣстное владѣніе и пользованіе землей выходило далеко за границы трехъ названныхъ дачъ, захватывая весь Колбихинскій и Пачинскій участки. Любопытно, что къ югу отъ Колмогоро-

вой, граница землевладѣнія которой служитъ въ тоже время и границей между Тутальской и Верхотомской волостями, это общее пользованіе не распространялось, такъ что съ д. Подъяковой, напримѣръ, по словамъ крестьянъ, его «никогда не было,» въ подтвержденіе чего приводится тотъ фактъ, что лѣтъ 50 назадъ крестьяне изъ Заимки. Быковы запахали десятины двѣ въ Подъяковской дачѣ, но подъяковцы отнеслись къ этому, какъ къ самовольству, которое и было тогда же прекращено черезъ «волостныхъ начальниковъ» Верхотомской волости.

Въ половинѣ 60-хъ годовъ Пачинскую волость уничтожили и селенія подѣлили между Тарминской, къ которой отошли тѣ, что лежали по лѣвому берегу р. Томи, и Тутальскою вол., куда отнесены перечисленныя выше селенія, какъ лежащія на правой сторонѣ р. Томи. Такимъ образомъ, одна община, одинъ участокъ былъ разорванъ не только между двумя волостями, но и между двумя округами—Томскимъ и Кузнецкимъ, границей между которыми служила р. Томь. Это не могло не отразиться на земельныхъ отношеніяхъ въ смыслѣ обособленія сначала правобережныхъ отъ лѣвобережныхъ селеній, а затѣмъ и между перечисленными селеніями, лежащими на правомъ берегу и принадлежащими къ Пачинскому участку. Произошло это такимъ образомъ. Колбинскіе взяли пахать и косить на правую сторону р. Томи, къ писанскимъ, съ которыми ихъ связывали прежнія отношенія. Такой порядокъ много лѣтъ не вызывалъ ничьего неудовольствія, но затѣмъ Писаная заявила протестъ противъ пользованія ея землями со стороны колбинскихъ. Возникъ споръ, который былъ разрѣшенъ при участіи «всей округи» въ пользу Писаной. Хотя колбинцы послѣ того еще продолжали пахать въ Писаной дачѣ, но съ каждымъ годомъ «все меньше да меньше, да и вовсе перестали». Такъ порвалась связь съ зарѣчными деревнями. Затѣмъ тотъ-же процессъ обособленія коснулся и другихъ сторонъ владѣнія и пользованія и привелъ къ слѣдующему: Колмогорова и Заимка представляютъ самостоятельную общину относительно всѣхъ угодій, кромѣ поскотины и поскотиннаго лѣса, владѣніе и пользованіе которыми у нихъ общее съ Писаной, также уже обособившейся болѣе или ме-

ѣе относительно остальныхъ угодій. Наконецъ, сложную общину представляютъ Миничева и Морковкина, селеніе Пачинское—одномеревенская община. При всемъ томъ, слѣды былыхъ отношеній наблюдаются еще и теперь во многихъ фактахъ повседневной деревенской жизни. Колмогоровцы, займчане и пачинцы до сихъ поръ совмѣстно пашутъ и косятъ кое-гдѣ въ Морковкинской дачѣ, а морковкинцы—въ то-же время въ Пачинской дачѣ; Колмогорова съ Замкой и Писаная заходятъ другъ за друга пашнями и сѣнокосами и т. д.

Общій выгонъ и пользованіе поскотиннымъ лѣсомъ между Колмогоровой, Замкой и Писаной слѣдуетъ разсматривать не какъ остатокъ прежнихъ болѣе широкихъ границъ землевладѣнія, а какъ новѣйшее явленіе, которое только возникло на почвѣ болѣе широкой земельной связи. Въ прежнее время, когда всѣ эти деревни пахали и косили безразлично на всѣхъ ближайшихъ земляхъ, не обращая вниманія, кому онѣ принадлежатъ «по плану,» поскотины у Писаной и Колмогоровой съ Замкой были отдѣльныя. Въ 30-хъ годахъ, желая расширить поскотины сообразно измѣнившимся хозяйственнымъ условіямъ, обѣ общины вошли въ соглашеніе и, уплинивъ свои поскотины, соединили ихъ въ одну. Въ то-же время было «положено хранить боръ,» произрастающій въ поскотинѣ, т. е. производить опалку общими силами и не допускать значительныхъ порубокъ. Это соглашеніе сохранилось во всей своей силѣ и до настоящаго времени.

Пачинская община до начала текущаго десятилѣтія совмѣстно пахала и косила не только съ названными выше деревнями, но и съ Власковой, Зырянской и Мало-Таймепской сложной общиной, съ которой совмѣстное пользованіе угодьями и теперь еще не окончательно порвано. Ранѣе с. Пачинское было центромъ обширной волости, да и само оно было гораздо больше, чѣмъ теперь; послѣднее крестьяне объясняютъ тѣмъ, что «народъ на переволъ пошелъ» —постепенно вырождались цѣлыя фамиліи.

Мало-Таймепская межевая община, состоявшая изъ двухъ селеній, сохранилась по отношенію всѣхъ главнѣйшихъ угодій и до настоящаго времени. Запашки производятъ, какъ съ

Пачей, такъ и съ Барановой (однодеревенская община). Захватываетъ пашни Каленовская община, противъ чего, однако, мало-тайменцы протестуютъ.

Сохранилась также и Больше-Таймепская сложная община (четыре селенія) относительно всѣхъ же угодій. Правда, Попова и Большая Таймепька имѣли прежде общую поскотину, которую затѣмъ раздѣлили для каждаго селенія особо; но въ настоящее время ее предполагаютъ вновь соединить, что представляетъ большія хозяйственныя удобства. До уничтоженія Пачинской волости, за р. Томью было два участка (податныя общины)—Митрофановскій, къ которому принадлежала между прочимъ и Крылова, и Таймепскій,—въ него входила Малая Таймепька. При уничтоженіи Пачинской вол., въ Митрофановскомъ участкѣ осталась, кромѣ Митрофановой, одна только д. Убіенная; Большая и Малая Таймепька и Попова выдѣлены были въ особый участокъ, а Крылова присоединена къ Пачинскому. Это, разумѣется, должно было нарушить единство общины земельной и податной.

Въ сосѣдствѣ съ этими общинами находится д. Власкова, имѣющая отдѣльную межевую дачу, а потому отнесенная къ числу однодеревенскихъ межевыхъ общинъ. Изъ этой деревни, лѣтъ 20 назадъ, выселился на трактъ, идущій изъ Верхотомской волости на г. Томскъ, крестьянинъ Юрьевъ и устроилъ постоялый дворъ. Условія оказались благопріятными: сѣнокосы близко, въ постояломъ чувствовалась нужда, особенно зимою. Къ Юрьеву присоединился крестьянинъ д. Барановой Вас. Барановъ, а затѣмъ стали приселяться и власковскіе крестьяне, благодаря чему ростетъ самое поселеніе. Всѣми угодьями Заимка пользуется сообща съ Власковой. Тотъ фактъ, что на власковскія земли могъ сѣсть барановскій крестьянинъ, не спрашивая ничьего разрѣшенія, показываетъ, что между Власковой и Барановой была нѣкогда болѣе тѣсная земельная связь; иначе это было бы невозможно—это пережитокъ былыхъ земельныхъ формъ. Частью власковскихъ земель пользуется д. Маянова.

Сложная межевая община Литвиновская распалась на двѣ однодеревенскія. Частью литвиновскихъ хлѣбопахотныхъ земель

пользуется д. Мунгалова, а сѣнокосами - Болтовская; споровъ изъ-за этого пока не возникаетъ. Маянова, составная часть бывшей Литвиновской сложной общины, образовалась черезъ выселеніе на запимку крестьянъ д.д. Каленовой, Коргуѣановой и Чиркової, принадлежащей къ Романовской сложной общинѣ, куда входитъ и Мунгалова, производящая запашки въ теперешнихъ литвиновскихъ границахъ.

Сложная изъ трехъ селеній межевая община Каленовская выдѣлила изъ себя однодеревенскую общину Терехинскую, двѣ же остальныя деревни Каленова и Корчуганова сохранили прежнюю форму владѣнія относительно всѣхъ угодій. Объ эти общины запахиваются съ д. Борской и Бычковой, изъ которыхъ послѣдняя начала споръ; съ Борской же никакихъ столкновеній не происходитъ.

Безъ измѣненій осталась Романовская община (5 селеній), безраздѣльно пользующаяся всѣми угодьями, кромѣ поскотины, которую недавно выдѣлили для Мунгаловой, всѣ же остальныя селенія имѣютъ и поскотину общую. Какъ уже сказано. Мунгалова запахивается и закашивается съ литвиновцами.

Сосѣдняя община Боровая входитъ въ одно цѣлое съ д. Сухострѣловой Кайлинской волости. о чемъ въ своемъ мѣстѣ уже говорилось подробно.

Изъ раздѣльной русско-инородческой общины Поломошиновой (всѣ угодья общія, кромѣ луговъ, подѣленныхъ между русскими и инородцами) выселилось на запимку нѣсколько русскихъ семей, а затѣмъ здѣсь образовалась небольшая, съ исключительно русскимъ населеніемъ деревенька Юрга, составляющая одну общину съ Поломошиновой. Запахиване наблюдается съ Усть-Искитимомъ и Борской —эти двѣ деревни заходятъ даже своими поскотинами на поломошиновскія земли.

Двѣ независимыхъ другъ отъ друга межевыхъ общины Мохова и Кулакова въ дѣйствительности составляютъ одну общину по отношенію выгонныхъ земель, такъ какъ у нихъ общая поскотина, которую обѣ деревни совмѣстно и огораживаютъ. Между дачами Моховой и Кулаковой во времена межеванія находилась д. Гутова, земли которой были выдѣлены межеваніемъ въ особую дачу, отдѣлявшую моховскую отъ ку-

лаковской. Впослѣдствіи д. Гутова уничтожилась. населеніе ея частью вымерло («на перегоѣ пошло»), частью разбрелось по другимъ селеніямъ—въ Моховую, Борскую и пр. Деревня была большая, дворовъ въ 80, говорятъ моховцы и кулаковцы. Земли, которыми пользовались гутовцы, Мохова и Кулакова подѣлили между собой, принявъ за границу р. Баланду, которою гутовская дача дѣлится на двѣ неравныя части. Дѣлежъ этотъ, кстати сказать, не единственный въ разематриваемой мѣстности, жители Кулаковой и Моховой объясняютъ тѣмъ, что послѣдніе изъ гутовцевъ переселились именно въ эти деревни, а потому и земли гутовскія должны были перейти сюда же. Ранѣе Кулакова и Мохова заходили другъ за друга пашнями съ Борской и Поломошной. Какъ Мохова, такъ и Кулакова принадлежатъ къ числу старинныѣйшихъ поселеній въ этой мѣстности. Такъ, образованіе Кулаковой относятъ къ концу XVI или началу XVII столѣтія и приписываютъ казакамъ, которые были первыми садчиками здѣсь.

Шесть деревень, вытянувшіяся по р. Сосновкѣ—Шубина, Маркина, Ботева, Нетомина, Балахнина и Болтовская получили, какъ мы уже знаемъ, одну межевую дачу, которой очень мало отвѣчаютъ наличныя границы тѣхъ же деревень. Ботева и Нетомина совершенно обособились; въ Балахниной и Болтовской связующимъ угодьемъ осталась поскотина, которую городятъ сообща объ деревни, по отношенію же другихъ угодій онѣ уже обособились въ однодеревенскія общины; только двѣ деревни Шубина и Маркина, выдѣлившись изъ остальныхъ, сохранили у себя сложную форму для всѣхъ угодій. Такое обособленіе не уничтожило совершенно слѣдовъ прежнихъ земельныхъ порядковъ: Ботева и до сихъ поръ еще пашнями, сѣнокосами и дровянымъ лѣсомъ пользуется на земляхъ, которыя считаются за Нетомиой, изъ-за чего недоразумѣній не возникаетъ; такъ-же Ботева пашнями заходитъ другъ за друга и съ Балахниной.

Сѣверніе Шубиной лежитъ самая крупная изъ межевыхъ общинъ начала столѣтія—Сосново-Остроженская, въ которую входило 12 селеній, раскинувшихся по р.р. Томи, Сосновкѣ и Шумихѣ. Со времени межеванія эта община претерпѣла большія измѣненія. Двѣ деревни—Соколова и Воронова «переве-

лись,» т. е. уничтожились также, какъ уничтожились и другія деревни; Воронова возобновилась въ концѣ 70-хъ годовъ черезъ поселеніе здѣсь переселенцевъ изъ Европейской Россіи, а затѣмъ произошло полное обособленіе въ землевладѣніи этой деревни по отношенію всѣхъ угодій; Соколова же не возобновлялась уже. Выдѣлила всѣ свои угодья также Иткара, занимавшая южную часть сложной общины и отдѣленная отъ нея р. Большой Елькой, которая и послужила границей землевладѣнія съ Сосновымъ Острогомъ. Такимъ образомъ, число селеній въ общинѣ сократилось до 9, но и между ними идетъ процессъ обособленія.

По словамъ крестьянъ, прежде всѣ селенія межевой общины были «въ обводѣ» относительно всѣхъ угодій; сюда же принадлежала и д. Саламатова—нынѣ подеревенская община, а вѣроятно, и с. Ярковское, съ которымъ долгое время пахали вмѣстѣ косогоровцы. Пашни состояли въ общемъ и черезполосномъ владѣніи и пользованіи, но затѣмъ началось обособленіе, выражавшееся въ томъ, что прекратилась черезполосица, и каждая деревня стягивала границы своего пользованія. Въ настоящее время границъ между деревьями, кромѣ отмѣченныхъ выше, также нѣтъ, пашни различныхъ деревень подходятъ вплоть другъ къ другу, но никакихъ неудобствъ изъ-за этого не чувствуется. Особенная близость отношеній существуетъ между Кипиной и Пашковой; Кипиной, Усть-Сосновской, Константиновой и Острогомъ; Пашковой и Мѣлковой; Косогоровой и Манойловой. Въ предѣлахъ каждой изъ этихъ группъ «заходятъ другъ за друга,» пашутъ «сумѣстяхъ». Дальнѣйшій процессъ распаденія Сосново-Остроженской общины, по всей вѣроятности, въ томъ и выразится, что она распадется сначала на рядъ сложныхъ общинъ, а затѣмъ уже начнется выдѣленіе подеревенскихъ. До сихъ поръ отпавшими отъ общины считаются только два селенія Воронова и Иткара. Луговые сѣнокосы съ давнихъ поръ («еще при дѣдахъ такъ было») подѣлены между всѣми селеніями общины; всѣ остальные сѣнокосы и выгонныя земли, кромѣ поскотинъ,—общіе. Ранѣе были общія поскотины у Усть-Сосновки, д. Константиновой и юртъ Константиновыхъ, а затѣмъ у Косогоровой и Манойловой. Въ настоящее время Усть-

Сосновка имѣетъ отдѣльную поскотину, у деревни же и юртъ Константиновыхъ она осталась общею; у Косогоровой же съ Манойловой поскотина общая лишь номинально, потому что она пересѣкается почти пополамъ р. Шумихой, и каждая деревня городитъ только свою сторону до рѣчки, и такимъ образомъ, каждая въ сущности имѣетъ свою отдѣльную поскотину. Всѣ остальныя селенія общины имѣютъ свои поскотины.

Въ нѣсколько исключительныхъ условіяхъ стоятъ юрты Константиновскія, населенныя инородцами Телеутской управы, къ которой онѣ принадлежатъ и въ земельномъ отношеніи. Юрты заселились, по словамъ татаръ, давно, еще до поселенія здѣсь русскихъ, не ближе 200 лѣтъ назадъ. Первоначально жили на лѣвомъ берегу р. Томи, откуда выселились на теперешнее мѣсто вслѣдствіе разлитія рѣки. Межеваніе застало татаръ уже тамъ, гдѣ и теперь ихъ деревня находится, т. е. на правомъ берегу р. Томи, рядомъ съ русскими деревнями —Константиновой и Усть-Сосновкой, съ которыми уже и тогда они имѣли много общаго, а именно: совмѣстную поскотину, общее пользованіе лѣсомъ, степными покосами и пр. Луговые сѣнокосы, однако, и тогда у татаръ были отдѣльные, а хлѣбопашествомъ татары занимались на земляхъ Телеутской инородной управы, по рѣчкѣ Искитиму, верстъ за 50 и болѣе отъ юртъ. Когда по уборкѣ хлѣба отворялась поскотина, то скотъ пяти окрестныхъ деревень, въ томъ числѣ и татарскій, пасся вмѣстѣ съ однимъ общимъ пастухомъ. Не смотря на выдѣленіе потомъ усть-сосновской поскотины, юрты и деревня Константиновы по прежнему остались въ обоюдѣ, городя общую поскотину. Такъ продолжалось до половины прошлаго десятилѣтія, когда татары стали производить распашки вблизи своей деревни на земляхъ, которыми для хлѣбопашества пользовались ранѣе исключительно крестьяне. Это послужило достаточнымъ поводомъ для крестьянъ д. Константиновой, чтобы болѣе настойчиво заявить о своихъ правахъ на татарскіе луговые сѣнокосы, къ пользованію которыми крестьяне давно уже стремились, но татары упорно отстаивали свое исключительное право на эти сѣнокосы, ссылаясь на пожалованіе. Отношенія на столько обострились, что татары вошли съ жалобой въ Главное Управленіе на стѣсненіе ихъ крестьянами

въ пользованіи земельными угодьями. Управленіе объявило инородцамъ, что крестьяне не должны стѣснять ихъ въ пользованіи землей,[1]) крестьянамъ же, что они должны пользоваться землей сообща съ инородцами, по обоюдному соглашенію. Тутъ произошло нѣкоторое недоразумѣніе, усиливаемое неясностью редакціи распоряженія Главнаго Управленія. Жалуясь, инородцы имѣли въ виду стѣсненіе ихъ въ пользованіи хлѣбопахотными землями, въ чемъ крестьяне имъ дѣйствительно оказывали препятствія и захватывали уже запаханныя инородцами земли; Главное Управленіе, очевидно, имѣетъ въ виду сѣнокосы на островѣ между р. Томью и Протокой, принадлежащіе Телеутской инородной управѣ, что и обозначено на планѣ. Это недоразумѣніе послужило источникомъ дальнѣйшихъ недоразумѣній и болѣе или менѣе рѣзкихъ столкновеній между сторонами: инородцы говорятъ, что ихъ не должны стѣснять крестьяне, а потому они могутъ пахать и рубить лѣсъ, гдѣ имъ вздумается въ предѣлахъ дачи; крестьяне же утверждаютъ, что, разъ они должны пользоваться земельными угодьями сообща съ татарами, послѣдніе должны допустить ихъ и къ пользованію луговыми сѣнокосами за протокой, пожалованными инородцамъ Телеутской управы. Въ настоящее время отношенія между инородцами и крестьянами таковы. Поскотина у д. и юртъ Константиновыхъ общая; остальной выгонъ—общій не только для двухъ названныхъ селеній, но также и для Усть-Сосновки, Килиной и Сосноваго Острога; пастухъ также у всѣхъ ихъ общій. Въ этихъ частяхъ пользованіе не вызываетъ никакихъ недоразумѣній. Пашней татары пользуются совмѣстно съ крестьянами, но послѣдніе препятствуютъ инородцамъ производить распашки слишкомъ близко къ деревнямъ, главнымъ образомъ д. Константинова, что вызываетъ ссоры и взаимныя жалобы. Лѣсомъ въ поскотинѣ каждое селеніе пользуется отдѣльно, сообразно раздѣлу, быв-

[1]) Предписаніе Земельной Части Главнаго Управленія отъ 4 Сентября 1888 г. за № 13901. „Инородцы юртъ Константиновыхъ обратились въ Главное Управленіе съ жалобой на самовольный захватъ крестьянами д. Константиновой земель, которыми они, инородцы, пользуются съ-издавна, а потому... объявить инородцамъ юртъ Константиновыхъ... что... предписано... воспретить крестьянамъ д. Константиновой стѣснять инородцевъ въ пользованіи землей. Если же... крестьяне будутъ продолжать захваты земель, находящихся въ пользованіи ихъ, инородцевъ, то они должны будутъ обратиться съ жалобой къ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ".

нему въ концѣ 60-хъ г.г. Инородцы не довольствуются своей долей и производятъ порубки крестьянскихъ душевыхъ пайковъ, какъ у Константиновой, такъ и у Усть-Сосновки. Инородцы объясняютъ это тѣмъ, что при раздѣлѣ лѣса между деревнями ихъ крестьяне «обидѣли,» отведя меньшій участокъ, чѣмъ слѣдовало, и потому у нихъ и душевые пайки меньше, чѣмъ у крестьянъ. Теперь же самовольными порубками они, такъ сказать, возмѣщаютъ несправедливость, допущенную относительно ихъ четверть вѣка назадъ. Крестьяне не позволяютъ инородцамъ также рубить и виѣпоскотинный лѣсъ, растущій на выпашахъ. Все это вызываетъ ссоры и самоуправство, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Къ числу спорныхъ угодій относится также и Протока, которую инородцы считаютъ принадлежащею исключительно имъ. Тѣмъ не менѣе пользованіе ею для рыболовства обшее у татаръ и русскихъ крестьянъ, чѣмъ, впрочемъ татары не упускаютъ случая упрекнуть своихъ сосѣдей.

Выше было уже говорено о превращеніи въ однодеревенскую сложной изъ двухъ селеній Малышевской общины черезъ уничтоженіе одного изъ селеній—Старо-Малышевой. Эта община, вѣрнѣе, самая деревня заслуживаетъ вниманія съ той стороны, что она поглотила не только Старо-Малышеву, изъ которой переселились въ нее жители, но и рядъ другихъ деревень, съ которыми она составляла одно цѣлое задолго до межеванія—Чернышеву, Лебедеву, Елабужную, Лукину. Такое поглощеніе современные жители Малышевой объясняютъ перенесеніемъ Московскаго тракта, который и притягивалъ къ Малышевой, проходя черезъ нее, населеніе «забочныхъ» деревень, т. е. лежащихъ въ сторонѣ, «въ боку» отъ него. Въ настоящее время частью покоса у Малышевой пользуется д. Кожевникова, что, однако, не влечетъ за собой столкновеній. До 80-хъ годовъ Мальцева, Томилова, Елгина, Лукина (не надо смѣшивать съ уничтожившейся деревней того же имени), Асанова (Тутальской вол.), Филонова, Безмѣнова составляли сложную общину относительно хлѣбопахотныхъ земель, а до 70-хъ г.г. къ нимъ принадлежали и Проскоково, Тутальская и др. окрестныя селенія. Теперь всѣ эти селенія, часть которыхъ принадлежала даже къ числу межевыхъ сложныхъ общинъ (То-

милова и Елгина, Асанова и Анкудинова, Пяткова и Кузенкина, Безмѣнова и Лязгина и пр.), или превратились въ однодеревенскія общины, или же уничтожились. Такъ, напримѣръ, Анкудинова въ Асановской общинѣ уничтожилась въ началѣ 60-хъ годовъ вслѣдствіе того, что жители ея «разбрелись кто куда» по сосѣднимъ деревнямъ. Пятковская община распалась на двѣ однодеревенскихъ, а затѣмъ Кузенкина уничтожилась: жители ея частью вымерли, частью выселились въ Пяткову и Тутальскую (она же Тальская)—эти двѣ деревни и пользуются въ настоящее время кузенкинскими землями, принявъ за раздѣляющую ихъ границу р. Баланду, Филонова «перепахивается» съ Елгиной; съ филоновцами же заѣзжаютъ другъ за друга жители с. Проскокова, имѣющаго общую поскотину съ д. Безмѣновой, которая во время межеванія получила общую дачу съ уничтожившейся теперь д. Лязгиной. Лукина «закашивается» съ Кожевниковой и т. д.

Турнаевская межевая община претерпѣла также весьма существенныя измѣненія за послѣдніе 60-70 лѣтъ. Двѣ деревни —Турнаева и Елгина уничтожились, но первая въ 1892 г. «возобновилась» черезъ водвореніе здѣсь переселенцевъ. Такимъ образомъ, община состоитъ въ данную минуту только изъ трехъ селеній, изъ которыхъ одно—новѣйшаго образованія. Всѣ угодья, кромѣ поскотинъ, въ общемъ пользованіи. Прежде, когда еще не было новой Турнаевой, Шелковникова пользовалась лѣсомъ въ Тропицкой поскотинѣ, но теперь въ этомъ отношеніи произошло обособленіе. Къ остаткамъ прежнихъ отношеній принадлежитъ фактъ совмѣстнаго пользованія частью сѣнокосовъ деревнями Шелковниковой и Чахловой (теперь однодеревенская община); у Тропицкой то же самое съ с. Проскоковымъ относительно хлѣбопахотныхъ земель.

Остается еще одна смѣшанная община—д. Шитиковой съ тремя деревнями Кайлинской вол., но объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ было уже говорено выше. Здѣсь нужно только добавить, что болѣе близкія земельныя отношенія этой деревни съ другими не ограничивается даннымъ кругомъ, доказательствомъ чего служитъ взаимное запахиваніе съ д. Тутальской. Ранѣе эти отношенія, по всѣмъ вѣроятіямъ, были и шире и сложнѣе.

Изъ числа односеленческихъ общинъ въ ихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ остались неразсмотрѣнными, во 1-хъ, пять переселенческихъ заселковъ, о связи которыхъ съ другими общинами не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ они еще слишкомъ недавно возникли, а во 2-хъ, двѣ старожильческихъ деревни—Саламатова и Зырянка, связь которыхъ съ другими селеніями не была установлена при мѣстныхъ опросахъ, хотя нѣкоторыя стороны ея, быть можетъ, еще и сохранились, но не были только подмѣчены. Не коснулся настоящій обзоръ и междуобщинныхъ отношеній д. Усть-Некитимской, которая въ отношеніи землевладѣнія цѣликомъ принадлежитъ къ Телеутской инородной управѣ и ея волостной общинѣ, а потому о ней удобнѣе говорить при характеристикѣ именно этой общины.

Систематическій обзоръ фактическихъ отношеній по Тутальской волости приводитъ къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ привело ознакомленіе съ фактической стороной землевладѣнія по другимъ волостямъ съ принесеннымъ къ заводамъ населеніемъ. Иначе и быть не могло бы, такъ какъ всѣ эти волости въ теченіе всего предыдущаго времени находились въ совершенно однородныхъ общихъ условіяхъ, возникновеніе и развитіе земельныхъ отношеній происходило подъ давленіемъ однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, общественныхъ и экономическихъ условій, что и должно было отразиться на формахъ землевладѣнія въ смыслѣ ихъ однородности и сходства.

Но для полнаго уясненія современныхъ формъ землевладѣнія и землепользованія, особенно въ практическихъ цѣляхъ землеустройства, которому придется считаться съ ними, важно не только установить наличность всѣхъ тѣхъ земельныхъ отношеній, нерѣдко весьма запутанныхъ и неясныхъ, въ какихъ находятся между собой общины въ данный моментъ, но также—и это, можетъ быть, гораздо важнѣе—должна быть опредѣлена и совокупность условій, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ изъ нихъ, которыя оказывали опредѣляющее вліяніе на образованіе современныхъ формъ и отношеній, проистекающихъ изъ факта владѣнія и пользованія землей. Только въ этомъ случаѣ явится возможность опредѣлить тотъ путь, какимъ пойдетъ дальнѣйшее развитіе этихъ формъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ.

Такимъ образомъ, намъ прежде всего предстоитъ опредѣлить причины, вѣрнѣе, главнѣйшія изъ причинъ вызвавшихъ процессъ распаденія сложныхъ общинъ и создавшихъ запутанныя отношенія, какія мы видимъ въ современныхъ общинахъ разсматриваемыхъ волостей. Затѣмъ нужно разсмотрѣть тѣ формы, въ которыя отливался самый процессъ разложенія сложной общины. Матеріалъ для этого дадутъ тѣ-же пять волостей, о которыхъ говорилось до сихъ поръ. Но, чтобы уже не возвращаться къ характеристикѣ современныхъ сложныхъ и односеленческихъ общинъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, удобнѣе будетъ теперь же представить обзоръ фактическихъ земельныхъ отношеній въ тѣхъ волостяхъ и управахъ, населеніе которыхъ не стояло до сихъ поръ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ горнымъ заводамъ Алтайскаго округа, причемъ каждая изъ этихъ волостей занимаетъ опредѣленную территорію, и населеніе ихъ не разбросано среди поселеній другихъ волостей, какъ это наблюдается въ Кумышской 1-й половины и Шуйской управахъ. Такихъ волостей съ русскимъ населеніемъ двѣ (собственно части ихъ)—Уртамская и Спасская, инородныхъ же управъ четыре—Телеутская, Чатская, Мало-Коряковская и Темерчинская.

Уртамская волость не только не имѣетъ размежеванныхъ дачъ для отдѣльныхъ селеній, но здѣсь не разграничены даже крестьянскія земли отъ бывшихъ казачьихъ (свободныхъ), которыхъ Министерство Государственныхъ Имуществъ насчитывало до 151170 десятинъ—количество, достаточное для водворенія свыше 10 тысячъ душъ населенія.[1]) Исключеніе, по-видимому, составляютъ с. Воронова и д. Екимова, въ которыхъ учетъ земли производится Казенной Палатой отдѣльно: въ первой считается 2879,4,36, а во второй 867,4,33 десятинъ. Всѣ селенія волости, кромѣ Батуриной, расположенной на земляхъ инородцевъ юрть Акбалыкихъ, и Луговой съ Кругликовой, лежащихъ на островѣ, въ земельномъ отношеніи составляютъ одну общину. Раздѣлу подверглись до сихъ поръ только нѣкоторые луговые сѣнокосы: Крестная и Чилина имѣ-

[1]) „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Зап. Сибири.“ т. XV ст. XXXIII.

ютъ даже общую поскотину; остальныя же селенія имѣютъ каждое особую. Никакихъ тяжебъ изъ-за пользованія землею между селеніями не происходитъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя не разрѣшались бы самимъ населеніемъ, хотя запашки производятся черезполосно, деревни «заходятъ другъ за друга». Такъ, вороновцы пашутъ съ еловцами и екимовцами, уртамцы—почти возлѣ самыхъ воротъ с. Воронова, и т. д. Единственный случай столкновенія, о которомъ помнятъ и разсказываютъ уртамцы, былъ между Чилиной съ Еловкой и Вороновой изъ-за того, что вороновскій солдатъ припахался вилоть къ пахотной избушкѣ еловскихъ крестьянъ; тѣ начали его гнать, онъ сопротивлялся; дѣло дошло до драки, во время которой Суходоминъ (солдатъ) разсѣкъ литовкой руку одному изъ противниковъ. Дальше жалобы въ волостной судъ дѣло не пошло.

Всѣ деревни волости образовались заимочнымъ путемъ. Самая старшая ихъ нихъ—с. Уртамское, заложенное казаками въ концѣ XVII столѣтія (Уртамскій Острогъ).[1]) Объ отношеніяхъ съ общинами сосѣднихъ волостей уже говорилось выше. Здѣсь достаточно будетъ отмѣтить постоянныя столкновенія съ инородцами юртъ Каштаковскихъ Темерчинской управы, размежеваніе съ которыми было произведено въ 1842 г.: инородцы, по словамъ крестьянъ, заѣзжаютъ на ихъ пашни и травятъ луга. Съ другой стороны, происходятъ столкновенія съ жителями переселенческаго поселка Сергіевскаго Елгайской волости изъ-за захватовъ земли въ Уртамской волости. Бываютъ неудовольствія и съ жителями д. Луговой изъ-за выгона скота на островъ: раньше вороновцы на все лѣто переплавляли на островъ лошадей для выпаса и оставляли ихъ тамъ безъ всякаго присмотра. Со времени же образованія здѣсь деревни Луговой (около 1870 г.) вороновцамъ приходится уже нанимать пастуховъ, которые не допускали бы потравъ хлѣба луговскихъ крестьянъ. Нанимаютъ обыкновенно кого-нибудь изъ луговскихъ же, что особенно раздражаетъ вороновцевъ, которые говорятъ, что имъ приходится платить луговскимъ за то, чтобы они стерегли собственный хлѣбъ.

[1]) Тамъ же.

д. Батурина, Луговая и Кругликова—общины одноде-ревенскія; у послѣдней есть общій лугъ съ Вороновой. Объ условіяхъ, при которыхъ образовалась д. Батурина на инородческихъ земляхъ, выше изложено было подробно.

Три селенія Спасской волости—с. Спасское, д.д. Батурина и Ипатова, подлежащія настоящему обзору, всѣ принадлежатъ къ числу одноде-ревенскихъ общинъ, земли которыхъ были обмежеваны въ 1865 г. Къ Спасской же волости принадлежитъ часть населенія д.д. Кондинской и Ботевой, что не вноситъ, однако, никакихъ существенныхъ измѣненій въ общій складъ общинной жизни этихъ селеній, по скольку это касается землевладѣнія и землепользованія.

Мало-Коряковская-Акбалыцкая сложная община состоитъ изъ четырехъ селеній: юртъ Акбалыцкихъ, въ административномъ и податномъ отношеніи принадлежащихъ къ Чатской инородной управѣ, и юртъ Орскихъ, Черномысскихъ и Краснаго Яра съ выселкомъ Черемпанскимъ, составляющихъ вмѣстѣ одну Мало-Коряковскую инородную управу. Всѣ эти селенія имѣютъ общія угодья, кромѣ луговыхъ сѣнокосовъ, раздѣленныхъ подеревенно, да поскотинъ, отдѣльныхъ для каждаго селенія, кромѣ юртъ Орскихъ, которыя городятъ поскотину сообща съ крестьянами сосѣдней деревни Орско-Борской (Орскій станецъ) Чаусской волости. Особенный интересъ представляетъ д. Красный Яръ съ русско-инородческимъ населеніемъ. Здѣсь около 1815 г. поселились, съ согласія и даже по предложенію Мало-Коряковскихъ инородцевъ, инородцы Мало-Шегарской управы и нѣсколько семействъ мѣщанъ, причемъ первые изъ нихъ были перечислены въ Мало-Коряковскую управу. Инородцы предоставили своимъ новымъ сочленамъ пользоваться лугами и рыбалкою по р. Усню, лѣсомъ на постройки и дрова, кедровникомъ и пахотными землями, за что красноярцы обязались исправлять за татаръ часть тракта. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ ту-же деревню и опять «по приглашенію» поселилось нѣсколько семей инородцевъ Обско-Тугальской инородной управы съ условіемъ платить въ общество по $1^1/_2$ рубля съ годнаго работника. Эти инородцы остались непричисленными. Права на пользованіе землей у нихъ тѣ-же, что и у остальныхъ инородцевъ, кромѣ права на про-

даваемыя земли, о чемъ будетъ сказано ниже. Въ 1860-хъ г.г. на тѣхъ же условіяхъ были допущены въ Красный же Яръ инородцы Кумышской управы Кузнецкаго округа. Такимъ образомъ, здѣсь собрались инородцы четырехъ управъ и мѣщане. Есть неприписанные инородцы двухъ управъ и въ юртахъ Орекихъ и Черномыскихъ. Въ настоящее время неприписанные, уплачивая по $1^1/_2$ р. съ работника, пользуются всѣми угодьями наравнѣ со старожилами-инородцами. Исключеніе составляютъ русскіе красноярцы (потомки принятыхъ мѣщанъ), которымъ инородцы всей управы въ 1870 г. «отказали» отъ права пользованія кедровщиками за то, что тѣ не соблюдали правилъ, установленныхъ для орѣховаго промысла. Неприписанные инородцы, участвуя въ несеніи всѣхъ общественныхъ и натуральныхъ повинностей наравнѣ со старожилами и одинаково съ ними пользуясь угодьями, въ то-же время не имѣютъ доли въ деньгахъ, получаемыхъ инородцами отъ продажи сѣнокосныхъ пайковъ, рыбалокъ, лѣса, а также въ деньгахъ, которыя берутся управой съ проживающихъ въ обществѣ неприписанныхъ: на всѣ подобные доходы имѣетъ право только коренное, приписное населеніе общины.

Съ давнихъ поръ,—инородцы говорятъ, съ конца прошлаго столѣтія, на Мало-Коряковскихъ земляхъ производятъ сѣнокошеніе крестьяне д.д. Ташары и Дубровиной Ояшинской волости. Сначала это дѣлалось съ дозволенія инородцевъ за опредѣленную плату, а затѣмъ «вольно». Самовольные захваты производятъ и другія общины, напр., Базойская, Батуринская (Уртамской волости), Умревинское Поселье и пр. Базой и Ташара сначала платили инородцамъ аренду за пользованіе сѣнокосами, а затѣмъ стали косить и пахать уже самовольно. Ташара и Умревинское Поселье здѣсь пользуются самовольно сѣнокосами, лѣсомъ и рыбалкой. Съ Батуриной происходятъ столкновенія изъ-за пашни и рыбныхъ мѣстъ въ устьѣ р. Уеня.

Темерчинская инородная управа состоитъ изъ одного селенія—юртъ Каштаковскихъ, которыя въ земельномъ отношеніи являются вполнѣ обособленной односеленской общиной; Инородцы жалуются на производимые крестьянами с. Воронова и Уртамскаго захваты ихъ земель, сами же они въ чужихъ дачахъ землей не пользуются.

Чрезвычайно спутанную картину представляетъ землевладѣніе Чатской инородной управы, гдѣ селенія такъ переплелись въ пользованіи различными земельными угодьями, что не всегда одна община можетъ быть отдѣлена отъ другой. Образчикомъ такихъ отношеній служатъ Калтайская и Кафтанчиковская сложно-раздѣльная община, о которой выше уже нѣсколько разъ приходилось говорить. Здѣсь остается только добавить, что, какъ въ Калтаѣ, такъ и въ Кафтанчиковой инородцы и русскіе имѣютъ общую поскотину, причемъ каждая изъ группъ населенія городитъ свою опредѣленную часть. Затѣмъ инородцы Кафтанчиковой имѣютъ общіе луговые сѣнокосы съ юртами Барабинскими, а еланные сѣнокосы—общіе не только у инородцевъ двухъ этихъ селеній, но и у русской части Кафтанчиковой. Такимъ образомъ, здѣсь связаны между собой, различно для различныхъ угодій, слѣдующія селенія: Смокотинна, Кондинская, Калтай (русскій и инородческій), Кафтанчикова (русская и инородческая) и юрты Барабинскія. Въ однихъ случаяхъ эта община является сложно-раздѣльною, въ другихъ сложно-простою, въ третьихъ, наконецъ, раздѣльно-простою (усадьбы).

Изъ остальныхъ селеній той-же управы сложную для свѣхъ угодій общину составляютъ юрты Черныя и Тохтамышевы, имѣющія даже общую поскотину, причемъ часть городьбы, отдѣляющая сѣнокосы и разбираемая ежегодно, городится совмѣстно тѣми и другими юртами; со стороны же елани поскотина городится и поддерживается только юртами Черными. Но это уже факты, болѣе относящіеся къ землепользованію, чѣмъ къ землевладѣнію, формы котораго подлежатъ нашему обзору въ настоящее время. Изъ остальныхъ юртъ той-же управы объ Акбалыкскихъ только что было говорено на предыдущихъ страницахъ, о Казанскихъ же нѣтъ свѣдѣній.

Образчикомъ запутанныхъ земельныхъ отношеній можетъ служить также и Телеутская инородная управа, въ цѣломъ составляющая одну общину. Юрты Усть-Пекитимскія, Зимникъ, Шалай и Большой Пекитимъ имѣютъ особую межевую дачу; юрты же Константиновы входятъ въ дачу сложной общины Сосноваго Острога Тутальской волости, гдѣ и имѣютъ сѣнокосы по р. Томи, которые и нанесены на планъ. Пахот-

ной землей эти юрты пользуются совмѣстно съ остальными юртами той-же управы, частью же въ Сосново-Острожекой общинѣ. Сѣнокосы обособлены во всѣхъ юртахъ управы—Шалаѣ, Зимникѣ и пр. Каждая деревня имѣетъ также и свою отдѣльную поскотину; исключеніе составляютъ юрты Константиновы, имѣющія общую поскотину съ д. Константиновой, ранѣе же и съ Усть-Сосновкой. Нѣкоторыя особенности, вносящія запутанность въ земельныя отношенія, наблюдаются въ юртахъ Усть-Искитимскихъ, населеніе которыхъ распадается на три группы: 1. ясачныхъ инородцевъ Телеутской управы; 2. русскихъ крестьянъ Тутальской волости и Тутальскаго сельскаго участка, и 3. русскихъ же крестьянъ, поселившихся въ 200 саженяхъ отъ усадебъ первыхъ двухъ группъ, на землѣ, принадлежащей уже не управѣ, а д. Поломошиовой Тутальской волости. Всѣ эти три группы вмѣстѣ составляютъ одну деревню, одинъ юрты, имѣющія одну поскотину, которую городятъ всѣ три группы, и гдѣ онѣ пользуются сообща поскотиннымъ лѣсомъ. У крестьянъ Тутальскаго участка усадебныя земли—общія съ инородцами; у крестьянъ же Поломошиовскаго участка (ихъ часть селенія называется Балахнинской заимкой)—отдѣльныя. Пашни и сѣнокосы тутальскіе крестьяне имѣютъ въ особомъ участкѣ, отдѣленномъ инородцами—«уголъ на глазомѣръ,» границей котораго принято считать «Сурковскую дорогу.» У балахнинцевъ пашни и сѣнокосы въ Поломошиовской дачѣ, которыми они пользуются сообща съ Поломошиовой и Юргой. У тутальскихъ крестьянъ и инородцевъ есть дровяной лѣсъ внѣ поскотины, на хлѣбопахотныхъ земляхъ, и этимъ лѣсомъ каждая группа пользуется отдѣльно, на своемъ участкѣ; Балахнина рубитъ дрова въ Поломошиовской дачѣ. Такимъ образомъ, юрты Усть-Искитимскія по отношенію выгона и поскотиннаго лѣса составляютъ одно цѣлое; въ отношеніи усадебныхъ земель—двѣ раздѣльныхъ общины; относительно же пашенъ и сѣнокосовъ—три раздѣльныхъ общины, изъ которыхъ—одна—Балахнина примыкаетъ къ Поломошиовской общинѣ Тутальской волости, а другая—инородцы—къ Телеутской инородной управѣ. Кромѣ того, относительно сѣнокосовъ обособились и всѣ остальныя деревни управы. Къ сказанному нужно прибавить, что до 1886 г. Поломошно-

ва и Усть-Искитимъ составляли одну общину, а по увѣренію крестьянъ, и одну межевую общину, что установить, однако, не удалось за неимѣніемъ въ настоящій моментъ плана въ архивѣ Главнаго Управленія. Юрты Константиновы въ извѣстномъ отношеніи также представляютъ раздѣльную форму. Населеніе этихъ юртъ также смѣшанное: ясачные инородцы Телеутской управы и бухарцы Бухарской инородной управы[1]) (меньшинство). Усадьбы и поскотины у этихъ группъ общія, всѣ же остальныя угодья принадлежатъ только ясачнымъ не допускающимъ бухарцевъ ни къ пахотѣ, ни къ сѣнокошенію на инородческихъ земляхъ, почему они земледѣліемъ и не занимаются вовсе.

Для уясненія нѣкоторыхъ сторонъ современныхъ земельныхъ отношеній въ Телеутской управѣ нужно сказать, что самое старое селеніе—Зимникъ, служившее еще во времена кочевокъ инородцевъ мѣстомъ зимнихъ стоянокъ, откуда и произошло названіе селенія. Всѣ остальныя юрты, кромѣ Константиновыхъ, -это разросшіяся заимки Зимника, въ которыхъ первоначально инородцы жили только во время полевыхъ работъ. Часть Усть-Искитимскихъ юртъ, носящая названіе Балахнинской заимки, образовалась черезъ выселеніе крестьянъ д. Поломошновой на границу своей дачи, проходящую почти возлѣ самой деревни Усть-Искитима. На телеутскихъ земляхъ, по словамъ инородцевъ, сидятъ частью д.д. Арлюкъ и Поперечный-Искитимъ. Не смотря на то, что часть земель, которыми пользуются эти деревни, уступлена имъ самими инородцами, между ясачными и жителями Поперечнаго-Искитима, Арлюка и Поповой долгое время происходили безконечные споры и ссоры изъ-за захвата инородческихъ земель.

Распаденіе сложныхъ земельныхъ общинъ, какъ и всякое болѣе или менѣе крупное общественное явленіе, вызывалось не одной, а совокупностью нѣсколькихъ причинъ, на первый взглядъ имѣющихъ весьма мало общаго между собой. Вліяніе однихъ выражается рѣзче и грубѣе, другихъ слабѣе. Мѣстному изслѣдованію удалось установить нѣкоторыя изъ этихъ

[1] Управа находится въ г. Томскѣ.

причинъ, и о нихъ здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ дѣйствіе большинства ихъ продолжается и въ настоящую минуту, и ими опредѣляется будущее крестьянскаго землевладѣнія въ Томскомъ округѣ, насколько оно не зависитъ отъ внѣшняго вмѣшательства и воздѣйствія.

Межеваніе первой половины настоящаго столѣтія, предпринятое въ хозяйственныхъ цѣляхъ, которыя въ своемъ конечномъ результатѣ должны были привести къ подчиненію крестьянскаго землевладѣнія опредѣленнымъ размѣромъ, для своего времени фактически оказало очень мало вліянія, какъ на размѣры, такъ и на формы крестьянскаго землевладѣнія. Иначе это и не могло быть, такъ какъ работы ограничились только первой подготовительной частью—опредѣленіемъ при помощи съемки границъ фактическаго землевладѣнія. Вторая же половина приведеніе крестьянскаго землевладѣнія въ опредѣленныя границы, которыя отвѣчали бы опредѣленному, заранѣе установленному надѣлу, не только не была выполнена, но къ ней ни въ то время, ни впослѣдствіи даже не приступали, и всѣ послѣдующія съемочныя работы имѣли тотъ-же подготовительный характеръ.

Населеніе не могло, разумѣется, не знать о производящихся межевыхъ работахъ, тѣмъ болѣе, что границы фактическаго землепользованія должны были устанавливаться черезъ «лучшихъ людей» общины, выбиравшихся въ понятые для присутствованія при межеваніи. Но отношеніе населенія, если не въ самый моментъ производства работы, дававшей о себѣ знать лишней тяготой по наряду людей, подводъ и пр., то въ послѣдующее затѣмъ время было совершенно безучастное, какъ къ чему-то постороннему, смыслъ и значеніе чего совершенно ускользали отъ него. Вообще, по мнѣнію населенія, межеваніе нужно было не для него, а для «начальства,» и съ этой точки зрѣнія населеніе и смотрѣло на производившіяся работы. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняютъ современные «старички» деревни, помнящіе лично межеваніе или знающіе его отъ другихъ. Это не исключаетъ возможности болѣе или менѣе крупныхъ недоразумѣній, какими было отмѣчено межеваніе во многихъ пунктахъ обширнаго Алтайскаго округа, но они проистекали не изъ самыхъ работъ и отношенія къ нимъ населенія,

а изъ взаимнаго непониманія между населеніемъ и межевыми чинами, изъ злоупотребленій въ отдѣльныхъ случаяхъ и пр.

При такихъ условіяхъ, при такомъ отношеніи населенія къ межевымъ работамъ, ни для кого не представляло интереса, вообще говоря, какъ землемѣромъ ведутся работы; смѣшались ли онъ границы землевладѣнія (въ опредѣленномъ выше смыслѣ) съ границами фактическаго земленользованія отдѣльныхъ единицъ общины, совершенно не разобрался въ различныхъ фактахъ и отношеніяхъ, превративши сложныя формы владѣнія въ однодеревенскія, игнорируя составные элементы, на которые распадаются нѣкоторыя деревни и пр. Не все-ли равно, когда всѣ эти работы непосредственнаго отношенія къ практическимъ вопросамъ землевладѣнія, казалось, не имѣютъ? Этимъ только и можно объяснить ту удивительную кройку на дачи всего Алтайскаго округа, какую произвели межевые техники въ 20-30-хъ г.г. и которая, какъ мы видѣли для Томскаго округа, не имѣла ничего общаго съ размѣрами и границами землевладѣнія не только въ періодъ съемочныхъ работъ, но и десятки лѣтъ спустя, когда разложеніе сложныхъ общинныхъ формъ успѣло уже внести рѣзкія измѣненія въ фактическія земельныя отношенія въ сторону уменьшенія единицы общиннаго землевладѣнія.

Устанавливая бывшія въ такомъ-то году границы фактическаго *земленользованія* отдѣльныхъ общинныхъ единицъ (селеній) или группъ ихъ, иногда, можетъ быть, и цѣльныхъ общинъ,[1]) придавая, по недоразумѣнію, имъ значеніе границъ фактическаго *землевладѣнія*, межеваніе не могло вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпить эти границы, дѣйствительно ввести крестьянское землевладѣніе въ данныя рамки, не могло, потому что не имѣло никакого юридическаго значенія, будучи лишь подготовительною работою.

Тѣмъ болѣе не могло произойти измѣненія въ дѣйствительныхъ, фактическихъ, междуобщинныхъ и внутриобщинныхъ отношеніяхъ, которыя продолжали развиваться, ни мало не справляясь съ проведенными землемѣрами «гранями,» «вырыты-

[1]) Такъ, по всей вѣроятности, были обмежеваны земли Сосноваго Острога и другихъ селеній той-же общины.

ми ямами,» «столбами» и т. п. слѣдами производившихся работъ. Гдѣ межеваніе не уловило границъ существовавшаго въ то время общиннаго землевладѣнія, тамъ установленныя имъ границы фактическаго землепользованія черезъ годъ—черезъ два не имѣли уже ничего общаго съ фактическими отношеніями. Общинная жизнь деревни шла своей дорогой; прежнія формы или продолжали развиваться, или же распадались, уступая мѣсто другимъ; возникали совершенно новыя отношенія и т. д. Объ этомъ періодѣ, относительно котораго для другихъ районовъ сохранился богатый архивный матеріалъ, имѣется очень немного данныхъ для Томскаго округа. Въ своемъ мѣстѣ всѣ этого рода данныя были уже приведены; распаденіе сложныхъ общинъ, развитіе ихъ черезъ образованіе новыхъ селеній—выселковъ и соглашеніе ранѣе независимыхъ другъ отъ друга селеній и пр. Но всѣ эти факты не имѣютъ никакого отношенія къ межеванію, которое лишь впослѣдствіи, 30-40 лѣтъ спустя, осязательно дало себя почувствовать въ смыслѣ одной изъ главнѣйшихъ причинъ распаденія сложныхъ формъ крестьянскаго землевладѣнія.

Въ предыдущемъ изложеніи во многихъ мѣстахъ отмѣченъ тотъ фактъ, что распаденіе крупной земельной организаціи, которая не всегда совпадала въ границахъ съ административной волостью, а во многихъ случаяхъ выходила далеко за ея предѣлы, относится къ срединѣ 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, а именно къ такъ называемымъ «Ковалевскимъ временамъ,» т. е. къ тому времени, когда старшиной Кайлинской волости былъ Ефремъ Гавриловичъ Ковалевъ, крестьянинъ д. Канарбуги. Обладая обширнымъ умомъ и сильнымъ характеромъ, Ковалевъ употребилъ свою энергію между прочимъ на «приведеніе въ порядокъ» крестьянскаго землевладѣнія, находя, что пользованіе землей, несогласное съ планами 20-хъ годовъ, есть поступокъ незаконный. Добывъ изъ Горнаго Правленія планы на селенія волости, Ковалевъ разъѣзжалъ по деревнямъ, собиралъ сходы, на которыхъ разъяснялъ значеніе межеванія, обязательность для населенія соблюдать установленныя имъ границы и пр., а затѣмъ требовалъ, чтобы землепользованіе каждой деревни было введено въ границы ея плана 20-хъ годовъ. Теперь трудно возстановить мотивы, которыми

въ своей дѣятельности руководился Ковалевъ, такъ какъ онъ сумѣлъ вызвать къ себѣ ненависть, которая не могла улечься въ теченіи тридцати лѣтъ и которая до сихъ поръ не позволяетъ кайлинцамъ говорить о немъ спокойно, а тѣмъ болѣе безпристрастно; бесѣды же съ самимъ Ковалевымъ, теперь уже древнимъ старцемъ, также ни къ чему не привели—онъ многое уже забылъ и не могъ дать никакихъ разъясненій. Какъ бы тамъ ни было, дѣйствовалъ-ли Ковалевъ подъ вліяніемъ своекорыстныхъ побужденій, какъ утверждаетъ большинство, или же искренно, подъ вліяніемъ неправильнаго взгляда у него самого на существовавшія земельныя отношенія,—остается несомнѣннымъ, что именно имъ, Ковалевымъ, данъ былъ толчекъ къ разрушенію сложной общины, и сила этого толчка чувствуется еще и теперь. Крестьяне отъ него узнали, что есть какія-то «грани,» опираясь на которыя, можно притиснуть сосѣда и урвать у него то, чѣмъ онъ пользуется теперь и пользовался ранѣе, и для этого нужно только доподлинно узнать, гдѣ находятся эти грани. Кое-кто изъ стариковъ помнилъ межевыя работы, помнилъ, какъ «цѣпью шелъ землемѣръ»; сохранившіеся кое-гдѣ столбы и пр. знаки придавали этимъ воспоминаніямъ значеніе реальнаго факта. Возникали споры, постепенно, какъ мы видѣли выше, охватившіе всю волость, одну деревню за другою—«какъ пожаръ прошелъ,» поясняютъ старики. Ниже будетъ показано, при помощи какихъ пріемовъ разрѣшались эти споры; теперь же скажемъ, что однимъ изъ средствъ для рѣшенія ихъ являлся вызовъ межевщика изъ Горнаго Правленія «для возстановленія границъ 20-хъ годовъ». Пріѣзжалъ межевщикъ, возобновлялъ въ натурѣ границы, которыя, оказывалось, не имѣли ничего общаго съ тѣми фантастическими представленіями, какія сложились у стариковъ, видѣвшихъ, куда «землемѣръ цѣпью шелъ». Возникало недовѣріе къ новымъ работамъ, являлось сомнѣніе въ ихъ безкорыстности, что въ свою очередь вызывало неудовольствія, жалобы, доносы. Вмѣстѣ съ тѣмъ возобновленныя границы обнаруживали неправильность землепользованія тамъ, гдѣ заинтересованныя стороны меньше всего предполагали ее встрѣтить, оказывалось, что на ряду съ фактомъ пользованія одного селенія въ дачѣ другаго, по поводу чего и возникъ

споръ, сами жалобщики пользуются въ дачѣ отвѣтчиковъ или другихъ сосѣдей, которые также вовлекались въ споръ и тяжбу. Поступали новыя жалобы, вновь командировался межевщикъ для возобновленія или указанія спорящимъ сторонамъ границъ 20-хъ годовъ, что вызывало новыя неудовольствія, новыя неожиданности и т. д., и т. д. Споры росли, осложнялись, жизнь въ общинѣ становилась тяжелой, тревожной, развивалось кляузничество и пр. Все это приводило къ распаденію сложной формы владѣнія и пользованія землею, къ подеревенному обособленію, или же создавало затяжные, хроническіе споры, тянущіеся безъ малѣйшей надежды на успѣхъ цѣлые десятки лѣтъ, раззоряя и обезсиливая спорящихъ. Особенно затягивались и обострялись споры, когда обнаруживалось, что между межевыми дачами двухъ или нѣсколькихъ селеній находится нѣкоторое «пустолежащее пространство», т. е. не нанесенное ни на одинъ изъ плановъ окрестныхъ селеній, тѣмъ не менѣе съ давнихъ поръ находившееся въ фактическомъ пользованіи одного или нѣсколькихъ селеній.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ и давленіемъ Ковалева, въ 1868 г. былъ вызванъ д. Кусковою межевщикъ Сергѣевъ, который и «развелъ грани», отыскавъ между дачами д.д. Чертенковой, Изыловъ и Кусковой «пустолежащее мѣсто», «междугранокъ». Въ глазахъ же населенія Сергѣевъ «все спуталъ», особенно, когда онъ отрѣзалъ извѣстную площадь д. Кусковой изъ междугранка, которымъ пользовалась д. Чертенкова. Возгорѣлся споръ, который вскорѣ охватилъ всѣ деревни юго-восточнаго угла волости. Возникла масса отдѣльныхъ споровъ, изъ года въ годъ увеличивающаяся и осложняющаяся, и нѣтъ надежды, чтобы эти споры въ близкомъ будущемъ прекратились или даже хотя ослабѣли. Вотъ перечень деревень, вовлеченныхъ въ эти споры: Чертенкова, Сухострѣлова, Изылы, Саламатова, Ново-Изылы, Боровая, Завьялова, Русакова, Кусьмень, Усть-Сосновка, Копульская, Березовка, Горевка, Вассина, Суркова, Осиновка, Кійская, Кускова. Въ каждой изъ этихъ деревень неизмѣнно слышится одно и тоже: «Ковалевъ научилъ отыскивать старыя грани», «Ковалевъ въ народѣ развратъ пустилъ», «отъ Ковалева все пошло», и т. д., и т. д. Тридцать лѣтъ продолжаются споры, дра-

ки,[1]) постепенно приводя селенія къ обособленію и окончательному прекращенію бывшей когда-то связи.

Тоже наблюдается и въ другихъ деревняхъ той-же волости: повсюду происходитъ «отживанье» другъ друга отъ «грани», стягиванье границъ землепользованія, въ чемъ главнымъ образомъ и выражается процессъ обособленія отдѣльныхъ единицъ, составлявшихъ прежде одно цѣлое.

Количество разныхъ угодій, находящихся въ распоряженіи общины, не всегда соотвѣтствуетъ потребности въ нихъ, почему одни угодья начинаютъ болѣе цѣниться, другія меньше, и самый процессъ обособленія не всегда касается разомъ всѣхъ земельныхъ угодій, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя въ данный моментъ представляютъ наибольшую цѣнность. Отсюда обиліе смѣшанныхъ формъ общиннаго владѣнія, какое наблюдается въ Томскомъ округѣ. Для этого района наиболѣе цѣннымъ угодьемъ являются луговые сѣнокосы, и съ нихъ-то именно прежде всего и началось обособленіе и разложеніе крупной общинной организаціи.

Разъ начавшись, движеніе къ обособленію и отысканію границъ землевладѣнія проявляется уже при малѣйшемъ удобномъ случаѣ. Роль отдѣльныхъ личностей, преслѣдующихъ далеко не общія цѣли, иногда бываетъ очень велика. Такъ, въ распаденіи Чертенковской крупной общины очень видную роль играли отдѣльные домохозяева, ведущіе широкое земледѣльческое хозяйство. Напр., въ спорѣ Чертенковой съ Изылами по поводу поскотины дѣло началось изъ-за двухъ чертенковскихъ богатѣевъ, которые рубили рощенный лѣсъ въ Изылинской поскотинѣ. Изылинцы, естественно, негодовали на такое самовольство сильныхъ деревенскаго міра, а чертенковцы были безсильны прекратить его. Возникшее столкновеніе постепенно втянуло въ себя цѣликомъ населеніе обѣихъ деревень, жившихъ до того времени мирно. Почти тоже было съ Завьяловой, когда уже процессъ обособленія выразился довольно силь-

[1]) Между Чертенковой и другими деревнями находится лугъ, которымъ ранѣе всѣ онѣ пользовались сообща; возникшіе споры вертятся на вопросѣ о правѣ пользованія этимъ лугомъ той или другой деревни, а такъ какъ всѣ эти споры сопровождаются драками во время сѣнокоса, то самый лугъ получилъ у населенія характерное названіе „Содомскаго покоса".

но, то въ Завьяловской дачѣ осталось не болѣе 5 чертенковскихъ богатѣевъ, имѣвшихъ здѣсь пашни; они широко раскинули свои полосы, переходя послѣдовательно съ одного мѣста на другое. Взамѣнъ хлѣбопахотныхъ земель, завьяловцы косили въ Чертенковской дачѣ. Завьяловцы разсуждали такъ: чертенковскіе богатѣи гадятъ намъ пашни, общество за нихъ стоять не будетъ—того и гляди, отберетъ у насъ сѣнокосы, и не будетъ у насъ тогда ни сѣнокосовъ, ни пашни, такъ какъ чертенковцы выпашутъ всѣ удобныя мѣста. Лучше ужъ заблаговременно отказать чертенковцамъ отъ пользованія хлѣбопахотными землями, если тѣ не согласятся прибавить сѣнокосовъ. Требованіе было предъявлено; чертенковцы, не будучи въ цѣломъ заинтересованы въ пользованіи Завьяловскими пашнями, отказали въ прибавкѣ сѣнокосовъ, и завьяловцы потребовали, чтобы было прекращено дальнѣйшее пользованіе хлѣбопахотными землями въ ихъ дачѣ. Въ возбужденіи спора Канарбуги съ Кайлиной изъ-за лѣса и сѣнокосовъ, видная роль принадлежитъ тому самому Ефрему Ковалеву, который такъ энергично требовалъ, чтобы повсемѣстно въ волости было прекращено внѣплановое пользованіе: будучи крестьяниномъ д. Канарбуги, онъ производилъ усиленныя порубки въ Кайлинскомъ боркѣ, чѣмъ и вызвалъ раздраженіе кайлинцевъ, предъявившихъ, наконецъ, требованіе прекратить порубки уже не къ Ковалеву, а ко всему обществу д. Канарбуги.

Движеніе, вызваннос Ковалевымъ, съ особенной силой выразилось въ концѣ 60-хъ годовъ, а затѣмъ стало ослабѣвать. Послѣ Ковалева старшиной Кайлинской волости былъ избранъ Михаилъ Максимовичъ Фирсовъ, державшійся какъ разъ противоположнаго взгляда на крестьянское землевладѣніе и его формы. Исходя изъ того положенія, что «отысканіе древнихъ граней» ведетъ только къ спорамъ, тяжбамъ и ссорамъ, разоряетъ населеніе, пріучая его къ кляузничеству, Фирсовъ убѣждалъ населеніе пользоваться землей по старому, оставаясь «въ обоюдѣ», не обращать вниманія на планы и пр. Усиленная дѣятельность его въ этомъ направленіи только временно замедлила процессъ распаденія и обособленія, но и то не надолго. Въ двухъ старшинахъ, смѣнившихъ одинъ другаго, въ Ковалевѣ и Фирсовѣ отразились противоположныя теченія,

существовавшія въ земельной общинѣ Кайлинской волости 60-70-хъ годовъ.

Н. А. Вагановъ въ своемъ «Описаніи крестьянскихъ волостей Алтайскаго округа» не разъ упоминаетъ о томъ значеніи, какое имѣли въ возбужденіи земельныхъ споровъ межевые чины бывшаго Горнаго Правленія: стоитъ пожить межевщику нѣкоторое время, какъ уже между сосѣдними деревнями возникаетъ споръ изъ-за границъ землепользованія и землевладѣнія. Фактъ этотъ указанъ совершенно вѣрно, но было-бы ошибкой сдѣлать изъ него тотъ выводъ, что межевые чины какъ-бы нарочно возбуждаютъ споры. Вообще говоря, этого нельзя сказать, и дѣло стоитъ иначе. Фактическія земельныя отношенія и тѣ-же отношенія, выраженныя на планахъ 20-хъ годовъ, не имѣютъ между собой ничего общаго. Крестьяне знаютъ одну сторону этихъ отношеній, межевщикъ—другую. Крестьяне слышали, что есть какія-то грани, указанныя на планахъ, и естественно стремятся узнать, гдѣ онѣ находятся. Межевщикъ, у котораго планы на рукахъ, лучше всякаго другаго можетъ удовлетворить ихъ любознательность, что онъ и дѣлаетъ, какъ сдѣлалъ бы всякій другой на его мѣстѣ. Если полученное разъясненіе не отвѣчаетъ существующимъ земельнымъ отношеніямъ, а чаще всего, такъ и должно случаться, споръ готовъ, такъ какъ всѣ данныя къ возбужденію его на лицо. Если при этомъ еще окажется, что самый планъ въ чемъ-нибудь составленъ невѣрно, то такому спору не будетъ конца. Настоящему изслѣдованію не разъ приходилось констатировать именно такое происхожденіе земельныхъ споровъ, которые влекли за собой разложеніе сложныхъ формъ общины. Такъ, напр., въ 70-хъ г.г. д. Южина была одной изъ составныхъ единицъ крупной общины, охватывавшей, если не всю, то большую часть Чаусской волости (теперь трудно возстановить былыя границы этой общины). Межевщикъ, «проходившій грань» по сосѣдству, далъ кое-какія разъясненія о планахъ, имѣющихся на земли каждой деревни, и крестьяне нѣкоторыхъ селеній «стали доискиваться границъ своихъ владѣній», а вмѣстѣ съ тѣмъ начала распадаться самая община. По указанію другаго межевщика, крестьяне д. Власковой Тутальской волости «начали распахивать за р. Сурьей, начали

приступать къ маяновцамъ, а тѣ—гнать ихъ стягами». Споръ тянется уже нѣсколько лѣтъ, но дѣло ничуть не разъясняется.

Подобныхъ фактовъ можно было-бы привести много, и всѣ они подтверждаютъ одно и тоже: указаніе плановой границы влечетъ за собой возникновеніе неудовольствій и колебаніе или даже окончательное прекращеніе установившихся земельныхъ отношеній. Пути, которыми населеніе приходитъ къ знакомству съ результатами межевыхъ работъ 20-хъ г.г., —самые разнообразные. Иногда достаточно указать невѣрность границы въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, чтобы это вызвало цѣлое движеніе, охватывающее чуть ни всю волость. Чертенковская община—не единственный фактъ въ этомъ родѣ, —тоже даетъ ближайшее прошлое Чаусской волости. Начавшееся въ 70-хъ годахъ изъ-за Южиной движеніе скоро улеглось, и до начала текущаго десятилѣтія на этой почвѣ споровъ возникало очень мало. Но вотъ въ 1891-92 г.г. межевщикомъ были выдѣлены арендные участки изъ внѣплановыхъ земель Чаусской волости, гдѣ жители д. Тропиной производили распашки. Это привело къ опредѣленію въ натурѣ плановыхъ границъ 20-хъ г.г. этой деревни, что заставило пахарей «податься назадъ», въ глубь дачи и вызвало соотвѣтствующее движеніе и въ другихъ смежныхъ селеніяхъ, отъ которыхъ оно передалось и дальше. Начались споры, неудовольствія, охватившіе многія селенія—Тропину, Паутову, Вьюну, Мало-Черемшанку, Кондыкову, Бѣлоярку и др.; стали хлопотать о высылкѣ изъ Главнаго Управленія копій съ плановъ; началось общее опредѣленіе границъ, а затѣмъ «отживаніе отъ граней». Община распалась на болѣе мелкія, отвѣчающія межевымъ дачамъ единицы.

Несовпаденіе межевыхъ границъ съ границами фактическаго землевладѣнія и землепользованія—это именно та почва, на которой возникаютъ и развиваются разнообразныя причины распаденія сложныхъ формъ общины. Къ числу такихъ причинъ относится, между прочимъ, введеніе въ 1887 г. губернскаго на земскія повинности поземельнаго сбора. Въ главѣ о податяхъ и повинностяхъ будетъ подробно изложено все, что касается этого сбора и его значенія для населенія. Здѣсь же достаточно отмѣтить одно, а именно, что разверстка его была

произведена на совершенно другихъ основаніяхъ, чѣмъ всѣ остальные платежи, имѣющіе основаніемъ разверстки на десятину, какъ въ этомъ случаѣ, а «душу». Учетъ же десятинъ былъ произведенъ по даннымъ межевой съемки 20-хъ годовъ, т. е. для обложенія бралось не дѣйствительно эксплоатируемое данной фактической общиной пространство земли, а число «удобныхъ» десятинъ, считавшихся въ межевой общинѣ въ 20-хъ годахъ. Такимъ образомъ, въ основаніе разверстки легла не фактическая община, а нѣчто совершенно фиктивное—планъ 20-хъ годовъ. Понятно, что это не могло не внести рѣзкихъ измѣненій въ весь складъ установившихся земельныхъ отношеній.

Если прежде въ стремленіи «узнать грани» нерѣдко лежали совершенно низменныя побужденія—желаніе, опираясь на чисто внѣшній и случайный фактъ, урвать у сосѣда то, чѣмъ онъ пользовался, можетъ быть, многіе десятки лѣтъ,—то теперь двигателемъ являлись дѣйствительно существенные интересы—желаніе облегчить по возможности тяжесть новаго налога.

Въ предыдущей главѣ были болѣе или менѣе детально разсмотрѣны данныя о размѣрахъ землевладѣнія по планамъ 20-хъ годовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указанъ для различныхъ мѣстностей средній размѣръ землевладѣнія и его крайнія колебанія. Тѣ-же колебанія отразились, разумѣется, и на суммѣ поземельнаго сбора, которая опредѣлялась Казенной Палатой для каждой межевой общины отдѣльно. Въ результатѣ получилось, что сосѣднія селенія, принадлежащія къ одной фактической общинѣ, облагались различной суммой налога. Сначала это вызывало недоумѣніе населенія, поступали жалобы, просьбы снять лишнюю накладку, и пр., а затѣмъ для плательщиковъ мало по малу выяснялись основанія такой въ ихъ глазахъ несправедливой раскладки, и являлось желаніе узнать границы тѣхъ угодій, за которыя платятся иногда очень большія (въ среднемъ на душу) деньги. Начинается разыскиваніе «граней», которое опять-таки приводитъ сначала къ спорамъ и непріятностямъ, а потомъ и къ распаденію сложной общины, къ обособленію по межевымъ общинамъ. Межеваніе 20-хъ годовъ и его наслѣдіе—планы есть именно тотъ источникъ, отъ кото-

раго въ процессѣ разложенія крупныхъ формъ землевладѣнія все исходитъ и къ которому вновь возвращается.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ, какъ, напр., въ Тутальской волости, введеніе поземельнаго сбора и распредѣленіе его по межевымъ единицамъ ни въ чемъ не отразилось на жизни фактической общины, такъ какъ сумма его развертывается одновременно со всѣми другими платежами, и въ нихъ не дѣлается никакого различія. Но въ Тутальской волости и вообще формы землевладѣнія оказываются устойчивѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Томскомъ округѣ среди крестьянскаго населенія, что, по всей вѣроятности, слѣдуетъ объяснить исключительнымъ положеніемъ волости вдали отъ значительныхъ трактовъ, тогда какъ всѣ остальныя пересѣкаются ими; трактъ же, съ его извозомъ, дворничествомъ и пр., оказываетъ вліяніе и кладетъ свой отпечатокъ на всѣ стороны крестьянской жизни, отражается, хотя, можетъ быть, и менѣе сильно, и на землевладѣніи и его формахъ.

Не то въ Кайлинской, Чаусской и другихъ притрактовыхъ волостяхъ. Вотъ нѣкоторые относящіеся сюда факты. Какъ уже было говорено въ своемъ мѣстѣ, Гутово, Кайлина, Елтышева и пр. ранѣе составляли въ земельномъ отношеніи одно цѣлое, многочисленные слѣды чего встрѣчаются еще и теперь. Въ 1887 году эта община, разложеніе которой, можетъ быть, началось ранѣе, распалась на рядъ однодеревенскихъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ межевымъ дачамъ. Причина этого—подеревенное введеніе поземельнаго сбора, неравномѣрно легшаго на разныя части общины. Въ началѣ крестьяне дѣлали попытки сохранить прежнія отношенія; такъ, кайлинцы предлагали елтышевцамъ платить вмѣстѣ поземельныя, но тѣ отказались, хотя имъ это и было выгоднѣе, нежели кайлинцамъ: въ Кайлинской дачѣ 8997,69 дес. удобной земли, что даетъ на наличный дворъ 183,43 дес., а въ Елтышевской—12256 дес., на дворъ же —185,71 дес. Пока еще не произошло окончательнаго обособленія, елтышевцамъ нѣкоторое время помогали платить поземельныя крестьяне Кайлиной и Балты (Ояшинской вол.). Теперь, по поводу тѣхъ же поземельныхъ, идутъ пререканія о захватахъ и запахиваньяхъ въ дачахъ другъ друга. Елтышева, Глядѣнъ и Капарбуга пользовались вмѣстѣ

съ Кайлиной боркомъ, произростающимъ въ дачѣ послѣдней. Въ 50-хъ годахъ Канарбуга стала рубить слишкомъ сильно, изъ-за чего возникъ споръ, вслѣдствіе котораго пользованіе другихъ деревень сильно сократилось, хотя все же продолжалось до введенія поземельнаго сбора, а съ тѣхъ поръ Кайлина въ этомъ отношеніи совершенно обособилась.

Тѣ-же причины дѣйствовали въ распаденіи совмѣстнаго владѣнія и пользованія между Агафонихой, Дергоусовой и Чемской межевой общиной Кайлинской волости и межевыми же общинами Таргинской вол.—Желтоногиной и Пеньковой (Лебедевой), Ача, Таскаева, Манойлова и Болотная; Савинова и Кривояшъ, и пр., и пр. -всѣ прекратили прежнія отношенія изъ-за подеревеннаго введенія поземельнаго сбора. Изъ 44 селеній Кайлинской волости 26 обособились въ земельномъ отношеніи, благодаря именно подеревенному введенію поземельнаго налога, какъ это было установлено собранными свѣдѣніями. Только Моткова, Карпысакъ, Буготакъ и Усть-Каменка нашли нѣкоторый компромиссъ между новыми требованіями и прежними отношеніями: фактически связь порвалась, и каждая изъ перечисленныхъ деревень платитъ поземельныя за себя сообразно учету земли по планамъ; но пользованіе землей жителяли другихъ селеній допускается, только за это съ нихъ взыскиваютъ поземельныя въ томъ размѣрѣ, въ какомъ послѣднія падаютъ на каждаго изъ нихъ. Здѣсь, слѣдовательно, общее пользованіе уступило мѣсто условной арендѣ, изъ которой само общество не извлекаетъ никакой личной выгоды. Въ Ояшинской волости, кромѣ Болотной и Балты, споры изъ-за поземельныхъ были между Ояшомъ и Каменкой, изъ которыхъ первое селеніе уступило второму, нѣкогда, часть своей пашни, при введеніи же поземельнаго сбора предложило каменцамъ уплачивать и соотвѣтствующую долю новаго налога, но Каменка отказалась. Та-же причина привела къ обособленію д. Бибѣевой Ояшинской и Кругликовой Уртамской волости. Въ 1891 г. тырышкинцы Чаусской волости подняли вопросъ о границахъ дачъ, основывая свое требованіе опредѣлить ихъ въ натурѣ тѣмъ соображеніемъ, что поземельный сборъ назначается не въ одинаковомъ количествѣ для всѣхъ деревень, а, слѣдовательно, и количество земли въ каж-

дой изъ нихъ должно быть различно, такъ какъ сумма поземельныхъ опредѣляется количествомъ десятинъ въ дачѣ по плану. Доводъ былъ слишкомъ убѣдителенъ, чтобы не вызвать движенія въ пользу опредѣленія межевыхъ границъ, а это привело къ тому, что Грязнуха и Соколова обособились отъ всѣхъ сосѣднихъ селеній, кромѣ Черемшанки; тоже произошло и съ многими другими общинами. Ни одна изъ причинъ, можетъ быть, не дѣйствовала такъ сильно, какъ эта; ни одна изъ нихъ не затрогивала такъ близко интересы отдѣльныхъ деревень, какъ она.

Внося стремленіе къ распаденію въ сложныя общины, усиленно способствуя окончательному распаденію тѣхъ, разложеніе которыхъ началось ранѣе подъ вліяніемъ другихъ причинъ, введеніе поземельнаго сбора послужило въ то-же время одною изъ причинъ усиленія розни между населеніемъ раздѣльныхъ общинъ. Дѣло въ томъ, что обложенію на губернскія земскія повинности подлежали только земли, находящіяся въ распоряженіи крестьянъ, но не инородцевъ, земли которыхъ отъ этого сбора освобождены. Такъ какъ инородцы Кумышской и Шуйской управъ живутъ съ крестьянами на однихъ и тѣхъ же земляхъ, то изъ этого обязательно должны были при случаѣ возникать недоразумѣнія, а затѣмъ и болѣе рѣзкія столкновенія. Подобныхъ случаевъ изслѣдованіемъ зарегистрировано пять для Кайлинской волости и названныхъ двухъ управъ. Въ главномъ селеніи Кумышской управы Тугучинѣ споры между инородческой и русской общинами ведутся изъ-за поскотиннаго бора и сѣнокосовъ. Ранѣе крестьяне пользовались этими угодьями сообща съ инородцами, но лѣтъ 15 назадъ отказали имъ отъ пользованія лѣсомъ вслѣдствіе небрежнаго обращенія ихъ съ лѣсомъ, которымъ крестьяне дорожили. Лѣсъ въ это время находился въ «заказѣ», т. е. было постановлено не производить порубокъ въ теченіе опредѣленнаго срока, чтобы дать время лѣсу отрости до желаемыхъ размѣровъ. Инородцы обращали мало вниманія на это постановленіе и продолжали рубить лѣсъ, хотя и не сильно. Когда срокъ заказа истекъ, крестьяне разбили лѣсъ по душамъ только между своими, инородцамъ же «вовсе отказали». Это вызвало новыя неурядицы: инородцы продолжаютъ по прежнему произ-

водить порубки, съ чѣмъ крестьяне борятся, какъ могутъ и умѣютъ. Такъ, напр., однажды они отправились всѣмъ обществомъ въ инородческую половину деревни и принялись ломать и рубить всѣ новыя постройки, возведенныя изъ запретнаго лѣса. Кто могъ изъ инородцевъ, тотъ откупался деньгами, у остальныхъ увезли разобранные амбары, заплоты и пр. Кайлинскій старшина М. Фирсовъ, имѣвшій большое вліяніе на крестьянъ и сдерживавшій ихъ стремленіе къ обособленію, оштрафовалъ крестьянъ за произведенное самоуправство и принудилъ ихъ возвратить инородцамъ все отобранное у нихъ, т. е. и лѣсъ, и откупныя деньги. Столновенія, хотя и не въ столь рѣзкихъ проявленіяхъ, продолжались и снова обострились послѣ введенія поземельнаго сбора; такъ какъ имъ были обложены только крестьянскія земли, съ инородцевъ же не требовали ничего, то крестьяне сдѣлали заключаніе, что инородцамъ земли и вовсе не отведены, иначе поземельною податью были бы обложены и они. Не зная, какъ устранить инородцевъ отъ пользованія лѣсомъ, крестьяне сдѣлали на нихъ доносъ лѣсничему, что инородцы производятъ порубки безъ билета. Лѣсная стража составила протоколы о порубкахъ, произведенныхъ не только инородцами, но и крестьянами, и на долю послѣднихъ пришлась большая часть штрафа—около 50 р. изъ 70 р. Это, конечно, еще болѣе обострило отношенія. Другой споръ въ той же деревнѣ ведется изъ-за сѣнокосовъ, и этотъ споръ, между прочимъ, обострился по причинѣ поземельнаго же налога.

Обложеніе поземельнымъ сборомъ однихъ только крестьянъ дало поводъ крестьянской половинѣ д. Глядѣна разсчитывать совсѣмъ «отжить» инородцевъ, т. е. совершенно устранить ихъ отъ землепользованія въ Глядѣнской дачѣ. Нѣсколько лѣтъ крестьяне «судились» и только года четыре назадъ убѣдились, что всѣ инородцы, дѣйствительно, освобождены отъ поземельнаго сбора, но это не лишаетъ ихъ права пользоваться землями. Тогда крестьяне потребовали, чтобы инородцы платили поземельныя вмѣстѣ съ ними, на что тѣ и согласились, хотя крестьяне все-же не даютъ имъ луговыхъ сѣнокосовъ (см. выше).

Между крестьянами и инородцами д. Вассиной идутъ не-

согласія изъ-за того, что крестьяне «продаютъ», т. е. сдаютъ въ аренду «вольныя мѣста» крестьянамъ д. Дорониной Тарминской волости, получаемыми же за это деньгами не дѣлятся съ инородцами, объясняя это тѣмъ, что инородцы не несутъ поземельнаго налога, тогда какъ крестьянамъ приходится платить не только за тѣ земли, которыя состоятъ въ пользованіи ихъ самихъ, но и за тѣ, которыми пользуются инородцы.

Въ Сурковой инородцы категорически отказались нести поземельныя по общей раскладкѣ, а крестьяне въ свою очередь отказываются уплачивать половину слѣдуемой съ нихъ суммы, считая, что эту часть обязаны платить инородцы, какъ пользующіеся землей наравнѣ съ ними, съ крестьянами. Накопляется, такимъ образомъ, на крестьянахъ недоимка, которой къ 1894 г. числилось уже 56 рублей.

Въ Корниловой инородцы также отказались платить вмѣстѣ съ крестьянами поземельныя, ссылаясь на примѣръ Сурковой, хотя ранѣе принимали участіе въ общей разверсткѣ поземельнаго сбора. Это порождаетъ постоянныя неудовольствія между двумя группами одной и той же деревни.

Земельныя отношенія, выражающіяся въ формахъ мірскаго владѣнія и пользованія землей,—это лишь одна сторона крестьянской общины. Другой стороной являются податныя отношенія, т. е. мірское отбываніе всѣхъ лежащихъ на общинѣ платежей и повинностей, на которые крестьяне смотрятъ, какъ на плату за находящуюся въ ихъ распоряженіи землю. Каждая изъ этихъ сторонъ представляетъ вполнѣ законченный кругъ отношеній, и въ то-же время такъ тѣсно связаны съ другой, что измѣненіе въ чемъ-нибудь одной изъ нихъ—положимъ, податныхъ отношеній, сейчасъ же съ большей или меньшей силой отражается на другой сторонѣ—на отношеніяхъ земельныхъ, точно также и обратно. Вотъ почему разложеніе земельной общины, многочисленные факты котораго нами только-что приведены, не могло не отражаться на формахъ податной общины; точно также распаденіе сложныхъ формъ податной общины должно влечь за собой соотвѣтствующее движеніе въ общинѣ земельной.

Формы податныхъ отношеній населенія Томскаго округа настолько разнообразны и сложны, что обзоръ ихъ въ настоящемъ изслѣдованіи выдѣленъ въ самостоятельную главу. Теперь же необходимо сказать, что формы податной общины вполнѣ тождественны съ формами общины земельной, а именно: здѣсь наблюдаются такія же вполнѣ сохранившіяся составныя общины, смѣшанныя, раздѣльныя и однодеревенскія. Одни и тѣ же условія, въ которыхъ находились и подъ вліяніемъ которыхъ слагались об. стороны общины, создали для нихъ и общія формы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, и общую судьбу ихъ: процессъ разложенія болѣе крупныхъ единицъ путемъ обособленія и выдѣленія мелкихъ столь же характеренъ для податной, какъ и для земельной общины,— разница лишь въ степени развитія этого процесса.

Въ приложеніи помѣщены данныя о распредѣленіи селеній Томскаго округа по земельнымъ и податнымъ общинамъ. Дѣлая изъ нихъ выборку, мы получаемъ слѣдующую весьма характерную табличку.

Волость.	число сложныхъ земельн. общинъ	число сложныхъ податн. общинъ	число случаевъ полн. совпаден.	число однодерев. земельн. общинъ	число однодерев. податн. общинъ	число случаевъ полн. совпаден.	число всѣхъ земельн. общинъ	число всѣхъ податныхъ общинъ	число случаевъ полн. совпаден.
Кайлинская	9	11	1	23	1	0	32	12	1
Кривощековская	6	13	2	22	6	4	28	19	6
Чаусская	8	8	2	5	5	0	13	13	2
Ояшинская	10	9	4	14	7	6	24	16	10
Тутальская	16	13	1	29	1	1	45	20	2
Всего	49	60	10	93	20	11	142	80	21

И такъ, въ пяти волостяхъ на 142 земельныхъ общинъ (раздѣльныя общины сюда не вошли) 80 податныхъ, и изъ нихъ только 21 вполнѣ совпадаютъ въ границахъ съ общинами земельными. Наибольшее число совпаденій даетъ Ояшинская волость, а затѣмъ Кривощековская: въ Чаусской и Тутальской совпаденіе наблюдается только въ двухъ случаяхъ для каждой; въ Кайлинской же лишь въ одномъ случаѣ это именно та волость, гдѣ дробленіе земельныхъ общинъ на однодеревенскія достигло наибольшей степени. Случаевъ совпа-

денія однодеревенскихъ общинъ податныхъ съ земельными нѣсколько больше, нежели сложныхъ, если брать для сопоставленія только абсолютныя числа. Все это показываетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ та прочная связь между податной и земельной сторонами общины, которая придаетъ ей большую цѣльность и устойчивость, уже нарушена, въ Кайлинской же волости она и совсѣмъ почти изчезла.

Дальнѣйшее знакомство съ тѣми же данными обнаруживаетъ и другую не менѣе важную черту—болѣе мелкое дробленіе общины земельной сравнительно съ податной. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ селенія тѣхъ же пяти волостей даютъ слѣдующія цифры распредѣленія ихъ по земельной и податной общинамъ.

Волость.	число земельн. общинъ	въ средн. селен. на общину	число подати. общинъ	въ средн. селен. на общину
Кайлинская	32	1,4	12	3,6
Кривощековская	28	1,4	19	2,1
Чаусская	13	2,0	13	2,0
Ояшинская	24	1,5	16	2,3
Тутальская	45	1,5	20	3.3
Всего	142	1,4	80	2,7

Такимъ образомъ, въ то время, какъ средній составъ земельной общины для всѣхъ пяти волостей равенъ 1,4 селенія, а для отдѣльныхъ волостей онъ колеблется между 1,4 и 2,—для податной общины на всѣ волости средній составъ будетъ 2,7 селеній, а для отдѣльныхъ волостей—отъ 2 до 3,6 селеній. Другими словами, процессъ распаденія сложной формы въ земельной общинѣ идетъ быстрѣе, чѣмъ въ податной.

Чтобы, наконецъ, видеть съ какой быстротой происходитъ распаденіе податной общины, имѣются слѣдующія цифры за послѣднѣе десятилѣтіе.

Волость.	Число податныхъ общинъ 1883 г.	1893 г.
Кайлинская	9	12
Кривощековская	16	19
Чаусская	13	13
Ояшинская	16	16
Тутальская	18	20[1])
Всего	72	80

1) Верхъ Пачинскій участокъ образованъ черезъ возникновеніе новыхъ селеній переселенческихъ заселковъ.

За десятилѣтіе, слѣдовательно, въ пяти волостяхъ было 8 случаевъ распаденія сложной податной общины, причемъ наибольшее количество приходится на Кайлинскую и Крюпцековскую волости; въ двухъ же волостяхъ случаевъ распаденія вовсе не было.

Распаденіе податной общины, какъ и земельной, происходитъ подъ вліяніемъ разнородныхъ причинъ, а въ числѣ другихъ и подъ вліяніемъ разложенія сложной формы земельной общины. Но рядомъ съ этимъ несомнѣнно и обратное воздѣйствіе: распаденіе податной общины вызываетъ тотъ же процессъ и въ земельныхъ отношеніяхъ. Можно указать рядъ случаевъ, когда размежеваніе сложной общины шло именно этимъ путемъ. Въ своемъ мѣстѣ уже было отмѣчено, какъ дѣленіе Колбинскаго сельскаго участка между двумя волостями и округами отразилось на земельныхъ отношеніяхъ той-же общины. Подобный же примѣръ даетъ Пачинскій участокъ. Деревни, входившія въ составъ Тайменьской земельной общины, —Крылова и Зырянка принадлежали къ Митрофановскому сельскому участку (податная община), а Малая Тайменька— къ Тайменьскому сельскому участку. Послѣ раздѣленія бывшей Пачинской волости произошло такое перемѣщеніе селеній по участкамъ: Крылова и Зырянка отошли къ чуждому имъ Пачинскому участку, съ Митрофановой же осталась одна д. Убіенная. Малая Тайменька вмѣстѣ съ Большой Тайменькой и Поповой были присоединены къ Тутальской волости. Все это должно было отразиться на послѣдующихъ земельныхъ отношеніяхъ, которыя въ настоящее время имѣютъ слѣдующій видъ: Большая Тайменька, Попова, Митрофанова и Убіенная, т. е. одинъ сложный участокъ цѣликомъ, а другой лишь частью, составляютъ одну общину; другую общину составляютъ одна деревня изъ Тайменьскаго и одна изъ Пачинскаго участка; Зырянка же выдѣлилась въ особую общину. Распаденіе общины Сосноваго Острога на Кипинскій и Косогоровскій сельскіе участки влечетъ за собой извѣстное обособленіе между деревнями того и другаго участка, которое, по всей вѣроятности, въ ближайшемъ будущемъ приведетъ къ полному распаденію общины, изъ которой ранѣе уже вы-

цѣлилась д. Иткара, принадлежащая къ Саламатовскому сельскому участку.

Однимъ изъ результатовъ неравномѣрнаго распаденія земельной и податной общины является возможность для какой нибудь одной изъ деревень, входящихъ въ сложную общину, принимать въ свою среду новыхъ членовъ, заключать различныя сдѣлки и пр., не спрашивая согласія другихъ селеній той-же общины. Всѣ подобные факты, внося въ общину неудовольствіе и раздраженіе, не могутъ не вліять на ея разложеніе.

Гораздо чаще, впрочемъ, въ Томскомъ округѣ можетъ быть констатированъ обратный фактъ, т. е., что земельное обособленіе влекло за собой и распаденіе установившихся податныхъ отношеній, что въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ главы о платежахъ и повинностяхъ будетъ детально выяснено.

Къ числу другихъ причинъ земельнаго обособленія нужно отнести переселенческое движеніе. Примѣръ д. Вороновой Сосново-Остроженской общины не единственный. Мальцева, Лукина, Томилова, Елпина, Филонова и Безмѣнова, къ которымъ присоединились Проскоково и Пяткова, на общій счетъ выписали межевщика, при помощи котораго и «развели грани». Этотъ фактъ населеніе перечисленныхъ деревень объясняетъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ живетъ много переселенцевъ, увеличившихъ «тѣсноту». Ссылку на тѣхъ же переселенцевъ приходилось слышать и въ другихъ общинахъ. Одной изъ причинъ обострения отношеній между двумя общинными группами д. Елпина служитъ пріемъ крестьянами, безъ согласія на то инородцевъ, трехъ семей переселенцевъ, съ которыхъ въ общей сложности общество получило за пріемку 21 р., не считая винa: деньгами же дѣлиться съ инородцами общество отказывается. Тоже видимъ въ Васюгской и нѣк. др.

Съ точки зрѣнія изслѣдованія формъ землевладѣнія важно не только установить фактъ распаденія сложныхъ общинъ и выяснить его причины, но также прослѣдить и тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ онъ проявляется. Формы распаденія сложной общины даютъ новый матеріалъ для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ ея внутренняго склада.

Въ пяти волостяхъ съ приписнымъ къ заводамъ населе-

ніемъ было зарегистрировано 91 случай земельныхъ споровъ, о которыхъ можно было собрать важнѣйшія свѣдѣнія. Изъ этого числа было разрѣшено различными формами обычнаго суда 42 спора—46,1% волостнымъ судомъ 35 или 38,5%, при участіи администраціи—14 споровъ или 15,4%, въ томъ числѣ черезъ межевыхъ чиновъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа—11 споровъ или 12,1%. Такимъ образомъ, огромное большинство возникавшихъ спорныхъ дѣлъ разрѣшалось такъ или иначе самими крестьянами, преимущественно же обычнымъ судомъ.

Формы обычнаго суда, при помощи котораго населеніе разбирается въ своихъ земельныхъ дѣлахъ, довольно разнообразны. Простѣйшей изъ нихъ будетъ та, когда вопросъ разрѣшается черезъ совмѣстное обсужденіе его только заинтересованными сторонами, безъ всякаго участія постороннихъ. Такъ, напр., споръ о захватѣ земли, практиковавшемся, какъ остатокъ бывшихъ общинныхъ отношеній между д. Вассиной Тутальской и д. Дорониной Тарминской волостей, былъ разрѣшенъ общимъ сходомъ понятыхъ отъ обоихъ селеній, по 20 человѣкъ отъ каждаго, въ присутствіи старостъ вассинскаго и дорониискаго. Основаніемъ для рѣшенія служили копіи съ плановъ, полученныя крестьянами изъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа. Составили «полюбовную записку», впослѣдствіи утраченную, чтобы «другъ за друга не заходить». Черезъ нѣкоторое время снова возгорѣлся споръ, который былъ прекращенъ тѣмъ же порядкомъ. Такимъ же образомъ «въ Ковалевскія времена» былъ разрѣшенъ споръ изъза хлѣбопахотныхъ и сѣнокосныхъ земель между д. Вассиной и с. Горевскимъ. Споръ возникъ на почвѣ разложенія сложныхъ формъ. Между Вассиной и Лебедевой Тарминской вол. также былъ разрѣшенъ споръ въ 70-хъ г.г.: «съѣзжались на грань» по 10 человѣкъ съ каждой стороны вмѣстѣ съ сельскими старостами. Иногда отсутствуютъ даже старосты, какъ было при разборѣ дѣла между Вассиной и Агафонихой изъза пользованія сѣнокосомъ: «разбирали своими деревнями», человѣкъ по 5 отъ деревни, «установили грань» по общему соглашенію.

Но это все-же относительно рѣдкіе случаи. Гораздо чаще споры разрѣшаются не только при участіи кого-нибудь изъ представителей волостной или сельской администраціи, роль которой вполнѣ пассивная, но и при участіи «сторонницы», т. е. выборныхъ отъ сосѣднихъ селеній, не заинтересованныхъ въ разбираемомъ дѣлѣ. Такъ въ 1891 г. было разрѣшено столкновеніе между Шубкиной и Борцовой съ Шумиловой, пахавшихъ землю въ дачѣ послѣдней. «Сторонница» была приглашена отъ д.д. Усть-Каменки, Калагановой и Канарбуги, по 2 человѣка отъ каждой; изъ спорящихъ селеній было отъ Шубкиной 2 человѣка, отъ остальныхъ двухъ по 5 отъ каждой. Споръ разбирался въ присутствіи волостныхъ старшинъ—Кайлинскаго и Кумышскаго инородческаго, такъ какъ часть жителей всѣхъ этихъ селеній—инородцы. Когда въ 1889 г. «разъѣзжали грани»—такъ томскіе крестьяне называютъ установленіе границъ владѣнія землею—между д.д. Корниловой и Долговой (одного сельскаго участка), то для осмотра границъ выѣзжало человѣкъ по 20 отъ д.д. Ирбы, Манойловой, Корниловой и Долговой, долговскій и кривоящинскій старосты и волостной засѣдатель. О «разъѣздѣ» былъ постановленъ актъ. Въ 1891 г. вновь опредѣлялись границы, такъ какъ «одинъ столбъ былъ утвержденъ понятыми неправильно», на этотъ разъ уже волостнымъ судомъ. Иногда на спорное мѣсто выѣзжаютъ заинтересованныя стороны въ полномъ составѣ своихъ обществъ. Такой случай былъ при разборѣ дѣла между Тугучиномъ и Гутовымъ Кайлинской вол. Кромѣ того, по выбору самихъ тяжущихся, были посторонніе свидѣтели отъ Ирбы и Сурковой по 3 человѣка, отъ Кайлиной—2 чел. Тугучины предлагали пригласить еще д. Кудрину, но гутовцы протестовали противъ этого, такъ какъ Кудрина сама въ спорѣ съ Гутовымъ, а потому можетъ быть не безпристрастной, съ чѣмъ согласились и тугучины. Выборъ самыхъ депутатовъ производился обществами тѣхъ деревень, отъ которыхъ они являлись представителями. На судѣ присутствовалъ волостной засѣдатель. Судъ не пришелъ ни къ какому рѣшенію, такъ какъ нашелъ, что тугучинскій и гутовскій планы не сходны: одинъ «заходитъ» за другой.

Распаденіе Сосново-Остроженской сложной общины со-

провождалось дважды «третейскимъ съѣздомъ», какъ называютъ крестьяне эту форму суда. Первый разъ, по поводу выдѣленія изъ общины д. Иткары, собрались выборные отъ всѣхъ деревень общины и отъ сторонних: Саламатовой и Кулаковой той же Тутальской волости. Съѣхались до 100 человѣкъ вмѣстѣ съ волостнымъ старшиной Судьи-понятые, осмотрѣвъ въ натурѣ земли, установили между Иткарой и остальными деревнями границу, чѣмъ и выдѣлили ее окончательно изъ общины. Другой подобный же случай былъ въ 1878 г., при выдѣленіи изъ общины д. Вороновой. Собрался полный сходъ отъ всѣхъ деревень общины и выбранные отъ сторонних селеній. Тутъ же присутствовали волостной старшина и старосты Килинскаго, Косогоровскаго и Саламатовскаго участка. Установивъ границы, составили актъ, который и переданъ въ волость для храненія.

Таковы формы обычнаго суда, до сихъ поръ разрѣшающаго почти половину всѣхъ возникающихъ споровъ изъ-за права владѣнія и пользованія землею. Въ другихъ случаяхъ дѣла рѣшаются волостнымъ судомъ, куда обращается одна изъ заинтересованныхъ сторонъ съ жалобой. Часто къ волостному суду обращаются въ томъ случаѣ, когда ни сами спорящіе, ни третейскій съѣздъ не могутъ привести стороны къ соглашенію. Такой именно споръ былъ между деревнями Томиловой и Калагановой Кайлинской волости изъ-за сѣнокоса, который входитъ въ планъ и той, и другой деревни (планы «заходятъ другъ за друга»). Судъ постановилъ пользоваться спорнымъ мѣстомъ согласно временно состоявшемуся между селеніями соглашенію, за исправленіемъ же плановъ обратиться въ Главное Управленіе. Обращаются къ волостному суду и въ тѣхъ случаяхъ, когда потребуется провѣрка границъ на мѣстѣ, хотя и послѣднее нерѣдко производится самими крестьянами.

За рѣшеніемъ споровъ обращаются, наконецъ, къ администраціи; къ чиновникамъ по крестьянскимъ дѣламъ, представителямъ полиціи и пр., а также въ Главное Управленіе Алтайскаго округа. Чаще всего это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ другія способы уже испробованы, но почему либо

оказались неудовлетворительными. Бывали случаи, когда изъ канцеляріи дѣло переходило вновь въ волостной судъ, а то передавалось на разсмотрѣніе и третейскаго суда. Послѣднее было, между прочимъ, при спорѣ с. Гутова съ д. Кудриной Кайлинской вол. въ 1864 г., когда мировой посредникъ Селиверстовъ предложилъ спорящимъ разобраться третейскимъ судомъ, который и состоялся 29 іюля того же года. Это именно рѣшеніе и привело къ содержанію общей поскотины. Сила этаго рѣшенія сохраняется и до сихъ поръ, хотя одно время оно и забылось, и у гутовцевъ явилось желаніе завладѣть самимъ сѣнокосами, для чего разгородить поскотину, на что кудринцы не согласились,

Этими фактами можно и закончить рѣчь о сложныхъ формахъ землевладѣнія, ихъ распаденіи и тѣхъ послѣдствіяхъ, какія оно влечетъ за собой.

Къ числу ограниченій правъ крестьянскихъ обществъ на занимаемую ими землю принадлежитъ воспрещеніе образовать оброчныя статьи. Въ настоящую минуту было бы лишнимъ выяснять основанія подобнаго ограниченія, такъ какъ, во 1-хъ, подробному разсмотрѣнію вопроса объ оброчныхъ статьяхъ на крестьянскихъ земляхъ и его исторіи отведена значительная часть другой работы,[1]) а во 2-хъ изслѣдованіе оброчнаго хозяйства составитъ предметъ особаго труда. Всѣ земли, на которыхъ, по приговорамъ обществъ, образованы оброчныя статьи, подлежатъ изъятію изъ крестьянскаго пользованія и переходятъ въ число арендныхъ земель Главнаго Управленія округа.

Настоящимъ изслѣдованіемъ зарегистрированы слѣдующіе случаи такого изъятія земельныхъ участковъ изъ крестьянскаго пользованія: *въ Тутальской вол.*—въ д. Колмогоровой 18 дес. 42 кв. с. подъ ломками известковаго камня; въ д. Пачѣ—2 участка, одинъ въ 26 дес., другой въ 2 десятины, подъ мукомольными мельницами; въ Елгиной 80 дес. подъ мельницу; въ Филоновой—1 дес. подъ мельницу же. *Въ Кайлинской вол.*—въ д. Ачѣ 2 дес. подъ кожевенный заводъ, въ Асано-

[1]) Матеріалы по изслѣдованію арендная хозяйства въ Алтайскомъ округѣ.

вой—3 дес. въ Бжицковой—3 десятины и въ Кусковой 2 дес. подъ мельницы. *Въ Олшинской вол.* въ Дубровиной подъ крупчатный заводъ, 2 мукомольныхъ мельницы и пароходную пристань 97 десятинъ; въ Алаевской подъ крупчатный заводъ 72 дес. и 3 д. подъ мельницу. *Въ Кривощековской вол.* въ д. Усть-Инской подъ мельницу 10 дес.; въ Кубовой для той же цѣли—8 дес.; въ Прокудкиной—11 дес. также подъ мельницу. Всѣ эти выдѣленные участки находятся въ распоряженіи Главнаго Управленія округа.

III.

Формы землепользованія, т. е. тѣ формы, въ которыхъ выражается и осуществляется право на землю отдѣльныхъ членовъ общины, не представляютъ чего-нибудь однороднаго для изслѣдованныхъ волостей Томскаго округа. Напротивъ, въ этомъ отношеніи наблюдаются пестрота и разнообразіе, опредѣляемыя тѣми отношеніями, въ которыхъ стоитъ община къ землѣ, т. е. большимъ или меньшимъ просторомъ ея. Внѣшнимъ показателемъ той или иной формы служитъ степень свободы, оставляемой общиною отдѣльной личности для приложенія своихъ силъ къ землѣ. Чѣмъ большимъ количествомъ земли располагаетъ данная община, тѣмъ больній просторъ можетъ она оставить каждому изъ своихъ членовъ, не нарушая интересовъ всѣхъ, и обратно: по мѣрѣ уменьшенія въ среднемъ количества земли на данную общинную единицу, возрастаетъ регулирующая сила община, строже становится съ ея стороны регламентація отношеній къ землѣ отдѣльныхъ общинниковъ, усложняются вырабатываемыя ею формы пользованія землею.

Измѣняющееся, въ силу естественнаго роста населенія, въ одномъ и томъ же направленіи числовое отношеніе между населеніемъ и находящейся въ его распоряженіи землею приводитъ къ экономическому неравенству членовъ общины при всякой ея формѣ. Община должна выработать такое положеніе, при которомъ каждая отдѣльная личность вновь стала бы въ равныя условія со всѣми другими по отношенію къ землѣ,—въ этомъ регулирующая роль общины, въ этомъ же ея сила и значеніе. А такъ какъ числовыя отношенія между населеніемъ и землею постоянно измѣняются, то должны измѣняться въ извѣстные періоды и регулирующія формы общины, т. е. формы землепользованія.

Въ Томскомъ округѣ естественный приростъ населенія, какъ установлено подворнымъ изслѣдованіемъ 1894 года, не великъ, не особенно значителенъ и притокъ переселенцевъ извнѣ. Не велики, слѣдовательно, и измѣненія въ числовыхъ отношеніяхъ между населеніемъ и землею, а если принять во вниманіе обширность земельныхъ дачъ, какими располагаютъ общины округа, то значеніе этихъ измѣненій сведется почти къ нулю. Это обстоятельство, на ряду съ тѣмъ фактомъ, что малоземельныхъ общинъ (менѣе 15 десятинъ на наличную душу въ среднемъ) почти нѣтъ въ округѣ, удовлетворительно объясняетъ, почему здѣсь *между общинами* въ ихъ цѣломъ не наблюдается рѣзкихъ различій въ установившихся формахъ землепользованія.

Совсѣмъ иное получается, если взять для сравненія *внутриобщинныя* отношенія, т. е. тѣ числовыя отношенія, въ какихъ находится населеніе данной общины не ко всей землѣ, а къ различнымъ угодьямъ въ отдѣльности: здѣсь разница огромная. Та-же разница будетъ наблюдаться и въ формахъ пользованія различными угодьями.

Возмемъ данныя о среднемъ размѣрѣ различныхъ угодій на дворъ для пяти волостей съ приписнымъ населеніемъ, о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія въ которыхъ имѣются болѣе точныя свѣдѣнія. Эти средніе выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ: пашни—69,0 десятинъ, сѣнокоса—4,7 дес., выгона —5,5 дес. Трудно, конечно, разсчитывать встрѣтить одинъ и тѣ-же формы пользованія пашней и сѣнокосомъ, когда перваго изъ этихъ угодій въ 14,5 разъ болѣе, чѣмъ втораго. Тоже самое наблюдается и въ отдѣльныхъ волостяхъ и общинахъ, только въ однихъ указанная черта выражена рѣзче, въ другихъ слабѣе, общій же характеръ распредѣленія угодій вездѣ одинъ и тотъ же.

Вотъ почему обзоръ наличныхъ формъ землепользованія удобнѣе вести не по общинамъ, которыя въ цѣломъ представляютъ лишь несущественныя отклоненія одна отъ другой, а по отдѣльнымъ угодьямъ, пользованіе которыми чрезвычайно разнообразится, и отмѣчать при этомъ всѣ тѣ особенности, какія могутъ встрѣтиться въ той или другой общинѣ. Отправ-

нымъ пунктомъ нами послужатъ угодебныя и прiусадебныя земли.

Всѣ усадебныя и прiусадебныя земли повсемѣстно въ изслѣдованномъ районѣ находятся въ подворно-наслѣдственномъ пользованiи членовъ общины, совершенно независимо отъ того, что служитъ источникомъ права каждаго даннаго лица: «захватъ» и первое завладѣнiе, отводъ обществомъ, раздѣлъ и пр. Съ этимъ мы встрѣчаемся не только у приписныхъ къ заводамъ и государственныхъ крестьянъ, но и у инородцевъ, какъ живущихъ совмѣстно съ русскими, наприм., Кумышской и Шуйской управъ, такъ и тѣхъ, общiй складъ жизни которыхъ до извѣстной степени замкнутъ и обособленъ—Чатская, Мало-Коряковская управы. Прежде, чѣмъ говорить о внѣшнихъ формахъ, въ которыхъ выражается подворно-наслѣдственное пользованiе, и о тѣхъ ограниченiяхъ, какiя принимаются общиной въ отдѣльныхъ случаяхъ по отношенiю къ нему, удобнѣе ознакомиться съ условiями возникновенiя права на усадебныя мѣста отдѣльныхъ членовъ общины.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ селенiя Томскаго округа въ его изслѣдованной части расположены не только не по плану, заранѣе выработанному, но и безъ всякаго почти порядка: каждый садился на землю, гдѣ ему вздумается, и гдѣ ему удобнѣе, огораживалъ столько земли, сколько находилъ нужнымъ и возможнымъ, принимая въ соображенiе близость сосѣдей, рѣчки и пр.; точно также, сообразуясь лишь съ личными вкусами, ставилъ и избу, и другiя постройки, почему у одного хозяина домъ оказывался построеннымъ въ глубинѣ двора, у другого на краю; тамъ фасадомъ къ улицѣ, здѣсь -бокомъ или даже угломъ, и т. д.: «другой гумно заводитъ посреди улицы, а другой домъ ставитъ во дворѣ,—такъ все и велось», характеризуютъ мотковцы прежнiй порядокъ пользованiя усадебными землями. Все это придавало селенiю видъ чего-то въ высшей степени безпорядочнаго, широко и неуклюже раскинувшагося. Только въ притрактовыхъ селенiяхъ есть улицы, по сторонамъ которыхъ расположены дома хоть въ какомъ нибудь порядкѣ: такой улицей служитъ проѣзжая дорога, все же, что находится въ сторонѣ отъ нея, носитъ тотъ же безпорядочный характеръ, какъ и «забочныя» дерев-

ни такъ крестьяне Томскаго округа называютъ деревни, расположенныя въ сторонѣ отъ тракта.

Такихъ безпорядочно построенныхъ селеній, какъ уже сказано, большинство; изъ 134 деревень, о которыхъ въ этомъ отношеніи имѣются полныя свѣдѣнія,—102 или 76,1% построены безъ всякаго порядка.

Эта внѣшняя безпорядочность имѣетъ своимъ источникомъ образованіе усадьбищъ на началахъ свободнаго захвата, перваго завладѣнія Община не вмѣшивалась въ вопросы разселенія своихъ членовъ, предоставляя каждому полную свободу въ выборѣ мѣста, величинѣ занимаемаго пространства, расположеніи построекъ и пр. Для вмѣшательства и регулированія дѣятельности своихъ членовъ въ этомъ отношеніи община не имѣла никакихъ, ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ побудительныхъ причинъ. Селенія были не велики, и по этому самое широкое проявленіе индивидуальныхъ склонностей на счетъ усадьбы не нарушало ничьихъ интересовъ, не создавало общихъ для всего селенія неудобствъ. Этимъ именно объясняется, почему даже теперь еще захватъ занимаетъ столь видное мѣсто въ ряду другихъ способовъ образованія новыхъ усадбищъ: изъ 214 селеній, въ которыхъ были произведены опросы по этому предмету, въ 73—34,1% еще и теперь подъ новыя усадьбы земли захватываются совершенно свободно.

Такой порядокъ, однако, не могъ долго держаться и при нѣсколько измѣнившихся условіяхъ долженъ былъ неизбѣжно уступить мѣсто другому, болѣе отвѣчающему новымъ требованіямъ. Въ то время, какъ раньше захватъ былъ единственной формой, въ настоящій моментъ первое мѣсто принадлежитъ уже различнымъ видамъ отвода—въ 141 селеніяхъ изъ 214, или въ 65,9%.

Для отдѣльныхъ волостей эти цифры будутъ слѣдующія: въ Кайлинской волости лишь въ 14 селеніяхъ[1]) былъ констатированъ захватъ, тогда какъ въ остальныхъ 30 новыя усадьбы уже отводятся сходомъ или старостой; въ 27 селеніяхъ

[1]) Агафониха, Дергоусова, Чемская, Владиміровка, Боровлянка, Борцова, Русакова, Изылы, Чертенкова, Сухострѣлова, Горевка, Вассина, Шубкина.

Кривощековской волости, о которыхъ имѣются записи,[1]) вездѣ практикуется отводъ, и не было установлено ни одного факта захвата; то же самое въ Чаусской вол., гдѣ изъ 26 селеній имѣются записи о 23 селеніяхъ[2]) захвата и здѣсь въ настоящее время уже нѣтъ; въ Ояшинской захватъ констатированъ лишь въ 6 селеніяхъ[3]) изъ 37 (объ одномъ нѣтъ свѣдѣній). Болѣе всего сохранился прежній порядокъ въ Тугальской волости, лежащей въ сторонѣ отъ трактовъ: на 65 (изъ 71) селеній, о которыхъ имѣются точныя записи, въ 45[4]) еще и теперь практикуется захватъ, какъ единственный источникъ права на занимаемую землю. Изъ инородныхъ управъ отводъ встрѣчается въ двухъ селеніяхъ Чатской[5]) и 4 селеніяхъ[6]) Телеутской управы, и т. д.

Такой переходъ отъ одной формы пользованія къ другой не могъ совершиться разомъ, какъ это и показываютъ цифры. Прежде всего бросили захватъ въ д.д. Кривощекъ, Савиновой, Манойловой и Таскаевой Кайлинской волости, гдѣ новый порядокъ насчитываетъ уже лѣтъ 30, въ Батуриной Уртамской вол. (18 лѣтъ назадъ), въ Карпысакѣ, Моткової, Усть-Каменкѣ и Буготакѣ Кайлинской вол. — 15 лѣтъ, въ Кайлиной—12 лѣтъ и т. д. вплоть до нашихъ дней—въ д. Пробѣ Кайлинской волости захватъ оставленъ всего лишь годъ назадъ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ отводъ былъ принятъ не для всѣхъ группъ населенія: одна изъ группъ переходила къ новому порядку, тогда какъ другая оставалась при старомъ. Та-

---

[1]) Кривощекова, Бугринская, Верткова, Крестная, Алексѣевская, Толмачева, Верхъ-Тула, Тюменина, Найвина, Шилова, Сенчакина, Криводанова, Чиковская, Бунькова, Прокудкина, Кочнева, Казакова, Крохалева, Коткова, Барлакъ, Орская, Локтинская, Кубова, Жеребцова, Усть-Ина, Кривошапкина, Ельцовка.

[2]) Вахрушева, Грязнуха, Соколова, Тырышкина, Подволошная, Мысовская, Большой и Малый Ошъ, Киселева, Анба, Южина, Тропина, Паутова, Сидоровка, Бѣлоярка, Орско-Борская, Выюна, Кандакова, Малая Черемшанка, Тропина Заимка, Чаусъ, Подгорная, Скала.

[3]) Базой, Бибѣева, Камень, Чебула, Вологная, Проскокова.

[4]) Власкова, Крылова, Зырянка, Пича, Мальцева, Тугальская, Пяткова, Яшка, Сосновый Острогъ, Константинова, юрты Константиновскія, Усть-Сосновка, Клина, Воронова, Пашкова, Мѣлкова, Косогорова, Манойлова, Саламатова, Иткара, Ботева, Тарабыкина, Литасова, Романова, Чиркова, Мунгалова, Болтовская, Балахнина, Дубровскій, Маянова, Корчуганова, Коленова, Терехина, Шубина, Маркина, Истомина, Сѣверный, Шишкова, Чахлова, Морковкина, Миничева, Писаная, Колмогорова, Заимка, Поломошнова.

[5]) Юрты Черныя и Тохтамышева.

[6]) Усть-Искитимъ, Большой Искитимъ, Шалай, Зимникъ.

ковы, напр., Татаринова, Бжицкова, Елфимова Кайлинской вол., въ которыхъ отводъ обязателенъ лишь для новыхъ членовъ общины и непричисленныхъ, всѣ же остальные по прежнему пользуются «вольно». Есть деревни, гдѣ къ новому порядку пользованія пришли послѣ общественнаго бѣдствія—пожара, уничтожавшаго безпорядочно построенное селеніе. Такъ именно было въ Грязнухѣ, Соколовой Чаусской вол., Батуриной Уртамской вол.

Причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ смѣна однихъ формъ пользованія другими, можно указать нѣсколько, но трудно присвоить какой-нибудь изъ нихъ преобладающую роль, такъ какъ населеніе чаще всего само не можетъ точно указать, что именно побудило его отказаться отъ захвата: и то побуждало, и другое и вслѣдствіе увеличенія населенія возросли столкновенія, окраинныя усадьбы попали въ менѣе выгодное положеніе относительно тракта, и переселенцамъ не нравится старый порядокъ, и относительно ямщины не для всѣхъ одинаково удобно, и т. д. Совокупность разнородныхъ причинъ вызываетъ столкновенія отдѣльныхъ членовъ общины, на что чаще всего и указываютъ, какъ на ближайшую причину, хотя очевидно, что ссоры и пр. являются сами уже производнымъ другихъ глубже лежащихъ причинъ.

Если оставить въ сторонѣ ссоры и пр., то чаще всего указываютъ на разростаніе селеній, а затѣмъ на вліяніе причисляющихся переселенцевъ. Послѣдняя причина интересна, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что такая роль переселенцевъ замѣчается преимущественно въ старожильскихъ селеніяхъ, тогда какъ изъ новыхъ заселковъ, о которыхъ имѣются полныя свѣдѣнія, лишь въ одномъ Сидоровскомъ Чаусской волости нѣтъ захвата; въ Яшкѣ, Дубровскомъ, Сѣверномъ, Вороновой, Владиміровкѣ—вездѣ пользуются «вольно», и захватъ является единственной формой пользованія.

Подъ «отводомъ» не всегда подразумѣвается одна и та же форма, вѣрнѣе, можетъ быть, —не всегда проявленіе ея носитъ одинъ и тотъ же характеръ. Простѣйшимъ видомъ ея будетъ та форма, когда отношенія между общиной и отдѣльными членами ея ограничиваются простымъ указаніемъ со стороны

первой, гдѣ можно строиться. Указаніе это словесное, даваемое сходомъ, къ которому обращается общинникъ съ просьбой разрѣшить ему обзавестись новой усадьбой; чаще всего при этомъ самъ же просящій указываетъ и мѣсто, которое онъ хотѣлъ бы занять. Сходъ соглашается или не соглашается съ нимъ, указывая въ послѣднемъ случаѣ другое, по его мнѣнію, болѣе подходящее мѣсто. Этимъ и ограничивается вмѣшательство общины. Такому именно виду отвода принадлежитъ преобладающее мѣсто: изъ 141 зарегистрированныхъ случаевъ отвода усадебныхъ мѣстъ въ 99 онъ произведенъ черезъ простое указаніе.

Подчиняясь во всѣхъ такихъ случаяхъ требованію общины относительно выбора мѣста, общинникъ сохраняетъ за собой по прежнему право захвата подъ усадьбу въ указанномъ ему мѣстѣ такого количества земли, сколько ему нужно по хозяйственнымъ соображеніямъ; община пока въ этомъ его не стѣсняетъ.

Другой видъ той же формы пользованія состоитъ въ фактическомъ отводѣ мѣста подъ усадьбу, производимомъ общиной здѣсь регулирующая роль общины проявляется сильнѣе: она указываетъ не только мѣсто, но опредѣляетъ и величину пространства, которое можетъ быть занято подъ усадьбу. Но и въ этомъ случаѣ еще наблюдается извѣстный компромиссъ между новыми и прежними условіями: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кайлинской волости—Гутовой, Елтышевой, Кайлиной, Ирбѣ, Мотковой, Карпысакѣ и Томиловой опредѣляется величина отводимаго мѣста лишь въ одномъ направленіи, по улицѣ (отъ 12 до 20 саж. на усадьбу), тогда какъ въ другую сторону, во дворъ предоставляется захватъ, сколько угодно. Изъ 141 случая отводъ обществомъ зарегистрированъ въ 36.

Наконецъ третій видъ той же формы представляетъ лишь незначительное отступленіе отъ только что описанной, а именно: фактическій отводъ производится не всей общиной, а старостой, который въ этомъ случаѣ служитъ лишь ея агентомъ. Такихъ общинъ зарегистрировано всего лишь 6.

Новыя усадебныя мѣста, если они не наслѣдственныя, обыкновенно отводятся и захватываются изъ земель, бывшихъ

до того свободными и никѣмъ не занятыми, а такъ какъ такія земли чаще всего имѣются лишь на околицѣ, то сюда и выселяются новые домохозяева. Величина мѣста, отводимаго подъ усадьбу, колеблется по отдѣльнымъ селеніямъ и даже по волостямъ въ довольно широкихъ предѣлахъ. Въ Кайлинской волости, какъ уже сказано, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ опредѣляютъ протяженіе только въ одну сторону; тамъ же, гдѣ установленъ опредѣленный размѣръ и длины усадебнаго мѣста, она достигаетъ 60 саж.; такимъ образомъ, усадебное мѣсто равняется обыкновенно 12—20×60 кв. с. Для Чаусской вол. самая распространенная величина мѣста—12×40 кв. с.—с. Чаусъ, Анба, Паутова и др., есть также и по 13,5×60 к. с. Грязнуха, Соколова; въ Ояшинской—12×25, 12×60 и 14×50 кв. с.; въ Тутальской 15—20×40×50, въ Уртамской—14×30, 14×50, и 7 д. Вообще, размѣры произвольны и опредѣляются въ каждомъ данномъ случаѣ наличными условіями.

Образованіе новыхъ хозяйствъ на околицѣ не вызываетъ особыхъ недоразумѣній и столкновеній между отдѣльными членами и общиной, такъ какъ, выселеніе на околицу представляетъ извѣстныя удобства по отношенію устройства гуменниковъ, которые крестьяне стараются имѣть возможно ближе къ дому, что на окраинѣ селеній достигается безъ всякихъ затрудненій. Другой мотивъ, по которому крестьяне охотно селятся на окраинахъ,—это меньшія стѣсненія относительно навоза: здѣсь не такъ настойчиво требуютъ его уборки, какъ въ центральныхъ частяхъ селенія, на виду у проѣзжающаго начальства, и къ скопленію навоза на дворахъ относятся снисходительнѣе (Карпысакъ, Моткова, Усть-Каменка, Буготакъ).

Не вездѣ, однако, новыя усадьбы образуются непремѣнно на окраинахъ, на свободныхъ земляхъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ замѣчается стремленіе къ уравненію усадебныхъ мѣстъ, которое достигается тѣмъ, что при отводѣ новой усадьбы производятъ отрѣзку у тѣхъ домохозяевъ, которые, по мнѣнію общины, захватили нѣкогда въ свое пользованіе слишкомъ много земли. Въ Кайлинской волости такихъ деревень зарегистрировано 13: Кривояшъ, Савинова, Манойлова, Таскаева,

Кійская, Суркова, Кускова, Кусьмень, Осиновка, Калагаюва и Глядѣнъ. Такой же порядокъ наблюдается въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Чаусской волости—Тырышкиной, Подволошной, Мысовской. Здѣсь община придаетъ извѣстное значеніе состоянію дома, стоящаго на усадьбѣ, которую находятъ нужнымъ подвергнуть раздѣлу. «Домъ, говорятъ по этому поводу, разрушить нельзя, но если старый падетъ, то опять уже нельзя поставить» безъ согласія и разрѣшенія общества, которое въ случаѣ нужды можетъ и раздѣлить усадьбу между нѣсколькими домохозяевами.

Раздѣлы усадебъ производятся повсемѣстно при дѣлежѣ наслѣдства, гдѣ это возможно по расположенію построекъ и пр. Чаще же усадьбище вмѣстѣ съ домомъ переходитъ къ одному изъ сыновей—обыкновенно къ младшему, остальнымъ же отводится новое мѣсто подъ усадьбу, или они сами захватываютъ его и тамъ уже и возводятъ постройки.

Для уясненія формъ пользованія даннымъ земельнымъ угодьемъ чрезвычайно важно опредѣлить, при какихъ условіяхъ производится передача его изъ однихъ рукъ въ другія. Что касается усадебныхъ мѣстъ, то, за весьма ничтожными исключеніями, о которыхъ будетъ сказано ниже, повсемѣстно право купли—продажи стѣснено общиной: свободная продажа, безъ всякаго участія и даже вѣдома общины, допускается исключительно лишь среди своихъ однообщественниковъ; для продажи постороннему лицу, хотя бы и проживающему въ деревнѣ, требуется согласіе общественниковъ, иногда выраженное въ письменномъ приговорѣ; безъ этого постороннимъ можетъ быть проданъ лишь домъ на сломъ. Тоже самое и съ правомъ завѣщанія: односельцу можно завѣщать домъ съ усадьбой, постороннему же—только домъ, который долженъ быть снесенъ, если общество[1]) не согласится на уступку мѣста.

Наблюдающіяся исключенія бываютъ двоякаго. рода. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ право прадажи безъ согласія общества

---

[1]) Подъ „обществомъ“ здѣсь подразумѣвается деревенскій сходъ, совпадающій съ общиной лишь въ однодеревенской ея формѣ, такъ какъ по отношенію къ усадебнымъ землямъ сложныя формы общины значенія не имѣютъ, что и понятно, если принять во вниманіе, что сосѣдней деревнѣ безразлично, какъ въ данномъ селеніи расположены усадьбы, отводятся новыя мѣста и пр., ибо это не затрогиваетъ ея существенныхъ интересовъ.

не допускается даже и въ отношеніи своихъ однообщественниковъ, такъ какъ усадебной землею, по мнѣнію общества, можетъ распоряжаться только оно само, взятое въ его цѣломъ, а не отдѣльное его члены. Такое ограниченіе объясняется тѣмъ, что при перепродажахъ, производящихся безъ вѣдома общества, возможны случаи злоупотребленій, съ которыми придется считаться тому же обществу. Къ числу селеній, гдѣ существуетъ это ограниченіе, принадлежатъ Анба, Скала и Орсковорская Чаусской волости. Это ограниченіе не касается, однако, права завѣщать домъ вмѣстѣ съ усадьбой своимъ односельцамъ.

Другое исключеніе—продажа домовъ вмѣстѣ съ усадьбою постороннимъ безъ согласія общества—встрѣчено было въ с. Карпысакѣ Кайлинской вол. Здѣсь богатый крестьянинъ ведущій широкую торговлю, скупаетъ по дешевой цѣнѣ, а чаще беретъ долги дома у своихъ однодеревенцевъ, а затѣмъ перепродастъ ихъ вмѣстѣ съ усадьбой въ посторонніе руки. Перепродажа производится чаще всего переселенцамъ, которые не всегда остаются на мѣстѣ, а переходятъ изъ селенія въ селеніе. Такимъ именно образомъ Абламсковъ (упомянутый крестьянинъ) продалъ домъ съ усадьбай переселенцу Шишкину, который, какъ мѣщанинъ, подлежалъ извѣстному обложенію за пользованіе землею наравнѣ со всѣми другими посторонними общинѣ лицами, тѣмъ не менѣе уплачивать что-либо обществу отказывается и знать его не хочитъ. Общество сознаетъ всю ненормальность такого положенія и въ тоже время ничего не предпринимаетъ противъ: «никакого у насъ положенія не заведено на этотъ счетъ», говорятъ карпысакцы.

С. Карпысакское—не единственный примѣръ подобнаго отношенія къ усадебнымъ землямъ; тоже наблюдается въ с. Горевскомъ Кайлинской вол. и въ нѣкоторыхъ другихъ. Источникъ такого отношенія къ усадебнымъ землямъ лежитъ въ неясномъ представленіи о различіи права на домъ, постройки, городьбу, усадьбы и пр. отъ права на самую усадьбу, какъ на извѣстное пространство общинной земли. Въ настоящее время селенія съ подобнымъ отношеніемъ къ усадебнымъ землямъ составляютъ уже рѣдкое исключеніе; въ огромномъ же

большинствѣ населеніе самымъ точнымъ образомъ разграничиваетъ право на усадбу, какъ совокупность извѣстныхъ хозяйственныхъ строеній, отъ права на находящуюся подъ этими строеніями землю.

Выморочныя угодьбы повсемѣстно поступаютъ въ распоряженіе общества. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ с. Дубровино Ояшинской волости, гдѣ выморочное имущество «прикладывается» къ церкви; если это имущество—домъ, то вмѣстѣ съ нимъ въ распоряженіе церкви должна перейти и усадьба. Вліяніе на выработку подобнаго взгляда относительно выморочнаго имущества у современныхъ дубровинцевъ имѣли, по всей вѣроятности, какія-нибудь особенныя обстоятельства.

Въ отношеніи пріусадебныхъ земель—огородовъ, гуменниковъ и пр. вездѣ практикуется захватъ, какъ единственная форма пользованія, которое носитъ тотъ же характеръ, что и пользованіе усадебными землями, т. е. подворно-наслѣдственный. Въ извѣстномъ числѣ случаевъ въ пользованіи, какъ усадебными, такъ и пріусадебными землями отдѣльный домохозяинъ замѣняется юридическимъ лицомъ-артелью: встрѣчаются почти повсемѣстно артельные дома, артельныя бани, артельныя гумна и пр. Во всѣхъ такихъ случаяхъ усадьбы, гуменники и пр. находятся въ безраздѣльномъ пользованіи всей артели. Къ сожалѣнію, программой настоящаго изслѣдованія была не предусмотрѣна эта сторона, почему вопросъ объ артельномъ пользованіи нѣкоторыми угодьями и не можетъ быть разработанъ сколько-нибудь полно, въ извѣстныхъ случаяхъ нельзя даже дать числа артелей, напр., гуменныхъ, такъ какъ отъ регистраціи онѣ ускользнули.

По отношенію артельныхъ домовъ, а слѣдовательно, и усадьбъ имѣются слѣдующія данныя: всего въ округѣ подворной переписью зарегистрировано 375 домохозяйствъ, имѣющихъ артельныя жилища; число артельныхъ домовъ 186; средній составъ артели 2,02 домохозяйствъ; колебанія отъ 2 до 3. Что касается района распространенія этихъ артелей, то онѣ встрѣчаются въ 100 селеніяхъ 9 волостей (и управъ), а именно:

	Селеній.	Домовъ артельн.	Хозяйствъ.
Въ Кайлинской волости	25	53	108
« Кривощековской «	18	31	62
« Чаусской «	12	22	44
« Ояшинской «	16	26	52
« Тутальской «	23	40	81
« Спасской «	1	1	2
« Уртамской «	1	6	12
« Инородн. управ.	4	7	14

Во избѣжаніе могущаго возникнуть недоразумѣнія, необходимо сказать, что артельное владѣніе домомъ, гумномъ и пр. не влечетъ за собой артельнаго хозяйства полеваго или домашняго: у каждаго изъ членовъ такой артели свое хозяйство, вполнѣ независимое отъ товарищей.

Къ числу земель, однородныхъ по своему назначенію съ усадебными, нужно отнести такъ называемыя подзаимочныя, т. е. ту часть находящихся въ распоряженіи данной общины земель, которая занята самой заимкой—дворомъ, постройками, огородами и пр. Никакихъ особенныхъ формъ пользованія, выдѣляющихъ эти земли изъ числа другихъ усадебныхъ, нигдѣ въ округѣ не наблюдается: тотъ же захватъ, что и тамъ, тоже подворно-наслѣдственное пользованіе; что же касается условій возникновенія заимокъ вообще, то относящіеся сюда факты сгруппированы въ одномъ изъ слѣдующихъ параграфовъ настоящей главы, разсматривающемъ формы пользованія пахотными землями.

Населеніе Томскаго округа различаетъ три вида выгонныхъ земель: 1, такъ называемые «телятники», «засѣки», устраиваемые вблизи селенія для мелкаго скота, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для рабочихъ лошадей, постоянно нужныхъ для домашнихъ работъ; 2, посготины подъ которыми подразумѣваютъ болѣе или менѣе обширное—отъ 1,5 до 15 верстъ въ окружности—пространство земли, огороженное вокругъ селенія для лѣтней пастьбы скота въ періодъ созрѣванія и уборки хлѣбовъ; 3, всѣ окружающія земли дважды въ годъ служатъ выгономъ: весною до половины мая—начала іюня, и осенью послѣ перваго—пятнадцатаго сентября, смотря по году и успѣшности

уборки хлѣбовъ. Формы пользованія каждымъ изъ этихъ видовъ пастбищныхъ земель настолько отличаются между собою, что требуютъ особаго обзора.

Прежде всего необходимо установить право на пользованіе пастбищными землями для различныхъ группъ деревенскаго населенія.

Правомъ выгонять свой скотъ на общинныя земли пользуются всѣ члены общины безъ всякихъ различій, т. е. и несущіе всѣ тягости платежей и повинностей—«полномочные хозяева», и не участвующіе въ мірскихъ платежахъ—такъ называемая «негодница», т. е. старики, выключенные уже изъ податнаго оклада, отставные солдаты, вдовы, сироты и пр.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ въ послѣдніе годы извѣстному ограниченію подверглись тѣ изъ общественниковъ, которые держатъ скотъ для торгово-промышленныхъ цѣлей, а не въ видахъ собственно земледѣльческаго хозяйства. Примѣръ такого ограниченія даетъ с. Горевское Кайлинской волости, гдѣ въ 1893 г. общество постановило облагать каждую купленную для продажи скотину особымъ сборомъ въ доходъ общества; въ 1894 г. былъ вновь составленъ подобный же приговоръ, но въ болѣе категорической формѣ и самое обложеніе было повышено съ 15 на 20 к. за каждую голову крупнаго скота[1]). Въ д. Тугучинѣ за прогонъ скота черезъ дачу общество въ 1894 г. взяло съ крестьянина с. Гутовскаго скотопромышленника 8 р., съ другаго 2 р. Деньги эти община употребила на уплату за копію съ плана на ея дачу.

---

[1]) „Приговоръ сельскаго схода. 1894 г. апрѣля 11 дня, мы, нижеподписавшіеся Кайлинской волости с. Горевскаго крестьяне.. имѣли сужденіе о томъ, что нѣкоторые изъ нашихъ общественниковъ покупаютъ рогатый скотъ съ цѣлью выкармливанія такового на продажу, какъ нынѣ, такъ и въ зимнее время, а такъ какъ въ нашемъ обществѣ особенной земли и угодій для того не имѣется, а можетъ служить препятствіемъ для своего домашняго скота въ прокормленіи на подножномъ корму, а потому съ общаго согласія и большинствомъ голосовъ постановили: накупленный односельцами рогатый скотъ съ цѣлью откармливанья на подножномъ корму для продажи обложить налогомъ за каждую штуку по 20 копѣекъ въ лѣто или хотя только выпущенную на волю скотину, каковыя деньги по провѣркѣ скота и поручаемъ нашему попечителю расходовать по нашему распоряженію на общественныя надобности". „Сельскій сходъ" въ данномъ случаѣ есть общинный сходъ, сельское же общество (здѣсь участокъ) с. Горевское составляетъ вмѣстѣ съ д.д. Васиной и Шубкиной. „Попечитель" выборное общиною лицо, обязанное слѣдить за состояніемъ поскотины, составленіемъ поскотныхъ списковъ, правильнымъ пользованіемъ сѣнокосными пайками и пр., -вообще, это исполнительный органъ общины, не имѣющій никакого отношенія къ оффиціальнымъ должностнымъ лицамъ сельскаго управленія.

Посторонніе лица, живущіе въ данномъ селеніи съ разрѣшенія или согласія общества, вообще говоря, пользуются правомъ выгона скота на пастьбу на одинаковыхъ условіяхъ съ членами общества, т. е. участвуя наравнѣ съ ними въ содержаніи пастуха и городьбѣ поскотины, о чемъ ниже будетъ изложено подробнѣе. Но есть и такія общины, гдѣ посторонніе поставлены въ нѣсколько иныя условія. Въ томъ же с. Горевскомъ, гдѣ денежному обложенію были подвергнуты скотопромышленники, общество въ 1893 г. постановило приговоръ, которымъ опредѣлило плату за пасущійся скотъ «разночинцевъ», т. е. лицъ, не принадлежащихъ къ общинѣ[1]). Нужно сказать при этомъ, что тѣ же разночинцы за пользованіе вообще земельными угодьями въ общинѣ уплачиваютъ отъ 1 до 13 рублей съ семьи, на что имѣется особый приговоръ[2]). Съ тѣми же ограниченіями встрѣчаемся и во многихъ другихъ общинахъ. Такъ напр., въ Кривощековской волости двѣ одиодеревенскія общины—Верхъ-Тула и Тюменина, составляющія одну податную общину Верхъ-Тулинскую, допускаютъ постороннихъ къ пользованію выгономъ лишь при условіи уплаты по 1 р. съ головы крупнаго скота; та же цѣна установлена въ сложной общинѣ Корчугановой-Коленовой Тутальской вол., въ Колмогоровой, Писаной и Заимкѣ; въ Миничевой той же Тутальской волости берутъ уже не съ головы, а за весь пасущійся скотъ даннаго домохозяина 2 рубля. Въ д. Грязнухѣ Чаусской волости, составляющей одну общину съ д. Соколовой, но имѣющей особую поскотину, берутъ только за выпасъ лошадей, по 2 р. съ головы. Въ Канарбугѣ, Глядѣнѣ, Томиловой и Калагановой Кайлинской волости особой платы за пользованіе выгономъ не взимается, но все-таки требуется согласіе общины, и т. д.

Въ то время, какъ поскотиной, а послѣ уборки хлѣбовъ и весною и остальной дачей пользуются сообща всѣ тѣ, кто въ данной общинѣ имѣетъ право выпаса скота,—засѣки, те-

---

[1]) „.... налагаемъ за подножное прокормленіе на нашей мѣстности рогатаго скота и лошадей на проживающихъ у насъ въ селѣ разночинцевъ, за каждую штуку рогатаго скота пятьдесятъ копѣекъ, а за лошадь одинъ рубль. Въ чемъ постановляемъ приговоръ, въ томъ подписуемся.....“ Приговоръ сельскаго схода с. Горевскаго 11 апр. 1893 г.

[2]) Приговоръ Вассинскаго сельскаго схода 30 апр. 1893 г.

лятники въ огромномъ большинствѣ случаевъ находятся или въ личномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, или же въ пользованіи небольшихъ артелей. Такъ называемыя «мірскія», для всего селенія засѣки были зарегистрованы въ 3 селеніяхъ —въ с. Горевскомъ и д.д. Васиной и Шубкиной, составляющихъ одну податную общину, два же первыхъ селенія, сверхъ того, принадлежатъ къ одной сложно простой общинѣ. Но и здѣсь мірскія засѣки не представляютъ собой чего нибудь цѣльнаго, а распадаются на нѣсколько артельныхъ. Такъ въ с. Горевскомъ 2 мірскихъ засѣки, въ Шубкиной и Вассиной по 4 въ каждой деревнѣ. Каждой изъ этихъ засѣкъ пользуется извѣстное числи домохозяевъ, которые и составляютъ артель, разверстывающую между своими членами городьбу, слѣдящую за ея состояніемъ и пр. Величина этихъ засѣкъ весьма различная, что можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, относящихся къ д. Вассиной: одна изъ четырехъ засѣкъ имѣетъ 25 десятинъ, другая—30, третья—40 и четвертая—1 десятину. Вполнѣ мірскую засѣку встрѣчаемъ въ Чертенковой, гдѣ ее и городятъ всѣмъ обществомъ для всего селенія, разверстывая по числу головъ лошадей у каждаго домохозяина. Существуетъ засѣка съ давнихъ поръ; въ нее выпускаютъ только рабочихъ лошадей, числомъ которыхъ опредѣляется и ея величина: городятъ по 15 саж. на лошадь. Въ д. Кійской есть также небольшая мірская засѣка для телятъ.

Засѣки служатъ для выпаса рабочихъ лошадей, отпускаемыхъ на ночь на подножный кормъ: если выпускать ихъ въ поскотину, къ остальнымъ лошадямъ, онѣ могутъ далеко уйти, а тутъ всегда подъ руками. Поэтому засѣки всегда городятся возлѣ самой деревни. Нерѣдко засѣка служитъ для мелкаго скота, какъ для того же служатъ и гумнища. Все это сближаетъ засѣки съ пріусадебными землями, хотя онѣ по своему назначенію должны быть отнесены къ выгонамъ.

Уже изъ самаго назначенія засѣкъ можно заключить, что, за немногими исключеніями, ими пользуются отдѣльные домохозяева, имѣющіе много скота, для котораго требуется даже особый выгонъ. Прежде, когда скотоводство играло болѣе видную роль въ общемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, въ засѣкахъ могло нуждаться и большее число домохозяевъ, на что

указываетъ существованіе мірскихъ засѣкъ, но въ настоящее время, когда скотоводство занимаетъ все болѣе подчиненное положеніе, держать засѣки могутъ если не одни богатѣи, то во всякомъ случаѣ лишь болѣе зажиточные хозяева. На это указываютъ данныя о числѣ засѣкъ по деревнямъ: въ Асановой Тугальской волости—3 засѣки, въ Филоновой—3; въ Шумиловой, Чемской, Агафонихъ Кайлинской волости—по 5 въ каждой, въ Дергоусовой, Борновой, Боровлянкѣ той же волости—по 10, и т. д.

Обычай устраивать засѣки постепенно выводится, вмѣстѣ съ чѣмъ сокращается число селеній, гдѣ есть засѣки, и число самыхъ засѣкъ, мѣсто которыхъ занимаютъ гумешна, а потомъ начинаютъ обходиться и вовсе безъ спеціальныхъ выгоновъ. Небезынтересенъ въ этомъ отношеніи Карпысакскій селіскій участокъ, состоящій изъ 4 однодеревенскихъ земельныхъ общинъ. Въ одной изъ послѣднихъ —въ д. Бугогакѣ засѣкъ нѣтъ уже вовсе, въ остальныхъ засѣками служатъ гумешки, кромѣ с. Карпысака, гдѣ съ прошлаго (1893) года общество уже не разрѣшаетъ ставить новыя засѣки; старыя же всѣ уничтожили, осталась одна только небольшая засѣка, да и та при гумнѣ. Причина такого постановленія общины заключается въ томъ, что подъ засѣки богатѣи захватывали лучшія земли возлѣ селенія, тѣмъ уменьшали площадь поскотины, находящейся въ общемъ пользованіи населенія, а это вело къ необходимости относить городьбу поскотины дальше, такъ какъ иначе для скота всего селенія не хватало бы корму. Между тѣмъ, бѣдняшая часть населенія ни мало не склонна относить городьбу, предлагая это сдѣлать тѣмъ изъ своихъ односоціественниковъ, у кого есть засѣки, въ чемъ тѣ, въ свою очередь, отказываютъ. Возникла борьба между двумя группами населенія, и неимѣющіе засѣкъ выставили требованіе, чтобы засѣки уничтожить во всемъ селеніи, а если, не смотря на это, все-таки придется относить городьбу, то это будетъ сдѣлано независимо отъ вопроса о засѣкахъ нѣсколькихъ зажиточныхъ домохозяевъ, и тяготъ такого переноса ляжетъ равномѣрно на всѣхъ общинниковъ. Въ концѣ концовъ, съ этимъ требованіемъ согласилось большинство, и засѣки были уничтожены.

Не всегда владѣльцы засѣкъ такъ легко уступаютъ: въ д. Долговой, напр., потребовалось много лѣтъ на борьбу съ богатѣями, имѣвшими засѣки, хотя интересы всего общества затрогивались очень чувствительно. Лѣтъ 30 назадъ былъ постановленъ мірской приговоръ о томъ, чтобы на 12 верстъ вверхъ по р. Маматыну отъ селенія не было ни пригоновъ (скотныхъ дворовъ), ни засѣкъ, такъ какъ и то, и другое способствуетъ загрязненію рѣчки, изъ которой жители берутъ воду. Приговоръ этотъ не имѣлъ, однако, значенія, потому что среди общественниковъ д. Долговой былъ богачъ—крестьянинъ Плотниковъ съ тремя сыновьями, который «захватилъ всю рѣчку»; въ деревнѣ ему принадлежали лучшіе дома, лошадей держалъ табунъ головъ по 100, и т. д. «На общество не смотрѣлъ», вспоминаютъ долговцы: «никого не слушалъ», а потому не считалъ себя обязаннымъ подчиняться требованію общины и не шевельнулся съ мѣста послѣ составленія приговора, который вслѣдствіе этого терялъ всякое значеніе, а жители стали брать воду изъ небольшой рѣченки, впадающей въ Маматынъ вблизи деревни.

При недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ, возникающихъ между владѣльцами засѣкъ, даже въ томъ случаѣ, если онѣ артельныя,—и другими членами общины, иногда оказывается давленіе на владѣльцевъ засѣкъ волостнымъ правленіемъ. Такой именно случай былъ въ 1893 г. въ д. Вассиной Кайлинской волости, гдѣ крестьянинъ Павелъ Кудринъ распахалъ мѣстность, въ теченіе 9 лѣтъ передъ тѣмъ бывшую занятой подъ засѣку артелью изъ 24 домохозяевъ. Артель обратилась съ жалобой въ Кайлинское волостное правленіе, а то распорядилось, чтобы «не стѣсняли» Кудрина.[1]) Засѣку отнесли въ другое мѣсто, хотя община и считаетъ распоряженіе волости незаконнымъ, нарушающимъ ея права и установившіеся обы-

---

[1]) „Вассинскому Сельскому Старостѣ. Предписываю Вамъ обязать общество крестьянъ д. Вассиной, чтобы оно отнюдь не стѣсняло крестьянина той-же деревни Павла Кудрина производить хлѣбопашество въ мѣстности, называемой отгонъ, если только до распашки Кудринымъ этой мѣстности не было составлено приговора сельскаго схода, подписаннаго законнымъ числомъ голосовъ съ записью въ установленную для сего книгу объ отводѣ этой мѣстности подъ выпускъ лошадей. Мая 6 дня 1893 года". Записи, разумѣется, не оказалось, такъ какъ д. Вассина составляетъ только часть сельскаго общества, и изъ-за ея засѣкъ, конечно, не могло состояться общаго „сельскаго схода."

чаи. Артель дала обязательство «не стѣснять» Кудрина, чѣмъ столкновеніе съ нимъ и закончилось, мѣсто же, занятое ранѣе засѣкой, пошло подъ распашку не только Кудрина, но и другихъ членовъ общины.[1])

Захваты мѣста подъ засѣки болѣе сильными домохозяевами вели, между прочимъ, къ тому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не оставалось мѣста для устройства засѣкъ другихъ домохозяевъ. Это вызывало вмѣшательство общины въ отношенія своихъ сочленовъ, вытекающія изъ вольнаго пользованія засѣками. Такой именно случай былъ записанъ въ с. Горевскомъ Кайлинской волости, гдѣ община произвела отрѣзку половины мѣстности, занятой засѣкой одного богатаго крестьянина, и отдала ее подъ засѣку артели другихъ домохозяевъ, для которыхъ свободнаго мѣста уже не оказалось[2]). Другой случай уничтоженія общинной засѣки зарегистрированъ въ д. Канарбугѣ Кайлинской же волости, но здѣсь уже по совершенно инымъ мотивамъ: обществу понадобилось перенести дорогу черезъ р. Канарбугу въ другое болѣе удобное мѣсто, но для этого нужно было уничтожить засѣку крестьянина той же деревни Александра Ковалева, въ которой онъ свыше 50 лѣтъ ростилъ березовый лѣсъ. Община постановила уничтожить засѣку, чему А. Ковалевъ и подчинился, и городьба была разобрана. Послѣднее дало поводъ нѣкоторымъ изъ общественниковъ произвести порубку бывшей засѣки Ковалева, какъ ничѣмъ въ настоящее время не огороженной, почему и лѣсъ, ростущій здѣсь, сталъ какъ бы ничьимъ. Ковалевъ же на это смотрѣлъ иначе: уничтоженіе засѣки не должно лишать его права на лѣсъ, о которомъ онъ болѣе полувѣка (55 лѣтъ) заботился, а потому онъ обратился

---

[1]) „1893 г. мая 17 дня, мы, нижеподписавшіеся крестьяне-домохозяева Томскаго округа Кайлинской волости д. Васильи Пудъ и Иванъ Анисимовы, Лебедевы и другіе даемъ это обязательство г-ну Кайлинскому волостному старшинѣ при.... (такихъ-то) въ томъ, что мѣсто, засѣянное крестьяниномъ нашей деревни П. К. Кудринымъ хлѣбомъ въ отонѣ мы дозволяемъ, какъ распахивать ему, такъ и прочимъ нашимъ крестьянамъ навсегда, и засѣку прежде бывшую здѣсь, мы уничтожаемъ, но съ тѣмъ, чтобы намъ засѣки были отведены вверхъ по рѣчкѣ Изылы.....“

[2]) „1893 г. апр. 23... мы... крестьяне... с. Горевскаго... выслушали просьбу общественниковъ своихъ Ивана Мальцева, Александра Похомова и Ивана Степанова Похомова-большаго объ отводѣ имъ засѣки, и имѣя въ виду, что крестьянинъ с. Горевскаго Яковъ Федоровъ Кармановъ занимаетъ обширную засѣку, постановили: отдѣлить отъ Кармановской засѣки половинную часть и предоставить таковую въ пользованіе означеннымъ крестьянамъ...“

въ волостной судъ съ жалобой на самоуправство нѣкоторыхъ изъ своихъ обществениковъ. Судъ призналъ за Ковалевымъ право на лѣсъ въ бывшей его засѣкѣ, а потому постановилъ взыскать въ его пользу съ порубщиковъ по 50 к. за каждую сажень порубленнаго лѣса[1]). Это рѣшеніе волостнаго суда имѣетъ въ данномъ случаѣ еще и то значеніе, что указываетъ на обычный взглядъ населенія на произрастающій въ засѣкахъ лѣсъ, взглядъ, вытекающій изъ трудоваго принципа и находящій свое практическое выраженіе въ пользованіи гуменниками, засѣками, садками и пр.: трудъ, потраченный домохозяиномъ на охрану лѣса хотя бы она и не была прямою цѣлью его дѣятельности, а являлась бы однимъ изъ случайныхъ послѣдствій, даетъ ему право на исключительное личное пользованіе этимъ лѣсомъ.

Городьба артельныхъ засѣкъ обыкновенно развертывается между артельщиками по числу головъ скота у каждаго по 10-15 и 20 саж. городьбы на лошадь, смотря по величинѣ засѣки, которая опредѣляется количествомъ свободныхъ земель, могущихъ быть захваченными подъ засѣку, числомъ скота и пр. Но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ примѣняется и другой способъ развертки—«по состоянію» каждаго изъ домохозяевъ, т. е. богатые платятъ больше, а бѣдные меньше, по опредѣленію общины. Такой порядокъ установленъ въ с. Вьюнскомъ Чаусской волости, гдѣ устроены 9 засѣкъ для коровъ, телятъ и лошадей. Нѣвая отъ рѣчки сторона деревни имѣетъ 4 засѣки—одной пользуется 12 дворовъ, двумя по 7 дворовъ каждою, и одною пользуется 1 дворъ; остальныя 5 засѣкъ—для жителей правой стороны, гдѣ самая большая засѣка для 12 дворовъ имѣетъ 124 саж. длины. Коровъ пускаютъ въ засѣки потому, что въ бору трудно бываетъ искать. Коровъ (дойныхъ) можно выпускать всѣхъ; что же касается лошадей, то въ засѣку пускаютъ по 1-хъ, только рабочихъ, а во 2-хъ, не больше двухъ лошадей со двора. Городьбы приходится по развертки отъ 10 до 25 саж. на дворъ, смотря по состоянію. Засѣки, находящіяся въ личномъ пользованіи

[1]) Приговоръ Кайлинскаго волостнаго суда 1891 г., № 23.

отдѣльныхъ домохозяевъ, ими огораживаются и поддерживаются.

Изъ всѣхъ видовъ пастбищныхъ угодій наибольшее значеніе для населенія въ настоящее время имѣетъ безспорно поскотина, въ которой скотъ пасется большую часть лѣта. Площадь, занимаемая поскотиной, —величина непостоянная не только для различныхъ общинъ, но и для одной и той же общины въ разное время. Измѣненія опредѣляются, какъ общими внѣшними условіями—характеромъ ближайшихъ къ селенію земель, ихъ относительному количеству и пр., —такъ и количествомъ скота въ данной общинѣ и въ данное время; а такъ какъ количество скота подвержено постояннымъ колебаніямъ, то поскотины то расширяются, то сокращаются, сообразно тому, больше или меньше стало скота. На сколько внѣшнія причины вліяютъ на различіе въ величинѣ поскотины въ отдѣльныхъ селеніяхъ, настолько количество скота вліяетъ на состояніе поскотины въ самомъ селеніи.

Чтобы привести и въ соотвѣтствіе площадь поскотины съ количествомъ наличнаго скота, а затѣмъ труда по содержанію изгороди повсемѣстно въ установленные общиною сроки производятся учетъ всего пасущагося скота и такъ называемыя «перегородки», т. е. расширеніе или сокращеніе поскотины, достигаемое перенесеніемъ городьбы на новое мѣсто.

Въ большинствѣ случаевъ учетъ скота производится ежегодно. Такъ напр., въ Кайлинской волости только въ двухъ случаяхъ былъ зарегистрованъ болѣе длинный срокъ: въ д. д. Долговой и Корниловой учетъ производится въ три года разъ: въ Кривошековской волости въ Верхъ-Тулѣ счетъ скота производится черезъ 4 года, въ Чиковской и Буньковой—черезъ 3—5 лѣтъ, въ Бугринской, Вертковой, Барлакѣ, Орской, Кубовой и Жеребцовой—черезъ 3 года, въ остальныхъ же—ежегодно, и т. д. Чаще всего продолжительные сроки встрѣчаются въ Тутальской волости: здѣсь во всѣхъ селеніяхъ, кромѣ Косогоровой и Манойловой (гдѣ счетъ ежегодный), учетъ скота производится черезъ 3—4 года, а въ пяти селеніяхъ[1])—срокъ совсѣмъ неопредѣленный—«какъ придется».

---

[1]) Тарабыкина, Антасова, Романова, Чиркова, (общая поскотина) и Мунгалова.

Городьба поскотины развертывается между всѣми домохозяевами, пользующимися поскотиной для выгона скота, причемъ за развертсчную единицу принимается голова крупнаго скота. Если число головъ скота измѣняется во всей общинѣ, то еще большія колебанія должны быть, конечно, у отдѣльныхъ домохозяевъ. По этому при развертк‍ѣ городьбы по скоту различнымъ домохозяевамъ и даже одному и тому же домохозяину въ разные годы приходится тратить не одинаковое количество труда.

Опредѣленіе длины поскотины (городьбы) производится черезъ подсчетъ всего скота, точно также, какъ и доли, приходящейся на каждаго домохозяина—черезъ подсчетъ его личнаго скота. Сохраненіе справедливости требовало бы, чтобы за подсчетомъ непосредственно слѣдовали и всѣ измѣненія въ городьбѣ, но этаго обыкновенно не дѣлается, такъ какъ годовыя измѣненія въ количествѣ скота не настолько велики, чтобы изъ-за нихъ стоило увеличивать или уменьшать поскотину. Большія измѣненія бываютъ только у отдѣльныхъ домохозяевъ, почему община и стремится, не трогая поскотины въ цѣломъ, привести въ соотвѣтствіе ихъ интересы. Послѣднее достигается черезъ передачу части городьбы отъ тѣхъ, у кого число скота уменьшилось, тѣмъ, у которыхъ оно увеличилось. Такимъ путемъ можно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поддерживать извѣстное равновѣсіе между отдѣльными домохозяевами, пока не наступитъ такой моментъ, когда частныя передачи городьбы уже не помогаютъ дѣлу и требуется общая переверстка и измѣненіе границъ поскотины.

Частныя передачи городьбы отъ однихъ домохозяевъ другимъ вполнѣ соотвѣтствуютъ частнымъ передѣламъ полевой и сѣнокосной земли, производимымъ общиной Европейской Россіи. Какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, учетъ скота и передача городьбы въ большинствѣ общинъ изслѣдованнаго округа производятся ежегодно. Перемѣрка же и переносъ городьбы въ тѣхъ же общинахъ производятся въ гораздо болѣе продолжительные сроки. Для Кайлинской волости этотъ срокъ въ различныхъ общинахъ колеблется отъ 3 до 10 лѣтъ, но есть и такія общины, гдѣ частныхъ передачъ городьбы вовсе

не бываетъ, а за учетомъ ежегодно слѣдуютъ и общія измѣненія городьбы: д. д. Елтышева, Ирба, Кайлина, Калаганова въ Кайлинской вол., Коткова съ Крохалевкой, Прокудкина, Усть-Иня, Кочнева и др. Кровощековской вол.

Тоже самое явленіе, т. е. отсутствіе частныхъ передачъ доли городьбы одними домохозяевами другимъ, наблюдается постоянно тамъ, гдѣ не бываетъ ежегоднаго учета скота: вездѣ въ этихъ общинахъ извѣстна только одна форма уравненія интересовъ между домохозяевами—счетъ скота и соотвѣтственныя измѣненія поскотины. Продолжительность періодовъ, въ которые производится «перемѣрка» поскотинъ въ различныхъ общинахъ, отмѣчена выше.

Подъ «перемѣркой», «перегородкой» и пр. поскотины не слѣдуетъ понимать общій переносъ всей городьбы. Обыкновенно опредѣляютъ, насколько слѣдуетъ увеличить поскотину на «прибылой» скотъ или уменьшить на «убылой», а затѣмъ гдѣ нибудь съ одной стороны и прибавляютъ или уменьшаютъ соотвѣтствующее количество городьбы. Всѣ эти измѣненія производятся тѣми общинниками, въ чьихъ хозяйствахъ измѣнилось количество скота. Во избѣжаніе могущей возникнуть при этомъ такъ называемой черезполосицы въ городьбѣ происходятъ частныя соглашенія и передача звеньевъ городьбы между домохозяевами, во что община уже не вмѣшивается.

Передача городьбы однимъ домохозяиномъ другому не сопровождается никакими доплатами за стоимость лѣса, потраченнаго на городьбу труда и пр. Лѣсъ считается принадлежащимъ общинѣ; что же касается труда, то предполагается, что онъ былъ уже оплаченъ самымъ фактомъ пастьбы скота въ поскотинѣ. Такое отношеніе общины къ передачамъ городьбы при «перегородкахъ» наблюдалось повсемѣстно въ Томскомъ округѣ, кромѣ д. Мотковой, гдѣ съ недавняго времени за уступаемую городьбу начали уплачивать извѣстную сумму тому, отъ кого она переходитъ; въ 1893 г. платили по 3 к. за каждую сажень передаваемой городьбы. Внесеніе новаго обычая населеніе общины приписываетъ вліянію переселенцевъ.

Учетъ скота и измѣненія въ поскотинѣ производятся обык-

повсѣмѣстно ранней весной, когда выпускаютъ скотъ на подножный кормъ. Во многихъ общинахъ ежегодно составляются особые «поскотные списки», въ которые записится имя каждаго домохозяина, число головъ скота (рогатаго и лошадей) у него и количество саженъ городьбы, причитающееся по раскладкѣ на дворъ. Составленіе этихъ списковъ лежитъ обыкновенно на попечителѣ, какъ и многія другія заботы, вытекающія изъ общиннаго пользованія землей. Такъ какъ это требуетъ довольно много времени, особенно въ большихъ селеніяхъ, то попечителю обыкновенно помогаетъ кто-нибудь изъ обществениковъ. Самый учетъ производится на сходѣ, гдѣ каждый домохозяинъ заявляетъ попечителю для записи, сколько скота будетъ имъ выгнано въ поскотину. Можно было бы подумать, что при такомъ способѣ учета остается широкій просторъ для утайки скота; факты, однако, показываютъ противное: за немногими исключеніями, о которыхъ будетъ сказано ниже, община не знаетъ случаевъ утайки, и самый вопросъ объ этомъ вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе схода— «у насъ этого не бываетъ», «примѣра не было»—вотъ отвѣты на вопросъ о возможности утайки и о налагаемыхъ за это штрафахъ. Исключеніе составляетъ одна только Чаусская волость, гдѣ это явленіе знакомо ряду общинъ—въ д. д. Южной, Тропиной, Паутовой, Анбѣ, Орско-Борской и Скалѣ за утайку скота полагается одинъ рубль штрафа съ каждой головы; въ Вахрушевой также былъ случай утайки, и община наложила на каждую скрытую голову скота 25 к. штрафа.

Почти полнымъ отсутствіемъ случаевъ утайки нужно объяснить, почему во многихъ общинахъ (Кіпская, Суркова, Кусьмень и др.) списки составляются небрежно, на клочкахъ бумаги; хранятся они попечителями еще небрежнѣе, а во многихъ общинахъ и вовсе не ведутся, замѣняясь словеснымъ учетомъ и развертной. Особенно много общинъ, не ведущихъ списковъ, въ Тутальской волости, гдѣ было зарегистрировано всего лишь 22 селенія, ведущихъ списки. Напротивъ, въ сосѣдней Каплинской волости только одна община не ведетъ ихъ.

Какъ мы уже знаемъ, развертошной единицей повсемѣстно

служитъ «голова» пасущагося скота, за исключеніемъ немногихъ общинъ, гдѣ разверстка производится на совершенно иныхъ основаніяхъ. Всѣ этого рода общины перечисляются ниже. Количество городьбы, приходящееся на голову скота, далеко не одинаково, что объясняется положеніемъ земель, загораживаемыхъ подъ поскотину. Такъ, напр., гдѣ только возможно, стараются устроить, чтобы часть городьбы замѣняли рѣчки, болота и т. п., гдѣ они есть, конечно, а все это должно отражаться на длинѣ городьбы. Въ Кайлинской волости наименьшее количество городьбы на голову скота $2^1/_2$ сажени (д. Боровлянка), наибольшее $10\text{-}10^1/_2$ саж. (Осиновка, Агафониха); въ Кривошековской—отъ 2 саж. (Коткова и Крохалевка) до 9 (Кривошапкина, Кребцова); въ Чаусской отъ $2^1/_2$ (Южина, Трошина, Наутова) до 5 саж. (Орско-Борская); въ Ояшинской—отъ 5 (Зудова, Смокотина) до 25 саж. (Конева, Суранова, Ларина); въ Тутальской—отъ 4 саж. (д. Аганова) до 20 (Каленова) и т. д. Какъ на исключеніе, можно указать на д. Чебулу Ояшинской волости, гдѣ разверсточной единицей принимается не вообще голова крупнаго скота, а только лошадь—12 саж.

Въ Поповкѣ Тутальской волости разверстывается городьба «по состоянію», т. е. болѣе богатые городятъ больше. Въ переселенческихъ заселкахъ той-же волости Верхъ-Пачинскомъ и Яшкѣ разверсточной единицей служитъ «годный работникъ», т. е. мужчина въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ, на котораго приходится 20 саж. городьбы. Съ такимъ же порядкомъ встрѣчаемся въ юртахъ Орскихъ Мало-Коряковской управы, гдѣ городьбы приходится на работника 10 саж., въ юртахъ Черныхъ и Тохтамышевыхъ (сложная община) Чатской управы, гдѣ поскотина городится въ двухъ отдѣльныхъ пунктахъ: въ одномъ, гдѣ изгородь защищаетъ сѣнокосы, и тѣ, и другія юрты городятъ вмѣстѣ, по 10 саж. на работника, въ другомъ пунктѣ городятъ только Черныя юрты, по 8 саж. на работника. Наконецъ, въ д. Кафтанчиковой (сложно-раздѣльная община) Чатской инородной управы и Ояшинской волости за разверсточную единицу принята «платежная душа», на которую приходится по 11 саж. Вотъ и всѣ исключенія.

При сложныхъ формахъ пользованія поскотинами разверстка производится каждой деревней отдѣльно, такъ какъ каждая «городитъ свое мѣсто», т. е. заранѣе опредѣлено, отъ какого именно пункта и докуда городитъ каждая деревня. Въ раздѣльныхъ общинахъ вездѣ разверстка городьбы производится общимъ сходомъ всего селенія.

Каждый домохозяинъ, получивъ по разверсткѣ извѣстное число саженъ городьбы, обязуется содержать ее въ исправности, а если нужно, то и поставить новую. Надзоръ за исправностью городьбы лежитъ на попечителѣ, который и требуетъ отъ домохозяевъ, чтобы всѣ они привели поскотину въ исправность къ тому дню, когда ворота, остающіяся всю весну открытыми, будутъ заперты, что бываетъ обыкновенно въ 20 числахъ мая. Неисправное содержаніе городьбы влечетъ для домохозяина уплату потерпѣвшему всѣхъ убытковъ, которые произошли вслѣдствіе плохаго содержанія поскотины (потравы хлѣба, сѣна и пр.) Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ можно найти много фактическаго матеріала, подтверждающаго отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ за состояніе городьбы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Крестьянинъ д. Грязнухи Чаусской вол. Р. Каменовъ заявилъ волостному суду, что односельчанцы его С. Каменовъ и Сивковъ плохо содержатъ свою долю городьбы въ поскотинѣ, вслѣдствіе чего лошади просителя произвели потраву у крестьянина д. Малаго Оеша Овчинникова, уничтоживъ 12 мѣшковъ овса. Такъ какъ поскотина Каменова и Сивкова дѣйствительно оказалась ветхою, то судъ и приговорилъ ихъ къ взысканію съ нихъ убытковъ[1]). Такимъ же образомъ было произведено взысканіе съ крестьянина с. Чаусскаго Т. Руднева въ пользу Франца Датуль 3-хъ рублей[2]). То же въ Кайлинской волости: съ виновныхъ въ плохомъ содержаніи городьбы взысканъ штрафъ въ 2 руб. 40 к.[3]); къ штрафу же былъ присужденъ крестьянинъ, благодаря неисправности котораго относительно городьбы закололась лошадь),[4] и т. д.

[1]) Рѣш. Чаус. вол. суда 16 Ноября 1891 г. № 41.
[2]) Рѣш. Чаус. вол. суда 16 Августа 1890 г. № 25.
[3]) Рѣш. Кайлин. вол. суда 17 Сент. 1893 г. № 62.
[4]) Рѣш. Кайлин. вол. суда 3 Сент. 1893 г. № 56.

Иногда отвѣтственности подвергается вся община, но это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда потрава произошла не вслѣдствіе неисправности городьбы, а по причинѣ вообще недостаточнаго надзора за поскотиной. Такъ, напр., кто то не заперъ ворота между Чаусской и Скалинской поскотинами, оттуда вырвались лошади и произвели потраву овса. Потерпѣвшій принесъ жалобу обвиняя общество того и другаго селенія въ содержаніи недостаточнаго караула у воротъ. Обвиняемые и сами признали справедливость обвиненія и уплатили потерпѣвшему за убытки каждое по 10 р. 10 к.[1]) Нѣчто подобное послужило причиной столкновенія между обществами д. Боровлянки и переселенческаго заселка Владиміровки Кайлинской волости, закончившееся въ волостномъ судѣ. Боровлянская община въ одномъ мѣстѣ не городила поскотины, считая достаточной гарантіей отъ потравъ рѣчку Анчешъ. Крестьянинъ той же общины Старцевъ проложилъ черезъ рѣчку бродъ, не спросивъ согласія общины. Благодаря этому броду, скотина кр. Полуектова произвела потраву овса у кр. Чахлога, который и обратился съ жалобой въ судъ, но не на Полуектова, а на Старцева. Судъ призналъ такое обвиненіе правильнымъ и приговорилъ Старцева, какъ виновнаго въ проложеніи брода, къ уплатѣ за 17 пудовъ овса, а за остальные 30 пудовъ обязано уплатить общество д. Боровлянки, «дозволившее себѣ право замѣнять сельскую поскотину незначительною рѣчкою Анчешемъ, которая по своей незначительной ширинѣ и мелководью не можетъ представить собой надежную защиту противъ прохода гульнаго скота въ посѣвныя угодья». Старцевъ, сверхъ того, «за самовольное безъ согласія общества проложеніе черезъ р. Анчешъ брода приговоренъ къ аресту на двое сутокъ[2])». Три года спустя, по жалобѣ крестьянъ д. Владиміровки, волостной судъ постановилъ взыскать съ общества той же д. Боровлянки 7 руб. 50 к. за вообще плохое содержаніе поскотины, а двухъ крестянъ, за дурно содержимую ихъ часть, благодаря чему произошла потрава, къ штрафу по 1 рублю, съ сельскаго старосты (онъ

[1]) Рѣш. Чаус. вол. суда 2 апр. 1891 г. № 16.

[2]) Рѣш. Кайлин. вол. суда 1890 г. № 9.

же и попечитель)—50 к. за плохой надзоръ за городьбой и съ владѣльцевъ лошадей, которыя произвели потраву, по 50 к. съ лошади; всего за 12 мѣшковъ потравленнаго овса взыскано 12 рублей[1]).

Поскотины, охватывающія деревню кольцомъ со всѣхъ сторонъ, необходимо пересѣкаютъ дороги, идущія изъ селенія. Въ пунктахъ такого пересѣченія обыкновенно устраиваются ворота, которыя постоянно должны быть на запертѣ въ теченіи всего того времени, какое скотъ пасется въ поскотинѣ. Если селеніе стоитъ вдали отъ тракта или торговаго пути, то ворота находятся на попеченіи всѣхъ и каждаго, т. е. каждый проѣзжающій, свой или чужой, долженъ, пройдя или проѣхавъ черезъ ворота, непремѣнно запереть и заложить ихъ, чтобы скотина не могла пройти. Такъ какъ здѣсь въ томъ или иномъ отношеніи затрогиваются интересы всѣхъ, то всѣ и слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не оставлять ворота открытыми, и нарушенія этого требованія почти не бываетъ—каждый, хотя бы совершенно чужой, считаетъ обязанностью запирать за собой ворота.

Совсѣмъ другое дѣло, когда селеніе стоитъ на проѣзжемъ трактѣ: тутъ общинѣ приходится держать при воротахъ особыхъ людей, на обязанности которыхъ лежитъ открывать и закрывать ихъ за проѣзжающими. Эти сторожа, извѣстные подъ именемъ «поскотниковъ», «приворотниковъ»,—нанимаются отъ всей общины. Деньги на наемъ ихъ или развертываются вмѣстѣ съ другими сельскими платежами между общинниками, о чемъ будетъ подробно изложено въ очеркѣ податныхъ отношеній, или же покрываются изъ общественныхъ суммъ: деньгъ, поступающихъ въ общество за разрѣшеніе держать кабакъ въ селеніи, за пользованіе земельными угодьями съ посторонними и пр. Поскотнику платятъ обыкновенно въ лѣто отъ 10 до 15 рублей, рѣдко больше; въ исключительныхъ случаяхъ нанимаютъ даже помѣсячно, съ платою отъ 4 до 8 рублей, смотря по близости страднаго времени и, слѣдовательно, по высотѣ цѣнъ на рабочія руки. Хлѣбъ пос-

[1]) Рѣш. Кайлин. вол. суда 20 янв. 1893 г., № 6.

котникъ получаетъ натурой отъ каждаго домохозяина по очереди.

Нѣсколько разъ уже приходилось упоминать на предыдущихъ страницахъ о попечителяхъ, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за поскотиной. Попечитель это выборное лицо общины, ея агентъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ пользованія землей, гдѣ только выдвигается на сцену регулированіе отношеній членовъ общины къ различнымъ земельнымъ угодьямъ. На обязанности попечителя (въ Кривощековской волости—«поскотный староста,» въ Чаусской—«опекунъ») лежитъ, между прочимъ, собираніе «поборовъ,» т. е. различныхъ мірскихъ сборовъ, расходуемыхъ на нужды общины; онъ же долженъ собирать церковную ругу, ѣздить на потравы и пр. Избирается попечитель обыкновенно на годъ; никакого вознагражденія ему не полагается,—дѣлаются лишь льготы въ несеніи другихъ натуральныхъ повинностей. Въ Кайлинской, Кривощековской и Чаусской волостяхъ попечители есть повсемѣстно; въ нѣкоторыхъ общинахъ обязанности попечителя соединяются въ одномъ лицѣ съ десятникомъ[1]), съ кандидатомъ въ старосты и со старостой (послѣднее рѣдко).

Ояшинская и Тутальская волости представляютъ рѣзкія отклоненія отъ остальныхъ: здѣсь или вовсе нѣтъ попечителя, и его обязанности лежатъ на всей общинѣ (с. Проскоково, Ярское, Болотное и др., Ояшинской вол., Колмогорова, Пача, Власкова и др. Тутальской волости, или на старостѣ (Базой, Каменка), или же на десятскомъ (Суранова); въ селеніяхъ Сосново-Остроженской общины, въ Асановой, Лукиной, Томиловой и др. обязанности попечителя лежатъ вообще на сельской полиціи. Исключеніе составляетъ д. Тутальская Тутальской волости, гдѣ есть особый попечитель.

Пользованіе выгономъ вичъ поскотины принадлежитъ къ числу наименѣе регулированныхъ: съ открытіемъ поскотныхъ

[1]) „Десятникъ"- агентъ общины, на обязанности котораго лежитъ оповѣщать народъ о сходѣ. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ „десятскимъ"—низшимъ сельскимъ полицейскимъ агентомъ. Та и другая должность выборная, и въ каждомъ селеніи есть и десятникъ и, десятскій.

воротъ всѣ земли становятся для выгона скота общими, всякія границы теряютъ свое значеніе, и скотъ свободно пасется по волѣ пастуха. Отношенія общины къ пастухамъ не представляютъ ничего характернаго. Для овецъ пастухъ нанимается ea все лѣто, для рогатаго же скота—на время весенней и осенней пастьбы внѣ поскотины. Только въ 12 селеніяхъ рогатый скотъ все лѣто пасется съ пастухомъ, будетъ ли это въ поскотинѣ, или внѣ ея.[1])

Нанимается ли пастухъ съ опредѣленной платой за весь періодъ пастьбы, или съ платой сообразно количеству скота наиболѣе распространенный способъ,—разверстка пастушныхъ денегъ производится общиной все равно по количеству скота у каждаго домохозяина Сверхъ того, пастухъ рогатаго скота еще харчуется по очереди у каждаго домохозяина, выгоняющаго свой скотъ на пастьбу, обыкновенно по одному дню за голову скота. Въ случаѣ утраты скота пастухъ уплачиваетъ хозяину за овцу отъ 1 р. до 1 р. 50 к., а за рогаты скотъ отъ 8 до 12 р. съ головы; въ нѣкоторыхъ общинахъ Чаусской волости взыскивается, по опредѣленію схода, половинная стоимость пропажи (д. Вахрушева). Плата пастухамъ колеблется довольно сильно; какъ между селеніями, такъ и въ различныя времени года. Напр., въ Кайлинской волости въ 1894 г. за пастьбу овецъ плата колебалась между 9 и 15 коп. съ овцы, а для рогатаго скота между 12 и 48 к., въ Чаусской – отъ 7 до 17 к. для овецъ и отъ 16 до 25 к. для коровъ; въ Ояшинской – 10—14 к. съ овцы и 25—30 и 60 к. съ рогатаго скота и т. д.

Можно считать общимъ положеніемъ, что каждое селеніе имѣетъ своего пастуха; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ овечьяго пастуха, пасущаго стадо внѣ поскотины, нанимаютъ нѣсколько селеній, составляющихъ одну сложную общину или же часть ея. Примѣромъ перваго рода можетъ служить Калтайская сложная община, въ которой всѣ селенія нанимаютъ за 40 р. въ лѣто одного пастуха для овецъ; Большая Таймень-

[1]) Толмачева и Алексѣевская Кривощековской вол., Чебула, Смокотина; Зудова и Воронова Ояшинской вол., Большая Таменька, Митрофанова, Попова, Убіенная, Саломатова и Ткара Тутальской волости.

ка, Митрофанова, Попова, Убіенная также нанимаютъ одного овечьяго пастуха за 60 р. Примѣромъ второго рода могутъ служить Сосновый Острогъ, Воронова, Усть-Сосновка, Килина, Константинова и юрты Константиновы, которыя принадлежатъ къ распадающейся сложной общинѣ изъ 9 селеній, и которыя имѣютъ общаго овечьяго пастуха. Въ Тутальской же волости мы встрѣчаемъ примѣръ содержанія одного пастуха нѣсколькими сложными и одиодеревенскими общинами, земельная связь между которыми въ настоящее время только въ этомъ и выражается—это д.д. Корчуганова, Каленова, Терехина, Романова, Литасова, Тарабыкина, Чиркова, Мунгалова, Литвинова и Маянова.

Пользованіе хлѣбопахотными землями еще однообразнѣе, даетъ еще менѣе отклоненій, чѣмъ пользованіе пастбищами. Въ примѣненіи къ пахотнымъ землямъ руководящимъ принципомъ повсюду является захватъ, т. е. право перваго завладѣнія, лишь весьма слабо ограничиваемое общиной.

Какъ видно изъ предыдущаго, количество хлѣбопахотныхъ земель въ среднемъ для различныхъ волостей колеблется отъ 45,2 до 100,6 десятинъ на дворъ[1]). Ни въ одномъ изъ селеній крестьянскихъ волостей, гдѣ занимаются земледѣліемъ, эта цифра не спускается ниже 8,2 десятинъ на дворъ, хотя въ то же время есть общины, гдѣ на дворъ приходится и по 359—366 десятинъ пашни. Въ Уртамской волости, какъ мы знаемъ, земли крестьянскія даже не размежеваны съ остальными казенными землями. Обращаясь къ фактическому пользованію тѣми же хлѣбопахотными землями, мы видимъ слѣдующее: площадь запашки 1893 г. въ среднемъ для различныхъ волостей (крестьянскихъ) колебалась между 1,59 и 10 десятинами на дворъ, и выше 16,2 десятинъ нигдѣ въ селеніяхъ не поднималась.

Сопоставленіе этихъ цифръ съ предыдущими обнаруживаетъ такую степень обезпеченія хлѣбопахотными землями, при которой передѣлы и связанныя съ ними затраты труда и вре-

[1]) Здѣсь взяты только 5 горнозаводскихъ волостей, о которыхъ имѣется болѣе полный плановый матеріалъ.

мени являются совершенно излишними и ничѣмъ не вызываются. Правда, цифры площади запашки, при наличности залежно-паровой системы полеводства, еще не даютъ представленія о томъ, какимъ количествомъ пахотныхъ земель долженъ располагать дворъ, чтобы имѣть данную запашку: для этого необходимо знать и число лѣтъ, на какое оставляется «выдержанная» почва въ залежь, и число лѣтъ пара, пока она эксплуатируется, и, наконецъ, число посѣвныхъ годовъ. Но это ничего не измѣняетъ по существу, такъ какъ самое существованіе залежно-паровой системы указываетъ на ту степень многоземелья, при которой въ передѣлахъ еще нѣтъ надобности.

Имѣющееся въ распоряженіи населенія количество земли позволяетъ каждому изъ членовъ общины развить въ приложеніи къ пашнѣ всѣ свои силы, не стѣсняя этимъ никого, и община не вмѣшивается въ отношенія своихъ членовъ къ пашнѣ, предоставляя каждому полную свободу пахать сколько ему угодно. «Полномочные» хозяева и несущіе половинный окладъ старики, и подростки, и вышедшіе уже изъ податнаго оклада старцы, вдовы, сироты, отставные солдаты и пр.—въ этомъ отношеніи всѣ поставлены въ совершенно одинаковыя условія, община никого изъ нихъ не стѣсняетъ, предоставляя каждому свободу проявленія его индивидуальныхъ силъ. Нигдѣ, на всемъ пространствѣ изслѣдованнаго округа не было зарегистрировано ни одного случая, гдѣ бы наблюдался иной порядокъ въ пользованіи хлѣбопахотными землями.

Отсюда не слѣдуетъ заключать, что относительно пахотныхъ земель совершенно отсутствуетъ регулирующая роль общины. По крайней мѣрѣ, нельзя этого сказать относительно огромнаго большинства общинъ, такъ какъ ограниченій нѣтъ только въ Уртамской волости, да и то не во всѣхъ ея частяхъ.

Одно изъ ограниченій, установившееся повсемѣстно, кромѣ Уртамской волости, относится къ праву образованія заимокъ, какъ мѣста постояннаго жительства и хозяйственной дѣятельности членовъ общины. Если, вообще говоря, у населенія сохранилось мало свѣдѣній о томъ періодѣ, когда заимочная форма пользованія землей имѣла широкое распростра-

ненiе, то самый фактъ существованiя этой формы въ прошедшемъ общины Томскаго округа не подлежитъ сомнѣнiю: на него указываютъ и повсемѣстность сложныхъ формъ владѣнiя, которыя часто, если не всегда, имѣютъ своимъ происхожденiемъ разселенiе путемъ заимокъ, и многочисленные, вполнѣ опредѣленные факты развитiя многихъ современныхъ селенiй изъ заимокъ-выселковъ другихъ селенiй болѣе ранняго образованiя. На нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, имѣющiе отношенiе къ формамъ землевладѣнiя, указывалось выше.

Теперь, если есть заимки, то почти исключительно только временныя, для житья въ перiодъ полевыхъ работъ, — это скорѣе такъ называемыя «пахотныя избушки», т. е. землянки или небольшiя, бревенчатыя избы съ кое-какой загородкой для скота. Но и ихъ немного: по даннымъ подворной переписи, въ 1893 г. въ округѣ было всего 199 заимокъ на 15144 хозяйства (двора) въ 243 селенiяхъ, или на 1,2 селенiй одна заимка. Выкинувши отсюда заимку—Уртамской волости—151, получимъ 48 заимокъ на 236 селенiй, или одну заимку на 4,9 селенiй. На Кайлинскую волость приходится 9 заимокъ, на Кривощековскую 6, Чаусскую—6, Ояшинскую 17, Тутальскую—10.

Какъ ни мало общее число заимокъ, но и изъ нихъ лишь ничтожная часть можетъ быть отнесена къ постояннымъ, на образованiе которыхъ требуется согласiе общества. Безъ послѣдняго условiя можно только возводить на пашнѣ такъ называемые «лѣтники», «пахотныя избушки» и т. п. Образованiе постоянной заимки требуетъ уже такого развитiя, личныхъ силъ домохозяина, которое можетъ причинять извѣстный матерiальный ущербъ другимъ членамъ общины, и послѣдняя накладываетъ извѣстное ограниченiе, а именно: необходимо каждый разъ согласiе всей общины. Эта черта рѣзко различаетъ Уртамскую волость, гдѣ каждый можетъ завести заимку самовольно, и остальныя части Томскаго округа.

Чтобы нагляднѣе обрисовать условiя возникновенiя заимокъ и отношенiе къ нимъ общины, обратимся къ нѣкоторымъ фактамъ, собраннымъ при подворной регистрацiи 1894 г. Нѣсколько лѣтъ назадъ, общество д. Шубкиной Кайлинской

волости дало согласіе нѣкоторымъ своимъ членамъ на образованіе заимки. Когда двое изъ нихъ выселились и занялись дворничествомъ, то обнаружились кое-какіе неудобства: каждое общественное дѣло, требующее общаго схода, вызываетъ посылку десятника за нѣсколько верстъ на заимку; сборщику податей тоже приходится ѣхать лишнее разстояніе; заимочники отбиваются постепенно отъ натуральныхъ повинностей ямской стойки, караула и пр. Становясь относительно общины въ извѣстное, какъ бы привиллегированное положеніе, заимочники въ то же время изъ дворничества на тракту извлекаютъ такія выгоды, которыхъ лишены ихъ сообщественники, живущіе въ деревнѣ, въ сторонѣ отъ трака. Все это послужило причиной рѣшенія общины уничтожить заимку, вслѣдствіе чего община потребовала, чтобы заимочники выѣхали обратно въ деревню. За уклоненіе отъ исполненія натуральныхъ повинностей, Шубкина привлекала къ суду одного изъ заимочниковъ Исакова, котораго волостной судъ и обязалъ «всѣ требованія общества по исполненію натуральныхъ повинностей, карауловъ, нарядовъ и пр. исполнять безпрекословно, не причиняя въ этомъ случаѣ обществу никакихъ убытковъ».[1]) Заимка существуетъ и до сихъ поръ, но никому изъ другихъ своихъ членовъ переселяться на нее община не дозволяетъ, хотя охотниковъ и много. По приговору общества д. Карниловой выселились два двора на рѣчку Топкую, гдѣ и образовали заимку, носящую названіе Захаровки, она уже Топкая. Подобнымъ же образомъ возникла заимка въ дачѣ д. Власковой, о которой уже упоминалось. Правда, 20 лѣтъ назадъ, при образованіи этой заимки, еще не требовался мірской приговоръ, но теперь безъ него приселяться къ заимкѣ уже нельзя, какъ нельзя образовать и новую.

Вообще, заимка, какъ извѣстная ступень въ развитіи общинныхъ формъ, уже пройдена, и остатки этой формы въ настоящее время доживаютъ свои послѣдніе дни. Не далеко то время, когда и теперешнія заимки (изъ числа тѣхъ, что не имѣютъ шансовъ развиться въ болѣе крупныя селенія) сами

[1]) Рѣш. Кайлинскаго вол. суда 1892 г. № 44.

собой уничтожатся, такъ какъ, гдѣ они есть еще, тамъ существуетъ и недовольство ими, которое приведетъ къ ихъ полному упраздненію. «Такъ, пожалуй, и многіе захотѣли бы уйти на степь да въ лѣсъ»—фраза, которую вездѣ можно услышать при разговорѣ о заимкахъ и условіяхъ ихъ возникновенія. Причина такого отрицательнаго отношенія къ заимкамъ лежитъ не столько въ земельной, сколько въ податной общинѣ, въ томъ привиллегированномъ положеніи, въ какое становятся заимочники по отбыванію натуральныхъ повинностей, участію въ сходахъ и пр.

Даже и теперь уже не легко указать заимку, которая имѣла бы своимъ главнымъ назначеніемъ служить цѣлямъ собственно полеваго хозяйства. Мы уже видѣли, что наиболѣе крупныя заимки вызывались къ существованію не болѣе благопріятными условіями для полеводства, а удобствомъ положенія даннаго пункта для дворническаго промысла, при которомъ полеводство играетъ лишь служебную роль. Въ другихъ случаяхъ заимки образуются при мельницахъ, о чемъ въ своемъ мѣстѣ будетъ сказано подробно, при пасѣкахъ и пр.

Въ извѣстномъ смыслѣ чрезвычайно важнымъ является вопросъ объ объемѣ правъ заимочника на занимаемую имъ землю. Для описываемой мѣстности эти права мало чѣмъ отличаются отъ правъ на усадебную землю, и относится къ нимъ община совершенно одинаково. Давая разрѣшеніе на образованіе заимки, община отнюдь не отказывается отъ части принадлежащей ей земли въ пользу одного изъ своихъ членовъ—земля переходитъ лишь въ его пользованіе, и до поры—до времени никто другой изъ членовъ общины уже не имѣетъ на нее права. Заимка, какъ и усадьба, можетъ передаваться по наслѣдству, завѣщаться и пр. безъ всякаго вмѣшательства общины, если наслѣдникъ—членъ той же общины; въ противномъ случаѣ требуется согласіе общины, которая можетъ и отказать въ немъ. Борьба д. Шубкиной со своими заимочниками какъ нельзя лучше уясняетъ взглядъ общины на землю, которую она же разрѣшила занять своимъ членамъ подъ заимку: разъ община найдетъ, что такой-то участокъ земли ей нуженъ почему-либо, она потребуетъ отъ своихъ заимоч-

никовъ прекращенія дальнѣйшаго пользованія имъ, чему тѣ, хотя, быть можетъ, и не безъ протестовъ, въ концѣ концовъ подчинятся. Заимка есть одна изъ формъ общиннаго *землепользованія* — подворно-наслѣдственная, имѣющая въ своемъ основаніи захватъ или отводъ, а потому ни въ какомъ случаѣ не должна быть разсматриваема, какъ одно изъ выраженій подворно-наслѣдственнаго *владѣнія* земельнымъ участкомъ, выдѣленнымъ путемъ захвата изъ общиннаго владѣнія.

Здѣсь та же *срочная* форма пользованія, которая на извѣстной ступени общинныхъ отношеній находитъ свое приложеніе и ко всѣмъ другимъ угодьямъ; только въ однихъ случаяхъ срокъ бываетъ болѣе продолжителенъ, въ другихъ—менѣе, тамъ онъ охватываетъ одно или нѣсколько поколѣній, здѣсь ограничивается періодомъ безпрерывной распашки земли до оставленія ея въ залежь, однимъ укосомъ и т. д. Продолжительность періода пользованія опредѣляется его цѣлями въ связи съ степенью возможности ихъ удовлетворенія. Измѣняются внѣшнія условія, въ какихъ стоитъ община и ея члены по отношенію къ землѣ,—измѣняется и срокъ пользованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдственная форма уступаетъ мѣсто другимъ, болѣе отвѣчающимъ новымъ условіямъ. Этотъ путь одинаково обязателенъ для всѣхъ видовъ земельныхъ угодій.

Ограниченія со стороны общины въ пользованіи пахотными угодьями не исчерпываются запрещеніемъ захватывать пашни подъ заимки. Можно указать и рядъ другихъ, не столь рѣзко выраженныхъ, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важныхъ для уразумѣнія того пути, какимъ идетъ развитіе мѣстныхъ общинныхъ формъ землепользованія.

Въ многоземельныхъ общинахъ, гдѣ регулирующая роль общины въ пользованіи хлѣбопахотными и сѣнокосными угодьями еще слаба, право отдѣльнаго члена на данный кусокъ земли опредѣляется не отводомъ, даже не фактомъ пользованія, а такъ называемымъ «запахиваніемъ» и «закашиваніемъ», какъ въ примѣненіи къ лѣсу это право опредѣляется «зачерчиваніемъ».

«Запахиваніе» заключается въ томъ, что, желая захватить

въ свое пользованіе извѣстную площадь хлѣбопахотныхъ земель и гарантировать себя отъ возможности захвата другими, общинникъ разбрасываетъ свои пашни отдѣльными полосами на извѣстномъ пространствѣ, стараясь расположить ихъ такъ, чтобы все-таки удобно было свозить хлѣбъ къ одному мѣсту для складыванья, къ одному «остожью,» какъ говорятъ крестьяне на Алтаѣ. Всѣ свободные участки земли между этими полосами, будутъ ли то уже оставленные въ залежь, или еще не трогавшіеся сохою, считаются за тѣмъ, кто распахалъ полосы, никто другой сюда «припахаться» уже не можетъ. Только прекращеніе распашекъ и переносъ или уничтоженіе остожья даетъ доступъ къ пользованію занятымъ участкомъ для другихъ членовъ общины.

Въ настоящее время эта форма пользованія хлѣбопахотными землями въ Томскомъ округѣ уже не наблюдается, но воспоминанія о ней кое-гдѣ еще сохранились. Такъ напр. въ д.д. Южиной, Троицкой, Паутовой Чаусской вол. крестьяне говорятъ, что «прежде запахивали кругомъ,» тогда какъ теперь каждый имѣетъ право только на свою полосу, земли же между полосами остаются въ общемъ пользованіи и могутъ быть свободно заняты всякимъ желающимъ. Въ Орско-Борской, Андѣ, Скалѣ той же Чаусской волости современные домохозяева поясняютъ, что «раньше, при дѣдахъ пустоши считались собственностью того, кто пахалъ ихъ,» что нужно понимать въ томъ смыслѣ, что право на захваченный кусокъ пашни не ограничивается періодомъ распашки, а распространяется и на все время, пока выдержанная почва остается въ залежи и не станетъ пригодной для новой распашки.

Само собой понятно, что такая продолжительность непрерывнаго пользованія хлѣбопахотными землями требуетъ въ общемъ гораздо большаго количества ихъ, чѣмъ продолжительность, ограниченная распашкой и періодомъ дѣйствительной эксплуатаціи занятаго участка. Понятно также, что при извѣстной густотѣ населенія «запахиваніе,» оставлявшее въ рукахъ общинника гораздо больше земли, нежели онъ распахиваетъ въ данное время, должно было прекратиться, какъ нарушающее интересы нѣкоторой части общины путемъ захватовъ обширныхъ пространствъ болѣе богатыми общинниками

въ ущербъ остальнымъ. Для Томскаго округа этотъ моментъ представляетъ уже далекое прошлое, о которомъ сохранились лишь отрывочныя воспоминанія. Но слѣды прежнихъ порядковъ остались во многихъ общинахъ съ большей или меньшей отчетливостью. Обратимся къ фактамъ.

Если обычай и не допускаетъ «припахиванья,» если его избѣгаютъ, чтобы «не лѣзть на грѣхъ», то въ принципѣ повсемѣстно признается за каждымъ право припахать свою полосу вплотную къ полосѣ сосѣда, не взирая на то, что далѣе находятся распашки того же хозяина. Любопытная съ этой точки зрѣнія запись находится въ книгѣ рѣшеній Чаусскаго волостнаго суда. Въ д. Скалѣ, гдѣ и теперь еще помнятъ, что нѣкогда пустоши считались затѣмъ, кто ихъ пахалъ, одинъ изъ крестьянъ вспахалъ между полосъ другаго «три осьминника жнива и пять загоновъ залогу» (свѣжей земли). Волостной судъ постановилъ: три осьминника распаханной залежи возвратить просителю; что же касается залогу, т. е. нетронутой земли, то судъ призналъ право на распашку ея безъ спроса сосѣда пахавшаго по близости ранѣе, и потому распаханныя пять загоновъ оставилъ за отвѣтчикомъ.[1]) Здѣсь очевидно, судъ видѣлъ нарушеніе правъ не въ фактѣ «припахиванья,» а въ томъ, что захвачена часть жнивья, которое, можетъ быть, сталъ бы распахивать и прежній хозяинъ. «Каждый можетъ пахать съ той же борозды,» поясняютъ крестьяне свой взглядъ на право производить распашки. Непосредственной близости, которая выражается въ словахъ «съ одной борозды пахать,» все таки избѣгаютъ, такъ какъ это приводитъ нерѣдко къ столкновеніямъ и ссорамъ; но на извѣстномъ разстояніи пашутъ и черезполосно, «заходя другъ за друга,» какъ и сосѣднія общины. Чѣмъ болѣе выпахивается земля, и чѣмъ менѣе становится цѣликовъ и отдохнувшей залежи, тѣмъ полосы все болѣе сближаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и черезполосица. Этотъ порядокъ на столько общъ, что было бы излишне называть отдѣльныя селенія, такъ какъ это значило бы перечислять ихъ всѣ.

---

[1]) Рѣш. Чаусск. воз. суда 18 іюня 1890 г. № 18.

Допуская въ принципѣ распашку «съ одной борозды» и фактически все болѣе сближая свои полосы, крестьяне Томскаго округа ревниво охраняютъ ближайшія къ остожью земли, въ чемъ можно видѣть остатокъ былыхъ отношеній къ захваченнымъ землямъ. Такъ, напр., въ Тугучинѣ и Кудриной Кайлинской волости были случаи близкихъ запашекъ къ остожью и пахотнымъ избушкамъ, и община всегда въ этихъ случаяхъ становилась на сторону ранѣе пахавшаго тутъ домохозяина, принуждая явившагося позже уступить ему запаханное мѣсто, за что первый обязанъ распахать соотвѣтствующее пространство въ другомъ мѣстѣ. Точно также община поступаетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда кто нибудь распашетъ расчищенное изъ подъ лѣсу мѣсто для пашни. Не допускается также распашка близко къ пахотной избушкѣ и въ Чаусской волости, гдѣ подобная распашка отбирается обществомъ (Грязнуха), въ Тутальской, гдѣ подобныя недоразумѣнія разрѣшаются самими общинами.

Въ большинствѣ общинъ изслѣдованной мѣстности право домохозяина на занимаемую имъ землю прекращается вмѣстѣ съ окончаніемъ обработки, а возникаетъ съ момента перваго приложенія къ ней труда. Но въ 60 селеніяхъ Тутальской, Кайлинской и Кривощековской волостей былъ зарегистрированъ другой порядокъ: хозяинъ, переставшій распахивать свою полосу и бросившій ее въ залежь, все же сохраняетъ въ теченіи извѣстнаго времени исключительное право на пользованіе ею. Это требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

«Выдержанная» и оставленная на отдыхъ пашня зарастаетъ различными сорными травами, обиліе которыхъ и служитъ доказательствомъ выдержанности почвы и необходимости запустить ее на нѣсколько лѣтъ. Года черезъ 3—4 пырей постепенно вытѣсняетъ всѣ сорныя травы, но еще лѣтъ черезъ 5—8 самъ вытѣсняется другою травяною растительностью, что служитъ уже доказательствомъ достаточнаго отдыха почвы, которая вновь становится пригодною для обработки. Появленіе пырея, продолжительность его произрастанія и пр.—все это подвержено болѣе или менѣе сильнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ качества почвы, степени ея истощенія и т. п.

Какъ бы то ни было, пырей, разъ онъ появляется и вытѣсняетъ другія травы, произростаетъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а такъ какъ онъ—хорошее кормовое растеніе, то крестьяне Томскаго округа и выкашиваютъ его на пустопіахъ, которыми поэтому очень дорожатъ, особенно тамъ, гдѣ луговыхъ сѣнокосовъ мало. Отсюда—извѣстныя формы пользованія «пырьями», выработываемыя общиной.

Въ прежнее время, когда право распахавшаго землю распространялось на все время ея отдыха, пырьями пользовался тотъ только, въ чьемъ фактическомъ пользованіи находилась ранѣе и самая пашня. Такъ, въ деревняхъ Кайлинской волости—Кійской, Сурковой, Кусковой и Кусьмени еще не очень давно пырьи были «собственностью» хозяина пашни по словамъ крестьянъ этихъ селеній. Теперь земля съ прекращеніемъ посѣва становится общей въ томъ смыслѣ, что каждый членъ общины можетъ занять ее подъ распашку, сѣнокосъ и пр. «Міру много стало, на всѣхъ сѣнокосовъ не хватаетъ, бѣдноте косить негдѣ»—вотъ объясненія, почему уничтоженъ прежній порядокъ.

Въ большинствѣ деревень этотъ порядокъ настолько давно смѣнился другимъ, что о немъ не сохранилось и воспоминаній, но въ 60 селеніяхъ, какъ сказано выше, еще наблюдается переходная форма: право хозяина на данный участокъ сохраняется еще нѣкоторое время послѣ прекращенія распашки. Въ Кайлинской волости этихъ селеній 10, въ Тутальской —35 и въ Кривощековской—15.

Сроки, въ теченіи которыхъ сохраняется право пользованія прежняго хозяина, различны и колеблются отъ одного года до всего періода произростанія пырьевъ и до пригодности полосы для посѣва. Такъ, въ д. Поперечный Искитимъ Тутальской волости прежній хозяинъ сохраняетъ право на пырьи только въ теченіи одного года, на слѣдующій же годъ косить можетъ уже всякій другой изъ членовъ общины. Въ Корчугановой, Терехиной, Литасовой, Маяновой и нѣкоторыхъ другихъ—отъ 1 до 2 лѣтъ; въ Крыловой, Власковой, Барановой, Пачѣ, Мальцевой, Лукиной, Безмѣновой и др.—3 года;

изъ 10 селеній Кайлинской волости —въ восьми селеніяхъ[1]) отъ 2 до 3 лѣтъ, и только въ Тугучинѣ и Кудриной—4 года; въ Кривощековской волости срокъ пользованія пырьями отъ 1 до 2 лѣтъ—въ 13 селеніяхъ[2]) и до 3 лѣтъ —въ 2.[3]) Есть, наконецъ, и такія общины, гдѣ еще и теперь право хозяина сохраняется на все время, пока можно косить, и только послѣ этого участокъ становится общимъ; такова Сосново-Остроженская община Тутальской волости. Наконецъ, въ Пачѣ, Барановой, Крыловой и Зырянкѣ, гдѣ срокомъ назначенъ трехлѣтній періодъ, установлены нѣкоторыя ограниченія, приближающія эти селенія къ Сосново-Остроженской общинѣ, а именно: хотя и признается, что черезъ три года участокъ можетъ быть занятъ другимъ хозяиномъ, но община требуетъ, чтобы при этомъ былъ спрошенъ прежній хозяинъ, который такимъ образомъ получаетъ какъ бы извѣстное преимущество въ соисканіи на право занятія участка.

Источникомъ права пользованія пустошами, какъ и вообще личнаго пользованія въ теченіи извѣстнаго времени хлѣбопахотными землями, служитъ трудъ, затрачиваемый общинникомъ на обработку пашни. Однимъ изъ результатовъ этой затраты является произрастаніе пырья, хотя оно и не имѣлось въ виду ранѣе. Отсюда право на личное пользованіе пырьями. Право это, однако, не настолько очевидно, чтобы могло сохраниться долгое время: увеличеніе населенія, которое должно особенно чувствительно отражаться на пользованіи сѣнокосными угодьями, благодаря ихъ относительно малому количеству, заставляло подвергать это право сомнѣнію, а затѣмъ и полному отрицанію, что на практикѣ выражалось сначала ограниченіемъ права прежняго хозяина на пустоши вообще, потомъ ограниченіемъ въ пользованіи пырьями и, наконецъ, полнымъ упраздненіемъ этого права, вслѣдствіе чего пустоши и въ частности «пырьи» становились общимъ достояніемъ.

[1]) Кривошіи, Савинова, Маноилова, Таскаева, Ача, Бжицкова, Асанова, Татаринова, Елтышева, Тугучинъ, Кудрина.

[2]) Барышева, Быкова, Изрева, Усть-Иня, Кривошапкина, Ельцова, Толмачева, Алексѣевская, Верхъ-Тулинская, Тюменина, Пайвина, Шилова, Сеничкина.

[3]) Каменка и Гусяный Бродъ.

Изъ всего предыдущаго видно, что прекращеніе личнаго пользованія пахотными землями въ Томскомъ округѣ или совпадаетъ съ прекращеніемъ обработки ихъ прежнимъ хозяиномъ—наиболѣе распространенный случай, или же прекращается спустя нѣкоторое время послѣ обработки, опредѣляемое въ каждой общинѣ установившимся обычаемъ. Началомъ пользованія, дѣлающаго данный участокъ неприкосновеннымъ для всякаго другаго, служатъ первыя затраты труда по воздѣлыванію почвы, которыя въ степныхъ общинахъ выражаются въ поднятіи цѣлины или залежи («взодрать залогъ»), а въ лѣсистыхъ («дубравныхъ») въ «чисткѣ лѣса», т. е. въ подсачиваніи и выжиганіи деревьевъ. Такимъ образомъ, весь періодъ частнаго пользованія отдѣльнаго домохозяина опредѣляется въ 10—15 и болѣе лѣтъ, смотря по качеству почвы, продолжительности непрерывной распашки и установившемуся сѣвообороту, пользованію пырьями и пр., что для отдѣльныхъ общинъ подвержено колебаніямъ.

Возвращаемся къ ограниченіямъ, налагаемымъ общиной на пользованіе пахотными землями. Право вольной распашки не распространяется на земли, имѣющія какое нибудь другое назначеніе въ общинѣ. Поэтому безъ особаго разрѣшенія общества никто не можетъ производить распашекъ въ поскотинѣ, расчищать рощи, на которыя обществомъ положенъ заказъ, или въ которыхъ существуетъ регулированное пользованіе лѣсомъ, обращать подъ пашню сѣнокосы и т. п. Точно также не могутъ быть захватываемы и распахиваемы участки, уже находящіеся въ пользованіи другихъ членовъ общины, хотя бы ради другаго назначенія—сбереженія и отращиванія лѣса, занятія пчеловодствомъ и пр. Во всѣхъ такихъ случаяхъ община становится на сторону того, кто раньше пользовался участкомъ. Этимъ объясняется, почему захватъ чужихъ полосъ членами той же общины почти неизвѣстенъ въ изслѣдованномъ районѣ; если подобные захваты и производятся, то лишь членами другихъ общинъ, и въ такихъ случаяхъ почвой имъ служатъ запутанныя междуобщинныя отношенія, оставшіяся отъ былыхъ, уже распавшихся формъ землевладѣнія.

Особенно ревниво община охраняетъ права пчеловодовъ.

Не только захватъ подъ пашню занятаго уже пасѣкой мѣста, но и распашка только по близости отъ пасѣки считается уже нарушеніемъ правъ пчеловода. Такъ, напр., въ д. Саламатовой крестьянинъ Пичугинъ распахалъ «пустолежащее мѣсто» вблизи пасѣки кр. Саламатова, который и обратился въ волостной судъ съ жалобой, обвиняя Пичугина въ томъ, что онъ «загородилъ ему ходъ на пасѣку» (пашня не огорожена) и «мѣшаетъ дальнѣйшему развитію пасѣки.» Признавая, что распаханное мѣсто дѣйствительно пустолежащее, Саламатовъ въ тоже время считаетъ его и «принадлежащимъ» къ пасѣкѣ. Судъ согласился съ нимъ и воспретилъ Пичугину дальнѣйшее пользованіе занятой мѣстностью, за «самоуправство» же приговорилъ его къ трехдневному аресту.[1])

Захвативши извѣстный участокъ и распахавши его, общинникъ тѣмъ самымъ получаетъ исключительное право на пользованіе имъ, которое и можетъ передавать другому на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Сдача распаханной земли въ нѣкоторыхъ общинахъ[2]) и даже въ нѣлыхъ волостяхъ—Чаусская, Мало-Коряковская—ограничена однимъ годомъ (посѣвомъ); въ другихъ же общинахъ для срока нѣтъ никакихъ ограниченій въ продолженіи всего времени, пока непрерывно распахивается занятый участокъ, или же ограниченія установлены лишь для сдачи посторонимъ общинѣ лицамъ. Такой именно порядокъ установленъ въ Кривощековской волости: своимъ можно сдавать на все время непрерывной распашки, чужимъ же лишь на одинъ годъ; тоже самое видимъ въ Кайлинской волости въ д. д. Васиной, Шубкиной и с. Горевскомъ; въ остальныхъ же сдача земли постороннимъ не ограничена никакимъ опредѣленнымъ срокомъ и производится на тѣхъ же условіяхъ, какъ и своимъ, т. е. доставленія земли въ залежь. Обыкновенно же вездѣ сдаютъ землю только на годъ, такъ какъ никто не станетъ продавать сколько-нибудь свѣжей земли, за исключеніемъ какихъ-нибудь особыхъ случаевъ; въ то же время, имѣя возможность распахать лично сколько угодно земли, лишь въ особыхъ случаяхъ спрашивая на то согласія общины

---

[1]) Рѣш. Тут. вол. суда 2 Іюля 1894 г. № 44.

[2]) Мальцева, Филонова, Елгина, Тонилова, Литасова, М. Таймешка и друг.

(если распахивающій—лицо постороннее), никто не станетъ брать на болѣе или менѣе продолжительный срокъ уже выдержанную и, слѣдовательно, менѣе доходную землю. Обыкновенно снимающіе землю (пашню) принадлежатъ или къ переселенцамъ, только что заводящимъ свое хозяйство, или къ тѣмъ домохозяевамъ, которые, по болѣзни, вслѣдствіе какой-нибудь неудачи и пр., не успѣли распахать требуемаго количества земли собственными силами, почему и явилась надобность гдѣ-нибудь перехватить приготовленной къ посѣву земли.

Всѣ этого рода сдачи и съемки производятся самими домохозяевами, безъ всякаго вмѣшательства со стороны общины, если онѣ не выходятъ изъ установленныхъ нормъ. Разрѣшая сдавать и уступать на срокъ распаханныя земли, община Томскаго округа не допускаетъ *продажи* участковъ, какъ это можетъ быть наблюдаемо въ другихъ районахъ Сибири, и здѣсь сдача пахотной земли носитъ характеръ краткосрочной аренды. Сдавая свою пашню, томскій крестьянинъ продаетъ не землю, «пахоть», «работу», т. е. затраченный на распашку цѣлины трудъ. Отсюда невмѣшательство общины въ этого рода сдѣлки своихъ членовъ. Ограниченія въ отношеніи посторонныхъ служатъ для общины гарантіей, что ея земли не будутъ захватываться не принадлежащими къ ней людьми. Наконецъ ограниченія, устанавливаемыя въ нѣкоторыхъ общинахъ и для своихъ членовъ, объясняются тѣмъ, что цѣнность земельныхъ угодій возрастаетъ, хотя и медленно, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и отношеніе къ нимъ населенія.

Другіе виды передачи пахотной земли въ другія руки или совсѣмъ не встрѣчаются (завѣщаніе, дареніе и пр.), или носятъ тотъ же условный характеръ какъ и аренда, т. е. характеръ краткосрочности, опредѣляемой періодомъ распашки—такова форма наслѣдованія. Выморочные участки становятся общими и могутъ быть захвачены каждымъ изъ членовъ общины.

До недавняго времени почти нигдѣ въ округѣ общины не вели регистраціи пахотныхъ земель, захваченныхъ въ пользованіе отдѣльными домохозяевами. Но съ конца прошедшаго

десятинѣтія постепенно начинаетъ вводиться учетъ занятыхъ земель въ большинствѣ общинъ, и теперь уже можно указать цѣлыя волости, въ которыхъ нѣтъ почти ни одного селенія, гдѣ бы не производился ежегодный учетъ распахиваемой и засѣваемой земли—таковы Кайлинская, Кривошековская, Чаусская волости. Въ Туталькой волости учетъ производился только двумя селеніями—Моховой и Кулаковой, въ Уртамской вол.—д. Батуриной; объ Оянпинской волости нѣтъ свѣдѣній.

Учетъ производится ежегодно при помощи составленія новыхъ поименныхъ списковъ всѣхъ домохозяевъ общины, куда вносятся отмѣтки, кто сколько распахиваетъ десятинъ. Составляются списки на сходѣ, въ присутствіи всѣхъ домохозяевъ. А такъ какъ цѣль составленія этихъ списковъ—болѣе правильное распредѣленіе податей, въ частности поземельнаго сбора, чѣмъ затрогиваются насущные интересы каждаго, то записи ведутся довольно точно, доказательствомъ чего служитъ отсутствіе взысканій «за утайку» распахиваемаго количества десятинъ въ большинствѣ общинъ. Въ Кайлинской волости за утайку полагаются взысканія по рублю за каждую десятину—только въ одной Агафоновской общинѣ.

Поземельные списки хранятся обыкновенно вмѣстѣ съ поскотными списками и другими подобными бумагами у поскотнаго старосты (попечителя), а при раскладкѣ податей изъ нихъ нѣкоторыя данныя вносятся и въ раскладочный приговоръ. Введеніе учета распахиваемой земли населеніе повсемѣстно приписываетъ установленію въ 1887 г. поземельнаго на губернскія земскія повинности сбора. Разверстка этого сбора въ большинствѣ случаевъ перенесена на земли, находящіяся въ фактическомъ пользованіи домохозяевъ, отсюда—необходимость учета. Отъ разверстки поземельнаго сбора подесятинно переходятъ постепенно и къ другимъ платежамъ, которые также начинаютъ распредѣлять «по занятію», т. е. по количеству занимаемой земли и числу головъ скота. Въ Туталькой волости, гдѣ только въ двухъ селеніяхъ ведутся списки, и то по настоянію сельскаго писаря, поземельный сборъ не отдѣляется отъ другихъ денежныхъ платежей, съ которыми вмѣстѣ и разверстывается по душамъ. Этимъ, по всей вѣ-

роятности, нужно объяснить отсутствіе здѣсь учета эксплуатируемыхъ земель. Въ Уртамской волости учетъ былъ вызванъ, кромѣ поземельнаго сбора, еще и потребностью болѣе равномѣрнаго распредѣленія податной тяготы.

Чтобы закончить настоящій очеркъ пользованія хлѣбопахотными землями въ Томскомъ округѣ, нужно сказать еще о правѣ на пользованіе этими землями для постороннихъ, которыхъ нѣтъ лишь въ рѣдкой общинѣ.

Пользованіе общинной землей для этой группы населенія сопряжено съ однимъ изъ двухъ условій: желающій заниматься хлѣбопашествомъ испрашиваетъ разрѣшеніе общины на пользованіе пахотной землей, или же, на изложенныхъ выше основаніяхъ, вступаетъ въ частное соглашеніе съ кѣмъ-нибудь изъ общинниковъ и арендуетъ у него засѣянную или только распаханную землю. Въ первомъ случаѣ онъ становится по отношенію къ землѣ въ совершенно равныя со всѣми членами общины условія, т. е. онъ можетъ захватывать гдѣ угодно свободную землю въ произвольномъ количествѣ и распахивать ее, пока находитъ это нужнымъ; во второмъ случаѣ ему приходится постоянно переходить съ мѣста на мѣсто, съ одной арендной полосы на другую, что не представляетъ, конечно, удобствъ. Такъ какъ община лишь въ исключительныхъ случаяхъ отказываетъ въ разрѣшеніи пользоваться хлѣбопахотными землями, то къ арендѣ рѣдко кто обращается, какъ къ постоянному виду пользованія землей.

За пользованіе хлѣбопахотными угодьями община обыкновенно беретъ такъ называемые «полѣтки», т. е. извѣстную сумму денегъ въ годъ, которая является какъ бы арендной платой за пользованіе общинными землями. Размѣръ этой платы опредѣляется общиной въ каждомъ данномъ случаѣ особо.

Пользованіе сѣнокосами въ Томскомъ округѣ по формамъ своимъ гораздо разнообразнѣе, нежели хлѣбопахотными землями. На ряду съ вольнымъ пользованіемъ во всѣхъ волостяхъ, кромѣ Уртамской, и во всѣхъ инородныхъ управахъ, кромѣ Темерчинской, встрѣчается и душевое пользованіе, котораго въ пользованіи хлѣбопахотными землями не находимъ

ни въ одной изъ изслѣдованныхъ общинъ. Самое душевое пользованіе представляетъ большія отклоненія отъ наиболѣе распространеннаго типа. Не вездѣ одинаковою является и та форма, которая въ своей основѣ имѣетъ не передѣлъ, а захватъ: въ однихъ случаяхъ она сохраняетъ всѣ характерныя черты «вольнаго пользованія», въ другихъ—приближается къ подворно-наслѣдственному, и т. д. Все это придаетъ особый интересъ изученію общинныхъ порядковъ въ примѣненіи къ сѣнокосамъ изслѣдованнаго района.

Мы уже знаемъ, какъ неравномѣрно надѣлены сѣнокосами общины Томскаго округа не только въ различныхъ волостяхъ, но и въ предѣлахъ одной и той же волости. Недостатокъ луговыхъ сѣнокосовъ населеніе восполняетъ такъ называемыми степными сѣнокосами, т. е. травой, ростущей по логамъ, въ лощинахъ, на выпашахъ и пр., а также въ березовыхъ дубравахъ между деревьями. Послѣдніе сѣнокосы носятъ иногда названіе «лѣсныхъ», хотя чаще также извѣстны подъ именемъ степныхъ. Изъ 220 селеній Томскаго округа, о которыхъ имѣются полныя свѣдѣнія, въ 125 или въ 56,8% имѣются луговые сѣнокосы, въ 187—степные (85,0%) и въ 13 селеніяхъ—5,9% лѣсные. Для отдѣльныхъ волостей эти цифры даютъ слѣдующую табличку.

Волость.	Число селеній, о котор. имѣются полн. свѣдѣнія.	Число селеній, имѣющ. луговые сѣнокосы.	Число селеній съ степными сѣнокосами.	Число селеній съ лѣсными сѣнокосами.
Кайлинская Съ Кумышской упр.	44	24	44	4
Кривощековская	37	22	26	»
Чаусская	22	20	20	»
Ояшинская	28	11	25	5
Тутальская	69	28	64	1
Уртамская	5	5	1	2
Спасская	1	1	1	»
Мало-Коряковская	3	3	»	»
Темерчинская	1	1	1	»
Чатская	6	6	1	1
Телеутская	4	4	4	»

Пользованіе тѣми и другими сѣнокосами разнится въ та-

кой же степени, въ какой разнится значеніе ихъ самихъ для населенія. Наибол'ѣе важное значеніе им'ѣютъ луговые с'ѣнокосы, и по отношенію ихъ въ 114 случаяхъ изъ 125 встр'ѣчаемъ душевое пользованіе, тогда какъ для л'ѣсныхъ и степныхъ оно наблюдается всего лишь въ 33 случаяхъ изъ 200[1]). Тоже самое только въ обратномъ порядк'ѣ даютъ цифры относительно приложенія принципа вольнаго пользованія къ различнымъ видамъ с'ѣнокосовъ.

Въ большинств'ѣ общинъ, гд'ѣ практикуется захватный способъ пользованія с'ѣнокосами, право на пользованіе ими распространяется на всѣхъ членовъ общины, независимо отъ того, будутъ ли они зачислены въ податной окладъ, или же, въ качеств'ѣ «малол'ѣтковъ», старцевъ, убогихъ и пр., не несутъ никакой податной тяготы; на ряду съ мужчинами, зд'ѣсь пользуются с'ѣнокосами вдовы и д'ѣвушки, если ведутъ свое хозяйство. Отставные солдаты, переселенцы, даже группа «постороннихъ», т. е. всякаго рода разночинцы—купцы, м'ѣщане, отставные чиновники и пр.—пользуется правомъ косить на общихъ основаніяхъ. Исключенія встр'ѣчаются чрезвычайно р'ѣдко, касаются только постороннихъ и состоятъ въ томъ, что для нихъ требуется предварительное согласіе общины, какъ и при пользованіи хл'ѣбопахотными землями (Ача, Бикбикова, Асанова, Татаринова, Елфимова, Вахрушева и н'ѣк. др.). Въ этомъ отношеніи пользованіе с'ѣнокосами на началахъ захвата р'ѣзко разнится отъ душеваго, при которомъ право на участіе въ с'ѣнокос'ѣ связывается съ несеніемъ податнаго оклада (134 общины) или же съ отбываніемъ ямской повинности (3 общины[2]), и только въ 9 селеніяхъ развер сточной единицей является ревизская душа[3]). Такимъ образомъ, старики, солдаты, вдовы и пр., а въ девяти селеніяхъ даже и всѣ т'ѣ, кто родился посл'ѣ X ревизіи, права на душевой надѣлъ не им'ѣютъ.

[1]) Здѣсь везд'ѣ приводится разсчетъ по селеніямъ, а не по общинамъ въ виду того, что подсчетъ раздѣльныхъ общинъ внесъ бы извѣстную путаницу, ничего существеннаго не прибавивъ къ тѣмъ общимъ выводамъ, какіе для насъ важны въ настоящій моментъ.

[2]) Тугучинъ, Вассина, Шубкина.

[3]) Акбалыцкія юрты, Калтай (инородческій), Черныя, Барабинскія, Тохтамышевы, Кафтанчикова, Оркія, Черномысъ и Красный-Яръ.

Имѣя въ своемъ основаніи одинъ и тотъ же принципъ—захватъ, пользованіе степными, лѣсными, а кое-гдѣ и луговыми сѣнокосами (послѣдними въ 2 деревняхъ Тутальской волости, въ 5—Уртамской и въ 1 селеніи Темерчинской управы) не вездѣ отлилось въ одинъ и тѣ-же формы: рядомъ съ вольнымъ пользованіемъ въ его чистомъ видѣ, когда срокъ захвата ограничивается однимъ укосомъ, практикуется подворно-наслѣдственная форма, переходомъ къ которой нужно считать пользованіе, хотя и срочное, но болѣе или менѣе продолжительное—отъ 3 до 10 лѣтъ.

Подворно-наслѣдственная форма встрѣчается въ тѣхъ общинахъ Кайлинской,[1]) Ояшинской,[2]) Тутальской[3]) и Уртамской[4]) волостей, гдѣ приходится сѣнокосы, вообще, или только нѣкоторые, расчищать отъ лѣса и затрачивать на нихъ такимъ образомъ извѣстное количество труда. Эта затрата труда и служитъ той почвой, на которой развивается подворно-наслѣдственное пользованіе. Разница въ отношеніи общины къ чистымъ луговымъ или степнымъ сѣнокосамъ и сѣнокосамъ, расчищаемымъ изъ-подъ лѣса, совершенно такая же, какъ въ отношеніяхъ къ чистому сѣнокосу и пахотной землѣ: затрачиваемый трудъ опредѣляетъ продолжительность пользованія, ограничиваемую въ одномъ случаѣ чисто внѣшнимъ обстоятельствомъ—истощеніемъ почвы; въ первомъ же случаѣ этого внѣшняго ограниченія нѣтъ, почему тамъ создалось, такъ сказать, срочно-подворное пользованіе, а здѣсь—подворно-наслѣдственное. Никакого новаго принципа пользованія, который выдѣлялъ бы эти сѣнокосы изъ ряда другихъ земельныхъ угодій, тутъ нѣтъ: нѣсколько иныя внѣшнія условія создали и нѣсколько отличныя формы. Подворно-наслѣдственная форма пользованія въ данномъ случаѣ есть та-же общин-

[1]) Русакова, Изылы, Чергенкова, Сухострѣлова, Горевка, Васелка, Шубкина, Агафониха, Дергоусова, Чемская, Боровлянка, Борцова, Шумилова, Канарбуга, Глядѣнъ, Томилова и Калаганова.

[2]) Ярское, Сурапова, Конева и Ларина.

[3]) Власкова, Тарабыкина, Литасова, Мушгалова, Чиркова, Романова, Болтовская, Балахнина, Мохова, Кулакова, Морковкина, Миничева, Писаная, Колмогорова, Заимка, Курчуганова, Каленова, Терехина, Шубкина, Маркина, Истомина, Шитикова, Чахлова, Литвинова, Маянова, Еловка.

[4]) Батурина.

ная форма, какъ и вездѣ въ разсматриваемомъ краѣ: пока пригодныхъ для сѣнокошенія угодій много, пока каждый членъ общины можетъ, затративъ извѣстное количество труда, занять себѣ сѣнокосъ сообразно своимъ потребностямъ, никого не стѣсняя,—до тѣхъ поръ община предоставляетъ полный просторъ своимъ членамъ, при наличности котораго только и можетъ создаться наслѣдственная форма пользованія общинной землей; но разъ наступаетъ извѣстная тѣснота, и члены общины попадаютъ въ различныя условія, выгодныя для однихъ и невыгодныя для другихъ,—возникаетъ движеніе за-регулированное пользованіе и приводитъ общину къ выработкѣ новыхъ условій, вновь создающихъ равенство положенія всѣхъ членовъ.

Образчикомъ подворно-наслѣдственнаго пользованія можетъ служить распадающаяся Сосново-Остроженская община. Въ части этой общины, въ селеніяхъ Сосновомъ Острогѣ, Килиной, Константиновой, занимающихъ западную часть дачи, луговые сѣнокосы подѣлены по душамъ, степные же въ вольномъ пользованіи; между тѣмъ, въ другихъ селеніяхъ той-же общины—Косогоровой, Манойловой, Пашковой, Мѣлковой сѣнокосами пользуются «по старинѣ», «по отцамъ», кто захватилъ гдѣ когда-то. Это создало для настоящаго времени сильное неравенство въ пользованіи. Населеніе объясняетъ такой порядокъ тѣмъ, что, во 1-хъ, первоначальная расчистка требовала много труда, а затѣмъ и теперь приходится подчищать сѣнокосъ отъ лѣса, такъ какъ не поддерживаемый сѣнокосъ заростаетъ года въ 2-3 щеткой. Д. Воронова, заселенная вторично переселенцами, раздѣлила у себя лужки на паи по платежнымъ душамъ, причемъ пришлось копенъ по 30 на душу; черезъ нѣкоторое время были приняты еще переселенцы, которымъ вороновцы выдѣлили сѣнокосъ изъ своихъ пайковъ, что, конечно, уменьшило послѣдніе. Но въ случаѣ новой пріемки рѣшено уже не производить дальнѣйшаго дробленія пайковъ, а предоставить новичкамъ расчистить для себя сѣнокосы собственнымъ трудомъ.

Тотъ же, въ общемъ, порядокъ наблюдается въ группѣ селеній, лежащихъ на противоположномъ концѣ волости,—въ

Колмогоровой, Заимкѣ, Писаной, Миничевой, Морковкиной, Власковой: каждому представляется закашивать, гдѣ хочетъ, и захваченный участокъ остается за нимъ, если онъ его расчищаетъ и поддерживаетъ изъ году въ годъ, а затѣмъ переходитъ къ дѣтямъ. Отъ предыдущихъ эти общины отличаются одной чертой: при существованіи наслѣдственнаго пользованія, каждый общинникъ въ принципѣ все таки имѣетъ право, не спрашивая хозяина, захватить его участокъ и выкосить, такъ какъ право каждаго на участокъ распространяется лишь въ теченіи одного лѣта, одного укоса; если же не бываетъ случаевъ подобнаго захвата; и сѣнокосы остаются въ подворно-наслѣдственномъ пользованіи, то, по объясненіямъ самихъ крестьянъ, причиной этого служитъ обиліе удобныхъ для занятія и обращенія подъ сѣнокосы мѣстъ, почему и нѣтъ надобности кому—либо отбивать у сосѣда участокъ, когда онъ можетъ его приготовить и самъ для себя. Между всѣми названными общинами никакихъ столкновеній изъ—за сѣнокосовъ не бываетъ.

Можно было бы привести и другіе примѣры этой формы пользованія, но это не прибавило бы ничего къ ея характеристикѣ, такъ какъ и въ другихъ общинахъ, гдѣ она сохранилась, наблюдается тоже самое. Гораздо интереснѣе случаи переходныхъ формъ къ вольному и душевому пользованію.

Въ д. Еловкѣ Тутальской волости (новѣйшаго образованія) каждому новому домохозяину или вступающему вновь изъ общины въ число ея членовъ община указываетъ мѣсто, гдѣ можетъ быть произведенъ имъ захватъ сѣнокоса, который считается затѣмъ въ его подворномъ пользованіи. Здѣсь вмѣшательство общины приняло совершенно тотъ же характеръ, что и въ отношеніи усадебныхъ мѣстъ, гдѣ потребовалось регулированіе пользованія.

Въ Кулаковой и Моховой той же волости, гдѣ всѣ сколько-нибудь цѣнные сѣнокосы уже передѣляются по душамъ, въ подворномъ пользованіи еще сохранились нѣкоторые лужки, расчищенные по логамъ: на нихъ пока-что община еще не распространяетъ своей регулирующей власти.

Чертенкова Кайлинской волости сдѣлала еще шагъ въ томъ же направленіи. Крестьянинъ этой деревни Кудрявцевъ держитъ «кулигу», на которую въ 1874 г. Чертенковское общество выдало приговоръ, такъ какъ участокъ былъ расчищенъ тестемъ Кудрявцева и перешелъ къ нему по наслѣдству. Въ настоящее время этой кулигой Кудрявцевъ хотя и пользуется, но она поверстана ему за душевой пай, послѣ же его смерти пойдетъ въ общую разверстку наравнѣ со всѣми другими общинными лугами. Другая кулига на такихъ же условіяхъ состоитъ въ пожизненномъ пользованіи кр. Ефр. Чертенкова. Объ эти кулиги находятся въ поскотинѣ д. Изыловъ, что вызываетъ большое неудовольствіе жителей послѣдней, которые обѣщаютъ отобрать ихъ въ свое пользованіе, если имъ придется чистить дорогу[1]). Лѣтъ 40—50 назадъ крестьянинъ д. Вассиной расчистилъ лужокъ, которымъ пользовался въ теченіи всей своей жизни; послѣ его смерти лужокъ перешелъ къ его сыну и оставался въ его пользованіи до тѣхъ поръ, пока онъ состоялъ въ податномъ окладѣ, но какъ только онъ былъ исключенъ изъ оклада по достиженіи 60 лѣтъ, такъ сейчасъ же община отобрала лужокъ, присоединивъ его къ душевымъ пайкамъ.

Не всегда, впрочемъ, такое изъятіе совершается сразу, безъ тяжелой предварительной борьбы: общество д. Канарбуги, напр., въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ не можетъ отобрать сѣнокосъ, находящійся въ подворномъ пользованіи Ефр. Ковалева, о которомъ выше уже не разъ приходилось говорить. Препятствіемъ служитъ приговоръ, выданный еще въ 1846 г. обществомъ подъ давленіемъ Ефр. Ковалева, бывшаго въ то время волостнымъ головой. Вотъ этотъ любопытный документъ: «1846 года іюня 18 дня мы нижеподписавшіеся крестьяне д. Канарбуги, домохозяева—крестьяне всего 24 человѣка, дали сію подписку проживающему по отставкѣ въ нашей деревнѣ уволенному отъ службы инвалиду Змѣиногорскаго рудника Ник. Степ. Ковалеву и племяннику его родному, крестьянину нашей деревни Ефрему Ковалеву въ томъ, что островъ, назы-

[1]) См. выше о формахъ землевладѣнія въ Изылахъ и Чертенковой.

ваемый Кочегаровымъ, состоящій отъ нашего селенія примѣрно съ версту, бывшій непередъ сего подъ необыкновеннымъ лѣсомъ, кустами, таломъ и кочками, такъ что по 1838 годъ мѣста того острова оставались безъ всякаго положенія и надобности почесть непроходимыми, но съ того 1838 года изъ нихъ Николай Ковалевъ занимался по настоящее время расчищеніемъ оного, черезъ 8—лѣтніе труды и занятіе расчистилъ оное на такое пространство, что нынѣ можно на ономъ въ хорошее лѣто поставить сѣна до 300 и болѣе копенъ. А потому нынѣ означенный инвалидъ Николай Степановъ проситъ насъ сіе мѣсто отдать ему въ собственность, съ тѣмъ вмѣстѣ изъявилъ, что онъ намѣренъ передать его въ вѣчное владѣніе вышеписанному племяннику своему Ефрему Гаврилову Ковалеву, вслѣдствіе сего мы всѣ, единогласно уваживъ просьбу, въ особенности 8—лѣтніе труды инвалида Ник. Ковалева, уступили мѣсто сіе по его изъявленію во владѣніе племяннику его Ефрему Гаврилову Ковалеву и потомству послѣдняго». Нечего, разумѣется, и говорить что, подписывая этотъ документъ, канарбуржцы совсѣмъ не понимали смысла такихъ выраженій, какъ «въ собственность», «въ вѣчное владѣніе», значеніе которыхъ очень хорошо усвоилъ Ковалевъ и на основаніи ихъ стремится выдѣлить изъ владѣнія общины этотъ островъ, какъ землю, принадлежащую ему на правахъ частной собственности. Канарбужцы съ этимъ никакъ согласится не могутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, пока живъ Е. Ковалевъ, не рѣшаются силой отобрать у него островъ и ждутъ его смерти, чтобы сѣнокосы пустить въ передѣлъ. Ковалеву 87 лѣтъ, и онъ знаетъ, что ему уже не долго осталось жить; зная въ то же время, что его сыну общество не дастъ ни клочка земли, какъ лицу, не принадлежащему къ общинѣ (этотъ сынъ переписался сначала въ купцы, а затѣмъ въ мѣщанѣ г. Нарыма), онъ старается какъ-нибудь закрѣпить за собой островъ. Съ этой цѣлью онъ, по совѣту какого-то межевщика, составилъ въ присутствіи священника и свидѣтелей духовное завѣщаніе, которымъ отказываетъ островъ сыну и надѣется, что это завѣщаніе будетъ утверждено послѣ его смерти судомъ. Общество же отрицаетъ за Ковалевымъ право за-

вѣщать кому бы то ни было общинную землю. По всей вѣроятности, островъ будетъ изъятъ изъ пользованія Ковалева, какъ уже изъяли изъ пользованія его брата А. Ковалева рыбалку, на которую также былъ въ свое время выданъ общественный приговоръ.[1])

Въ д. Батуриной Уртамской волости расчищенные сѣнокосы остаются лѣтъ 5—6 въ пользованіи того, кто затратилъ на нихъ трудъ, а затѣмъ поступаютъ въ передѣлъ. Продолжительность личнаго пользованія опредѣляется размѣрами труда по очисткѣ. Одинъ домохозяинъ уже десятый годъ пользуется такимъ сѣнокосомъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Тутальской волости (Шитикова, Чахлова) срокъ личнаго пользованія расчищенными сѣнокосами сократили до минимума—одного года, что почти уничтожаетъ представленіе о личномъ пользованіи.

Имѣя своимъ источникомъ захватъ, подворно-наслѣдственная форма пользованія во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ приводитъ или къ включенію сѣнокосовъ, находящихся въ личномъ пользованіи, въ число передѣляемыхъ, или къ созданію общиной такихъ ограниченій, которыя также приведутъ впослѣдствіи къ передѣламъ. Совершенно иную внѣшность имѣетъ установленіе срочнаго пользованія, за которымъ слѣдуетъ снова захватъ и вольное пользованіе. Примѣры такого перехода даютъ сѣнокосы на пустошахъ, о которыхъ шла рѣчь при обзорѣ фактовъ, относящихся къ пользованію хлѣбопахотными землями. Повторять уже сказанное здѣсь нѣтъ надобности, а потому мы можемъ перейти къ ознакомленію съ другими наличными формами пользованія сѣнокосами—вольному и душевому пользованію.

Отсутствіе коренныхъ передѣловъ—характернѣйшая черта душеваго пользованія сѣнокосами въ Томскомъ округѣ, по крайней мѣрѣ, для огромнаго большинства общинъ.[2]) Возмемъ нѣсколько примѣровъ, уясняющихъ этотъ фактъ.

[1]) См. ниже, пользованіе рыбалками.

[2]) Нѣчто подобное коренному передѣлу можно наблюдать въ юртахъ Константиновыхъ, гдѣ лѣтъ въ 15 разъ „уравненіе“ производится болѣе тщательно, чѣмъ при ежегодныхъ отрѣзкахъ и прирѣзкахъ.

Въ д. Кайлиной Кайлинской волости луговые сѣнокосы по р. Инѣ находятся въ душевомъ пользованіи. Передѣловъ не бываетъ, но вмѣсто нихъ прибѣгаютъ къ слѣдующему. Въ прежнія времена, о которыхъ не сохранилось даже воспоминаній у современныхъ жителей деревни («со старины еще», «съ издавна», говорятъ они), когда-то сѣнокосы были разбиты на «пайки», число которыхъ было не велико, самые же пайки были значительныхъ размѣровъ—«народу маленько было, поясняютъ Кайлинцы, а луговъ много, пайки и были больше». Съ возрастаніемъ населенія потребовалось уменьшить ихъ, что и достигалось «мѣной пайковъ», сохранившейся въ общихъ чертахъ и до сихъ поръ. У домохозяина, еще не стараго, подростаетъ сынъ и вступаетъ въ податной окладъ; ему нуженъ лишній паекъ, отдѣлить часть отъ своего отецъ не можетъ, такъ какъ паекъ у него и такъ малъ. Тогда общество отбираетъ у кого нибудь изъ однодушныхъ домохозяевъ большой паекъ и передаетъ его тому, у кого сынъ подросъ, его же маленькій паекъ передаетъ однодушному. Произошла «мѣна», при которой одинъ большой паекъ, не подвергшись раздѣлу, считается уже за два душевыхъ пайка. Нерѣдко, одинъ и тотъ же домохозяинъ, не желая переходить на новое мѣсто, оставляетъ прежній сѣнокосъ за собой, увеличивая только число пайковъ: ранѣе онъ держалъ участокъ за одинъ пай, а потомъ за два, и т. д.

Передача пайковъ производится ежегодно, передъ началомъ сѣнокоса. На «паекъ» имѣютъ право только плательщики, т. е. лица, участвующія въ податной раскладкѣ и несущія общественную службу—староста, кандитатъ къ нему, десятскіе, десятники и пр. У «вышедшихъ изъ возраста», т. е. достигшихъ 60 лѣтъ, а потому исключенныхъ изъ податнаго оклада, отбираютъ пайки въ тотъ же годъ; подростающіе же члены общины получаютъ не въ годъ введенія въ окладъ, а иногда черезъ 2-3 года послѣ того, оставаясь первое время безъ душеваго сѣнокоса и довольствуясь выпашками. На каждую душу паекъ дается въ одномъ участкѣ, на дворъ же рѣдко приходится получать въ одномъ отрубѣ—обыкновенно въ двухъ-трехъ, черезполосно. При семейныхъ раздѣлахъ, если

дворъ имѣлъ одинъ участокъ, считавшійся за нѣсколько паевъ, сѣнокосъ дѣлится поровну между бойцами; если при этомъ не возникаетъ никакихъ недоразумѣній, то раздѣлъ происходитъ безъ участія общества. Затѣмъ каждая полученная такимъ образомъ душевая доля идетъ уже въ общемъ учетѣ за цѣльный паекъ. Все это создаетъ неравенство душевыхъ долей, вызывающее извѣстное недовольство въ той части населенія, у которой пайки почему-либо меньше.

Таковъ въ общихъ чертахъ порядокъ душеваго пользованія въ д. Кайлинской, и онъ можетъ считаться типичнымъ, если не для всего изслѣдованнаго района, то для Кайлинской, Тутальской, Ояшинской и отчасти Чаусской волостей. Въ д. Ачѣ, наприм., которая въ отношеніи сѣнокосовъ представляетъ двѣ общины—русскую и инородческую, то-же отсутствіе коренныхъ передѣловъ: «какъ старики раздѣлили, такъ и мы, только равняемъ промежду себя, на молодыя души», говорятъ ачинцы. Частные отрѣзки и передача пайковъ молодымъ «бойцамъ» бываютъ ежегодно. Разверсточная единица, если здѣсь примѣнимо это выраженіе, —одна и та-же у русскихъ и у инородцевъ: окладная душа, боецъ. Въ д. Кійской, Кусьмени, Сурковой и Кусковой сѣнокосы подѣлены «споконъ вѣку»; «передвижки» происходятъ ежегодно, передъ началомъ косьбы. Производится это въ самомъ селеніи, на сходѣ: подсчитываютъ, сколько человѣкъ выходитъ изъ оклада и сколько, слѣдовательно, освобождается пайковъ; затѣмъ, сколько пайковъ требуется для вновь вступающихъ въ окладъ, и если освободившихся пайковъ не хватаетъ, то дѣлаютъ отрѣзки отъ большихъ пайковъ въ пользу молодыхъ плательщиковъ. Стараются производить отрѣзки такъ, чтобы одинъ и тотъ же паекъ оставался въ одномъ дворѣ. Не рѣдки случаи, когда паекъ отца заверстывается за два, изъ которыхъ одинъ назначается сыну. Пайки неравные—у богатыхъ больше и лучше, чѣмъ у среднихъ и бѣдныхъ домохозяевъ. Но съ каждымъ годомъ, путемъ частныхъ «передвижекъ» пайки болѣе и болѣе уравниваются и уже назначаются независимо отъ размѣра оклада, тогда какъ прежде несущій большій окладъ получалъ и большій паекъ. Дѣленіе пайковъ при распаденіи семьи то-

же, что и въ Кайлинской. Тотъ же порядокъ встрѣчаемъ въ Мальцевой, Лукиной, Пятковой, Косогоровой, Манойловой, и т. д., и т. д.

Можно было бы привести нѣсколько страницъ выписокъ, изъ которыхъ каждая въ основныхъ чертахъ говорила бы объ одномъ и томъ же: объ отсутствіи коренныхъ передѣловъ въ настоящемъ, объ образованіи пайковъ въ отдаленномъ прошломъ, стершемся изъ памяти современнаго поколѣнія, о ежегодныхъ передвижкахъ, при которыхъ участокъ стараются оставить въ пользованіи прежняго двора, и, наконецъ, о неравномѣрности паевъ, которая лишь постепенно уничтожается черезъ ежегодныя «передвижки» пайковъ.

Сопоставивъ эти черты съ тѣмъ, что сказано выше о подворно-наслѣдственномъ пользованіи сѣнокосами и о нѣкоторыхъ формахъ пользованія хлѣбопахотными землями, усадьбами и пр.,—сопоставивъ все это, мы придемъ къ тому, съ перваго взгляда, можетъ быть, нѣсколько неожиданному выводу, что современное душевое пользованіе,—вѣрнѣе, только что очерченная его форма есть прямое развитіе подворно-наслѣдственной формы пользованія сѣнокосами. Тотъ моментъ, о которомъ современные домохозяева говорятъ: «съизстари такъ повелось», «еще отцы подѣлили» и пр.,—вовсе не былъ передѣломъ сѣнокосовъ въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать это выраженіе, т. е. шагомъ, который переводитъ установившіяся отношенія на совершенно новую почву, а лишь первой попыткой общины внести извѣстное регулированіе въ сложившіяся взаимныя отношенія ея членовъ между собой,—регулированіе, которое привело бы въ равновѣсіе ихъ интересы, нарушенные крайними выраженіями подворно-наслѣдственной формы пользованія. Всѣ лучшіе сѣнокосы заняты и находятся въ подворномъ пользованіи; подростающіе члены общины, выдѣляясь въ самостоятельныя хозяйственныя единицы, уже не могли захватывать хорошихъ луговыхъ сѣнокосовъ, какъ дѣлали ихъ предшественники. Это создало неравенство положенія, между тѣмъ какъ всѣ казенныя и мірскія тяготы новые домохозяева несли наравнѣ съ остальными. Разъ это выразилось болѣе или менѣе рѣзко, внесенъ расколъ

въ общину,—послѣдняя должна была согласовать вновь интересы всѣхъ. Она достигла этого вполнѣ, приведя въ связь пользованіе сѣнокосомъ съ отбываніемъ повинностей и передавая вслѣдствіе этого личные участки отъ устарѣвшихъ бойцовъ новымъ, на плечи которыхъ ложились всѣ тяготы стариковъ. Сѣнокосные участки, переходя отъ отца къ сыну, оставались въ томъ же дворѣ; дробленіе дворовъ повело къ дробленію участковъ между братьями. Подворные участки пріобрѣтаютъ значеніе душевыхъ паевъ, не равныхъ, однако, между собою, какъ были не равны и самые участки, величина которыхъ опредѣлялась индивидуальною силою каждаго двора. Разъ община вступила на путь такого регулированія, ея слѣдующимъ шагомъ должны были явиться частныя отрѣзки, такъ какъ населеніе, хоть и медленно, все-таки возростало, а слѣдовательно, молодыхъ бойцовъ всегда было больше, чѣмъ исключаемыхъ изъ оклада стариковъ, и удовлетвореніе первыхъ могло быть произведено только при помощи отрѣзки, такъ какъ передѣлъ былъ бы слишкомъ крутымъ переходомъ, да и самая мысль о немъ не могла явиться и получить общее признаніе—передѣлъ слишкомъ чувствительно задѣлъ бы интересы многихъ.

Развиваясь въ томъ же направленіи дальше, но медленно, едва замѣтно, регулированіе подворно-наслѣдственнаго пользованія привело къ теперешней формѣ ежегодныхъ «равненокъ», «передвижекъ», при которыхъ переходъ съ участка на участокъ является лишь рѣдкимъ исключеніемъ, обыкновенно же домохозяинъ остается на прежнемъ участкѣ, только отъ послѣдняго отрѣзывается или прирѣзывается часть, смотря по измѣненіямъ въ платежныхъ силахъ двора. Исходя изъ существующаго факта—наличныхъ отношеній, община, внося регламентацію, оставляетъ за многосильными дворами и относительно большіе участки сѣнокосовъ, налагая на нихъ за то и большіе платежи и повинности. Только послѣ долгаго ряда отрѣзокъ паи постепенно выравниваются независимо отъ платежей. Дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи приведетъ къ настоящему передѣлу, какой мы и видимъ въ нѣкоторыхъ общинахъ изслѣдованнаго района.

Какъ установлено изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ, одной изъ характерныхъ чертъ душеваго пользованія въ сибирской общинѣ является сохраненіе за домохозяиномъ право на прежній участокъ при передѣлѣ, что достигается путемъ «передвижекъ». Эта черта наблюдается вездѣ, гдѣ только есть передѣлы—въ пользованіи пахотными землями, сѣнокосами, лѣсомъ и пр., и состоитъ въ причинной связи съ характеромъ развитія мѣстной общины, проходящей черезъ захватъ, который на первоначальныхъ ступеняхъ отливается въ форму подворнаго и подворно-наслѣдственнаго пользованія. Дальнѣйшее развитіе общинныхъ отношеній, при наличныхъ общихъ условіяхъ, приводитъ къ такому моменту, когда сохраненіе права на прежній участокъ становится невыгоднымъ для всѣхъ, такъ какъ этимъ принципомъ нарушаются права остальныхъ членовъ общины. Выходомъ изъ такого положенія будетъ жеребьевка при передѣлахъ, т. е. обычная великорусская форма общины. Такимъ образомъ, сибирская община, въ частности же община изслѣдованнаго нами района, стоитъ лишь на одной изъ раннихъ ступеней того самаго типа общины, который наблюдается въ Европейской Россіи. Здѣсь, можетъ быть, лежитъ разгадка, какимъ образомъ вообще могла возникнуть и развиться идея періодическихъ передѣловъ земельныхъ угодій въ общинѣ.

По общему правилу, старики, исключаемые изъ податнаго оклада, теряютъ право на участіе въ душевомъ пользованіи сѣнокосами. Но кое-гдѣ сохранился еще иной порядокъ, при которомъ за стариками признается извѣстная доля правъ на душевые сѣнокосы. Такихъ общинъ можно указать цѣлый рядъ въ различныхъ волостяхъ, и онѣ служатъ какъ бы переходной ступенью отъ прежнихъ порядковъ, когда сѣнокосный участокъ находился въ наслѣдственномъ пользованіи, къ новымъ, при которыхъ пользованіе сѣнокосомъ (луговымъ) прочно связано съ несеніемъ податныхъ тягостей, почему старики устранены отъ пользованія душевыми покосами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ Чертенковой Кайлинской волости старики до смерти имѣютъ право на часть луговаго сѣна—«стожокъ на душу», но уже не на Инскихъ лугахъ, луч-

пихъ въ общинѣ, а по займищамъ, логамъ и пр., гдѣ сѣнокосы также уже дѣлятся по душамъ. Въ Сухостровловой старики тоже получаютъ «стожекъ» гдѣ—нибудь на елани (болѣе возвышенное открытое мѣсто) или по лощинамъ («полойчики»); при такомъ отводѣ уже никто другой изъ обществениковъ не можетъ занять отведеннаго участка. Тотъ же порядокъ въ Русаковой, Шубкиной и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ право на часть сѣнокоса признается за стариками лишь тогда, когда они бездѣтны; старикъ же, имѣющій сыновей, лишается этого права, и ему представляется «пропитываться около сыновей.» Такъ стоитъ дѣло въ Кайлинской волости; тоже видимъ и въ другихъ: напр., въ д. Пятковой Тутальской волости старики получаютъ «малый пай,» т. е. около половины полнаго пая, даваемаго «полномочному бойцу.» Признается за стариками право на душевой сѣнокосъ потому, что они на своемъ вѣку «потрудились много обществу.» Въ Моховой Тутальской волости старики получаютъ треть полнаго душеваго пая, но не на лугахъ, а въ кулигахъ, по колкамъ, и т. д.

Самой обычной разверсточной единицей при душевомъ пользованіи сѣнокосами, какъ отчасти видно изъ предыдущаго, служитъ податная душа, т. е. та, на которую община разверстываетъ различные платежи и повинности. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ такой душой является такъ называемый «боецъ,» т. е. годный къ работѣ мужчина въ возрастѣ отъ 15 (въ нѣкоторыхъ общинахъ отъ 18) до 60 лѣтъ: изъ 136 селеній, о которыхъ имѣются полныя свѣдѣнія относительно передѣловъ, въ 125 разверстка производится именно по бойцамъ Въ Кайлинской волости такая разверстка практикуется почти во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ передѣлы сѣнокосовъ (въ 26 изъ 29); въ Кривощековской волости—34, въ Чаусской—23 и т. д.

Но, кромѣ этой разверстки, встрѣчаются и другія, о каждой изъ которыхъ нужно упомянуть здѣсь. Въ трехъ общинахъ Кумышской инородной управы разверстка производится на такъ называемыя «ямскія души,» подъ которыми понимаются всѣ мужчины, отбывающіе ямскую повинность—къ

ней привлекается каждый мужчина въ возрастѣ отъ 17 до 57 лѣтъ. Всѣ эти три инородческія общины—Тугучинская, Вассинская и Шубкинская—принадлежатъ къ числу раздѣльныхъ. Въ 9 общинахъ разверсточной единицей служитъ ревизская душа—все это общины инородческія: юрты Акбалыцкія, Калтайскія, Черныя, Барабинскія, Тохтамышевскія, Кафтанчикова и три селенія (юрты Орскія, Черномысъ и Красный яръ) Мало-Коряковской инородной управы. Въ Гусиномъ Броду (переселенческій заселокъ) Кривощековской волости сѣнокосы дѣлятъ на всѣхъ причисленныхъ и непричисленныхъ, платящихъ подати; въ юртахъ Константиновыхъ —на всѣхъ съ 15-лѣтняго возраста. Изъ этого перечня видно, что даже и во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, которыя нѣсколько уклоняются отъ общаго типа разверстки сѣнокосовъ, разверсточной единицей все-же является податная душа—ревизская, ямская.

Переверстки обыкновенно производятся ежегодно, передъ началомъ сѣнокошенія, но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ зарегистрованы изслѣдованіемъ болѣе продолжительные сроки переверстокъ. Въ Кривощековской волости, напримѣръ, въ трехъ случаяхъ переверстки или, какъ здѣсь говорятъ, «равненки» бываютъ въ 4 года разъ.[1]) Въ Чаусской вол. отмѣчено 4 селенія, производящихъ частные передѣлы разъ въ 3 года;[2]) въ Ояшинской въ трехъ деревняхъ[3]) существуетъ тотъ же срокъ для переверстокъ -3 года въ одной[4])—черезъ 5 лѣтъ и въ двухъ[5])—въ неопредѣленный срокъ -между 3 и 5 годами. Въ Тутальской волости передѣлъ разъ въ 3—4 года зарегистрированъ въ семи селеніяхъ[6]) и въ неопредѣленные сроки—въ двухъ;[7]) въ Чатской управѣ переверстки совершаются въ неопредѣленные сроки, когда ощущается большой недостатокъ

[1]) Верхъ-Тула, Каменка, и Гусиный Бродъ.
[2]) Грязнуха, Соколова, Тропина и Паутова.
[3]) Базой, Бядѣева, и Каменка.
[4]) Дубровино.
[5]) Ташара и Вершинина.
[6]) Сосновый Острогъ, Константинова, юрты Константиновы, Усть-Сосновка, Килина, Зырянка и Мохова.
[7]) Саламатова и Шкара.

въ сѣнокосахъ для надѣленія молодыхъ людей, которые по условіямъ разверстки имѣютъ право на сѣнокосы.

Что касается техники передѣловъ, то она или вовсе отсутствуетъ—нельзя же говорить о техникѣ, когда все дѣло происходитъ въ деревнѣ на сходѣ, гдѣ «глазомѣрно» опредѣляютъ пайки и передаютъ ихъ,—или же стоитъ на весьма несовершенной степени развитія и сводится къ простому установленію—косить такому-то съ такого-то пункта по такой-то. При томъ характерѣ, какой имѣютъ передѣлы въ описываемомъ краѣ, а главное при наличномъ количествѣ сѣнокосовъ, болѣе совершенныхъ пріемовъ для производства «равненокъ» и не требуется. О порядкахъ принятыхъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, всетаки надо сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ здѣсь техника достигла извѣстной высоты.

Въ д. Моховой Тутальской вол. всѣ луговые сѣнокосы дѣлятся по сортамъ на три части: лучшимъ сѣнокосомъ считается такъ называемый Средній, второе мѣсто занимаетъ Береговой лугъ, и, наконецъ, Малый лугъ—худшій изъ всѣхъ. Сѣнокосы эти не одинаковы и по площади, и ихъ не хватаетъ на всѣхъ, имѣющихъ право на пайки; чтобы удовлетворить всѣхъ, дѣлаютъ дополненія изъ другихъ сѣнокосовъ: къ Среднему—изъ луга Конастигъ, къ Береговому—изъ лужка за Истокомъ, и т. д. Въ 1894 г. Средній лугъ былъ раздѣленъ на 17 пайковъ, 16 же остальныхъ паевъ были выдѣлены изъ луга Конастигъ; Береговой—на 30 паевъ, а три пая—изъ луга за Истокомъ, и т. д. Сообразно этому каждый «боецъ» получаетъ по 3 пая, въ каждомъ сортѣ по одному.[1]) Дѣлятъ всѣмъ обществомъ, употребляя для измѣреній веревку, а гдѣ это неудобно, измѣряютъ шагами. Каждаго стараются оставить на его прежнемъ мѣстѣ; производятся лишь прирѣзки и отрѣзки, смотря по измѣненію числоваго состава двора. Прирѣзки дѣлаютъ или въ томъ же лугѣ, или въ соотвѣтствующемъ дополнительномъ, чѣмъ объясняется существующая черезполосица. При этомъ стараются, чтобы лучшіе пайки приходились тѣмъ, на комъ лежитъ большая доля податного ок-

[1]) Здѣсь пай носитъ также названіе „повытка“.

лада по мірской раскладкѣ, старики, солдаты (семейные) получаютъ по одному паю худшаго сѣнокоса. Не имѣющимъ семьи солдатамъ предоставляется право косить степные сѣнокосы, наравнѣ съ вдовами и пр. Такой же въ общемъ порядокъ и въ Кулаковой, но здѣсь ни солдаты, ни старики не получаютъ даже и одного пая: право на паекъ имѣютъ исключительно только тѣ, кто лично несетъ платежи и повинности.

Эти двѣ деревни—едва ли не единственный примѣръ внимательнаго дѣленія сѣнокосовъ. Впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ деревняхъ различаютъ душевые сѣнокосы по качеству. Такъ, въ д. Русаковой Кайлинской волости полный пай считается приблизительно въ 2 десятины луговаго сѣнокоса («паекъ») и 2 десятины еланнаго—такъ называемая «дѣлежка». Въ с. Горевскомъ средняя величина пая—100 копенъ, получающихся изъ 50 копенъ «по урѣчищу», т. е. заливнаго луга, и 50 же копенъ изъ остальныхъ сѣнокосовъ—по ложкамъ лощинкамъ и пр.

Обыкновенно же «глазомѣрное» дѣленіе вызываетъ неравномѣрность паевъ, образчикомъ которой можетъ служить д. Тугучинъ Кайлинской вол., гдѣ въ русской части общины 73 сѣнокосныхъ пайка, отъ 20 до 100 копенъ въ каждомъ; въ инородческой же общинѣ столько же пайковъ, но ихъ величина колеблется отъ 50 до 200 копенъ; въ Кудриной той же волости пайковъ 60, отъ 30 до 100 копенъ въ каждомъ; въ с. Гутовскомъ величина пая отъ 30 до 200 копенъ и болѣе. Причины такой неравномѣрности лежатъ въ прошлыхъ формахъ пользованія (подворно-наслѣдственная) сѣнокосами, отъ которыхъ община еще только постепенно переходитъ къ другимъ. Переходъ этотъ совершается медленно, и можно указать немного пунктовъ, гдѣ бы онъ уже вполнѣ закончился. Медленности процесса много способствуетъ то обстоятельство, что въ большинствѣ селеній можно еще обходиться и безъ луговаго сѣнокоса, такъ какъ степная трава даетъ также относительно хорошее сѣно. Одной изъ причинъ неравномѣрности паевъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ общинахъ нужно считать также и расчистки. Такъ, напримѣръ, въ с. Гутов-

скомъ одинъ крестьянинъ имѣлъ пай въ 30 копенъ, но въ нѣсколько лѣтъ, путемъ расчистокъ увеличилъ его до 120 копенъ; пай этотъ и не трогаютъ, оставляя его за расчищающимъ. Тоже бываетъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, что, конечно, увеличиваетъ неравномѣрность душеваго пользованія.

Извѣстнаго вниманія заслуживаютъ передѣлы въ тѣхъ селеніяхъ, которыя распадаются на раздѣльныя общины, причемъ часть сѣнокосовъ состоитъ въ общемъ пользованіи всего селенія. Такихъ селеній два—д.д. Вассина и Шубкина Кайлинской волости и Кумышской инородной управы. Покосы Вассиной, лежащіе по р. Изыламъ и Курундушу, подѣлены между русской и инородческой общиной деревни, и каждая имѣетъ ихъ въ особомъ отрубѣ. Но, кромѣ этихъ, есть и еще сѣнокосы, по лугамъ же и лощинамъ, находящіеся въ общемъ, хотя также въ душевомъ пользованіи русскихъ и инородцевъ. Эти сѣнокосы дѣлятся общимъ сходомъ всего селенія, причемъ пайки инородцевъ лежатъ черезполосно съ пайками русскихъ крестьянъ. Въ Шубкиной также часть сѣнокосовъ не окончательно подѣлена между той и другой группой населенія: каждая изъ нихъ считаетъ въ своемъ личномъ пользованіи особый участокъ, который и разверстываетъ у себя самостоятельно, но граница между участками не должна считаться окончательной, какъ на это смотрятъ и сами жители селенія. Въ 1878 г., напр., инородцы просили сдѣлать имъ «прибавку», такъ какъ у нихъ не хватаетъ сѣнокосовъ; крестьяне согласились съ ними и прибавили «копенъ на 500 мѣста». До этой прибавки инородцы косили вольно, а съ 1878 г. подѣлили сѣнокосы на пайки. Въ другихъ раздѣльныхъ общинахъ пользованіе душевыми сѣнокосами не представляетъ никакихъ отклоненій отъ того, что мы видѣли въ другихъ селеніяхъ, если не считать Кусьмени, гдѣ русскіе не даютъ вовсе инородцамъ луговыхъ сѣнокосовъ, говоря, что «у насъ нѣтъ такого урѣчища, гдѣ-бы инородцамъ можно было косить».

Произведя «равненіе» пайковъ между своими членами, община уже не вмѣшивается въ дальнѣйшее пользованіе, предоставляя каждому поступать по собственному усмотрѣнію: каждый можетъ косить и не косить свой пай, продать его на

скосъ или подарить, и т. д.—на это уже не требуется разрѣшенія общества. «Общество за него (своего члена) подать не платитъ; какъ же оно можетъ препятствовать ему?» говорятъ татары юртъ Константиновыхъ—здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ общинахъ, недоимщикъ лишается пайка. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ селеніяхъ очень развита сдача душевыхъ паиковъ въ аренду жителямъ сосѣднихъ селеній—назовемъ д. Изылы, Агафониху, Мало-Коряковскую управу и пр.

Посторонніи общинѣ лица, кромѣ одного исключенія по Кривопековской волости, уже отмѣченнаго, правомъ на душевой сѣнокосъ не пользуются, хотя бы они и несли вмѣстѣ съ общинниками платежи, въ одинаковомъ или даже въ большемъ размѣрѣ. Есть общины, гдѣ это право не распространяется даже на вновь вступающихъ членовъ, на долю которыхъ остаются лишь вольные сѣнокосы. Такова между прочимъ, д. Ача Кайлинской волости, гдѣ причисленные переселенцы паиковъ не получаютъ, что вызываетъ съ ихъ стороны справедливое негодованіе, такъ какъ платятъ они наравнѣ съ другими или даже нѣсколько больше. Старые же общественники говорятъ, что они сами виноваты: «когда просится который въ общество, отказывается отъ сѣнокосовъ—не надо, говоритъ, пайка; а поживетъ, обростетъ, смотримъ, онъ на сходѣ ужъ кричитъ, что его уже обижаютъ, пайка ему не даютъ—вотъ это какой народъ!» Въ инородческой общинѣ того же селенія ничего подобнаго нѣтъ. При вольномъ пользованіи посторонніе находятся въ одинаковыхъ условіяхъ съ членами общины, разъ они допущены къ пользованію земельными угодьями.

Въ с. Пачинскомъ Кайлинской волости изслѣдованіемъ былъ констатированъ случай возврата къ вольному пользованію отъ душеваго. Причина этого—чисто внѣшняя, не имѣющая связи съ внутреннею жизнью общины. Когда-то общество с. Пачинскаго выдало приговоръ на устройство мельницы мѣщанину Малинину. Мельница была выстроена въ 2 верстахъ отъ села и переходила изъ рукъ въ руки, пока не попала къ переселенцу Пермской губ. Макрушину, котораго въ 1894 г. подчинили арендѣ; при чемъ, согласно приговора, изъ

крестьянскаго пользованія было выдѣлено къ мельницѣ 26 десятинъ, въ число которыхъ попали и 15 десятинъ душеваго сѣнокоса. Эта-то отрѣзка и послужила причиной возвращенія къ вольному пользованію, такъ какъ нечѣмъ было надѣлить общественниковъ, лишившихся своихъ пайковъ.

За весьма немногими исключеніями, вольное пользованіе примѣняется къ сѣнокосамъ, имѣющимъ лишь второстепенное значеніе въ общемъ крестьянскомъ хозяйствѣ и находящимся притомъ въ достаточномъ количествѣ. Этимъ объясняется, почему на всемъ пространствѣ изслѣдованнаго района встрѣчается лишь очень немного селеній, гдѣ вольное пользованіе подлежитъ извѣстному регулированію со стороны общины. Какъ обычное явленіе—полный просторъ, предоставляемый общиной своимъ членамъ въ пользованіи этими сѣнокосами, почему каждый захватываетъ, гдѣ и сколько находитъ нужнымъ. Община не опредѣляетъ даже срока, когда можно начать сѣнокосъ, числа рабочихъ, которыхъ можетъ нанять для сѣнокоса каждый домохозяинъ, и пр. Поэтому каждый начинаетъ косить, когда ему вздумается, и нанимаетъ рабочихъ, сколько ему кажется нужнымъ. Сѣнокосовъ слишкомъ достаточно, каждый имѣетъ возможность развернуть всѣ свои силы, не причиняя тѣмъ стѣсненій сосѣду, и въ вмѣшательствѣ общины въ междуличныя отношенія ея членовъ еще нѣтъ надобности.

Таковы общія условія, общій порядокъ. Но ничѣмъ неограниченное вольное пользованіе приводитъ въ концѣ концовъ къ неравенству, образчикомъ котораго можетъ служить д. Базой Ояшинской вол., гдѣ нѣсколько кулаковъ не только захватили лучшіе сѣнокосы, но даже и огородили ихъ, какъ бы выдѣливъ ихъ тѣмъ самымъ изъ общаго пользованія. Обнаружившееся неравенство пользованія, достигая извѣстной степени, приводитъ къ регулированію отношеній, которое гарантируетъ для каждаго члена общины пользованіе въ равной мѣрѣ съ другими. Можно указать нѣсколько общинъ, уже сдѣлавшихъ нѣкоторыя, правда, очень несущественныя отступленія въ этомъ направленіи, и на нихъ слѣдуетъ остановиться.

Къ числу такихъ общинъ принадлежитъ Горевская Кайлинской волости, въ которой до 1893 г. былъ общій со всѣми другими селеніями порядокъ, но въ этомъ году общество постановило мотивированный приговоръ, вносящій нѣкоторыя совершенно новыя черты. «...Нѣкоторые изъ однообщественниковъ, читаемъ въ приговорѣ, имѣютъ обыкновеніе преждевременно на вольномъ сѣнокосѣ траву косить, а такъ какъ въ нашемъ обществѣ пайки на лугахъ до того малы и ограничены, что одними ими не представится никакой возможности прокормить скотъ въ зимнее время, и вся надежда остается на вольные покосы, то мы единогласно постановили воспретить всѣмъ крестьянамъ с. Горевскаго, какъ старожиламъ, такъ и временно проживающимъ въ с. Горевскомъ переселенцамъ, мѣщанамъ и другимъ лицамъ, пользующимся нашими угодьями, чтобы до 29 іюня сего года никто и ни подъ какимъ предлогомъ не имѣлъ права косить траву въ вольномъ покосѣ. За неисполненіе чего всякій, нарушающій настоящее постановленіе, долженъ подлежать отвѣтственности такого рода: сѣно, накошенное кѣмъ-либо, должно поступить въ пользу Горевскаго сельскаго общества, и, кромѣ того, таковой долженъ быть подвергнутъ штрафу въ пользу мірскихъ суммъ, по усмотрѣнію того же общества, и за количество выкошеннаго имъ мѣста по оцѣнкѣ особыхъ понятыхъ[1])». На первый разъ, однако, не всѣ подчинились этому требованію общины: многіе не вытерпѣли и поѣхали косить ранѣе опредѣленнаго срока. Въ результатѣ—привлеченіе къ отвѣтственности нарушителей общиннаго постановленія и высидка въ чижовкѣ. Сѣно, впрочемъ, общество разрѣшило каждому оставить у себя, и въ этомъ смыслѣ былъ составленъ приговоръ[2]). Въ слѣдующемъ году нарушеній приговора отдѣльными лицами уже не было.

Однородный съ горевскимъ приговоръ постановило общество с. Гутова Кайлинской вол. въ слѣдующемъ 1894 году. Побудительная причина—захватъ «разночинцами» (торговцами, не принадлежащими къ общинѣ) при помощи наемныхъ ра-

[1]) Приговоръ 15 іюня 1893 г.
[2]) Приговоръ 29 іюня 1893 г.

бочихъ лучшихъ мѣстъ, почему многіе изъ общинниковъ должны были довольствоваться плохими сѣнокосами. Устанавливая день закоса, общество думало гарантировать себя, такъ какъ разночинцы должны были начинать одновременно съ другими, ранѣе же они выкашивали вольные сѣнокосы въ то время, пока другіе косили свои луговые пайки. Разсчетъ оказался не совсѣмъ вѣрнымъ. Приговоръ не ограничилъ числа рабочихъ, которыхъ можетъ выставить каждый изъ пользующихся сѣнокосомъ, и разночинцы, воспользовавшись этимъ, наемнымъ трудомъ снова выкосили лучшіе участки; нанимали по 10—20 человѣкъ, а кожевникъ Савицкій выставилъ даже 30 рабочихъ. При такихъ условіяхъ рядовымъ крестьянамъ, не обладающимъ большимъ количествомъ ни личныхъ, ни наемныхъ рабочихъ силъ, невозможно было выдержать соперничества съ разночинцами, которые и вышли побѣдителями. Общественники все-таки не сдались окончательно и рѣшили на слѣдующій 1895 годъ ограничить право выставлять наемныхъ рабочихъ на вольные покосы.

Кромѣ двухъ только-что названныхъ селеній, день общаго закоса установленъ также въ Уртамской волости, даже въ такихъ селеніяхъ, гдѣ луговые сѣнокосы находятся въ душевомъ пользованіи (Батурина). Обычай этотъ установленъ съ давнихъ поръ; день закоса назначается волостнымъ сходомъ. Въ Чаусской общинѣ (д.д. Подгорная, Скала, с. Чаусъ Чаусской вол.) вольное пользованіе—на выпашахъ; выѣзжаютъ на закосъ въ опредѣленный день, устанавливаемый сходомъ ранѣе (въ 1894 г. 5 іюня). Обыкновенно выѣзжаютъ верхомъ, ночью и ждутъ у воротъ поскотины: какъ только на горизонтѣ покажется солнышко, отворяютъ ворота, и каждый гонитъ въ заранѣе выбранное мѣсто и начинаетъ косить; при этомъ не рѣдки столкновенія даже между близкими родственниками. Косятъ четыре селенія вмѣстѣ—Чаусъ, Подгорная, Скала и Анба; 2 первыя выѣзжаютъ къ однимъ и тѣмъ же воротамъ, такъ какъ у нихъ общая поскотина.

Въ Осиповкѣ Кайлинской вол. также существовалъ ранѣе обычай закоса и назначенія дня, но затѣмъ его оставили, что осиновцы объясняютъ такъ: «прежде народъ добросовѣстнѣе былъ,—кто гдѣ закосилъ, никто не тронетъ, а теперь не ус-

пѣсень отвернуться, какъ уже все выкошено до чиста». Это явленіе вполнѣ аналогичное съ тѣмъ, которое было отмѣчено выше относительно хлѣбопахотныхъ земель и обычая «запахиванія».

Въ Елтышевой, Ирбѣ, Кайлиной, изъ которыхъ въ двухъ первыхъ совсѣмъ нѣтъ луговыхъ сѣнокосовъ, идетъ сильное броженіе въ пользу установленія срока косьбы «вольныхъ сѣнокосовъ» чтобы обуздать жадность отдѣльныхъ лицъ.

Пользованіе сѣнокосами, душевое и вольное, не вызываетъ между членами общины сколько-нибудь крупныхъ столкновеній, которыя не улаживались бы сейчасъ же сами собой. По крайней мѣрѣ, столкновенія, разбирательство которыхъ доходитъ до волостного суда, имѣютъ своимъ основаніемъ самовольные захваты и неправильное пользованіе членами другихъ сосѣднихъ общинъ. Источникъ этихъ столкновеній лежитъ, какъ и въ другихъ случаяхъ между общинныхъ недоразумѣній, въ прежнихъ формахъ владѣнія землей.

Разсмотрѣніе формъ тѣснаго пользованія, составляющее послѣднюю часть главы, заключаетъ въ себѣ сводъ данныхъ о тѣхъ сложившихся порядкахъ въ крестьянской общинѣ, при помощи которыхъ община эксплуатируетъ свои лѣсныя угодья. Оно предполагаетъ такимъ образомъ наличность пользованія извѣстной части лѣсной площади опредѣленной группой лицъ, которая и создаетъ формы эксплуатаціи лѣса.

Крестьянское населеніе изслѣдованныхъ волостей и управъ Томскаго округа, въ видѣ отдѣльныхъ общественныхъ группъ —общинъ дѣйствительно «пользуется»[1]) нѣкоторой частью лѣсной площади этого округа, которую болѣе или менѣе правильно эксплуатируетъ, придерживаясь извѣстныхъ имъ самимъ выработанныхъ формъ.

Это пользованіе и эта опредѣленная территорія создались подъ вліяніемъ совершенно особенныхъ причинъ, мало понятныхъ на первый взглядъ для каждаго, кто знаетъ только общія условія которыми опредѣляется владѣніе земель и лѣсовъ на Алтаѣ. Здѣсь необходимо повторить одну справку.

---

[1]) Опредѣленіе термина см. выше.

На обширной площади Алтайскаго Округа разбросано много лѣсныхъ угодій: боровъ, черневыхъ лѣсовъ, и дубравъ, мѣстами сохранившихся въ своей первобытной неприкосновенности. Всѣ онѣ по существующему регламенту составляютъ собственность Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, а населеніе округа только пользуется или въ извѣстной формѣ безпошлиннаго полученія не опредѣленной площади лѣса, а опредѣленнаго числа деревьевъ—хлыстовъ, или, какъ ихъ здѣсь иногда называютъ «комлей». Въ дѣйствительности однако, покрайней мѣрѣ до послѣдняго десятилѣтія такое повидимому точно регламентированное пользованіе лѣсомъ на практикѣ было установлено очень неудовлетворительно. Собственно плохо регламентировалось самое основное положеніе это пользованіе лѣсными угодьями, которыя въ большинствѣ случаевъ не представляли собой какой либо цѣнности, не имѣли опредѣленныхъ границъ и никогда не охранялись, только въ видахъ одного хозяйственнаго разсчета, связаннаго съ дѣйствовавшимъ заводомъ,—незначительная часть лѣсной площади подлежала кое-какому охраненію. На этой почвѣ происходитъ то, что «свободныя» лѣсныя пространства захватывались населеніемъ и захватывались вездѣ, гдѣ только въ этомъ являлась необходимость; повидимому, среди самыхъ разнообразныхъ условій возникали формы такого «владѣнія», предѣлъ котораго могъ быть поставленъ только желаніями и личными силами человѣка. Неограниченное захватное пользованіе этими пространствами не вызывало ни въ комъ сомнѣній, и населеніе до послѣдняго времени прибѣгало къ захвату лѣса, а въ извѣстныхъ случаяхъ прилагало трудъ и заботы къ его сбереженію и охранѣ. Какія причины побуждали его къ этому—сказать не трудно. Тотъ регламентированный отпускъ лѣса населенію, который предполагалось, долженъ былъ удовлетворить его хозяйственныя потребности въ лѣсѣ, не всегда не достигалъ своихъ цѣлей; иногда лѣсныя дачи были уже истощены, иногда очень удалены отъ населенныхъ пунктовъ, и населеніе дѣлало попытки къ захвату и сбереженію лѣса, будучи побуждаемо къ этому насущными потребностями.

Объ этихъ-то захваченныхъ и оберегаемыхъ населеніемъ

лѣсахъ и предстоитъ говорить здѣсь, причемъ для удобства обозрѣнія вопроса, содержаніе его будетъ разбито на три отдѣла, по тремъ естественнымъ различіямъ лѣсовъ: разсмотрѣніе формъ пользованія общественными строевыми лѣсами, общественными дровяными лѣсами и лѣсами, находящимися въ личномъ пользованіи отдѣльныхъ лицъ, такъ называемыхъ «садками».

Такимъ образомъ поставленный вопросъ о формахъ лѣснаго пользованія, созданныхъ населеніемъ при эксплуатаціи своихъ небольшихъ лѣсныхъ дачъ, не исключаетъ разсмотрѣнія другаго весьма серьезнаго момента хозяйственной жизни населенія—это установленныхъ имъ порядковъ при полученіи лѣса изъ дачъ Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Здѣсь также происходитъ процессъ созданія извѣстныхъ формъ эксплуатаціи лѣса, также рисуется цѣлая картина внутреннихъ порядковъ въ крестьянской общинѣ, пользующейся изъ названныхъ дачъ лѣсными матеріалами на свои надобности. Объ этихъ порядкахъ, конечно, придется говорить особо.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію поставленаго выше вопроса, необходимо припомнить, что уже говорилось о состояніи лѣсистости описываемаго района. Въ этомъ отношеніи Томскій округъ представляетъ слѣдующія особенности. Во первыхъ является чрезвычайно богатымъ лиственными (березовыми) лѣсами, которые тянутся по нему сплошной массой въ немногихъ мѣстахъ прерываемой степными или малолѣсистыми участками, и въ этомъ отношеніи онъ можетъ считаться райономъ лѣсистымъ.

Другое дѣло—на строевой хвойные лѣса, такъ называемые бора, которые такъ неравномѣрно и сравнительно рѣдко разбросаны по его территоріи. Въ отношеніи этихъ лѣсовъ разсматриваемый районъ является крайне бѣднымъ, если конечно, не считать тѣхъ дачъ, которыя находятся въ непосредственномъ завѣдываніи Главнаго Управленія Алтайскаго округа: боровъ Калтайскаго, Орскихъ, Татарскихъ, Обскаго, Буготатскаго, Усть-Каменскаго, Рожневскаго, Кашламскаго и Кудряшевскаго. Болѣе или менѣе значительныя площади округа со-

вершенно не обезпечена строевымъ лѣсомъ, а оставшіеся борки представляютъ собою мелкія рѣдко раскинутыя площади разстроенныхъ насажденій. Эти небольшіе борки и отдѣльныя площади строеваго лѣса являются, повидимому, остатками прежнихъ сосновыхъ лѣсовъ, въ отдаленныя отъ насъ времена покрывавшихъ значительное пространство Томскаго округа. Что онѣ составляютъ дѣйствительно остатки прежняго лѣснаго богатства этого края, что площадь ихъ распространена была когда-то весьма велика и они покрывали такія мѣста, на которыхъ въ настоящее время не осталось признаковъ сосноваго лѣса, на это изслѣдованіе 1894 года отвѣтило довольно утвердительно цѣлымъ рядомъ интересныхъ фактовъ.

Сохранились названія урочищъ, несомнѣнно указывающія на то, какъ измѣнялась картина лѣсистости многихъ мѣстностей.

По дорогѣ изъ деревни Вершининой въ село Ярское (Ояшинской волости) идетъ, напримѣръ, урочище «Подборъ» по степному мѣсту и въ тоже время въ поскотинѣ села Ярскаго есть урочище «Стрѣлковъ боръ» занятое и по сей часъ рощеннымъ боромъ. Въ дачѣ того же села теперь безлѣсныя, безусловно степныя мѣста сохранили названія: «Кедровый колокъ», «Средній боръ» и т. д.

Въ дачѣ Иткарѣ и Пашковой (Тутальской волости) урочища: «засѣкъ въ бору», «боръ», «на гаряхъ» идутъ по степнымъ мѣстамъ.

Въ дачѣ Алаевой (Ояшинской волости) «Филичевъ боръ» по рѣкѣ Лебяжьей, на границѣ д. д. Томиловой и Алаевой—безлѣсное урочище «Сосновый колокъ» и т. д.

Во многихъ мѣстностяхъ округа о богатствѣ лѣсовъ сохранились уже довольно неясныя преданія, вродѣ тѣхъ, что «лѣсъ былъ всюду» «росъ повсемѣстно» «въ прежнія времена былъ строевой» и т. д. Въ этомъ отношеніи весьма интересной иллюстраціей можетъ служить выдержка изъ стенограммы, составленной въ д. Тутальской со словъ 80 лѣт. старика: «...дому этому уже больше 90 лѣтъ. Бревна въ немъ всѣ въ 10-12 вершковъ. Старики, я помню, говорили, что прежде у насъ около самой деревни рубили настоящій кондовый сос-

някъ и деревня-то въ лѣсу стояла... А деревня наша старая...» Злѣсь же крестьяне даютъ по поводу этого такія показанія: «раньше вокругъ деревень Тутальской-Поломошиовой росъ по гривамъ соснякъ, хотя бору настоящаго не было».

Къ этимъ указаніямъ изслѣдователь добавляетъ: «Постройки въ обѣихъ деревняхъ всѣ очень старыя; столѣтніе дома не рѣдкость... Они поражаютъ толщиной бревенъ, стѣны, полъ и потолокъ сдѣланы изъ 8-12 вершковыхъ сутунковъ».

Все это цѣнно. На памяти стариковъ сохранились преданія о бывломъ богатствѣ лѣсовъ. Болѣе молодое поколѣніе крестьянъ, составлявшихъ во время изслѣдованія сходъ, припомнило уже иную картину состоянія ихъ лѣсовъ—«бору настоящаго не было». Наконецъ какъ подтвержденіе того и другаго--указанія изслѣдователя на видѣнныя имъ постройки изъ крупнаго лѣса.

Въ дачѣ дер. Зеледѣевой былъ боръ вересы на 4 въ длину и на 2-3 въ ширину, по лѣвому берегу рѣки Копко (впадающей въ Томь), такъ называемый Таскаевскій боръ (вѣроятно отборокъ Калтайскаго). «Теперь тамъ ничего нѣтъ: на тѣхъ мѣстахъ пашутъ».

Въ Кайлинской волости сильно измѣнилась картина лѣсистости въ Ачинской, Буготатской и Гуловской дачахъ. «Прежде бора были повсемѣстно, говорятъ крестьяне, а теперь порѣдѣли, а въ другихъ мѣстахъ не осталось и слѣда». Буготатскій боръ, напримѣръ, исчезъ въ своей большей части, «смѣнившись березникомъ, осинникомъ и пашнями». Остались отдѣльныя мѣста съ перестойнымъ и рѣдкимъ лѣсомъ: отборокъ близъ д. Томиловой, участокъ въ углу между р. Иней и Буготакомъ и часть въ поскотинѣ.

Что же было причиной этихъ измѣненій въ распредѣленіи лѣсной въ округѣ растительности; подъ вліяніемъ какихъ условій одни лѣса совершенно уничтожились, другіе «порѣдѣли и т. д.?

Какъ на болѣе распространенную причину уничтоженія строевыхъ лѣсовъ изслѣдованіе 1894 года указало на явленіе расчистки лѣса въ цѣляхъ земледѣлія, на такъ называемыя «подсѣки», на подсѣчное или лядинное хозяйство, практикуе-

мое населеніемъ этого района въ значительной его части. Здѣсь мы приведемъ нѣсколько примѣровъ наиболѣе характерныхъ для даннаго явленія. Объ одномъ изъ нихъ мы уже говорили—это обезлѣсеніе дачи слоякой общины Сосноваго Острога[1]).

На границѣ дачъ Чахловой и Турнаевой (Тутальской волости) былъ когда-то Чахловскій боръ, который теперь смѣнился березовыми колками, пашнями и покосами; остались рѣдкія перестойныя сосны, да на рѣкѣ Сосновкѣ выше Турнаевой—сухостойный сосняк.

Между Мальцевой и Филоновой (Тутальской волости) шелъ полосой боръ; теперь на его мѣстѣ покосы и пашни и только въ Филоновской поскотинѣ его остатки въ видѣ старыхъ сосенъ и т. д.

По отношенію къ сосновымъ, вообще строевымъ лѣсомъ наблюдали еще и другія, не менѣе важныя причины, которыя привели эти лѣса къ столь жалкое состояніе. Несомнѣнно, что тоже самое населеніе, которое впослѣдствіи такъ бережно и заботливо стало относиться къ своимъ исчезнувшимъ борамъ, раньше рубило въ нихъ лѣсъ при условіяхъ самыхъ безпорядочныхъ. Это была, конечно, ни для кого не ограниченная, ничѣмъ не сдерживаемая рубка, уничтожавшая сосновые лѣса, которая всю ихъ, м. б. и значительную когда-нибудь, площадь привела къ немногимъ мелкимъ боркамъ, рѣдко разбросанныхъ по крестьянскимъ дачамъ. Когда сосновые лѣса такимъ образомъ исчезли съ своей значительной площади, населеніе обратилось почти къ развеленію лѣса, но крайней мѣрѣ первыя отдаленныя въ этомъ отношеніи попытки были направлены къ тому, что «заказывалось» безлѣсное пространство заброшенной земли (обыкновенно ближайшей къ селенію), на которой еще осталось нѣсколько старыхъ сосенъ. Происходило то, что быстро наступало обѣдненіе оголеннаго участка (особенно прежде распаханнаго), всходы «лѣзли густой щеткой», а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стоялъ ровный борокъ, который и поступалъ въ пользованіе выростив-

[1]) См. стр. 5 настоящей главы.

шей его общины. Впрочемъ, это выращиваніе лѣса можетъ быть и не было явленіемъ общимъ, т. к. собранные факты устанавливаютъ его лишь для немногихъ общинъ.

По отношенію къ поскотиннымъ вообще приусадебнымъ лѣскамъ, дѣло можетъ быть происходило иначе. Какъ ближайшіе къ селенію лѣса, они должны быть прежде всего защищены отъ огня, ежегодно пускаемаго въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ, и по этому могли естественнымъ путемъ сохраниться, не требуя ни какихъ спеціальныхъ заботъ по возращенію. Съ другой стороны, если существовавшая вольная рубка ничего не щадила, она не могла пощадить и эти ближайшіе къ селеніямъ бора, удобные въ отношеніи недолгихъ переѣздовъ и легкости доставки. Ужъ если рубилось все, такъ рубились и эти бора и вѣроятнѣе всего, что рубились прежде какихъ либо другихъ боровъ.

Однако, въ настоящее время только одни они и остались въ дачахъ на отдаленныхъ отъ жилья мѣстахъ такихъ сохранившихся лѣсовъ встрѣчается вообще очень мало.

Въ Буготатской (Кайлинской вол.) поскотинѣ лѣтъ 25-30 назадъ лѣсу не было совсѣмъ. Тогда отнесли поскотину къ «казенному» Буготатскому бору начали опаливать мѣсто со стороны луговъ, «пошелъ березовый и сосновый лѣсъ». Въ дер. Кусьмени (Кайлинской волости) въ поскотинѣ и за поскотиной лѣтъ 80 назадъ кое-гдѣ росли отдѣльныя сосны. Въ Осиновкѣ (К. в.) есть соснякъ, который общество роститъ лѣтъ 50. Въ деревнѣ Вершининой (Ояшинской волости) 30 лѣтъ ростятъ боръ на мѣстѣ стараго, вырубленнаго и уничтоженнаго, который «теперь отъ 3-4 вершковъ въ отрубѣ; а въ густыхъ заросляхъ тянется длиннымъ жердникомъ». Усть-Кайлинскій поскотинный боръ, опаливается общественниками «съ-испоконъ вѣку, вольно», и 20 лѣтъ назадъ изъ него было вырублено 2000 бревенъ на телеграфную линію. Въ Кайлинскомъ поскотинномъ бору (тоже «со стороны» опаливаемомъ) на желѣзную дорогу было взято 1500 бревенъ. Въ дер. Мотковой «лѣсъ возростили старики» (какъ давно это было, воспоминаній не сохранилось). На желѣзную дорогу изъ бора ушло до 500 бревенъ. Изъ Асановскаго бора болѣе 500 шпалъ. Изъ

поскотины д. Поломошновой (Тутальской волости) для желѣзной дороги было вырублено болѣе 5000 лѣсин. Крестьяне деревни Проскоковой (Ояшинской волости) въ 1891 году воровски рубили лѣсъ (6 вершковой) на больницу въ поскотинѣ д. Филоновой, «да и теперь пошаливаютъ», говорятъ филоновцы: «наши бревна вывозятъ». Между прочимъ и сами филоновскіе крестьяне рубятъ поскотинный строевой лѣсъ на продажу. Въ дер. Арлюковой (Тутальской волости) цѣлымъ обществомъ берегутъ лѣсъ въ поскотинѣ и за поскотиной: «большая дѣлянка съ версту длиной и $^1/_2$ версты шириной. Лѣсъ вершка 3 въ отрубѣ. Начали заращивать добровольно для своей поправки. По красный лѣсъ далеко ѣздить—70 верстъ. Свой лѣсъ лѣтъ 20—30 стоитъ. Никто зря не рубитъ»... «Обществомъ накладываютъ мѣры, сажали въ каталажку, приговоръ постановили 30 лѣтъ назадъ».

Всѣ эти факты характеризуютъ явленіе достаточно; поскотинные и степные борки оказываются продуктомъ извѣстныхъ человѣческихъ усилій, сперва уничожившихъ хвойныя лѣса, а потомъ создавшихъ на ихъ мѣстѣ небольшія обособленныя площади этихъ лѣсовъ, могущихъ удовлетворить какъ потребностямъ небольшого крестьянскаго хозяйства, такъ и болѣе крупнымъ требованіямъ торговыхъ рынковъ.

Первая мѣра, которую предприняло населеніе по отношенію своихъ поскотинныхъ и степныхъ боровъ въ цѣляхъ ихъ сбереженія было опаливаніе ихъ. Это была мѣра, предохраняющая лѣсъ отъ весеннихъ попольныхъ огней, которыми крестьяне по существующему обычаю ежегодно выжигаютъ свои пашни и сѣнокосы. Опаливаніе приняло регулярный характеръ, имѣя въ виду одну цѣль—предохранить отъ невольнаго истребленія нѣкоторыя отдѣльныя площади сосновыхъ лѣсовъ. Оно ничего не вызывало собственно въ пользованіи лѣсомъ, которые оставалось такимъ же безпорядочнымъ и вольнымъ, и также неразсчетливо уничтожало опаливаемые лѣса.

Какъ именно давно крестьяне начали опаливать свои лѣса, сказать трудно, во всякомъ случаѣ не менѣе 50 лѣтъ и вѣроятно болѣе, а какъ говорятъ сами крестьяне «со старины» «съ испоконъ вѣка». Установлена только значительная давность возникновенія этой мѣры.

Въ лѣсахъ хвойныхъ—строевыхъ моментъ возникновенія «опалки», какъ здѣсь называютъ процессъ опаливанія, вѣроятно былъ болѣе давній, чѣмъ въ лѣсахъ лиственныхъ дровяныхъ. Въ частныхъ случаяхъ здѣсь конечно играли роль и не однѣ естественныя различія лѣсной растительности.

Въ степныхъ и удаленныхъ отъ лѣсовъ мѣстностяхъ, опалка мелкой березовой рощи могла возникнуть очень давно, и далеко раньше опалки любого бора, находящагося въ районѣ большей лѣсистости. Предохраняя отъ весеннихъ огней, хвойные бора и лиственныя рощи, опалка велась почти обязательно въ борахъ поскотинныхъ, гдѣ они только существуютъ. Рощи опаливались не вездѣ. Въ настоящее время опаливаются рощи близъ д. Кусковой (Кайлинской волости), на правомъ берегу рѣки Ини; въ дачахъ д. д. Кусмени, Осиновки, Сухострѣловой (Таймен. волости); осиновая роща въ Тугучинѣ; бердняки лежащіе между р. р. Кусьменки и Изылы въ дачѣ Горевской и т. д.

Остаются безъ опалки такіе мелкіе бора, какъ Мельничный, Канабургскій и Кунгуровскій или такіе спорные, какъ боръ, лежащій по рѣчкѣ Сосновкѣ и оспариваемый крестьянами д. д. Асановой и Бжицковой (Кайлинской волости) и т. п.

Впрочемъ Кунгуровскій боръ въ отношеніи опалки занимаетъ нѣсколько исключительное положеніе. Крестьяне деревни Кривошіи, въ дачѣ которой онъ находится, несутъ повинность по опалкѣ Обскаго бора. Эта повинность не представляетъ для нихъ выгодъ, такъ какъ лѣсомъ Обскаго бора они не пользуются, а опалку его производятъ за 25 верстъ, и въ тоже время имѣютъ подъ рукой борокъ, считаемый ими своимъ. И дѣйствительно крестьяне деревни Кривошіи ходатайствуютъ въ Главномъ Управленіи о томъ, чтобы ихъ избавили отъ опалки Обскаго бора и разрѣшили въ счетъ казенной повинности опаливать Кунгуровскій боръ.

Что крестьяне придаютъ опалкѣ большое значеніе, какъ одной изъ существенныхъ лѣсохранительныхъ мѣръ, объ этомъ свидѣтельствуютъ такія данныя. Крестьяне деревни Кривошіи (Кайлинской волости) говорятъ о Кунгуровскомъ бо-

рѣ; «если его опаливать, его хватило бы четыремъ деревнямъ». О спорномъ Асаповскомъ борѣ говорятъ, что оставаясь безъ опалки «онъ горитъ каждый годъ, старыя деревья остаются, молодняку весь вымираетъ. Можно бы и теперь отростить хорошій боръ, если бы опаливать.» Въ Русскомъ Тутучинѣ 35 лѣтъ назадъ начали производить опалку поскотины, выровнялся хорошій борокъ, годный для построекъ. Въ деревнѣ Вороновой (Гутальской волости) поскотинный лѣсъ «выгорѣлъ отъ неосторожныхъ палокъ. Лѣсокъ былъ не важный. Теперь стали дѣлать опалку поскотины».

Разумѣется во всѣхъ этихъ отзывахъ должно быть наблюдаемо вліяніе и другихъ—лѣсохранительныхъ мѣръ: «заказа» охраны, и значеніе собственно опалки до извѣстной степени теряется въ суммѣ этихъ вліяній, но опалки здѣсь несомнѣнно отводится свое самостоятельное мѣсто. Производится опалка по собственной инициативѣ крестьянъ ихъ силами, безъ какого либо посторонняго участія «Вольно опаливаемъ», говорятъ они. Бугататскій боръ, собственно его оборокъ, лежащій въ Бугататской поскотинѣ (Кайлинской волости), да часть Кайлинскаго бора, лежащаго въ Выонской поскотинѣ (Чаусской волости) опаливаются какъ бы съ вѣдома лѣсной администраціи. Участіе послѣдней, впрочемъ, состоитъ только въ присылкѣ приказа и имъ одинмъ ограничивается, слѣдовательно опалка остается въ дѣйствительности дѣломъ крестьянской общины какъ по инициативѣ, такъ и по выполненію. Въ зависимости отъ общихъ условій пользованія угодьями, совмѣстномъ или раздѣльномъ, и опалка является дѣломъ или одной деревни, или нѣсколькихъ деревень. Въ большинствѣ случаевъ, имѣя дѣло съ лѣсами поскотинными, она ведется самостоятельно каждой деревней и именно потому, что явленіе совмѣстнаго пользованія поскотинными угодьями здѣсь рѣдко встрѣчается. Въ Кайлинской волости д.д. Канарбута и Глядѣнъ совмѣстно опаливаютъ поскотинные березняки. Соединеніе же нѣсколькихъ деревень для опалки какой нибудь одной площади лѣса не наблюдается. Упомянутый выше фактъ оспариваемаго бора чрезвычайно въ этомъ отношеніи характеренъ. Боръ этотъ крестьяне не опаливаютъ вовсе. Не опаливали его и раньше, потому что опаливать его одной

Асановой или Бжниковой казалось «обиднымъ.» И вотъ въ немъ давно уже рубятъ многія окрестныя деревни и истощаютъ его. Лѣсная администрація тоже не дѣлаетъ попытокъ его опаливать, м. б. не считая его за самостоятельный боръ.

На опалку выходятъ всѣ взрослые крестьяне деревни по одному отъ каждаго двора, а иногда и по два «какъ соберутся.» Опалку производятъ въ заранѣе назначенный день.

Занимая въ ряду охранительныхъ мѣръ свое самостоятельное мѣсто, опалка не налагала въ моментъ своего возникновенія никакихъ ограниченій собственно на пользованіе лѣсомъ и врядъ-ли въ первое время измѣнила что нибудь въ этомъ пользованіи. Это была мѣра, охраняющая лѣсъ только отъ огня, которая совершенно не касалась непосредственныхъ отношеній къ лѣсу человѣка. Во многихъ случаяхъ опаливаемые лѣса по прежнему рубились, истощались и приходили въ такое же жалкое состояніе. Вѣковая привычка къ безпорядочному пользованію, созданная при условіяхъ полнаго достатка и обилія лѣсовъ, сказывалась иногда здѣсь еще во всей силѣ. Сознаніе важности предпринятой охранительной мѣры, совершенно изчезало при первомъ желаніи воспользоваться лѣсомъ и не далеко стоящимъ и лучшимъ по качеству. Производилась таже безпорядочная вырубка не нужныхъ деревьевъ, которыя бросались и гнили на мѣстѣ, а вывозились отдѣльныя не многія лѣсины. Держаться неопредѣленно долго такой порядокъ, конечно не могъ. Затраты труда по «опалкѣ» отдѣльныхъ борковъ и рощь, сознаніе необходимости сберечь хотя ихъ, наконецъ все болѣе и болѣе ухудшающееся состояніе «свободныхъ лѣсовъ,» грозящее въ недалекомъ будущемъ полнымъ истощеніемъ ихъ—все это не могло не отразиться не измѣненіе существующаго порядка пользованія, и дѣйствительно онъ незамѣтно измѣнился. Сперва это была не ясная попытка бережно отнестись къ опаливаемому лѣсу, «не рубить его зря», попытка, которая, несомнѣнно принесла свою долю пользы. Рубка въ поскотинныхъ лѣсахъ велась хотя и попрежнему «вольно», но рубить стали меньше и вообще умѣренно, «не зря», «чтобы и дѣтямъ что осталось» какъ говорили крестьяне, но каждый могъ рубить, гдѣ хотѣлъ и сколько хотѣлъ.

Но забота о сохраненіи лѣсовъ не остановилась однако на однихъ неясныхъ пожеланіяхъ. Эти послѣдніе плохо гарантировали оберегаемый лѣсъ отъ истребленія, а во многихъ случаяхъ прямо не имѣли за собой никакого значенія; опаливаемые лѣса рубились и приходили въ жалкое состояніе. Это былъ результатъ столкновенія двухъ противоположныхъ не примиряющихся факторовъ: охранительнаго начала и отжившаго «вольнаго» порядка. При первыхъ попыткахъ примирить ихъ, или вѣрнѣе провести въ жизнь одинъ изъ нихъ, игнорируя существованіе другого, создалось такое положеніе вещей, изъ котораго во чтобы-то ни стало нужно было выйти. И вотъ что предприняло населеніе для такого выхода. Сознавая свое безсиліе сберечь лѣсъ въ то время, когда самая *рубка* его ни для кого и ни чѣмъ не была ограничена, населеніе прибѣгло къ помощи схода, который и долженъ былъ опредѣлить всѣ ограниченія пользованія въ охраняемомъ лѣсу. Въ этомъ отношеніи имѣется чрезвычайно интересный документъ «Горевскаго» сельскаго общества (Кайлинской волости) приговоръ его схода.[1])

Изъ него мы узнаемъ, что въ общественной «рощѣ»—производились крестьянами—одно обществениками самовольныя порубки лѣса. Считая подобныя дѣйствія безусловно губительными для лѣса, общество с. Горевскаго, во первыхъ, предлагаетъ порубщикамъ оставить эти порубки; во вторыхъ, обращаетъ вырубленный лѣсъ «въ заказъ»; другими словами, неудовлетворяясь однимъ положеніемъ, рѣшается придать ему болѣе опредѣленную форму ясно выраженнаго положенія.

Въ этомъ и состояли первыя попытки оградить лѣсъ отъ

---

[1]) 1893 года, Сентября 20 дня, Мы нижеподписавшіеся Кайлинской волости, села Горевскаго крестьяне, наличные домохозяева болѣе половины, бывъ собраны на сходъ, гдѣ въ присутствіи нашего Сельскаго Старосты Пахомова, имѣли сужденіе о томъ, что наши односельцы—крестьяне: Степанъ Федоровъ, Михайло Ильинъ Пахомовъ и другіе рубятъ самовольно березовые дрова, въ общественной рощѣ—опалкѣ въ поскотинѣ за рѣчкой Изылы, отстоящей отъ селенія въ одной верстѣ. а потому по довольномъ нашемъ разсужденіи, постановили: крестьянъ Степана Федорова, Михайла Ильина Пахомовыхъ и другихъ отъ рубки дровъ въ означенной рощѣ удержать и всѣмъ намъ таковой до будущей весны 1894 года, ни кому не дѣлать,—а нарубленныя самовольно дрова, также оставить до весны, до особаго нашего распоряженія. Въ томъ подписуемся. Иванъ Григорьевъ Пахомовъ и другіе, на подлинномъ подпись: при написаніи сего приговора находился и за порядкомъ наблюдалъ Сельскій Староста Михаилъ Пахомовъ (своеручная подпись).

потребленія и сберечь его для будущаго, когда явится возможность воспользоваться имъ въ той или другой формѣ.

Въ с. Ярскомъ (Оишинской волости) поскотинный соснякъ «опаливаютъ и не рубятъ, пока не выростятъ. Потомъ раздѣлятъ по душамъ, и каждый тогда можетъ распорядиться по своему желанію». Въ д. Вершининой (той же волости) «охраняли свой боръ 30 лѣтъ, положили строгій заказъ, надѣясь въ послѣдствіи раздѣлить лѣсъ по душевымъ наямъ» и т. д.

Вообще же слѣдуетъ отмѣтить одно: опалка и заказъ не регламентировали собственно пользованіе лѣсомъ. Всѣ тѣ сложныя формы этого пользованія, которыя по ихъ сложности и разнообразію мы должны разсмотрѣть отдѣльно для лѣсовъ хвойныхъ—строевыхъ и лиственныхъ дровяныхъ, всѣ онѣ выработались уже въ тотъ моментъ, когда, съ одной стороны, становился годнымъ для порубокъ сбереженный путемъ опалки и заказа лѣсъ, а съ другой, являлась неотложная потребность воспользоваться этимъ лѣсомъ для тѣхъ или иныхъ цѣлей. По отношенію своихъ строевыхъ лѣсовъ населеніе впрочемъ предприняло одну чрезвычайно важную охранительную мѣру—запрещеніе въѣзда въ лѣса посторонним ъ лицамъ: россійскимъ непричисленнымъ переселенцамъ, «сторонним ъ» обывателямъ, общественникамъ другой общины. Такое запрещеніе основано исключительно на трудовомъ принципѣ. Едва только какая нибудь община начинаетъ съ большимъ вниманіемъ относиться къ своимъ поскотиннымъ боркамъ, едва предпринимаетъ первую мѣру къ сбереженію ихъ только отъ огня, какъ создаетъ изъ нихъ свою исключительную собственность, которой одна и распоряжается. Этотъ моментъ приложенія человѣческаго труда чрезвычайно интересенъ. Онъ сразу мѣняетъ сложившійся порядокъ и создаетъ совершенно новыя отношенія. Изслѣдованіе дало въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерные факты. Въ д. Русскомъ Тугучинѣ, напримѣръ, сосѣднимъ Кійскимъ крестьянамъ было предоставлено рубить лѣсъ въ поскотинѣ. Но это пользованіе ограничивалось однимъ условіемъ: «вырубать только перестойный лѣсъ, негодный на постройки». «Взамѣнъ этого, однако, тугучинцы пользовались въ Кійской дачѣ хлѣбопахатными землями». Ту-

гучинская община такимъ образомъ вознаграждала себя за вырубку даже негоднаго лѣса въ ея дачѣ.

Охраняемыя лѣса такимъ образомъ являются всегда огражденными отъ постороннихъ элементовъ общины, причемъ и внутри себя община дѣлаетъ различіе своихъ податныхъ единицъ и не платящихъ—«сторонних людей», которыхъ она обыкновенно лишаетъ пользованія лѣсомъ. Для нея, какъ для податной единицы, каждый человѣкъ является постолько достойнымъ вниманія, поскольку онъ ей полезенъ. И съ этой стороны дѣйствительно каждый посторонній въ ней элементъ не имѣетъ никакого права посягать на результаты ея общественнаго труда, созданнаго усиліями дѣйствительно полезныхъ для нея элементовъ.

Появленіе этой формы ограниченія слѣдуетъ отнести къ давнему времени, во всякомъ случаѣ настолько давнему, на сколько давно община прибѣгаетъ вообще къ сбереженію своихъ поскотинныхъ лѣсовъ и изобрѣтаетъ тѣ или иные способы этого сбереженія. Несомнѣнно и то, что эта форма смѣнила собой какой то другой порядокъ пользованія общественнымъ лѣсомъ, совмѣстный для нѣлыхъ волостныхъ общинъ, или для нѣсколькихъ отдѣльныхъ селеній. Смѣна эта совершилась, конечно не вдругъ; ея процессъ развивался по мѣрѣ измѣненія другихъ условій, по мѣрѣ того, какъ смежныя общинныя группы дробились и дробилось пользованіе когда то общими угодьями.

Что касается собственно «заказовъ» или такъ называемыхъ «записей»[1]), налагаемыхъ на бора, то они устанавливаются однимъ порядкомъ, обычнымъ вообще для лѣсовъ хвойныхъ и лиственныхъ. Во первыхъ, опредѣляется срокъ заказа, опредѣленный или просто «до возрасту», на весь этотъ срокъ лѣсъ заказывается вполнѣ[2]). Есть случаи весьма продолжительныхъ заказовъ: 30 лѣтній въ д. Корниловой (Кайлинской волости) и въ дер. Вершининой (Оятинской волости), 50 лѣтній въ

---

[1]) „Записать лѣсъ“—это мѣстное выраженіе. Въ д. Осиновкѣ „записанъ борокъ“. Въ д. Гуговой часть „Поскотиннаго бора“ названа „Записнымъ боркомъ“—названіе, полученное отъ записи приговора о запрещеніи порубокъ.

[2]) Въ с. Ярскомъ (Оятинской волости) сосянкъ не рубятъ, пока не выростятъ. „Въ д. Смокотниной (той же волости) „заказъ безъ срока, до росту“.

д. Осиновкѣ (Кайлинской волости). Но они, кажется, единственные изъ всѣхъ изслѣдованныхъ.

За установленіемъ срока устанавляются мѣры наказанія. Обыкновенно они ограничиваются незначительными денежными штрафами съ каждой срубленной лѣсины и отобраніи самовольно вырубленнаго лѣса. Въ березнякахъ штрафы не превышаютъ 25 копѣекъ, въ борахъ они нѣсколько больше и доходятъ до 50 коп. Въ дачѣ Корниловой (Кайлинской волости) практикуется мѣра наказанія болѣе исключительная. Тамъ, кромѣ обычнаго штрафа въ 50 коп. за каждую срубленную лѣсину, самовольнаго порубщика наказываютъ еще 15 ударами розогъ. Въ дачахъ Чаусской волости, кромѣ денежнаго штрафа, наказываютъ еще сутками ареста. Тоже и въ Кривощековской волости (дер. Бугры). Иногда, впрочемъ, дѣло ограничивается одной угрозой. Б. Осшпская (Чаусской волости) община наказываетъ даже не всякаго правонарушителя. На сходѣ такъ говорилось: «если мѣщанина[1]) захватятъ, везутъ его въ каталажку, а своимъ только погрозятъ и отпустятъ». Въ связи съ фактомъ истребленія лѣсовъ этой общины жителями г. Колывани, это становится понятнымъ. Самовольно срубленный лѣсъ, безразлично —оставленный-ли на мѣстѣ, или же вывезенный, отбирается отъ порубщика и поступаетъ въ общественную собственность, на какія либо общественныя надобности (постройку мостовъ, ремонтъ общественныхъ зданій и т. п.).

Всѣ постановленія о заказѣ представляются крестьянамъ дѣломъ настолько простымъ, что они не считаютъ необходимымъ закрѣплять ихъ письменными приговорами, а если приговора и составляются, то повидимому не имѣютъ за собой ни практическаго, ни формальнаго значенія. Въ д. Корниловой (Кайлинской волости) два раза учреждался заказъ на поскотинный боръ и два раза составленный въ этомъ случаѣ приговоръ былъ утраченъ. Въ первый разъ его уничтожила семья умершаго попечителя, у котораго приговоръ былъ на храненіи, во второй разъ его просто какъ-то не сохранили. И однако оба приговора строго выполнялись всѣми обществен-

[1]) Г. Колывани.

никами, и на ихъ памяти сохранился, кажется, единственный случай нарушенія—неудачная попытка какого-то оставшагося неизвѣстнымъ лица, вырубившаго въ бору лѣспну. Онъ не успѣлъ даже вывезти ее и бросилъ. Съ другой стороны, также строго выполнялись постановленія тамъ, гдѣ не было никакихъ письменныхъ приговоровъ. Въ дачѣ Изылы (Кайлинской волости), въ мѣстности бѣдной лѣсомъ, почти степной, такой словесный приговоръ, выполненный безъ всякихъ нарушеній и даже недоразумѣній, долженъ представлять особый интересъ.

Характернымъ здѣсь является еще одно обстоятельство. Крестьяне никогда не учреждаютъ для своихъ «заказовъ» особаго караула въ видѣ-ли довѣренныхъ, въ видѣ-ли лѣсныхъ сторожей, не испытывая, повидимому, отъ этого какихъ либо неудобствъ. Все общество въ цѣломъ и каждый отдѣльный членъ его являются лицами вполнѣ заинтересованными въ дѣлѣ сохраненія своего лѣса и лицами дѣйствительно заботящимися объ этомъ сохраненіи. «Мы всѣ караульщики», говорятъ о себѣ крестьяне. Насколько подобными простыми и естественными отношеніями достигаются цѣли храненія, мы уже имѣли случай говорить. Каждый выровнявшійся борокъ, каждая разросшаяся березовая роща составляютъ ихъ непосредственные результаты, полученные безъ особенныхъ усилій.

Существуютъ еще такъ называемые «частные заказы», это заказы, распространяющіеся не на всю площадь даннаго лѣса, а на часть ея, считаемую почему либо особо важною и нуждающеюся въ сохраненіи. Такіе частные заказы встрѣчены въ дачѣ д. Ачи и дачѣ Гутовой (Кайлинской волости) и въ нѣкоторыхъ дачахъ Ояшинской волости. Въ дачѣ Смокотниной (Ояшинской волости) лѣтъ 8 назадъ составленъ приговоръ о запрещеніи порубки сосноваго лѣса въ поскотинѣ по лѣвую сторону р. Караульной; заказъ до «роста». Въ настоящее время пользуются изъ другой половины поскотины.

По окончаніи срока заказа съ сбереженнымъ лѣсомъ поступаютъ различно. Его или предоставляютъ въ полное неограниченное пользованіе всего общества, или дѣлятъ на мелкіе участки по душамъ, или дворамъ, или выбираютъ изъ него опредѣленное число деревьевъ, постановляя новый приговоръ

о дальнѣйшемъ заказѣ. Меньше всего заботы о немъ проявляется, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ начинаетъ пользоваться безконтрольно все общество. Крестьяне д. Вассиной (Кайлинской волости), заказавъ свой поскотинный лѣсъ «до росту», начали порубать его лѣтъ черезъ 10. Кое-кому нужень былъ жердникъ, другіе запротестовали, но вскорѣ стали рубить всѣ, а потомъ и «вовсе вольно стало», а вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣсъ исчезалъ, такъ что теперь остался одинъ молодникъ. Въ дачѣ д. Осиновки послѣ перваго приговора, лѣтъ 40 назадъ была произведена безпорядочная порубка сосноваго лѣса; богатые все вырубили, такъ что въ нѣсколько лѣтъ свели лѣсъ совершенно. Въ д. Анбѣ (Чаусской волости) и раньше былъ заказанъ боръ въ поскотинѣ на 14 лѣтъ. Вырубили 3 года назадъ. Осенью 1894 г. снова составили приговоръ, по которому наложенъ «заказъ на 10 лѣтъ». Въ д. Гутовой въ 1883 г. крестьяне вырубили состоявшій въ заказѣ борокъ, послѣ того, какъ впервые получили валовой билетъ на рубку. Въ дѣйствительности, однако, положеніе не всегда сказывается такимъ плохимъ,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь существуетъ свой особый порядокъ пользованія. Вотъ что происходитъ здѣсь. Когда рубка лѣса оканчивается и на мѣсто его остаются отдѣльныя деревья, лѣса снова заказываютъ на опредѣленное число лѣтъ до новой сплошной вырубки и новаго заказа. Такъ періодически идетъ эта странная на первый взглядъ смѣна охранительнаго начала и полнаго безпорядка. Есть мѣстности, гдѣ такая смѣна совершается по многу разъ, въ теченіи долгаго періода времени (д. д. Кускова, Гутова, Осиновка Кайлинской волости; д. Анба, Чаусской волости.) Явленіе это въ связи съ условіями каждаго даннаго состоянія лѣса вполнѣ объяснимо. При незначительности площади лѣса, его обильной годовой приростъ, при всѣхъ прочихъ благопріятныхъ условіяхъ роста, не можетъ быть величиною сколько нибудь значительною. Слѣдовательно, и возможная по состоянію лѣса ежегодная вырубка его будетъ также не велика. А между тѣмъ потребности населенія превышаютъ эту возможную величину и превышаютъ настолько, что она неудовлетворяетъ самой ничтожной ихъ долѣ. И вотъ дольше создается такой простой выходъ. Разомъ уничтожает-

ся накопленный за 10—15 лѣтъ приростъ и временно удовлетворяетъ потребность въ населении лѣса. Затѣмъ снова происходитъ накопленіе древесной массы и снова ея временное уничтоженіе. Если ко всему этому напомнить, что такая смѣна въ большинствѣ случаевъ совершается въ маленькихъ рощахъ[1]) въ районахъ средней лѣсистости,[2]) то явленіе становится со всѣхъ сторонъ уясненнымъ и не возбуждаетъ сомнѣній въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ крестьяне могутъ очень осмысленно пользоваться сбереженнымъ лѣсомъ.

Цѣлый рядъ общинъ, о которыхъ намъ придется теперь говорить, представляетъ примѣръ большого умѣнія и распорядительности въ отношеніи пользованія лѣсомъ. Тамъ здѣсь происходитъ такъ, что по истеченіи срока заказа лѣсъ не вырубается сплошной вырубкой и не дѣлится на пай, а изъ него вырубается опредѣленное заранѣе по состоянію лѣса число деревьевъ, «хлыстовъ», потребное на нужды крестьянъ. Число это опредѣляется постановленіемъ схода, а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается и новый заказъ на лѣсъ или просто оставляется въ силѣ прежній. На рубку имѣютъ право всѣ общинники, начиная съ 15-ти лѣтняго возраста, такъ называемые «бойцы», состоящіе въ подати или «платежныя души», «годные работники». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ право и инородцы, и мѣщане, проживающіе въ общинѣ, и отставные солдаты, вдовы, ведущія хозяйства, если у нихъ есть дѣти и старики. О старикахъ говорятъ что «они и лѣсъ выростили». Но вдовы получаютъ не полную долю числа деревьевъ, а часть. Число хлыстовъ, предположенное къ вырубкѣ въ зависимости отъ каждыхъ данныхъ условій (возможной по состоянію вырубки и потребностей населенія) бываетъ конечно не одинаково не только по отдѣльнымъ дачамъ, но и по отдѣльнымъ годамъ въ одной и той же дачѣ. Въ д. Корниловой и Шубкиной было опредѣлено приговоромъ вырубить по 5 хлыстовъ на душу. Въ Русскомъ Тугучинѣ и Кулрпной по 10 хлыстовъ, въ д. Кусымени по 15 и т. д. Въ д. Шуб-

[1]) См. „Лѣсоустройство“ Проф. А. Рудзкаго „Перемежающееся хозяйство“.

[2]) Гдѣ является возможность въ годы заказа пополнять потребности изъ окресть-лежащихъ лѣсовъ. напр. „Степныхъ“.

киной по истеченіи вторичнаго заказа было назначено къ вырубкѣ по 10 «бревенъ». Въ д. Корниловой на постройку хлѣбозапаснаго магазина въ 1894[1]) г. было вырублено по 2 хлыста на душу, участвующую въ магазинѣ и т. д. Для вырубки хлыстовъ назначается опредѣленный день, въ который всѣ участвующіе прямо со схода отправляются прямо въ лѣсъ, гдѣ каждый выбираетъ себѣ деревья и вырубаетъ ихъ. При этомъ всѣ порубщики строго наблюдаютъ другъ за другомъ, за дѣйствіями каждаго, чтобы не происходило какихъ нибудь нарушеній, напримѣръ, перерубовъ, ссоръ изъ за захвата и т. п. и нарушеній дѣйствительно не случается; на это обстоятельство крестьяне указываютъ не однажды. По окончаніи рубки обыкновенно налагается новый заказъ на лѣсъ, на иной, больній или меньшій, смотря по условіямъ, срокъ, чрезъ который снова повторяется этотъ несложный процессъ.

Способъ нормировки ежегодныхъ заготовокъ лѣса, принятый незначительнымъ числомъ общинъ, достигаетъ, какъ мы видимъ, самыхъ благопріятныхъ результатовъ, какъ въ отношеніи регулярнаго обезпеченія лѣсомъ, такъ и въ отношеніи цѣлей лѣсохраненія. Нерѣдко выражается сомнѣніе въ томъ, что община вообще можетъ установить какое либо соотвѣтствіе размѣровъ ежегодныхъ вырубокъ съ размѣрами ежегоднаго прироста, и слѣдовательно, вообще не можетъ пользоваться при этомъ способѣ лѣсомъ въ такомъ количествѣ, какимъ по состоянію дачи надлежитъ пользоваться. Однакожъ это сомнѣніе врядъ ли справедливо. Тѣ рощи и борки, которые въ данномъ случаѣ составляютъ собственно предметъ всѣхъ заботъ и сбереженій общины представляютъ площади, лѣса весьма малыя. На пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ община всегда сумѣетъ урегулировать ежегодную вырубку—своего сберегаемаго лѣска. Одна непосредственная

[1]) 1894 г. Мая 15 дня, Мы нижеподписавшіеся Томскаго округа, Кайлинской волости, Долговскаго сельскаго общества крестьяне д. Корниловой, бывъ сего числа въ общемъ собраніи на сельской сходѣ въ присутствіи своего сельскаго старосты К. Асанова, гдѣ между прочемъ имѣли обсужденіе о томъ, что, выращенный нами лѣсъ подъ опалкою въ восьмомъ сосновомъ достоинствѣ, такъ какъ мы по добровольному нашему усмотрѣнію нынѣ опредѣлили такового вырубить на каждую душу по двѣ лѣсины, отъ 12 до 60 лѣтняго возраста, а въ случаѣ кто-либо изъ насъ сверхъ назначеннаго, какъ сказано въ приговорѣ, по двѣ лѣсины вырубитъ, болѣе съ того взыскать пятьдесятъ коп. въ пользу общества.

необходимость въ лѣсѣ, какъ въ строевомъ и дровяномъ матеріалѣ, и отсутствіе гарантіи въ будущей обезпеченности лѣсомъ могутъ заставить населеніе относиться къ своимъ небольшимъ боркамъ и рощицамъ особенно внимательно. Кстати эти лѣса, расположенные большею частью въ поскотинахъ—мѣстахъ ближайшихъ къ жилью, являются и удобными для наблюденій.

По отношенію къ пользованію борами было упомянуто объ одной формѣ пользованія—душевомъ или «пайковомъ». Захватывая однако районъ мѣстностей весьма незначительный и представляя собою чистѣйшее подобіе такой же формы пользованія въ лѣсахъ лиственныхъ—дровяныхъ, эта форма здѣсь не имѣетъ совсѣмъ самостоятельнаго значенія. По этому мы ее разсмотримъ, попутно съ разсмотрѣніемъ условій пользованія лиственными лѣсами, отмѣтимъ появленіе ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на сколько это представляется возможнымъ; и выясним самыя условія при которыхъ она появляется.

Обиліе лиственнаго лѣса въ изслѣдованномъ районѣ, даже избытокъ его въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, превышающій всѣ возможныя потребности населенія, создали здѣсь одинъ общій порядокъ пользованія этимъ лѣсомъ «вольный». Вольная вырубка его въ прежнее время, носила всѣ характерные признаки «захвата», полную свободу въ выборѣ и дѣйствіяхъ по вырубкѣ его, отсутствіе какого ни было контроля или регламентаціи и полнѣйшій безпорядокъ самой рубки. Совершалось это, конечно, при условіяхъ широкаго довольства лѣсомъ, когда «простая рубка» «была не въ потерю», и лѣсу «доставало»...

Впрочемъ систему «вольнаго» пользованія лиственными лѣсами населеніе сохранило въ большинствѣ случаевъ до послѣднихъ дней. Повсюду еще приходится по этому поводу слышать одно объясненіе; «березоваго лѣсу много», «дубравъ множество», «мѣсто вольное», «дубрава есть», и т. д.

Вольное пользованіе этими лѣсами осталось и въ малолѣсистыхъ районахъ, гдѣ, повидимому, моментъ истощенія уже наступилъ. Въ дачѣ Чертенковой (Кайлинской волости) лѣ-

сомъ пользуются вольно, хотя его и не много». (Тарминская степь). Вольное пользованіе сохранилось, напримѣръ, во всей Чаусской волости, не исключая и ея юго-западнаго безлѣснаго района, во всей Кривощековской, въ Тутальской, Уртамской и Ояшинской волостяхъ. Только одна Спасская волость[1]) въ этомъ отношеніи составила исключеніе, давно перейдя отъ вольной рубки къ регламентированному порядку душеваго пользованія лѣсомъ, явленію вообще встрѣченному нами здѣсь лишь на пространствѣ небольшихъ отдѣльныхъ рощъ, въ мѣстностяхъ очень бѣдныхъ лѣсной растительностью.[2])

Самый порядокъ вольнаго пользованія березовыми лѣсами, какъ въ то отдаленное время, когда лѣсу было много, такъ и теперь не представляетъ собою никакихъ особенностей. Рубить «вольно» лѣсъ могли въ каждомъ данномъ мѣстѣ всѣ селенія не только одной волости, но, вѣроятно, и болѣе об-

---

[1]) См. „Матеріалы для изученія быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири". Выпускъ XVIII. „Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ восточной части Томскаго округа". Изслѣдованія А. А. Кауфмана. Томъ II. С.П.Б. 1892 г. стр. 252-261.

Рѣшенія Спасскаго волостнаго суда за 1889 и 1892 г.г.

Рѣшеніе № 41, 1889 г.: Крестьянинъ деревни Аникиной Николай Терентьевъ Матвѣевъ жалуется, что однодеревенецъ его Иванъ Ивановъ Хлѣбниковъ вырубилъ на его дачѣ 10 саж. дровъ, дача эта хотя и была продана отцомъ Матвѣева въ 1894 году, но только на одну весну.

1889 г. іюня 16 дня Волостной Судъ слушалъ заявленіе крестьянина деревни Аникиной Николая Терентьева Матвѣева, который жалуется, что однодеревенецъ его Иванъ Ивановъ Хлѣбниковъ вырубилъ въ его дачѣ, проданной покойнымъ отцомъ въ 1884 году, 10 саж. дровъ, на что онъ не имѣлъ права потому, что отецъ его продалъ дачу только на одну весну. Иванъ Хлѣбниковъ показалъ, что онъ рубилъ дрова въ дачѣ Матвѣева потому, что отецъ Матвѣева продалъ ему дачу навѣчно. Волостной Судъ, имѣя въ виду, что крестьяне угодья свои продавать вѣчно не имѣютъ права, по сему, на основаніи 107 ст. об. пол. о кр., предложено тяжущимся примириться, что между ними состоялось: Матвѣевъ согласился получить съ Хлѣбникова половину нарубленныхъ дровъ Хлѣбниковымъ, на что согласился и Хлѣбниковъ, а потому постановилъ: жалобу крестьянина Матвѣева за примиреніемъ оставить безъ послѣдствія--о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ же.

Рѣшеніе № 24, 1892 года: Крестьянинъ села Спасскаго Лаврентій Карташевъ жалуется, что крестьянинъ Дорофей Карташевъ вырубилъ въ его дачѣ березовыхъ дровъ около пяти возовъ, почему проситъ о взысканіи съ Дорофея Карташева по стоимости вырубленныхъ дровъ.

1892 г. апрѣля 16 дня, Спасскій Волостной Судъ, по выслушаніи заявленія Лаврентія Карташева, спрашивалъ отвѣтчика Дорофея Карташева, который отозвался, что онъ хотя и вырубилъ дрова въ дачѣ просителя, но по ошибкѣ, ибо ихъ дачи состоятъ всемѣстности, почему дозволялъ и ему взамѣнъ таковыхъ нарубить столько же въ своей дачѣ. Находя отзывъ Дорофея Карташева дѣйствительно справедливымъ--Судъ рѣшилъ: проситель Лаврентій Карташевъ долженъ нарубить въ дачѣ Дорофея Карташева березовыхъ дровъ столько же, сколько вырубилъ у него послѣдній, на что согласился и проситель, а потому рѣшеніе это и объявить просителю и отвѣтчику съ росписью на немъ же.

[2]) „Березняки, находящіеся въ степи, совершенно не сберегаются и рубятся кѣмъ попало; въ большинствѣ случаевъ ихъ расчищаютъ для пашенъ въ силу недостатка пахатныхъ земель". (Изъ отчета таксаторовъ по осмотру боровъ Томскаго округа въ $189^1/_2$ г.г.)

ширныхъ административныхъ группъ. Никто въ этомъ ничѣмъ стѣсненъ не былъ; рубили всѣ «по надобности», «по нуждѣ». Притомъ, конечно, «заѣзжали другъ за друга, рубили зря», и это не вызывало никакихъ недоразумѣній. Остатокъ такого порядка мы наблюдаемъ во многихъ мѣстностяхъ изслѣдованнаго округа.

Тамъ гдѣ произошло распаденіе сложныхъ общинъ на мелкія части, это распаденіе пережилъ вольный порядокъ пользованія лиственными лѣсами. Именно здѣсь наблюдается смѣна такихъ явленій. Вольный порядокъ предоставляетъ право всѣмъ селеніямъ данной сложной общины «вольно» рубить лѣсъ въ ея дачѣ. Затѣмъ, въ силу тѣхъ или другихъ условій, смежная община распадается на отдѣльныя однодѐревенскія общины. Рубить въ каждой дачѣ такой отдѣльной общины сохраняютъ право всѣ селенія бывшей сложной общины, (примѣръ: въ Кайлинской волости с.с. Кривошіи, Манойлова, Савинова, Таскаева); наконецъ, когда такія разбившіяся общины начинаютъ вырабатывать у себя нѣкоторые порядки пользованія лѣсомъ, онѣ устанавливаютъ и первое ограниченіе для селеній бывшей общины: именно по отношенію поскотинныхъ лѣсовъ, признанныхъ общиной подлежащими регламентаціи: Право вольной рубки въ этихъ лѣсахъ чужія селенія утрачиваютъ, сохраняя еще всецѣло это право по отношенію къ дубравамъ, т. е. лѣсамъ, не подлежащимъ регламентаціи. Рубить «вольно» поскотинные лѣса могутъ только однообщинники отдѣльной общины. Въ настоящее время, однако, порядокъ общаго пользованія всѐтаки оказывается пережившимъ моменты разложенія сложныхъ общинъ. Населеніе держится этого порядка даже тамъ, гдѣ, повидимому, оставить его является безусловно необходимымъ. Напримѣръ, цѣлый рядъ селеній Тутальской волости (Тала, Пяткова), совершенно лишенныхъ березоваго лѣса, рубятъ вольно лѣсъ въ дачахъ Чахловой и Шитиковой. Въ Мальцевской дачѣ дрова рубятъ Томиловскіе крестьяне. Въ Сухостровловской дачѣ пользуются лѣсомъ русаковцы (Кайлинской волости).

Какъ въ Томиловой, такъ и въ Русаковой мѣстность почти степная, такъ что это вольное пользованіе ихъ въ сосѣд-

ныхъ дачахъ (Малыцевой и Сухострѣловой) когда-то составлявшихъ съ ними одно цѣлое, объясняется, во первыхъ, сохранившейся связью между ними, во вторыхъ, неравномѣрнымъ распредѣленіемъ лѣсной растительности. Но нѣкоторыя селенія, напримѣръ, въ Кайлинской волости д.д. Калаганова, Томилова, Глядѣнъ, Капарбута, состоявшія до восьмидесятыхъ годовъ одну сложную общину, пользуются въ настоящее время березовымъ лѣсомъ каждое въ своей дачѣ, отдѣльно отъ другихъ («одподеревенское» пользованіе), объясняя это исключительно обиліемъ лѣса: «березняка во всѣхъ дачахъ достаточно, нѣтъ ни кому надобности далеко ѣхать за лѣсомъ, когда его сколько угодно». Такимъ образомъ, съ одной стороны, обиліе лѣса, а съ другой, и привычка къ извѣстному порядку сохраняютъ во всей неприкосновенности систему вольнаго пользованія лиственными лѣсами, находящимися въ границахъ крестьянскихъ дачъ.

Березовые и осиновые лѣса доставляютъ населенію главнымъ образомъ мелкіе сортименты: дрова, жерди и колья, и въ рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ значеніе строевыхъ лѣсовъ. Собственно осина идетъ на нехитрыя крестьянскія постройки чаще березы, хотя, съ другой стороны, мы знаемъ примѣры и березовыхъ жилыхъ домовъ, (д. Боровая Тутальской волости), а, напримѣръ, амбары изъ березы строятъ даже часто. Являясь источникомъ дровянаго и мелкаго матеріала, лиственные лѣса сравнительно недавно обратили на себя вниманіе населенія. Рубить дрова было можно во многихъ мѣстахъ, такъ что въ этомъ отношеніи предоставлялся даже нѣкоторый выборъ: богатые и сильные крестьяне ѣздили на далекіе мѣста, гдѣ лѣсъ былъ лучше и было его больше, бѣдные рубили около селеній, и на ихъ долю доставался лѣсъ уже нѣсколько повырубленный, а мѣстами даже истощенный рубками предыдущихъ лѣтъ. Но во всякомъ случаѣ и тѣ, и другіе находили возможнымъ удовлетворять свою нужду въ дровяномъ лѣсѣ и не дѣлали никакихъ попытокъ къ сохраненію лѣса или вообще къ болѣе регулярному пользованію имъ.[1])

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ порядокъ удержался всецѣло и въ настоящее время; наприм., едва ли не вся Ояшинская волость рубитъ еще свои лиственные лѣса

Вопросъ о сохраненіи лиственныхъ лѣсовъ, т. е. поскотинныхъ березняковъ и отдѣльно лежащихъ площадей березоваго лѣса, возникъ прежде всего, конечно, въ районахъ степныхъ мѣстъ. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи первыя лѣсоохранительныя попытки были предприняты, напримѣръ, въ юго-западной части Кайлинской волости и въ западной части Кривошековской, мѣстностяхъ безлѣсныхъ отчасти по своему естественному характеру, отчасти по причинѣ выжиганія и продолжительныхъ рубокъ, которыя только уничтожали лѣса, не возобновляя ихъ.

Дровяной лѣсъ приходилось искать за предѣлами своей дачи, а иногда платить за безпрепятственное пользованіе имъ условія этому вполнѣ благопріятствовали, такъ что купля-продажа лѣса между посторонними общинами уже начинала производиться. Но для малосильной части населенія то и другое, т. е. отдаленность мѣстъ рубокъ и купля лѣса, представляли на столько серьезныя затрудненія, что естественнымъ образомъ у нея возникала необходимость позаботиться о возвращеніи своего лѣса, или по крайней мѣрѣ, о сохраненіи какого нибудь оставшагося не вырубленнымъ участка. Такъ это и произошло. Въ деревнѣ Русаковой, мѣстности совершенно безлѣсной, для небольшой площади березняка уже лѣтъ 40 установлено слѣдующее ограниченіе: «не рубить лѣсъ на продажу и вообще стараться возможно меньше рубить его». Послѣднее требованіе, говоритъ изслѣдователь, постановлено бѣднѣйшей частью общества, которая настояла на немъ изъ опасенія, что богатые вырубятъ лѣсокъ и оставятъ общину въ безвыходномъ положеніи.

Предпринятая мѣра была, однако, очень осторожно выска-

„вольно“ и не имѣетъ, повидимому, необходимости принимать ни какихъ мѣръ къ обезпеченію себя поскотиннымъ лѣсомъ. Тоже самое встрѣчено въ нѣкоторыхъ районахъ волости Тутальской, Уртамской и отчасти Чаусской. Въ поскотинахъ этихъ мѣстностей березовые лѣса или настолько же богаты, какъ и окрестныя дубравы, или совсѣмъ истощены: растетъ въ нихъ кое-какой прутнякъ, которымъ и пользуется одна часть населенія, не сильная въ хозяйственномъ отношеніи и не имѣющая, слѣдовательно, возможности доставать лучшій дровяной матеріалъ изъ отдаленныхъ мѣстъ (дубровъ и боровъ).

Въ д. Пятковой, по словамъ изслѣдователя, „въ поскотинѣ лѣсу на дрова далеко не хватаетъ, только самые бѣдняки пользуются этимъ березовымъ прутнякомъ. Болѣе богатые предпочитаютъ покупать у сосѣдей“. Но пользованіе имъ до сихъ поръ остается вольнымъ.

зана: «стараться рубить меньше». Но она не могла явиться въ болѣе категорической формѣ: для этого необходимъ былъ опытъ, время, извѣстная привычка къ порядку. Впрочемъ въ отношеніи перваго опыта Русаковская община и не можетъ служить примѣромъ: переходъ отъ полнаго безпорядка къ нѣкоторому правильному лѣсоохраненію совершился при другихъ условіяхъ, конечно, еще болѣе примитивныхъ. Въ Турнаевской дачѣ (Туталъской волости), лежащей въ малолѣсной мѣстности округа, имѣются кое-какіе березовые лѣса, недалеко расположенные отъ селенія. По отношенію къ нимъ турнаевскіе крестьяне держатся и по сей часъ «вольнаго» порядка, то что въ этихъ лѣсахъ могутъ рубить всѣ другія деревни Турнаевской общины. И въ той-же Турнаевой есть поскотинный березнякъ, рубить который можетъ «только своя деревня».

По отношенію охраны и пользованія въ березовыхъ поскотинныхъ лѣсахъ населеніе предприняло много самыхъ разнообразныхъ мѣръ. Всѣ онѣ, однако, не представляютъ собою ничего особеннаго по сравненію съ такими же изслѣдованными нами мѣрами охраны и формами пользованія въ лѣсахъ строевыхъ-хвойныхъ. Также березовыя и осиновыя рощи опаливаются, также подвергаются заказамъ или инымъ ограниченіямъ, и также пользованіе въ нихъ регулируется извѣстными правилами.

Здѣсь также можно будетъ наблюдать и смѣну одной формы другой и дать указанія, когда извѣстная форма можетъ возникнуть въ каждомъ данномъ мѣстѣ, если, конечно, всѣ необходимыя условія этого мѣста будутъ съ достаточной полнотой выяснены.

Опалка, напримѣръ, здѣсь возникаетъ и ведется совершенно также, какъ и опалка боровъ. За ней обыкновенно непосредственно возникаетъ указанное ограниченіе для *посторонихъ*, какъ не влагающихъ труда по опаливанію лѣса, за этимъ ограниченіемъ требованіе ограничить *своихъ* однообщественниковъ въ рубкѣ, сперва очень не ясныя и не смѣло выраженныя, въ родѣ тѣхъ, что «стараться рубить меньше». Потомъ возникаетъ мѣра уже болѣе серьезная —«заказъ», потомъ начинаетъ регламентироваться самое пользованіе, т. е. повторяет-

ся цѣликомъ весь тотъ процессъ, который болѣе или менѣе подробно изложенъ выше. Здѣсь придется остановиться только на формахъ пользованія, которыя всетаки кое въ чемъ отмѣчаются въ томъ и другомъ случаѣ; а одна изъ нихъ—это форма душеваго или пайковаго пользованія лѣсомъ, только здѣсь и представляетъ самостоятельное явленіе, съ которымъ даже попутно придется разсмотрѣть явленіе такого же пользованія въ лѣсахъ сосновыхъ.

Приступая къ изслѣдованію этихъ формъ прежде всего мы должны отмѣтить періодическую сплошную вырубку всего сберегаемаго участка. На небольшихъ площадяхъ, въ мѣстностяхъ средней лѣсистости, гдѣ бѣднѣйшая часть населенія не поставлена еще въ исключительныя условія полной необезпеченности дровянымъ (вообще мелкимъ) лѣсомъ и гдѣ еще является возможность урегулировать недостатки въ этомъ сортиментѣ по отдѣльнымъ годамъ, вездѣ указанная форма періодической сплошной вырубки нашла себѣ мѣсто. Въ дачѣ Изылинской (Кайлинской волости) по р. Инѣ за 5 верстъ отселенія въ поскотинѣ ростятъ березовыя рощи. Пользованіе въ нихъ въ настоящее время приняло именно періодическій характеръ; сперва, напримѣръ, «лѣсокъ по р. Инѣ былъ въ заказѣ 15 лѣтъ», по истеченіи котораго вырубили лѣсъ «вольно года въ три»; послѣ этого вновь былъ положенъ заказъ на неопредѣленное время («до росту») и теперь второй годъ уже порубокъ не производится. Березнякъ въ поскотинѣ рубился вольно до тѣхъ поръ, пока не истребили весь лѣсъ. Тогда положили заказъ на 10 лѣтъ[1]) и по окончаніи срока вырубили вольно года въ 4. Въ дер. Васиной съ давнихъ лѣтъ опаливался въ поскотинѣ березнякъ, и 20 лѣтъ назадъ былъ положенъ заказъ «до росту».[2]) Лѣтъ черезъ 10-12 начали «порубать», кому было нужно. Другіе протестовали: «мы тоже опаливали, жердей намъ никогда не понадобится, а дровъ нужно; если тѣмъ можно рубить жерди, такъ намъ можно и дрова». Начали рубить, такимъ образомъ, весь, а затѣмъ и «вовсе вольно стало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣсъ сталъ исче-

[1]) Штрафъ съ лѣсины 10 коп.

[2]) Былъ составленъ „частный“ (незасвидѣтельствованный) приговоръ.

зать». Также поступили крестьяне съ своими поскотинными березняками въ дачахъ Сурковой, Кусьмени, Осиновкѣ, Пашковой, Анбѣ.[1]) Въ с. Бугры (Кривощековской волости) въ маѣ 1894 года составленъ приговоръ о заказѣ березняка въ поскотинѣ на 10 лѣтъ. Составленъ послѣ 3-хъ лѣтняго перерыва, въ теченіе котораго находился въ «вольномъ» пользованіи и былъ вырубленъ. Періодическая сплошная вырубка представляетъ, такимъ образомъ, собою весьма примитивную форму хозяйничанья въ лѣсахъ. Дѣйствительно, не устанавливая срока заказа она, напримѣръ, предоставляетъ населенію въ извѣстный моментъ полную возможность уничтожить сразу весь накопленный матеріалъ и уничтожить его самымъ безпорядочнымъ образомъ. Мы видимъ, какъ у однихъ является надобность въ жердинкѣ, и они начинаютъ истреблять рощеный лѣсъ, считая, вѣроятно, его дошедшимъ «до росту», и въ тоже время другіе остаются безъ дровъ, безъ чего оставаться имъ дѣйствительно невозможно. Регламентаціи никакой не существуетъ, и населеніе весьма небрежно относится къ этимъ сохраняемымъ имъ лѣсамъ, сперва затрачивая трудъ по возращенію и охранѣ, потомъ безпорядочно уничтожая всѣ результаты своихъ трудовъ. Здѣсь не могъ установиться порядокъ, не смотря на желаніе установить его. Богатые начали рубить, когда лѣсъ, по ихъ мнѣнію, былъ уже достаточно отрощенъ, и вырубали жердинкъ; бѣдной части населенія это казалось обиднымъ и они тоже вырубили много молодаго лѣса.

Больше порядка въ этомъ отношеніи было встрѣчено въ д. Кусковой (Кайлинской волости), и въ д. Анбѣ (Чаусской волости). Въ Кусковой березнякъ ростили въ поскотинѣ нѣсколько разъ и по окончаніи заказа вырубали вольно. Сроки всегда были опредѣлены точно: 10-15 лѣтъ. Тоже самое въ деревнѣ Анбѣ: въ ея поскотинѣ «мелкій березнякъ—оглобельникъ». Осенью 1894 года былъ составленъ приговоръ, по которому наложенъ заказъ на 10 лѣтъ. Раньше лѣсъ былъ въ заказѣ 14 лѣтъ и былъ вырубленъ 3 года назадъ. Держась порядка періодической рубки, населеніе не останавливается на

[1]) Въ Сурковой два года назадъ закупали березнякъ, находящійся между р.р. Тугучимомъ и Боровой.

одной разъ созданной формѣ, а стремится ее такъ или иначе усовершенствовать. Въ д. Пашковой (Тутальской волости), напримѣръ, дровянымъ лѣсомъ въ поскотинѣ пользуются въ настоящее время «вольно». Лѣтъ 20-30 назадъ было постановлено не рубить этого лѣса совсѣмъ. Лѣтъ 15 ростили, потомъ разбили по душамъ на пайки и вырубили «начисто». Тоже самое было сдѣлано въ послѣдній разъ въ д. Кусковой и въ д. Анбѣ. Въ д. Тырышкиной (Чаусской волости) ростятъ въ поскотинѣ березовый лѣсъ, который предполагаютъ *раздѣлить* и срубить. Онъ былъ и раньше въ заказѣ (10 л.), послѣ котораго для рубки его также раздѣлили на пан (по $^{3}/_{4}$ десят.) и вырубили. Община, такимъ образомъ, примѣнила къ единовременному пользованію лѣсомъ наиболѣе справедливый, по ея мнѣнію, принципъ раздѣла на душевые пан. И, дѣйствительно, до извѣстной степени онъ доставилъ гарантію каждому отдѣльному члену общины, что тотъ воспользуется своей долей лѣса. Имъ ничего, конечно, не достигалось собственно въ цѣляхъ лѣсоохраненія, но онъ и не стремился въ этомъ отношеніи что нибудь достигнуть. Была лишь необходимость возможно справедливѣе использовать сбереженный дровяной лѣсъ, и при помощи этого принципа онъ былъ использованъ, дѣйствительно, справедливо. Отдѣльнымъ домохозяевамъ даже предоставлялось право рубить и не рубить лѣсъ, и если, наприм., условія были таковы, что «сильный» домохозяинъ могъ продержаться безъ своего поскотиннаго пайка, добывая дрова въ дубравахъ или вообще въ болѣе дальнихъ мѣстахъ, то этимъ уже создавалось и сохраненіе нѣкоторой части поскотиннаго лѣса.

Другой очень существенной по своему характеру, но мало распространенной формой лѣсопользованія является періодическая заготовка дровянаго лѣса въ заранѣе опредѣленномъ количествѣ. Возникаетъ и проводится она совершенно одинаково въ лѣсахъ дровяныхъ и строевыхъ, только преслѣдуя разныя цѣли: въ данномъ случаѣ получить дровяной и жердевой матеріалъ—она въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторыя особенности. Прежде всего самый разсчетъ здѣсь, конечно, ведется не по хлыстамъ и не по бревнамъ, а по погон-

нымъ саженямъ. Въ д. Ирбѣ (Кайлин. вол.) на душу мужескаго пола было опредѣлено вырубить по 2 погон. саж. дровъ; въ Долговой—по 3 погонныя сажени на душу, считая съ 15-ти лѣтняго возраста; тамъ же—по 50 шт. жердей; въ с. Горевкѣ —по 5 погонныхъ саженъ на каждую душу, состоящую въ подати, и на каждаго старика («старики и лѣсъ выростили»). Вдовы получаютъ по 3 сажени. Въ д. Поперечномъ Искитимѣ (Тутальской волости) березовымъ лѣсомъ въ поскотинѣ пользуются по 4 сажени на «годную» душу, и т. д. Въ Б. Искитимѣ «опаливаютъ за поскотиной уже лѣтъ 50 березовый лѣсъ. Теперь его рубятъ на дрова. Опалка продолжается и до настоящаго времени. Лѣсъ рубятъ *по разсчету*, кому сколько надо». Разумѣется, всѣ эти величины ежегодной вырубки соразмѣрны и съ состояніемъ каждаго лѣска и съ наличнымъ составомъ податныхъ единицъ «платежныхъ» душъ, прежде всего имѣющихъ право на пользованіе лѣсомъ. Старики уже вышли изъ обложенія, и, какъ платежныя единицы, не имѣютъ для общины никакого значенія, но все-таки она не исключаетъ ихъ изъ общей доли, и они пользуются лѣсомъ, какъ мы видимъ, наравнѣ со всѣми «годными» душами. Община совершенно справедливо объясняетъ это тѣмъ, что «старики лѣсъ выростили». По отношенію къ вдовамъ, которыя получаютъ «часть», община только проявляетъ извѣстную заботливость къ ихъ хозяйственному благосостоянію. Во всемъ этомъ она не дѣлаетъ, какъ мы знаемъ, различій и по отношенію къ пользованію сосновыми, вообще строевыми, лѣсами; только тамъ самое пользованіе является болѣе регламентированнымъ и болѣе упорядоченнымъ. Это нужно, впрочемъ, вообще отмѣтить. По отношенію къ лиственнымъ лѣсамъ наблюдается особенная небрежность, особенная невоздержанность. Повидимому сложилась цѣлая охраняющая система и надобно было лишь надѣяться, что пора «вольной» рубки навсегда миновала. Однако вѣковыя привычки брали верхъ и иногда разомъ уничтожался результатъ многолѣтнихъ заботъ и усилій. Первыя попытки примѣненія формы періодическихъ заготовокъ, конечно, также не могли измѣнить всѣхъ безпорядочныхъ отношеній человѣка къ лѣсу и сразу создать желаемый порядокъ правильнаго пользованія.

Съ другой стороны имѣются примѣры совершенно иного характера. Въ д.д. Поперечномъ Некитимѣ, Долговой и Горевкѣ форма періодическихъ заготовокъ вошла въ жизнь со всѣми своими лучшими сторонами. Въ Долговой, напримѣръ, въ настоящее время совершенно не рубятъ дрова изъ поскотиннаго березоваго лѣса, въ которомъ предоставляется рубить лишь жерди и слѣги. Это уже, слѣдовательно, забота о будущемъ, которое, можетъ быть, дѣйствительно не обѣщаетъ населенію ничего хорошаго. Въ д. Горевкѣ березнякъ, изъ котораго ежегодно рубятъ по 5 погонныхъ саженъ, состоитъ собственно изъ двухъ независимыхъ дачъ. Одна изъ нихъ около поскотины, другая въ поскотинѣ—«въ дѣлянки», какъ называютъ крестьяне. Въ нихъ община производитъ очередныя рубки: рубятъ въ одной дѣлянкѣ лѣтъ 7-10, пока въ другой подростетъ лѣсъ, изрѣженный предыдущей рубкой. Также община, устанавливая норму въ 5 погонныхъ саженъ дровъ, указываетъ, напримѣръ, что тѣ, кому этой нормы мало, могутъ рубить лѣсъ на «вольномъ» мѣстѣ въ своей или Васенской дачѣ (въѣздъ свободенъ, какъ въ дачу когда-то одной сложной общины). Весьма распространенную и оригинальную форму лѣснаго пользованія встрѣчаемъ мы въ нѣкоторыхъ районахъ Томскаго округа. Это—въ мѣстностяхъ маловѣстныхъ, степныхъ съ скученнымъ населеніемъ, въ мѣстностяхъ близкихъ къ сплавнымъ рѣкамъ, трактовымъ дорогамъ и крупнымъ центрамъ. Вліяніе собственно истощенности лѣса въ томъ голомъ видѣ, въ какомъ мы это явленіе получаемъ изъ рукъ наблюдателя, сказывается на появленіи въ каждомъ данномъ мѣстѣ этой формы лѣсопользованія всего замѣтнѣе. По крайней мѣрѣ, здѣсь получается вполнѣ уловимая зависимость между фактомъ безлѣсности, съ одной стороны, и развитіемъ этой формы, съ другой. Форма душеваго —«найковаго» пользованія лѣсами, такимъ образомъ, вполнѣ ограничивается извѣстными географическими районами, которые по площади Томскаго округа распредѣляются слѣдующимъ образомъ:[1]) Въ западной части Кривощековской волости ле-

[1]) Деревни Чертенкова, Кускова, Пыхты (Кайлинской волости) въ отношеніи пользованія своими заказными лѣсами представляютъ много интересныхъ особенностей. Самое по-

жать дачи Прокудкина, Кочнева, Пайвина, Шиловка, Сенчакина, Тулинская, Тюменина, Толмачева, Алексѣевская; окраина Кайлинской волости: дачи Изылы, Чертенкова, Кускова; сѣверо-восточная часть волостей Ояшинской и Тутальской. Прежде, чѣмъ перейти къ изслѣдованію этой формы лѣсопользованія, нужно оговориться по поводу нѣкоторыхъ ея особенностей. Необходимо, напр., установить тотъ фактъ, что душевое («пайковое») пользованіе лѣсами распространяется здѣсь исключительно на лиственные лѣса (березняки и осинники), а изъ нихъ только на отдѣльные болѣе или менѣе крупные обособленные рощи, все равно лежащія ли въ поскотинныхъ, или на мѣстахъ свободныхъ. Впрочемъ, крестьяне д. Чертенковой (Кайлинской вол.), напр., одновременно съ заказомъ березовой рощи заказали «не важный сосняк», росшій въ поскотинѣ въ той же дѣлянкѣ. Черезъ 10 лѣтъ сняли «заказъ» и раздѣлили боровъ по душамъ, при чемъ на душу пришлось по одной и по двѣ лѣсины. Его, конечно, быстро вырубили, такъ что теперь не осталось и слѣдовъ его. Въ дачахъ Тулинской и Тюменой попутно съ березнякомъ, подѣленнымъ на душевые пая, подѣленъ и растущій въ поскотинѣ незначительный сосняк. Также попутно раздѣлили сосновый лѣсъ въ с. Ярскомъ и д. Вершининой. Возникновеніе разсматриваемой формы относится къ очень недавнему времени. Самый отдаленный моментъ не заходитъ далѣе 30 лѣтъ, обычно вращаясь около 20-25. Но съ этого момента и до послѣдующихъ лѣтъ она продолжаетъ возникать въ различныхъ мѣстахъ.[1]) Кое гдѣ, гдѣ

ложеніе этихъ дачъ, лежащихъ въ той безлѣсной окраинѣ волости, которая смежна съ Тарской степью, въ значительной степени опредѣляетъ условія лѣсопользованія въ нихъ. Лѣсу здѣсь такъ мало, что при существующей системѣ полеводства этимъ дачамъ совсѣмъ не приходится производить расчистокъ. „Все уже расчищено", говорятъ крестьяне, и если и случается иногда расчищать, то все дѣло ограничивается какимъ нибудь десяткомъ березокъ. Безлѣсность на столько ощутительна, что въ Черепенковой, напр., совсѣмъ не сѣютъ озимой ржи, потому что снѣга лежатъ мелкіе, и хлѣбъ выдувается.

Рѣка Обь, раздѣляющая площадь Кривощековской волости на двѣ естественныя различныя части: безлѣсный районъ лѣсообской и лѣсистый правообской, какъ бы удѣлилъ и порядки пользованія заказными крестьянскими лѣсами (поскотинными) на двѣ различныхъ категоріи.

Строго регламентированное душевое „пайковое" (дачи Прокудкина, Кочнева, Шилова, Сенчакина, Тулинская, Тюменева, Толмачева, Алексѣевская) и совсѣмъ не регламентированное „вольное" (Кубова) или съ едва зарождающими попытками переходной между ними ступени (Гусиный Бродъ, Кривощекова, Ересна).

[1]) Въ д. Чертенковой (Кайлинской волости) 70 лѣтъ назадъ перешли отъ вольнаго пользованія къ заказу, лѣтъ 35 къ раздѣлу на души. Здѣсь самая мысль сперва о сохраненіи

условія, повидимому вполнѣ благопріятствуютъ, еще не перешли къ ней просто въ силу изстари сложившихся порядковъ. («У нашихъ отцовъ заведенъ былъ обрядъ вольнаго пользованія, такъ и держимся»). Но въ недалекомъ будущемъ предполагаютъ, однако, порядки эти нарушить и перейти къ передѣлу (д. Изылы Кайлинской волости).[1]) Это постепенное распространеніе ея въ самыхъ различныхъ районахъ, служитъ лучшимъ указаніемъ тому, что это новая нарождающаяся форма, которая въ настоящій же моментъ, при наличности всѣхъ данныхъ обстоятельствъ является единственно возможною, такъ что гдѣ условія мѣстности, рынка, населенности, путей сообщенія, благопріятствуютъ ея появленію, она неминуемо появляется. Опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ ближайшую причину этого появленія, конечно, нѣтъ возможности безъ спеціально произведенныхъ въ этомъ отношеніи изслѣдованій. Остаются, слѣдовательно только общія причины, совокупно дѣйствующія, общее вліяніе которыхъ мы и будемъ принимать во всѣхъ случаяхъ.

Форма душеваго пользованія лѣсомъ проводится населеніемъ въ жизнь чрезвычайно просто. Представляя явленіе вполнѣ самостоятельнымъ среди всѣхъ другихъ формъ пользованія, она обыкновенно смѣняетъ собою безпорядочную «вольную» рубку, но ей всегда предшествуетъ какое нибудь ограниченіе, предварительно налагаемое на лѣсъ, чаще всего «заказъ» лѣса на тотъ или иной срокъ. Вообще, предположенный къ раз-

---

лѣса, которомъ о лучшемъ пользованіи имъ явилась вообще раньше другихъ многихъ. Впрочемъ, это явленіе не представляется особенно исключительнымъ въ виду уже отмѣченныхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ: крестьяне давно принялись за сохраненіе своего лѣса и давно вырабатывали формы лучшаго пользованія имъ. Въ Сосновомъ Острогѣ (Тутальской вол.) раздѣлили лѣтъ 20 назадъ. Въ Усть-Каменкѣ (Тутальской вол.) -лѣтъ 25. Въ Пайвинской (Кривощековской вол.) -лѣтъ 18. Въ Саламатовой (Тутальской вол.) и Алексѣевской (Кривощековской вол.)—лѣтъ 15. Въ Килиной (Тутальской вол.)—лѣтъ 12. Въ Мѣлковой (Тутальской вол.)—лѣтъ 10. Въ Шиловой (Кривощековской вол.)—лѣтъ 8. Въ Сенчкиной (Кривощековской вол.) 4 года. Въ Толмачевой (Кривощековской вол.) 3 года и т. п.

[1]) Въ д. Русаковой (Кайлинской вол.) опаливаютъ лѣтъ 40 березникъ, лежащій за Ией. Пользованіе вольное, чѣмъ объясняютъ жалкое состояніе лѣска. По требованію бѣднѣйшей части общества, запрещено рубить лѣсъ на продажу и предложено вообще стараться рубить возможно меньше. Бѣдняки настояли на этомъ изъ опасенія, что богатые вырубятъ лѣсокъ, оставивъ населеніе въ безвыходномъ положеніи: „мѣстность почти безлѣсная степная“ (Тарсминская степь). Значеніе этого примѣра первыхъ попытокъ сберечь лѣсъ и разумно пользоваться имъ, достаточно ясно. Несмѣлыя гребовчія „стараться рубить меньше“—всегда могутъ стать болѣе законными и болѣе ясно выраженными и, можетъ быть, не будетъ ошибки въ предположеніи, что они тогда примутъ уже готовую форму душеваго пользованія, нашедшую себѣ успѣхъ у сосѣдей.

дѣлу лѣсъ сперва приводится совмѣстными усиліями въ болѣе удовлетворительное состояніе, и уже тогда поступаетъ въ пользованіе общины, которая дѣлитъ его на опредѣленныя величины—паи и передаетъ эти паи въ пользованіе отдѣльныхъ членовъ.

При первомъ раздѣлѣ сбереженнаго лѣса, какъ и при послѣдующихъ частныхъ отрѣзкахъ или передѣлахъ полнымъ паемъ пользуются только такъ называемыя «годныя души» или «бойцы», т. е. души мужескаго пола, платящія подать. Не полный надѣлъ получаютъ не состоящіе въ окладѣ старики: имъ дается или меньшій по величинѣ пай, или участокъ худшаго качества. Крестьяне объясняютъ это такъ, что «лишь бы хватило на прокормленіе».[1]) Въ такія же условія неполнаго пользованія поставлены вдовы,[2]) если онѣ имѣютъ дѣтей, вдовы бездѣтныя пайка совсѣмъ не получаютъ, и имъ предоставляется пользоваться только запоскотинымъ лѣсомъ (въ колкахъ). Бойцы, получающіе паекъ, сохраняютъ право пользоваться имъ до самой смерти, если, конечно, за этотъ періодъ времени не произойдетъ никакихъ коренныхъ измѣненій въ родѣ передѣла. Паекъ даже переходитъ къ вдовѣ покойнаго, если у нея есть сыновья.[3])

Пайки, оставшіеся отъ бездѣтныхъ; отъ стариковъ, выбывшихъ изъ оклада, отъ солдатъ, ушедшихъ на службу, передаются ими въ пользованіе вновь подростающимъ членамъ общины, входящимъ въ подать, или за неимѣніемъ таковыхъ, поступаютъ во временное общественное завѣдываніе. Изъ этихъ паевъ и составляется тотъ постоянный резервъ готоваго лѣса или, по крайней мѣрѣ, годной къ зарощенію лѣсной площади, изъ котораго могутъ получать свою долю всѣ новые члены общины, т. е. входящіе въ окладъ «годныя души», бойцы.

Въ этихъ немногихъ установленіяхъ, однако, вполнѣ опредѣленно выражаются отношенія общины къ нѣкоторымъ ея элементамъ. Именно, если форма періодическихъ вырубокъ на-

---

[1]) Въ д. Сосновый Острогъ (Тутальской вол.) такой же полный пай получаютъ малолѣтніе, введенные въ подать.

[2]) Въ Мѣлковой старикамъ и вдовамъ давали лѣсъ по полной части.

[3]) Въ Кусковой овдовѣвшія послѣ разбивки пользуются дѣлянками своихъ мужей.

ходить возможнымъ пожизненно обезпечить каждаго члена общины лѣсомъ, не исключая и стариковъ, которые «лѣсъ вырастили», и вдовъ, которыхъ нужно было оградить отъ хозяйственнаго разоренія, то здѣсь эти заботы не нашли себѣ мѣста. Здѣсь прежде всего была принята во вниманіе только платежная способность человѣка, и только по соображеніи съ нею создавались всѣ дальнѣйшія условія пользованія общественными угодьями. Старики получали худшіе или меньшіе участки. Вдовы совсѣмъ ничего не получали.

Несомнѣнно больше заботы въ этомъ отношеніи проявила община къ «малолѣтамъ».[1]) Послѣднихъ при вступленіи ихъ въ окладъ она, въ большинствѣ случаевъ, надѣляла полнымъ лѣснымъ паемъ, или изъ участковъ убылыхъ душъ, или за недостаткомъ такихъ участковъ изъ оставленнаго при первомъ раздѣлѣ запаса; или изъ отрѣзокъ отъ душевыхъ участковъ старыхъ душъ.

Въ д. Мѣлковой, напр., въ поскотинѣ оставлено мѣсто мелкаго лѣса, предназначеннаго для «малолѣтовъ» —«въ поляхъ попадетъ, ему подай, а мы гдѣ возьмемъ? вотъ и ростимъ»— говорятъ крестьяне. Впрочемъ, относительно полнаго лѣснаго пая здѣсь еще слѣдуетъ оговориться. «Малолѣты», въ большинствѣ случаевъ, получаютъ не лѣсной пай, а участокъ земли, годный подъ лѣсъ или бывшій уже подъ лѣсомъ.

Лѣсной участокъ могутъ получать только самые первые «малолѣты», вошедшіе въ окладъ вскорѣ послѣ перваго раздѣла, если, конечно, для нихъ община приготовила пай хотя бы мелкаго лѣса. Для послѣдующихъ «малолѣтовъ» этой возможности уже не представляется, т. к. они получаютъ, главнымъ образомъ, пай изъ участковъ убылыхъ душъ, наслѣдники которыхъ имѣютъ право растущій на этихъ участкахъ лѣсъ вырубить; или изъ участковъ старыхъ душъ, которымъ также предоставляется обрубить лѣсъ на извѣстной части своего пая, подлежащей отрѣзкѣ.

Слѣдовательно, въ дѣйствительности «малолѣты» получа-

---

[1]) Боецъ, родившійся послѣ послѣдней ревизіи 1858 года.

ютъ хотя и полный по пространству пай, но пай только лѣсной площади или съ мелкимъ лѣсомъ, который община для нихъ едва поростила, или съ обрубленнымъ лѣсомъ при разверсткѣ, или съ одними пеньками при надѣленіи.[1])

Надѣленіе «малолѣтовъ» лѣсными паями производится, конечно, по мѣрѣ того, какъ они вступаютъ въ окладъ, а такъ какъ это совершается постоянно годъ за годомъ, а съ другой стороны также постоянно освобождаются паи душъ убылыхъ, то надѣленіе новыхъ платежныхъ членовъ общины изъ этихъ паевъ происходитъ ежегодно. Надѣленіе ихъ изъ отрѣзковъ отъ паевъ старыхъ душъ совершается рѣже.

Въ Константиновскихъ юртахъ, напр., съ самаго раздѣла, происшедшаго 25 лѣтъ назадъ, отрѣзокъ не производили, такъ что въ настоящее время «безъ паевъ» сидятъ цѣлыя семьи. Все это, впрочемъ, понятно: отрѣзки во всякомъ случаѣ сопрягаются и съ извѣстной тратой времени по отводу и измѣренію новыхъ паевъ, и съ извѣстными, можетъ быть, очень значительными затрудненіями, которыя всегда могутъ встрѣтиться при уравниваніи старыхъ и новыхъ хозяевъ. И, вотъ, если община уже не имѣетъ больше свободнаго поскотиннаго лѣса, убылыхъ паевъ освобождается меньше, чѣмъ существуетъ спросъ на нихъ, то малолѣты остаются дѣйствительно въ положеніи отдѣльныхъ душъ.[2])

Въ этомъ случаѣ общинѣ предстоитъ, слѣдовательно, или признать всю несправедливость поддерживаемаго ею порядка, или перейти къ передѣлу.

Коренной передѣлъ былъ произведенъ въ д. Чертенковой Кайлинской волости.

---

[1]) Участками убылыхъ душъ, слѣдовательно, здѣсь попутно создается и извѣстное обезпеченіе для тѣхъ бездѣтныхъ вдовъ и стариковъ, у которыхъ паи подлежатъ отобранію. Оказывается, община предоставляетъ имъ неограниченное право воспользоваться всѣмъ лѣсомъ бывшимъ на ихъ паѣ, обрубить его до чиста, т. е. предоставляетъ возможность обезпечить себя дровами на все время, какое необходимо для того, чтобы идущее хозяйство не разорилось и могло подыскать способъ дальнѣйшаго обезпеченія себя лѣсомъ.

[2]) Здѣсь нужно отмѣтить только то, что не всегда положеніе малолѣтовъ оказывается такимъ плохимъ. Какъ ни истощенъ лѣсъ, лежащій за поскотиной, какъ ни мало его, все-таки малолѣты пользуются имъ, удовлетворяя свою нужду въ дровяномъ матеріалѣ. Наконецъ, пользуются и изъ наличнаго отпуска въ борахъ. Припомнимъ и то, что значеніе всѣхъ этихъ дѣленныхъ рощъ и лѣсовъ здѣсь все-таки относительное, а не абсолютное. Въ д. Кускоиой Кайлинской волости, напр., у нѣкоторыхъ бойцевъ дѣлянокъ нѣтъ, не хватило на ихъ долю. Однако, изъ за этого столкновеній не выходитъ, т. к. за поскотиной есть лѣсъ, и дѣлянкой не особенно дорожатъ.

Какъ при частныхъ отрѣзкахъ для надѣленія прибылыхъ душъ, такъ и здѣсь этотъ передѣлъ носилъ обычный характеръ—характеръ самой обычной уравнительной переверстки. Онъ произошелъ черезъ 15 лѣтъ послѣ перваго раздѣла,—срокъ на столько небольшой, что молодое поколѣніе не должно было еще испытать особенной нужды въ лѣсѣ. По словамъ крестьянъ, они произвели «перемѣрку» всѣхъ пайковъ, при чемъ измѣреніе производили при помощи 30 саженной веревки.[1]) Пайки послѣ этой «перемѣрки» уравнивались по наличнымъ платежнымъ душамъ и представляли собою приблизительно одинаковыя площади лѣса, безъ всякаго отношенія къ большей или меньшей изрѣженности его.

Прежніе хозяева пайковъ оставались на своихъ мѣстахъ, а надѣленіе новыхъ душъ совершалось исключительно изъ частныхъ отрѣзковъ, произведенныхъ въ каждомъ паѣ прежнихъ хозяевъ, изъ такъ называемыхъ «передвижекъ».

«Лучшія рощенныя части оставались въ ихъ пользованіи, и только сравнительно вырубленныя плохія мѣста отрѣзывались и отводились въ пользованіе малолѣтамъ».[2])

Передѣлъ; слѣдовательно, совершился такъ, что всякій продолжалъ пользоваться лѣсомъ, какой онъ для себя выростилъ.

Слѣдовательно, кто до передѣла берегъ свой лѣсъ, не рубилъ его, тотъ остается съ хорошимъ лѣсомъ и послѣ передѣла»;[3]) кто, напротивъ, вырубилъ свой лѣсъ, тотъ послѣ передѣла остается съ одними пеньками»;[4]) что касается малолѣтовъ, то община отвела имъ, какъ и при первомъ раздѣлѣ, участки сравнительно вырубленные или молодаго мелкаго лѣса, хотя въ количественномъ отношеніи и равные со всѣми другими участками.

«Въ этомъ случаѣ община хотѣла, съ одной стороны, снабдить малолѣтовъ топливомъ на ближайшее время, съ другой,

---

[1]) Каждый душевой пай имѣлъ 30 саж. въ ширину, 60-70 саж., смотря по ширинѣ лѣса, въ длину.

[2]) [3]) [4]) Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Вып. XVIII. Восточная часть Томскаго округа. Изслѣдованія А. А. Кауфмана. Томъ II. Стр. 259.

—дать имъ возможность заняться ращеніемъ лѣса».[1]) «Хочешь, чтобы у тебя лѣсъ былъ—отрости его, говорятъ крестьяне,—мы сами ростили». Вотъ именно этотъ мотивъ, что «мы сами ростили», и заставляетъ общину выдѣлять изъ общей доли лѣса малолѣтамъ худшія части. Правда, съ другой стороны, для послѣднихъ община создастъ этимъ путемъ возможность заняться ращеніемъ лѣса и создать для своего обезпеченія лѣсъ и крупный, и хорошій.

Въ заключеніе ко всему этому нужно добавить, что произошедшій въ Чертепковской общинѣ передѣлъ оставилъ въ силѣ всѣ бывшія до него установленія, регулирующія пользованіе лѣсомъ, всѣ вытекающія изъ нихъ права и ограниченія, такъ что самый порядокъ, какой существовалъ здѣсь до передѣла, сохранился неприкосновенно и по настоящее время.

Сохранилось тоже неограниченное право распоряженія находящимися въ пользованіи пайками включительно до права купли-продажи,[2]) тотъ же переходъ участковъ убылыхъ душъ къ прибылымъ, тѣже худшіе и меньшіе паи для неплатящихъ стариковъ и вдовъ, раздѣлъ паевъ въ случаѣ раздѣла братьевъ и тоже прочное сидѣніе старыхъ хозяевъ на своихъ участкахъ, полная защита со стороны общины правъ отдѣльныхъ хозяевъ, и т. д. Намъ осталось сказать еще о пространствѣ, занимаемомъ этими дѣленными на паи лѣсами или о величинѣ этихъ отдѣльныхъ ихъ частей—паевъ. Вездѣ величина одного пая колеблется въ сравнительно широкихъ предѣлахъ, какъ по отдѣльнымъ районамъ, такъ и внутри тѣхъ районовъ, гдѣ паи нарѣзаются по соображенію съ состояніемъ лѣса.

Въ общинѣ Сосновый Острогъ,[3]) напр., 45 пайковъ березоваго и осинового лѣса имѣютъ площадь въ 4 и $4^1/_2$ десятины (березняки 4; осинники $4^1/_2$ и 5 десятинъ).

Въ общинѣ Усть-Сосновкѣ,[4]) гдѣ лѣсъ дѣлили «по качеству» и гдѣ изъ общей площади были выдѣлены черемошники

[1]) Матеріалы. Вып. XVIII. А. А. Кауфмана.

[2]) Въ д. Сосновый Острогъ въ 1893 году одинъ крестьянинъ продалъ за 7 руб. свой пай, рощеный нѣсколько лѣтъ, одному обществеиику, который поставилъ 85 погонныхъ саженъ, сведя пай начисто.

[3]) [4]) Тутальской волости.

и недровяной лѣсъ, величина паевъ колеблется отъ $^1/_2$ до 8 десятинъ.

Въ Килиной[1]) на лучшій пай пошло десятины 2, на худшій «немного больше».

Въ Саламатовой[2]) въ среднемъ на дворъ пришлось около $1^1/_2$ десятинъ.

Въ Чертенковой[3]) отъ $^3/_4$ до 1 десятины.

Въ Кусковой[4]) до $1^1/_4$ десятины.

Въ Тырышкиной[5]) на душу сколько наберется, до $^3/_4$ десятины и т. д.

При подобномъ разнообразіи цифръ невозможно и пытаться дѣлать какіе либо точные выводы; для этого колебанія отъ $^1/_2$ десятины до 8 слишкомъ значительны. Опредѣлить при помощи ихъ, напр., ту площадь лѣса, съ которой населеніе можетъ вполнѣ удовлетворить свои потребности въ лѣсѣ, не представляется возможнымъ.

Среди лѣсовъ, на которые крестьянское населеніе Томскаго округа распространяетъ свои права и которыми безконтрольно пользуется, существуетъ цѣлая категорія небольшихъ площадей лѣса, такъ называемыхъ «садковъ» и «защитныхъ» рощъ, представляющихъ по условіямъ пользованія ими совершенно особенное явленіе. Эти небольшія, обособленныя площади встрѣчаются на всей территоріи Томскаго округа, повидимому, безразлично въ самыхъ разнообразныхъ по естественнымъ условіямъ мѣстностяхъ; встрѣчаются въ районахъ малолѣсистыхъ почти степныхъ[6]) и въ мѣстахъ безусловно богатыхъ лѣсомъ; въ мѣстностяхъ очень глухихъ, «таежныхъ», и въ центральныхъ пунктахъ, гдѣ населеніе скучено, проходятъ трактовыя дороги, сплавныя рѣки. Въ большинствѣ случаевъ это березовые лѣса, рѣже осинники и еще рѣже сосновые лѣса. Послѣдніе въ чистомъ видѣ встрѣчаются, повидимому, рѣдко: въ дачахъ Чемской, Кубовой (Кривощековской волости);

---

[1]) [2]) Тутальской волости.

[3]) [4]) Кайлинской волости.

[5]) Кривощековской волости.

[6]) Въ мѣстахъ характерно-степныхъ такихъ рощъ не встрѣчено.

въ Каштаковскихъ юртахъ пасѣки «въ отборкахъ»; въ Бѣлоярской (Чаусской вол.) «одна роща съ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ», и въ Анисимовой (Ояшинской вол.) «на пасѣкѣ пошла мелкая сосна».

По цѣлямъ и значенію, въ хозяйственной жизни населенія, эти небольшія рощи представляютъ нѣсколько самостоятельныхъ видовъ. Здѣсь, во первыхъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе изслѣдователя такъ называемыя пасѣчныя или «защитныя» рощи, создающіяся для цѣлей пасѣчнаго хозяйства. Послѣднее, конечно, тѣсно связано какъ съ лѣсистостью каждаго даннаго мѣста, такъ и съ условіями образованія новыхъ лѣсныхъ пространствъ, необходимыхъ для этого хозяйства. Защитныя пасѣчныя рощи, обыкновенно расположенныя вдали отъ жилыхъ мѣстъ, образуются или изъ готоваго естественнаго насажденія путемъ захвата, или отращиваются вновь; въ томъ и другомъ случаѣ огораживаются, опаливаются[1]) и поступаютъ въ полное, ничѣмъ не ограниченное пользованіе того лица, которое произвело захватъ и вложило трудъ на возрощеніе и охрану. Обыкновенно окружая пасѣку, эти рощи охраняютъ ее отъ холодныхъ вѣтровъ, сильныхъ заносовъ, вообще «отъ непогоды», представляя въ этомъ отношеніи единственно надежную и постоянную защиту. Въ этомъ смыслѣ онѣ и называются «защитными». Значеніе пасѣчныхъ рощъ не всегда ограничивается цѣлями одной защиты. Не рѣдко пасѣчныя рощи служатъ источникомъ «нужнаго лѣса» (д.д. Мѣлкова, Воронова, Тутальской вол.), и владѣльцы ихъ иногда рубятъ тамъ мелкій сортиментъ: колья, жерди и дрова. Впрочемъ, это встрѣчается весьма рѣдко и, можетъ быть, только въ исключительно бѣдныхъ лѣсами мѣстностяхъ, такъ что извѣстное богатство лѣсной растительности, напримѣръ, обиліе дубрав, березовыхъ колковъ дастъ возможность даже избѣгать устройство отдѣльныхъ пасѣчныхъ рощъ. Крестьяне д.д. Моховой и Кулаковой (Тутальской волости) указываютъ, что «со времени прекращенія выжиганія луговъ и пашенъ такія рощи потеряли значеніе, такъ какъ въ лѣсъ выросъ хорошій

[1]) Иногда опахиваются.

дровяной лѣсъ и потому въ отращиваніи и охраненіи колковъ уже нѣтъ надобности». Въ д. Танарѣ (Ояшинск. вол.) пасѣчныхъ рощъ нѣтъ: «пасѣки въ сплошномъ лѣсу». Въ д. Коневой (Ояшинск. вол.) «пасѣки въ логахъ». Въ д. Балтѣ (Ояшинск. вол.) «пасѣки въ лѣсу, рощъ мало». Въ д.д. Аллаевой, Варюхиной (Ояшин. вол.), по даннымъ съемки 1894 года, нѣсколько пасѣкъ находятся въ сплошномъ лѣсу, занимая собственно самыя незначительныя площади: 0,66 десятины, 0,41 десят., 0,17 десят. Въ д. Чилиной (Уртам. вол.) о пасѣчныхъ рощахъ говорятъ: «не для чего заводить: лѣсное мѣсто», и т. д.

Значеніе другой категоріи частныхъ лѣсовъ, именно рощъ, образуемыхъ на пашняхъ при пашенныхъ избушкахъ, въ гуменникахъ и просто на степныхъ мѣстахъ, такъ называемыхъ «садковъ», не представляетъ большихъ разнообразій. Обыкновенно эти «мелкія рощицы»—«садки»—создаются или въ цѣляхъ такихъ же защитныхъ, какъ и разсмотрѣнныя рощи пасѣчныя. (Сохраненіе влаги, сохраненіе водопоевъ; естественная защита пашни отъ выдуванія; устройство затѣненнаго мѣста для выпаса рабочаго и мелкаго скота), или въ цѣляхъ пользованія ими, какъ лѣсными угодьями, обезпечивающими хозяйственную нужду въ лѣсѣ (даютъ матеріалъ дровяной, жердевой и коловой).[1]) Въ гуменникахъ и вообще при усадьбахъ они создаются, повидимому, безъ всякихъ практическихъ цѣлей, не имѣя въ ближайшей хозяйственной жизни ихъ владѣльца никакого значенія. И въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ «садки» создаются иногда въ цѣляхъ добычи нужнаго лѣса. Тамъ они служатъ, впрочемъ, исключительно для удобства ихъ хозяевъ получать лѣсъ близко лежащій. Не рѣдко хозяинъ долго оберегаетъ и холитъ маленькую рощу гдѣ нибудь у себя на гумнѣ, даже въ огородѣ, не подалеку отъ жилого мѣста.[2]) Что его заставляетъ? Можетъ быть, невольное опасеніе за бу-

[1]) „Крестьяне загораживаютъ опредѣленное пространство земли съ лѣсомъ, охраняютъ его, выращиваютъ съ цѣлью пользованія имъ". (Вьюна Чаусской волости).

Крестьяне не однажды указываютъ, что къ образованію садковъ ихъ заставляетъ прибѣгать малолѣсистость дачъ. (Въ мѣстностяхъ, дѣйствительно безлѣсныхъ: Вахрушева, Тырышкина, Б. Ояшъ (Чаус. вол.), д. Воронова (Тутальской вол.) и т. д.).

[2]) „У нѣкоторыхъ крестьянъ с. Горевскаго (Кайл. вол.) есть небольшія рощицы на гумнахъ. У крестьянина Тараданова уже прямо въ огородѣ, „за амбаромъ".

ценность общественныхъ дубравъ и простой разсчетъ гарантировать себя въ будущемъ отъ безлѣсья? А, можетъ быть, и чисто эстетическія желанія, въ существованіи которыхъ вообще мы, конечно, не имѣемъ права сомнѣваться?

Весьма часто всѣ эти «садки», «защитныя» и насѣчныя рощи называются «заказными»; и въ извѣстномъ смыслѣ онѣ дѣйствительно являются таковыми: именно по отношенію ко всей общинѣ. Да, для всего селенія рубка въ нихъ уже невозможна, но права ихъ настоящихъ хозяевъ никакимъ заказомъ не ограничены. Правда, въ большинствѣ случаевъ такому хозяину приходится налагать заказъ[1]) и для себя, если роща мелка, притожна и требуетъ извѣстнаго времени для того, чтобы стать годной для какой нибудь цѣли. Но этотъ «заказъ», конечно, ни мало не относится къ обязательнымъ условіямъ пользованія рощами и только характеризуетъ извѣстное отношеніе къ нимъ ихъ временнаго владѣльца.

Садки, защитныя и насѣчныя рощи не представляютъ площадей лѣса сколько нибудь значительныхъ; хотя, вообще, величина ихъ и колеблется въ самыхъ крайнихъ предѣлахъ;[2]) чаще же встрѣчаются цифры 1-1$^1/_2$-2 десятины, рѣдко больше и меньше.[3]) Такая незначительность занимаемаго простран-

---

[1]) 10 лѣтній, рѣдко 15-20 лѣтній срокъ.

[2]) Есть рощи въ 100 кв. саж., есть въ 400 дес. (д. Кудрина крестьянина Ст. Кинева; д. Ача крестьянина Ив. Е. Соболева. У крестьянина Болотова д. инор. Тугуч. нѣ между р.р. Кудельной и Звѣробойкой).

[3]) Д. *Нагрушева* (Чаус. в.)—насѣчн. рощи у 2-хъ крестьянъ, садки тоже у 2-хъ. Д. *Тырнавина* (Ч. в.) -садокъ въ гуменникѣ 30×50 кв. саж.; 2 садка при избушкѣ на пашнѣ по 1 десятинѣ; 3 садка при избушкѣ по $^1/_2$ д. Д. *Грязнуха* (Ч. в.) -„садки человѣкъ у 6 около пашенныхъ избушекъ по $^1/_{10}$-$^1/_2$ десят. У одного крестьянина садокъ въ общественной поскотинѣ. Д. *Вьюна* (Ч. в.)—насѣчныя рощи у 5 человѣкъ. При гумнахъ огорожены рощи тоже человѣкъ у 5. Д. *Кандыкова* (Ч. в.)—2 рощи при насѣкахъ. Д. *М. Чермошанка* (Ч. в.)—2 рощи при насѣкахъ. Д. *Вьюжская* (Ч. в.)—одна роща „садокъ“ съ березовымъ и осиновымъ лѣсомъ. Д. *Анба* (Ч. в.)--2 садка. Д. *Скала* (Ч. в.) -1 садокъ. *Тропина заимка* (Ч. в.)--2 рощи при насѣкахъ. Д. *Калтай* (Ояш. вол.)--3 насѣч. рощи. Д. *Кабтанчикова* (Ояш. в.)--1 насѣян. роща. Д. *Кандина* (О. в.)--3 насѣчныя рощи. Д. *Спокойнина* (О. в.) -5 насѣчн. рощъ. С. *Болотное* (О. в.)--6 садковъ и нѣсколько защитныхъ рощъ Д. *Чебула* (О. в.) -есть садки и защитныя рощи. Д. *Бозой* (О. в.) -1 насѣчная роща. С. *Проскоково* (О. в.)- 1 нас. роща. Д. *Балта* (О. в.)--при 10 насѣкахъ рощи 1-2 десят. Д. *Черная* (О. в.)--5 защитныхъ рощъ (по 3 десят.) для насѣкъ. Д. *Елбакъ* (О. в.)--тоже. Д. *Поросъ* (О. в.)--1 защитная роща. Д. *Мошкина* (О. в.)--20 защитныхъ рощъ въ 1-2 десят. Д. *П. Поросъ* (О. в.)-насѣчныхъ рощъ много. Д. *Анненкина* (О. в.) нѣсколько рощъ (при насѣкахъ). Д. *Варюхина* (О. в.)-тоже. Д. *Алаева* (О. в.) нѣсколько рощъ (при насѣкахъ). Д. *Земскова* (О. в.)-10 защитныхъ рощъ въ 1 десятину. Д. *Воронова* (О. в.)-3 защитныхъ рощи. С. *Ояш* (О. в.)-у одного крестьянина садокъ, у 20 человѣкъ есть собственныя рощи при насѣкахъ. Д. *Еловка* (Иртам. вол.)-„при насѣкахъ“. С. *Гутово* (Кайлин. вол.)-1 садокъ. С с. *Кайлинка*, *Елтышева*, *Прба*, *Кривошиъ*, *Савино-*

ства, конечно, вполнѣ объясняется, во первыхъ, принадлежностью этихъ «мелкихъ» рощъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, во вторыхъ, цѣлями, съ которыми онѣ создаются. Съ одной стороны требованія пасѣчнаго хозяйства, съ другой — размѣры свободной пріусадебной земли, количество выпасаемаго въ засѣкахъ скота, наконецъ, требованія эстетики, это тѣ условія, которыми въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляются площади частныхъ крестьянскихъ лѣсовъ. Въ с. Горевскомъ на гумнѣ есть роща крестьянина Тараданова, дѣдъ котораго 80 лѣтъ назадъ началъ ее ростить и беречь; она въ буквальномъ смыслѣ «вырощенная». Въ Канарбугѣ крестьянинъ Ковалевъ опаливаетъ рощу болѣе 50 лѣтъ. Въ Вассиной есть «садки», рощенные отцами теперешнихъ домохозяевъ: Мельниковымъ и Тепловымъ. При пасѣкѣ крестьянина Купорцева (тоже д. Вассиной) имѣется роща, которую ростилъ лѣтъ 80-100 назадъ его дѣдъ. Въ д. Вахрушевой (Чаус. вол.) у двухъ домохозяевъ есть два садка, оставшіеся отъ стараго передѣла общественнаго лѣса. Въ д. Тырышкиной (Чаусской вол.) садки «давно сохраняются». Въ д. Вороновой (Ояшинской вол.) двѣ защитныя рощи при пасѣкахъ существуютъ болѣе 70 лѣтъ. Въ Балтѣ (Ояшинск. вол.) при 10 «старыхъ» пасѣкахъ «вырощены прекрасныя рощи». Въ с. Болотномъ (Ояшин. вол.) есть нѣсколько защитныхъ рощъ, образованныхъ «стариками». Въ д.

ва, *Таскаева* (Кайлинск. вол.) мелкія рощи при пасѣкахъ. *Манойлова*-(Кайл. в.) 1 садокъ десятины въ 2. *Карпысакъ*, *Мошкова Буготакъ*, *Усть-Каменка*, *Ача*, *Бжицкова*, *Асанова*, *Елфимова* (Кайл. вол.) „при пасѣкахъ". *Горевское*, *Вассина*, *Шубкина* (Кайл. в.)-садки на гумнахъ въ 2-3 десятины и въ 1 десятину. *Р. Тугучинъ* (Кайл. в.)-въ 1 десят. въ 2 садка. *Кудрина* (Кайл. вол.) десят. въ 2. *Дергоусова*, *Агафониха*, *Чемская*, *Владимірская засѣка*, *Боровлянка*, *Шумилова*, *Калаганова*, *Томилова*, *Глядѣнъ* (Кайлин. вол.) „засѣки" въ $1^1/_2$ дес., рощи при пасѣкахъ въ 2-3 десят. *Русакова*, *Изылы*, *Чертенкова*, *Сухострѣльская*, *Кійская*, *Кусьменъ*, *Кускова*, *Осиновка*, *Канарбугъ* (Кайлин вол.) мелкія рощи при пасѣкахъ, д.д. *Мѣлкова* и *Воронова* (Тут. вол.) имѣютъ садки и пасѣчныя рощи, д. *Баранова* (Тут. в.)-у крестьянина Власкова была роща, нынѣ вырубленная. Д.д *Моховая*, *Кумакова* (Тут. вол.) въ подворномъ пользованіи нѣсколько пасѣчныхъ рощъ. *Морковкина* (Тут. в.) рощи и садки. Въ д. *Ачѣ* (Кайлин. вол.) у крестьянина П. Соболева роща, опаливаемая лѣтъ 25, около десятины. У крестьянина Игн. Затинщикова 3 десят.; у Ал. Затинщикова 2 д.; у П. Затинщикова 2 д.; у ясашныхъ Ив. Турашева 2 дес. С. *Найвинское* (Кривощ. вол.) единственная пасѣчная роща мѣстнаго священника. Д.д. *Шилова*, *Сеничкина*, *Чиковская*, *Бунькова*, *Плотникова*, с. *Репьево* (Кайл. вол.) садки при избушкахъ и при пасѣкахъ. Д. *Березовка*, с. *Каменское*, с. *Мочище* (Кривощ вол.) садки при избушкахъ и при пасѣкахъ. С. *Кубово* (Крив. в.) пасѣки въ бору. Д.д. *Чемская*, *Тулинская* и *Тюменина* (Кривощ. в.) пасѣки, рощи и садки при избушкахъ. Д.д. *Толмачева*. *Алексѣевская*, *Прокудкина*, *Кочнева*, *Крохалева* и *Коткова* (Крив. в.) рощи на пашнѣ. Д. *Кафтанчикова* (Чатской инор. управы) есть рощи инородца Куренкова около д. Кандинои $1^1/_2$ д. *Каштаковскія юрты* (Темер. упр.) при пасѣкахъ осиновая роща (въ отборкахъ).

Чебулѣ (Ояшин. вол.) есть садокъ Ивана Боровскаго, который образовалъ давно, «когда,—не помнитъ», и т. д. Въ д.д. Вороновой, Мѣлковой (Тут. вол.), въ д.д. Анбѣ и Тырышкиной (Чаус. вол.) рощи существуютъ всего 20-30 лѣтъ. Болѣе недавняго происхожденія встрѣчаются очень рѣдко. Въ русскомъ Тугучинѣ (Кайл. вол.) «въ послѣднее время начали опаливаться нѣсколько человѣкъ». Въ д. Скалинской (Чаусской вол.) «березнякъ загороженъ не давно, лѣсъ еще подростаетъ». Въ д. Усть-Каменкѣ (Кайлинской вол.)—10 лѣтъ; въ Анбѣ (Чаусской вол.)—5 лѣтъ; въ Бозоѣ (Ояшин. вол.)—10 лѣтъ.

Всѣ эти крестьянскіе лѣса, какъ принадлежащіе отдѣльнымъ лицамъ, состоятъ въ ихъ исключительномъ пользованіи. Артельнаго, вообще коллективнаго начала въ пользованіи ими не встрѣчается. Самая принадлежность ихъ частнымъ лицамъ основывается исключительно на правѣ захвата и вложеннаго въ ихъ охраненіе и возрощеніе труда. Чаще здѣсь, какъ мы установили, встрѣчается фактъ только охраненія, такъ какъ обыкновенно отдѣльные лица захватываютъ площадь готоваго, естественнаго насажденія, которую уже огораживаютъ или опаливаютъ и пользуются для тѣхъ или иныхъ цѣлей (пасѣки, рощи для скота, для сохраненія водопоевъ и т. п.). Что фактъ захвата и труда[1]) въ каждомъ случаѣ является мотивомъ, вполнѣ гарантирующимъ право пользованія рощею или садкомъ, на это существуетъ много цѣнныхъ указаній: во первыхъ, самое распоряженіе ими находится всецѣло въ рукахъ ихъ хозяевъ, и никогда община не вмѣшивается въ это распоряженіе. Каждый хозяинъ имѣетъ полное право отращивать захваченную имъ площадь лѣса, продавать ее (впрочемъ только однообщественнику), продавать на срубъ растущій на ней лѣсъ, вырубать этотъ лѣсъ лично для себя и для продажи. Крестьянинъ д. Тырышкиной (Чаус. вол.) имѣетъ «при усадьбѣ рощу саженей въ 30; купилъ у односельца, который ростилъ ее лѣтъ 25. Купилъ за 43 рубля». Онъ говоритъ, что «никто не имѣетъ права касаться этой рощи, она моя соб-

[1]) ...рощи стали опаливаться все рѣже и рѣже, и тѣ, которые берегли ранѣе свои рощи теперь ихъ не опаливали, и тѣмъ самымъ, не затрачивая своего труда, потеряли и право на нихъ... каждый началъ ихъ вырубать".

ственность». Въ с. Болотномъ (Ояшин. вол.) въ защитныхъ рощахъ (при пасѣкахъ) имѣютъ право рубить только хозяева «разъ чистятъ и опаливаютъ». Въ Моховой и Кулаковой «отрощенные» садки, по словамъ крестьянъ, находятся «въ подворномъ» пользованіи. Въ д. Барановой (Тут. вол.) у крестьянина Власкова была при пасѣкѣ роща, которую онъ «вырубилъ, когда уничтожилась пасѣка». Въ д. Моховой и Кулаковой (Тут. вол.) прекращено выжиганіе луговъ и пашенъ. Вмѣстѣ прекращено и образованіе новыхъ рощъ. Хозяева, у кого были рощи, теперь вырубили ихъ». Такія широкія права частныхъ лицъ на захваченные ими лѣса, не только признаются во всѣхъ случаяхъ общиной, но и находятъ себѣ въ ней полную поддержку и покровительство. Въ дѣло огражденія этихъ правъ вмѣшивается все сельское общество, въ видѣ схода защищающаго интересы частныхъ хозяевъ (наказанія за порубки въ ихъ рощахъ). Необходимо отмѣтить, что такое вмѣшательство не имѣло здѣсь до сихъ поръ мѣста. По крайней мѣрѣ крестьяне вездѣ указываютъ, что случаевъ нарушенія интересовъ частныхъ хозяевъ не наблюдалось.[1]) Какія условія въ каждомъ данномъ случаѣ вліяли на это, рѣшить трудно. Указанія самихъ крестьянъ, которые говорятъ, что «хотя рощи и не городятся, а никто въ этихъ мѣстахъ не рубитъ» (д. Ташара Ояшинской вол.), мало что разъясняютъ. Можетъ быть обиліе лѣсовъ и обиліе свободныхъ мѣстъ, а, слѣдовательно, и свобода выбора и захвата, можетъ быть уваженіе къ естественно сложившемуся обычному праву, можетъ быть невозможность самовольныхъ порубокъ при постоянномъ контролѣ каждаго владѣльца и при гарантіи общества?..

Ограждая такимъ образомъ права отдѣльныхъ лицъ на ихъ лѣса, община въ этомъ отношеніи сдѣлала разграниченіе лѣсныхъ пространствъ, захваченныхъ частными лицами по нѣкоторымъ категоріямъ ихъ. Здѣсь мы можемъ отмѣтить, напримѣръ, положенія лѣсовъ лежащихъ въ поскотинахъ. Крестьяне д. Грязнухи (Чаус. вол.) предполагаютъ наложить извѣстный денежный штрафъ на одну частную рощу, принадлежа-

[1]) Въ д. Скалѣ (Чаус. вол.) „случаевъ взыска не было“.

шую ихъ однообщественнику и находящуюся въ поскотинѣ ихъ деревни. Какъ доказательство того, что здѣсь для крестьянъ имѣетъ значеніе именно нахожденіе рощи въ поскотинѣ, изслѣдователь отмѣчаетъ, что та-же община не думаетъ, напримѣръ, распространять своихъ желаній на рощу другого своего однообщественника, который роститъ и охраняетъ ее на свободномъ мѣстѣ (въ полѣ). Подобное вмѣшательство при обычномъ свободномъ отношеніи ко всякому частному пользованію лѣсами не должно показаться нарушеніемъ общаго принципа. Поскотинныя пространства, особенно зароненныя лѣсомъ, имѣютъ помимо своего прямого значенія—выгонныхъ угодій, еще значеніе ближайшей лѣсной дачи, весьма удобной въ отношеніи близости рубки и скорости доставки. Словомъ въ томъ и другомъ значеніи занимаютъ положеніе исключительное, которое въ нашемъ случаѣ сказалось въ видѣ денежной уплаты за лишній участокъ земли при разверсткѣ податей. Такая уплата имѣетъ характеръ исключительно равномѣрнаго податного обложенія и не можетъ быть отождествена ни съ какимъ налогомъ. Частные хозяева захваченныхъ ими рощъ всегда имѣютъ право еще и на общественные лѣса подчиненные извѣстному контролю. Они, напримѣръ, наравнѣ со всѣми общинниками пользуются паями въ общественной рощѣ, участвуютъ въ передѣлкахъ лѣса и т. д. (д. Бозой Оятинской волости).

Въ извѣстномъ смыслѣ особое положеніе занимаютъ лѣса, выроненные на свободныхъ мѣстахъ (на поляхъ, въ колкахъ, при пасѣкахъ, при пашенныхъ избушкахъ). Состоя въ неограниченномъ исключительномъ пользованіи ихъ владѣльцевъ, они въ извѣстный моментъ дѣлаются достояніемъ общества. Именно, когда самъ ихъ временный хозяинъ забрасываетъ ихъ. Если онъ, напримѣръ, уничтожаетъ пасѣку и прекращаетъ опалку находившейся при ней рощи, то послѣдняя становится общественнымъ достояніемъ;[1]) если онъ переноситъ свою пашенную избушку, на оставленный лѣсъ имѣетъ право вся община, «стоитъ только разгородиться и не опаливать». Ко-

[1]) С. Чебула (Оятинской вол.), д. Анба (Чаусской вол.), с.с. Кривощековской волости.

нечно это при одномъ условіи, если прежній хозяинъ не вырубилъ своего рощеннаго или захваченнаго лѣса, на что онъ всегда имѣетъ полное право. Онъ оставляетъ послѣ себя собственно только «вольное» мѣсто, которымъ можетъ также «вольно» завладѣть всякій другой его однообщественникъ, и этого послѣдняго община также охотно беретъ подъ свою законную защиту и ограждаетъ его интересы (сельскій сходъ), какъ до него ограждали такія же интересы его предшественники. Въ правѣ отдѣльныхъ лицъ на захваченные или вырощенные ими лѣса есть еще одинъ весьма важный элементъ: это передача его по наслѣдству дѣтямъ, женѣ, родственникамъ и т. п., элементъ, который не подвергается никакимъ ограниченіямъ, также какъ куплю-продажа захваченной лѣсной площади, продажа на срубъ лѣса, дареніе его и т. п. Въ д. Вороновой (Тутальской вол.) одна роща при пасѣкѣ принадлежитъ женщинѣ, мужъ которой былъ сосланъ по приговору общества. Въ д. Мѣлковой (Тутальской вол.) «рощи при пасѣкахъ переходятъ по наслѣдству» и т. д. Не вмѣшиваясь такимъ образомъ совершенно въ самое пользованіе частными лѣсами, община вообще широко примѣняетъ принципъ этого невмѣшательства. Въ отношеніи къ пасѣчнымъ лѣсамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такое невмѣшательство становится даже мало понятнымъ, потому что оставляетъ владѣльца рощи совершенно не гарантированнымъ отъ нѣкоторыхъ несомнѣнно вредныхъ для его хозяйства случайностей. Въ д. Еловкѣ изслѣдователь отмѣчаетъ фактъ перенесенія пасѣкъ съ одного мѣста на другое, потому что «община не запрещаетъ пахать близко», почему пасѣки естественнымъ образомъ раззоряются. Тамъ же крестьяне жалуются, что «многіе деготь гонятъ близко и заставляютъ переносить пасѣку». И это факты не единичные. Конечно, къ пользованію собственно лѣсной площадью они не имѣютъ никакого отношенія, но извѣстные результаты характеризуютъ хорошо. Только по поводу ихъ намъ приходилось еще разъ оговариваться, что они подмѣчены вообще кое гдѣ. Обычно же каждая община, ограждая права временнаго владѣльца на захваченный имъ лѣсъ, до извѣстной степени ограждаетъ и права его, какъ частнаго хозяина-предпринимателя. Она, напр., беретъ подъ свою защиту

условіе устройства пасѣкъ не ближе 1-2 верстъ одна отъ другой,[1]) но лишь въ томъ случаѣ, если противъ болѣе близкаго расположенія пасѣкъ не имѣютъ ничего сами пасѣчники. Община регулируя такимъ образомъ распредѣленіе пасѣкъ и пасѣчныхъ рощъ, и дальше ограждаетъ права частныхъ лицъ какъ предпринимателей: запрещаетъ стучать около пасѣчныхъ рощъ, ходить ближе извѣстнаго числа саженъ[2]) отъ пасѣки, рубить лѣсъ ближе опредѣленнаго разстоянія.[3]) Въ этомъ отношеніи даже приходится слышать жалобы крестьянъ, напримѣръ, въ д. Вороновой (Ояшинск. вол.), гдѣ до послѣднихъ лѣтъ были въ силѣ всѣ эти ограниченія и гдѣ желѣзная дорога безусловно раззорила многія пасѣки, пройдя вблизи ихъ. Что всѣ эти ограниченія, налагаемыя общиной на право устройства пасѣкъ и взаимнаго расположенія пасѣчныхъ рощъ, относится не къ лѣсному, а собственно къ пасѣчному хозяйству, и регулируютъ отношенія исключительно хозяевъ-пасѣчниковъ, а не лѣсохозяевъ; это слишкомъ очевидно. Община, напр., положительно безразлично относится къ появленію новыхъ захватныхъ рощъ, хотя бы и вблизи пасѣчныхъ, но имѣющихъ иное назначеніе (напр., сохраненіе водопоевъ, мѣсто выпаса рабочаго скота и т. п.), и здѣсь каждый общинникъ такъ же ничѣмъ не ограниченъ, какъ не ограничено и его право пользованія захваченнымъ или выпущеннымъ лѣсомъ. Принципъ свободнаго отношенія общины къ ея лѣснымъ пространствамъ здѣсь сохраняется въ полной силѣ.

Остается, наконецъ, группа лѣсовъ, расположенныхъ въ гуменникахъ, въ огородахъ, вообще на приусадебныхъ земляхъ. По условіямъ пользованія эти лѣса занимаютъ еще болѣе исключительное положеніе, нежели лѣса пасѣчные и полевые. Право распоряженія и формы пользованія ими, какъ лѣсами произрастающими на приусадебныхъ земляхъ, всецѣло отражаютъ въ себѣ формы пользованія этими землями. Собственно лѣсныя угодія въ этомъ отношеніи не имѣютъ никакого самостоятельнаго значенія. Если они передаются по на-

[1]) Селенія Кривощековской волости; д.д. Моховая и Кулакова (Тут. в.).
[2]) 25 саж. въ Вороновой (Ояш. вол.).
[3]) 10 саж. въ д.д. Проскоковой и Чебулѣ (той же вол.).

слѣдству, то только потому, что по наслѣдству передается земля, на которой они произростаютъ; если они подвергаются разъѣздамъ, если въ нихъ производятся «урѣзки», если права ихъ владѣльцевъ представляются болѣе обезпеченными и т. д., то все это является въ силу той же непосредственной и естественной зависимости ихъ отъ занимаемыхъ ими земельныхъ угодій. Крестьянинъ д. Тырышкиной (Чаус. вол.), выростивший рощу въ гуменникѣ, говоритъ, что «никто не имѣетъ права касаться ее, моя собственность находится у меня въ гуменникѣ, усадьбой считается, это не то что въ полѣ выросъ». Слѣдовательно вопросъ о формахъ пользованія ими здѣсь уже не имѣетъ значенія, такъ какъ является уже выясненнымъ въ настоящей работѣ, въ изслѣдованіи формъ пользованія усадебными и приусадебными землями. (См. стр. 134).

Переходимъ къ дальнѣйшей задачѣ, поставленной изслѣдованію—къ пользованію лѣсами, которые находятся въ непосредственномъ завѣдываніи лѣсныхъ чиновъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа. Эти лѣса представляютъ собой болѣе или менѣе значительныя площади сосновыхъ боровъ или такъ называемой черни. Пользованіе ими сопровождается необходимой для цѣлей сохраненія лѣса регламентаціей, о которой слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Въ бѣгломъ очеркѣ настоящей работы (на 25-27 страницахъ) было выяснено значеніе этихъ лѣсовъ для крестьянскаго хозяйства и намѣченъ тотъ принципіальный взглядъ на нихъ, которымъ опредѣляются въ настоящее время всѣ юридическія отношенія населенія къ этимъ лѣсамъ. Было установлено, что законъ 8-го марта 1861 года,[1]) предоставившій въ пользованіе крестьянъ всѣ прежнія земли и угодія, сохранилъ за крестьянами и право на даровое пользованіе изъ дачъ Алтайскаго округа строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, и это пользованіе только приняло здѣсь форму «обязательнаго ежегоднаго отпуска населенію необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ». Въ какой мѣрѣ имъ дѣйствительно были обезпечены «необходимыя» потребности населенія въ лѣсѣ и были ли онѣ вообще обезпечены, вотъ вопросъ, на которомъ

[1]) Распоряженіе Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 31 августа 1867 года за № 2439.

должно остановиться вниманіе изслѣдованія. Существуетъ, конечно, и другая не менѣе важная сторона разсматриваемаго положенія—это забота населенія о возможно разумномъ и справедливомъ распредѣленіи получаемаго лѣса между отдѣльными членами своихъ хозяйственныхъ единицъ-общинъ, т. е. чисто общественные распорядки пользованія тѣмъ лѣсомъ, какой предоставленъ въ пользованіе населенію закономъ 8-го марта. Разсмотрѣніе этихъ порядковъ и составитъ первую половину послѣдующей работы. Дѣйствительное потребленіе лѣса изъ обязательнаго отпуска—вторую.

Прежде же является необходимымъ предполагать самое «положеніе» этого дѣйствующаго на Алтаѣ обязательнаго отпуска. Безплатный отпускъ лѣса крестьянамъ производится съ давнихъ поръ, можетъ правильнѣе было бы сказать, что алтайскіе крестьяне всегда имъ пользовались. Въ его послѣдней исторіи слѣдуетъ различать два періода: первый до 1883 г., второй послѣ него и до настоящихъ дней. Право на такое раздѣленіе даютъ дѣйствующія въ тотъ и другой періодъ постановленія объ отпускѣ лѣса. Относительно порядка обязательнаго отпуска лѣса въ первый періодъ, настоящему изслѣдованію удалось собрать очень ограниченный матеріалъ, притомъ отрывочный. Нѣкоторыя данныя находимъ въ одномъ архивномъ документѣ, въ которомъ читаемъ: «отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ производится на основаніи «инструкціи объ управленіи лѣсною частью въ Алтайскомъ округѣ 1880 года и по распоряженію бывшаго Горнаго Правленія». «Лѣсничіе, горныя конторы, подлѣсничіе уполномочены выдавать билетъ своею властью въ слѣдующихъ размѣрахъ: безплатно не свыше 50 штукъ бревенъ и 5 куб. саж. дровъ на каждую усадьбу и платно не свыше 200 штукъ бревенъ и 100 куб. саж. дровъ. Затѣмъ отпускъ платный и безплатный свыше означенной нормы предоставлено производить Главному Управленію и окружному лѣсничему».[1]) Болѣе подробныя указанія на организацію безплатнаго обязательнаго отпуска лѣсныхъ матеріаловъ сдѣланы г. Н. Вагановымъ въ его «Хозяйственно-

[1]) Рапортъ окружнаго лѣсничаго Главному Управленію Алтайскаго округа 18 августа 1893 года.

статистическомъ описаніи крестьянскихъ волостей Алтайскаго округа». «По заведенному горнымъ начальствомъ порядку, говоритъ г. Вагановъ, нуждающійся въ строевомъ лѣсѣ крестьянинъ обращается съ заявленіемъ къ мѣстному сельскому старостѣ; послѣдній, удостовѣрия дѣйствительную потребность и количество необходимыхъ домохозяину бревенъ, выдастъ ему въ томъ свидѣтельство, передаваемое въ волостное правленіе, которое къ началу года составляетъ по волости поименной списокъ всѣхъ лицъ, желающихъ получить строевой матеріалъ съ обозначеніемъ для каждаго изъ нихъ размѣра отпуска, и свѣдѣніе это представляетъ въ Алтайское Горное Правленіе. Это учрежденіе, разсмотрѣвъ списки, дѣлаетъ распоряженіе черезъ подлежащую Горную Контору о высылкѣ особаго лѣсорубочнаго билета на каждую деревню. Въ билетахъ прописываются имена домохозяевъ, съ указаніемъ общаго размѣра и количества подлежащаго отпуску матеріала. Билетъ предъявляется сельскимъ старостою лѣсной стражѣ, которая отводитъ деревнѣ соотвѣтствующій участокъ въ сосновомъ бору. Каждый внесенный въ списокъ, весной или поздно осенью, приступаетъ къ вырубкѣ и везетъ лѣсъ себѣ, безъ дальнѣйшаго контроля со стороны чиновъ лѣсного управленія.[1]) На сколько вся эта сложная система дѣйствовавшаго порядка отпуска была неудовлетворительна—судить легко: уже одно то, что съ каждымъ требованіемъ въ лѣсъ крестьянамъ предоставлялось право обращаться въ четыре учрежденія, ставило весь порядокъ отпуска въ рамки широкаго произвола. Горная Контора могла выдать законное разрѣшеніе на вырубку лѣса изъ завѣдываемаго ею бора и такое же разрѣшеніе и также законно могли выдать окружной и мѣстный лѣсничій и Горное Правленіе. Этимъ создавались условія, при которыхъ могли не исполняться дѣйствующія постановленія и совершенно обходиться. И, разумѣется, населеніе ихъ обходило. Этотъ есте-

[1]) Очень близкія указанія къ этимъ дали сами крестьяне. Въ ихъ передачѣ порядокъ обязательнаго отпуска представляется въ такомъ видѣ: „сельское общество на сходѣ постановляло приговоръ о количествѣ лѣсныхъ матеріаловъ, необходимыхъ каждому, имѣющему право на безплатный отпускъ. Этотъ приговоръ отправлялся черезъ волостныхъ властей въ Горную Контору, которая и высылала общій для даннаго селенія билетъ на рубку. Опираясь на этотъ билетъ, крестьяне ѣхали въ указанный Конторой боръ (обыкновенно ближайшій къ ихъ селенію) и рубили въ немъ кто гдѣ хотѣлъ.

ственный вытекающій изъ самыхъ основаній отпуска фактъ, конечно, нашелъ себѣ опредѣленную оцѣнку въ средѣ высшей лѣсной администраціи округа, которая въ 1883 году потребовала «немедленнаго прекращенія выдачи билетовъ горными конторами, Горнымъ Правленіемъ и окружными лѣсничими», имѣя въ виду именно «распространенный» фактъ выдачи безплатныхъ билетовъ на одно и то-же лицо въ двойномъ и тройномъ размѣрѣ».[1])

Другая отрицательная сторона существовавшаго порядка заключалась въ той массѣ чисто формальныхъ и ненужныхъ затрудненій, которыя всегда и непремѣнно являлись, какъ только являлась необходимость съ одной стороны получить лѣсъ, съ другой произвести выдачу его. Такъ всѣ требованія на то или иное количество лѣса должны были быть представлены въ учрежденіе[2]) до 1-го января того года, на который требованія заявлялись. Если эти требованія были предъявлены мѣстному лѣсничему, онъ обыкновенно не торопился давать имъ ходъ и отвѣчать на нихъ, такъ не торопился, что цѣлые мѣсяцы проходили и крестьяне не получали разрѣшенія. Если почему либо крестьяне запаздывали съ постановленіемъ приговора или съ его высылкой, то теряли и право на безпошлинное полученіе лѣса, и рубить безпошлинно лѣсъ могли только отдѣльныя лица, которымъ въ этомъ случаѣ предоставлялось подавать прошеніе или лѣсничему, или въ Горную Контору, или въ Правленіе и т. д. Горная Контора въ этомъ случаѣ медлила отвѣтомъ или совсѣмъ не отвѣчала за массою всякихъ дѣлъ и обязанностей, лежащихъ на ней, и считаемыхъ ею заслуживающими вниманія больнаго, чѣмъ безплатный отпускъ лѣса крестьянамъ. Разумѣется, въ этой волокитѣ и проходитъ весь процессъ безплатнаго полученія лѣса. И крестьяне обыкновенно не ждали его окончанія, т. е. законнаго разрѣшенія на рубку, и выѣзжали рубить самовольно и рубили, благо всѣ условія лѣсоохраненія Алтайскихъ лѣсовъ того времени только благопріятствовали этому.

---

[1]) Рапортъ окружнаго лѣсничаго 18. августа 1883 года.

[2]) Горная контора, Горное Правленіе, канцелярія лѣсничаго.

Съ 18 августа 1883 года, условія отпуска лѣса крестьянамъ сильно измѣнились. Впослѣдствіи они измѣнялись еще не одинъ разъ, и, напримѣръ, моментъ такого ихъ измѣненія застало настоящее мѣстное изслѣдованіе, когда съ одной стороны еще доживали свой вѣкъ старые порядки, а съ другой вводились нѣкоторые новые, получившіе окончательно установленіе въ послѣдующемъ 1895 году.

Что же касается положеній 1883 года, то 5 октября они были утверждены Начальникомъ Алтайскаго округа въ томъ видѣ, какъ ихъ высказалъ въ своемъ рапортѣ Окружной Лѣсничій г. Фроловъ. Эти положенія, значительно измѣнившія и порядокъ отпуска, и норму отпускаемаго лѣса, въ главныхъ своихъ чертахъ состояли въ слѣдующемъ. Во первыхъ съ 1 января 1884 года были введены такъ называемыя «лѣсныя смѣты». Онѣ представляли собой дѣйствительно смѣты ежегоднаго, возможнаго по состоянію дачъ, отпуска лѣса, составленныя на основаніи свѣдѣній о *дѣйствительныхъ потребностяхъ* въ лѣсѣ городовъ, селъ, деревень и заводовъ. Составлялись эти смѣты по отдѣльнымъ лѣсничествамъ участковыми лѣсничими, при помощи городскихъ управъ, заводскихъ конторъ и волостныхъ правленій, и до 1-го ноября каждаго года представлялись на разсмотрѣніе и утвержденіе Окружнаго Лѣсничаго.[1])

При новомъ порядкѣ свѣдѣній о потребностяхъ въ лѣсѣ волостныя правленія доставляли данныя только о числѣ усадьбъ въ каждомъ селеніи, съ подраздѣленіемъ ихъ на группы по сословіямъ ихъ владѣльцевъ: бывшихъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, инородцевъ, отставныхъ солдатъ, бывшихъ горнозаводскихъ людей. Потребности же каждаго селенія въ лѣсѣ были опредѣлены заранѣе и приблизительно изъ общей для всего округа цифры, принятой въ качествѣ минимальной величины необходимыхъ на каждую усадьбу лѣсныхъ матеріаловъ: бревенъ, жердей, кольевъ, дровъ.

Эта цифра для всѣхъ дачъ Алтайскаго округа опредѣли-

---

[1]) „Съ приложеніемъ плана и съ примѣрнымъ указаніемъ на планѣ лѣсосѣкъ-отводовъ, имѣющихъ въ натурѣ границы-линіи или живыя урочища".

лась такъ: на каждую усадьбу 7 бревенъ, 50 жердей, 100 кольевъ и 5 куб. саженъ дровъ.

Руководствуясь этими данными и данными числа усадьбъ, Горный Совѣтъ утверждалъ смѣты, представленные Окружному Лѣсничему участковыми лѣсничими, затѣмъ эти смѣты высылались лѣсничимъ, которые въ началѣ года выдавали волостнымъ правленіямъ лѣсорубочные билеты для передачи сельскимъ старостамъ. Такимъ образомъ, въ началѣ года лѣсорубочный билетъ былъ въ рукахъ сельскаго общества, которое уже самостоятельно распоряжалось со всѣмъ предоставленнымъ ему по билету количествомъ лѣса, распредѣляя это количество между нуждающимися домохозяевами. Билетъ получилъ названіе «валоваго».[1])

«Правила по отпуску», оставивъ за крестьянами право распредѣленія безплатно получаемаго лѣса, обязывали, однако, ихъ доставлять въ началѣ каждаго года лѣсничему или подлѣсничему копіи съ тѣхъ приговоровъ, по которымъ они такое распредѣленіе производили.[2])

Установлено это было, по словамъ тѣхъ же правилъ, для того, «чтобы лѣсъ вырубался тѣми именно крестьянами, коимъ назначило *общество*».

Такимъ образомъ, въ извѣстной части представленныхъ крестьянамъ правъ, было введено замѣтное ограниченіе. Еще болѣе замѣтнымъ оно явилось въ своей послѣдующей редак-

---

[1]) „Распредѣленіе между домохозяевами количества лѣса дозволеннаго къ вырубкѣ изъ ежегодной лѣсосѣки принадлежитъ къ обязанностямъ сельскаго схода". (Ст. 422 Уст. Лѣсн. 1876 г. и распоряженія Кабинета Е. И. ВЕЛИЧЕСТВА отъ 13 января 1865 года за № 99).

[2]) „§ 3. Общества не должны стѣсняться тѣмъ, что одному требуется лѣсу больше, чѣмъ назначено на усадьбу по билету, т. е. 7 бревенъ, 50 жердей, 100 кольевъ и 5 куб. саженъ дровъ, а другому меньше, а должны назначить по дѣйствительной нуждѣ каждаго, но не выходя изъ общаго назначеннаго въ билетѣ количества. § 5. Если лѣсныхъ матеріаловъ, назначенныхъ къ вырубкѣ по билету, въ дѣйствительности окажется недостаточно, то нуждающіеся въ немъ должны обращаться къ мѣстному лѣсничему или подлѣсничему съ представленіемъ приговоровъ, въ которыхъ должно быть точно выражено на какую именно постройку лѣсъ нуженъ, въ какомъ количествѣ и какихъ размѣровъ. Удостовѣренія неясныя и неполныя, какъ, напримѣръ, объясняющія только „нуждаются въ лѣсѣ" или „на домашнюю надобность" и безъ удостовѣренія мѣстнаго лѣсничаго или подлѣсничаго приниматься въ уваженіе не будутъ. Лѣсничіе и подлѣсничіе, убѣдившись, что разрѣшенный къ отпуску по общественному билету лѣсъ весь вырубленъ, представляютъ такіе приговора въ Главное Управленіе. Поэтому обращаться за такими разрѣшеніями прямо въ Главное Управленіе, кромѣ надобности на общественныя постройки, не слѣдуетъ". „Правила по отпуску", утвержденныя г. Фроловымъ.

ціи, по которой лѣсная администрація воспрещала всякія частныя соглашенія между отдѣльными домохозяевами, не утвержденныя постановленіями общества. Отдѣльный домохозяинъ могъ одинъ вырубить все количество лѣса, назначенное въ валовомъ билетѣ, но могъ это сдѣлать только по приговору общества. И рядомъ съ этимъ безъ общественаго приговора онъ не имѣлъ права взять изъ валоваго билета ни одного лишняго бревна сверхъ назначеннаго ему обществомъ, ни путемъ займа, ни путемъ покупки.

Мѣра была создана весьма сильная и въ извѣстномъ смыслѣ весьма полезная. При хорошемъ и толковомъ проведеніи ея въ жизнь, она могла принести свою долю пользы, гарантируя до извѣстной степени правильность распредѣленія безплатно получаемаго лѣса. Оставляя въ силѣ общее положеніе о правахъ схода, эта мѣра стремилась къ установленію самаго справедливаго порядка пользованія лѣсомъ. Опредѣленно выставляя требованіе невозможности при безплатномъ пользованіи лѣсомъ какихъ бы то ни было частныхъ соглашеній, она тѣмъ самымъ отнимала всякую возможность захвата излишняго лѣса отдѣльными домохозяевами, болѣе сильными по своей обезпеченности. Общій слабый надзоръ за рубкою лѣса, какъ по платному, такъ и безплатному отпуску вырубаемаго, а иногда и полнѣйшее отсутствіе надзора, создавали условія для подобнаго излишняго пользованія: именно извѣстнымъ количествомъ лѣса, отпускаемаго по валовымъ билетамъ, нѣкоторые домохозяева могли пользоваться въ цѣляхъ торга, или прямо направляя вырубаемый лѣсъ на рынки, или производя продажу въ своей же деревнѣ нуждающимся лицамъ, которые были не въ силахъ вывезти нужное имъ количество лѣса.

Однако въ дѣйствительности эта мѣра примѣнялась кое гдѣ и собственно къ ея примѣненію не дѣлалось никакихъ попытокъ со стороны лѣсной администраціи.[1]) Населеніе, напримѣръ, совершенно не знало[2]) о предоставленномъ ему пра-

---

[1]) Конечно въ районѣ изслѣдуемаго Томскаго округа.

[2]) Хотя „правила“ въ 1884-мъ году были отпечатаны и разосланы во всѣ сельскія общества и въ волостныя правленія. Въ 1869 году также было разослано распоряженіе Кабинета Е. И. В. отъ 13 января 1868 года.

въ распредѣлять безплатно получаемый лѣсъ и обыкновенно составляло для Лѣснаго приговоръ въ такомъ смыслѣ, что всѣ желаютъ получить одинаковое количество сортиментовъ; т. е. 7 бревенъ, 100 кольевъ, 50 жердей, 5 куб. саженъ дровъ. Въ то-же время пользуясь безконтрольностью рубили лѣсъ безъ всякаго заранѣе установленнаго порядка, и дальше мы отмѣтимъ въ этомъ отношении, напр., явленіе «займа» безплатно получаемаго лѣса, нашедшее себѣ мѣсто едвали не на всемъ обширномъ районѣ Томскаго округа.

Организація безплатнаго отпуска въ томъ видѣ, какъ мы ее выше изложили, неизмѣнно существуетъ и по настоящее время. Произошли измѣненія частнаго характера, коснувшіяся отдѣльныхъ вопросовъ: для нѣкоторыхъ дачъ была уменьшена норма отпуска и сокращены сроки заготовокъ безплатно отпускаемаго лѣса.

На 7-мъ подготовительномъ засѣданіи совѣта лѣсничихъ 30 сентября 1893 г. было произведено распредѣленіе лѣсовъ Алтайскаго округа по 3 слѣдующимъ категоріямъ.

Къ 1-й категоріи отнесены «лѣса окончательно разоренные, изъ которыхъ въ настоящее время совершенно нельзя производить отпуска, исключая единичныхъ, сухоподстойныхъ отмирающихъ деревъ».

Ко 2-й категоріи отнесены лѣса «въ которыхъ въ настоящее время производятся неполныя рубки».

Къ 3-й категоріи «всѣ остальныя, въ которыхъ спросъ не превышаетъ отпуска, возможнаго по состоянію дачи».

На 12 и 13-мъ засѣданіяхъ совѣта выработались нормы отпуска изъ лѣсовъ 3-хъ категорій.

Было постановлено изъ лѣсовъ 1-й категоріи отпуска не производить. Изъ лѣсовъ 2-й категоріи уменьшить его до 2 хлыстовъ, 15 жердей и 5 куб. саженъ дровъ изъ сухоподстоя и валежника. Изъ лѣсовъ 3-й категоріи по 5 хлыстовъ 50 жердей и 5 куб. саженъ дровъ.

На засѣданіяхъ 20 окт.-24 окт. 1893 года совѣтъ распредѣлилъ бора по установленнымъ категоріямъ: Въ Томскомъ лѣсничествѣ къ 1-й категоріи былъ отнесенъ одинъ боръ Рож-

невскій. Ко второй: Калтайскій, Обской, Орскій, Буготатскій, Усть-Каменскій, Кузнецовскій, Крохалевскій, Симанскій, Кашламскій.

17 января 1895 года категоріи боровъ съ установленными нормами были утверждены Кабинетомъ, причемъ въ § 6 изданныхъ на этотъ счетъ правилъ было пояснено, что «изъ боровъ и дачъ 1-го разряда при наличности въ нихъ мертваго лѣса крестьянскимъ селеніямъ можетъ быть производимъ безплатный и льготный отпускъ сухостоя и валежника на домашнія надобности, въ размѣрѣ не свыше нормъ для такихъ отпусковъ изъ дачъ 2-го разряда», (т. е. 2 хлыстовъ, 15 жердей, 5 куб. саж. дровъ). Нѣсколько раньше, именно въ 1889 г., Начальникомъ Алтайскаго округа было установлено при отпускѣ лѣса крестьянамъ на ежегодный ремонтъ слѣдующія цифры отпуска изъ боровъ: Кудряшевскаго, Озерскаго, Касмалинскаго и Барнаульскаго по 4 лѣсины на усадьбу длиной въ 5 саженъ, толщиной отъ 4 до 5 вершковъ, 15 жердей, 25 кольевъ, 5 куб. саж. дровъ.

Мысль объ уменьшеніи нормы обязательнаго отпуска зародилась уже давно и только постепенно осуществлялась, сперва въ частичныхъ, потомъ болѣе общихъ ограниченіяхъ. Вѣдь и послѣднее ограниченіе, введенное въ 1895 году, нельзя назвать безусловно общимъ для всѣхъ Алтайскихъ лѣсовъ. На пространствѣ округа установлено столько градацій различныхъ по своему состоянію боровъ, что, конечно, нельзя было и думать объ ограниченіи нормы до одного общаго предѣла. Несомнѣнно должно было быть установлено нѣсколько нормъ, даже для двухъ рядомъ лежащихъ боровъ, но въ различной степени истощенныхъ. Въ дѣйствительности правила 17 января 1895 года, какъ видимъ, и произвели это разграниченіе по отдѣльнымъ борамъ, установивъ здѣсь различныя нормы отпуска.

Вѣроятно, такими же соображеніями руководствовались и тѣ мѣстные лѣсничіе, которые для многихъ боровъ установили свою норму, не ожидая на то распоряженій Главнаго Управленія.

Настоящее изслѣдованіе было произведено лѣтомъ и осе-

ныо 1894 года, когда постановленія совѣта г.г. лѣсничихъ объ уменьшеніи отпуска были только предположеніями. А между тѣмъ въ это самое время населеніе уже получало изъ многихъ боровъ лѣсъ по пониженной нормѣ. Правда, эта норма не совпадала во многихъ случаяхъ съ установленной въ 1895 году (17 января), но по существу была къ ней близка. Напримѣръ, мѣстная администрація, приблизительно въ 1892-1893 годахъ, распорядилась отпускать изъ Рожневскаго бора по 1 толстомѣрному хлысту на дворъ (не тоньше 18 вершковъ). Въ 1895 г. отпускъ лѣса изъ Рожневскаго бора по распоряженію Главнаго Управленія былъ прекращенъ совсѣмъ, какъ изъ бора «окончательно раззореннаго».

На совѣтѣ лѣсничихъ въ засѣданіи 24 сентября 1893 года между прочимъ было высказано слѣдующее: «Какъ мѣру предупредительную противъ возникновенія въ лѣсу пожаровъ лѣсничими Павловскимъ и Локтевскимъ предположено пріурочить заготовку лѣса къ опредѣленному времени: допустить рубку, напр., съ 1 октября по 15 апрѣля или какъ иначе, а въ остальное время безусловно воспрещать, что уже практикуется въ казенныхъ лѣсахъ Европейской Россіи». Совѣтомъ въ засѣданіяхъ 4 и 5 октября это предположеніе было принято въ видѣ общей мѣры для нѣсколькихъ лѣсныхъ дачъ. Именно по Н. Обскому подлѣсничеству[1]) совѣтъ счелъ необходимымъ «запретить заготовку лѣсныхъ матеріаловъ съ 15 апрѣля по 15 сентября», причемъ высказалъ увѣренность, что это не будетъ для населенія обременительнымъ, такъ какъ это время совпадаетъ съ полевыми работами». Для лѣсовъ Томскаго лѣсничества счелъ возможнымъ запретить рубку и заготовку лѣсныхъ матеріаловъ съ 1 іюля по 1 октября: изъ этихъ лѣсовъ лѣсъ доставляется большей частью сплавомъ. Эти предварительныя обсужденія совѣта и его предварительныя постановленія, однако, вскорѣ же стали появляться въ видѣ отдѣльныхъ или общихъ распоряженій г.г. лѣсничихъ. По крайней мѣрѣ, всѣми приведенными нами фактами можно установить несомнѣнную связь между этими предварительными обсужде-

[1]) Томскаго лѣсничества.

ніями совѣта и появившимися тамъ и тутъ новыми правилами. Совѣтъ закончилъ свои засѣданія осенью 1893 года, а весною 1894 года по многимъ мѣстностямъ были введены сроки заготовокъ лѣса.

Лѣсомъ, получаемымъ по валовымъ билетамъ, крестьяне пользуются или лично, или по развереткѣ схода, или путемъ частнаго соглашенія—займа. Самой простѣйшей формой пользованія, конечно, является личное пользованіе всѣмъ тѣмъ количествомъ лѣсныхъ матеріаловъ, которое опредѣляется для каждой отдѣльной усадьбы.

Мы имѣли случай указать, что населеніе совершенно незнаетъ о предоставленномъ ему правѣ распредѣлять лѣсъ, получаемый безплатно; не знаетъ и того, что количество этого лѣса, опредѣленное на каждый дворъ въ 7 бревенъ, 50 жердей, 100 кольевъ и 5 куб. саж. дровъ, опредѣлено, какъ приблизительная минимальная норма потребностей средняго крестьянскаго двора, допускающая и большія цифры. Дворъ въ данномъ случаѣ былъ принятъ какъ хозяйственная болѣе или менѣе опредѣленная единица, на которую можно было безошибочно произвести разсчетъ минимума необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ. Юридическаго значенія здѣсь дворъ не имѣлъ никакого; ему какъ опредѣленной учетной единицѣ, только предоставлялось право пользоваться лѣсными матеріалами и въ томъ количествѣ, которое будетъ опредѣлено сельскимъ сходомъ по дѣйствительной надобности каждаго домохозяина. Каждый дворъ могъ получить и больше и меньше 7 бревенъ и какъ разъ 7 бревенъ и не получить ни одного бревна: устанавливать все это предоставлялось исключительно сельскому сходу, что составляетъ его законное право (ст. 422 Лѣснаго Устава). Между тѣмъ населеніе ничего этого не знало и понимало дѣло безплатнаго отпуска совершенно особенно.

Во первыхъ, его хозяйственная единица-дворъ сразу приняла въ его глазахъ значеніе юридической единицы, которая имѣетъ исключительное право на установленное для нее количество лѣсныхъ матеріаловъ, слѣдовательно, можетъ распоряжаться этимъ количествомъ по своему личному усмотрѣнію. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ началѣ и такъ еще понима-

ствъ населеніе это теперь во многихъ мѣстахъ. Для полученія валоваго билета крестьяне составляютъ самый ординарный приговоръ о томъ, что всѣ нуждаются въ одинаковомъ количествѣ лѣсныхъ матеріаловъ, т. е. въ 7 бревнахъ, 50 жердяхъ и т. д. Такъ какъ каждый домохозяинъ требуетъ сполна всю свою долю, то результатомъ является большой остатокъ лѣса невырубленнаго, или по излишеству для даннаго хозяйства, или по «недостатку свободнаго времени».[1])

Жалуются крестьяне и на то, что многимъ лѣса не хватаетъ, потому что «по жадности не уступаютъ лишняго, можетъ быть надѣясь его вырубить. Много остается въ лѣсу».[2]) Въ с. Оящѣ крестьяне говорятъ, «что каждый неохотно уступаетъ свой лѣсъ другимъ, много остается не вывезеннымъ» и т. д. Въ Кайлинской волости, только за исключеніемъ Горевской и Чертенковской общинъ (с. Горевка, д.д. Васенна, Изылы, Чертенкова, Сухострѣлова, Русакова, Шубкина), повсемѣстно встрѣчается порядокъ «личнаго пользованія». Непосредственнымъ результатомъ этого установившагося порядка является то, что крестьяне не выбираютъ всего количества лѣса предоставленнаго имъ по валовымъ билетамъ.

Между тѣмъ въ лѣсѣ, какъ въ строительномъ матеріалѣ, время отъ времени является необходимость то у одного, то у другого домохозяина. Въ этомъ случаѣ каждый изъ нихъ при помощи того же схода могъ бы безплатно получить необходимый матеріалъ сверхъ отпущеннаго по валовому билету. Но ходатайство о такомъ отпускѣ представлялось б. ч. дѣломъ на столько сложнымъ и медленнымъ, что у населенія не являлось даже охоты къ нему обращаться; и потому оно изыскивало свои способы обезпеченія себя лѣсомъ. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ домохозяинъ «копилъ» лѣсъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не употребляя ни одного бревна, пока, наконецъ, не накапливалъ на всю постройку нужнаго количества. При общемъ слабомъ надзорѣ и даже при отсутствіи надзора[3]) все

---

[1]) Д.д. Мальцева, Филатова, Асарова (Тут. вол.).

[2]) О. Дубровино (Оящин. вол.).

[3]) Положеніе лѣсной стражи въ Алтайскомъ округѣ охарактеризовано людьми, ближе всего къ ней стоящими, самими лѣсничими, которые вопросу о положеніи стражи посвя-

это совершалось очень просто, не вызывая никакихъ недоразумѣній.

Условія, слѣдовательно, вполнѣ благопріятствовали тому, чтобы возникшій порядокъ могъ держаться неопредѣленное время, пока какая нибудь случайность не нарушила этихъ мирныхъ отношеній между низшей администраціей и населеніемъ. Въ этомъ случаѣ всякій болѣе или менѣе дѣйствительный надзоръ вызывалъ, конечно, сперва явное сопротивленіе со стороны крестьянъ, считавшихъ подобный надзоръ беззаконнымъ и тяжелымъ, а впослѣдствіи болѣе и менѣе удачный обходъ этого надзора, всякія ухищренія скрыть вывезенный, но неупотребленный еще лѣсъ.

Но рано или поздно населенію все таки пришлось бросить этотъ патріархальный порядокъ и подыскать другой, болѣе подходящій къ измѣняющимся условіямъ жизни; продолжать его дальше съ годами становилось все труднѣе и труднѣе; поступили въ этомъ случаѣ такъ. Не выходя изъ убѣжденія, что отпускаемый на каждую усадьбу лѣсъ поступаетъ въ неограниченное пользованіе каждаго отдѣльнаго домохозяина, они производили заемъ этого лѣса другъ у друга по мѣрѣ надобности.

Обыкновенно приговоръ оставался все еще въ томъ же ординарномъ видѣ и, слѣдовательно, ни мало не регламентиро-

---

тили два засѣданія совѣта 1893 года (28 и 30 октября). По ихъ признаніямъ низшая лѣсная стража является во первыхъ необезпеченной въ матеріальномъ отношеніи, во вторыхъ при настоящемъ составѣ совершенно неудовлетворяющей своему назначенію: „Объѣздчики получаютъ 15 руб. въ мѣсяцъ, лѣсники 8 и 9... въ большинствѣ случаевъ въ лѣсную стражу поэтому поступаютъ только такіе люди, которые не могутъ или просто не хотятъ трудиться, представляя себѣ лѣсную службу болѣе легкимъ занятіемъ, чѣмъ какое либо другое. Отъ такихъ людей, конечно, пользы мало и ихъ приходится часто мѣнять.. Стража не удовлетворяетъ своему назначенію; въ лѣсники идетъ самый плохой народъ: недостаточное содержаніе, заработокъ лѣснаго населенія далеко выше, чѣмъ лѣсника. Если въ лѣсники идутъ мѣстные жители, то они смотрятъ на лѣсную службу, какъ на подспорье въ хозяйствѣ. Служить посторонним очень трудно. При громадныхъ районахъ поручаемыхъ наблюденію лѣсника необходимо имѣть двѣ лошади. Такъ какъ обыкновенно движенія протоколамъ недается, стража видя безнаказанность лѣсныхъ право-нарушителей перестаетъ обращать на нихъ вниманіе и бездѣйствуетъ".

Существующими правилами положеніе стражи всецѣло опредѣляется двумя параграфами. § 2. Содержаніе назначается объѣздчикамъ и лѣсникамъ отъ 96 до 240 руб. въ годъ съ обязанностью имѣть на свой счетъ двѣ верховыхъ лошади. § 6. Тамъ, гдѣ не будетъ выстроено домовъ, чины стражи обязаны имѣть свои помѣщенія. Несомнѣнно, что такія условія могутъ располагать стражу относиться къ своимъ обязанностямъ нетолько безразлично, но и безусловно отрицательно: создавать изъ своего положенія постоянную и почти необходимую статью дохода.

валъ такого «заемнаго» способа распредѣленія. Онъ представлялъ собой исключительно частный договоръ, соглашеніе отдѣльныхъ лицъ, причемъ заемщикъ считалъ себя обязаннымъ по отношенію къ заимодателю и впослѣдствіи отдавалъ ему взятую долю, когда тотъ въ ней нуждался. «Излишекъ передаютъ другъ другу заимообразно, говорятъ крестьяне. Если нужно 20-30 бревенъ и подбираемъ по душамъ, а потомъ долженъ самъ отдать. Другъ друга и выручаемъ.». «Тѣ, кому лѣсъ не нуженъ, уступаютъ свое право вырубать слѣдуемое количество... такъ и мѣняются другъ у друга».. и т. д.

На этой же почвѣ создавались всѣ сдѣлки богатыхъ «сильныхъ» крестьянъ съ деревенской бѣднотой, которая обыкновенно доставляла имъ свой лѣсъ, получая за это денежное вознагражденіе, ссуду хлѣбомъ и т. п., а иногда и совсѣмъ ничего не получая въ силу той зависимости, которая вообще держитъ въ извѣстныхъ обязательныхъ отношеніяхъ одну часть населенія общины къ другой. Но во всѣхъ случаяхъ, повторяемъ, это были совершенно частныя соглашенія отдѣльныхъ лицъ, которыхъ совершенно не касался общественный контроль. Общество здѣсь ничего не регламентировало, не утверждало, да и не считало себя въ правѣ что нибудь регламентировать и утверждать. Держалось это, конечно, при наличности того же фиктивнаго надзора и при условіи незнанія населеніемъ своихъ законныхъ правъ.

Явленіе частнаго займа получило громадное распространеніе по всему Томскому округу. Въ настоящее время, наприм., оно встрѣчено почти повсемѣстно въ волостяхъ: Ояшинской, Чаусской, Тутальской, Кривошековской, Кайлинской. Правда, въ большинствѣ случаевъ, здѣсь заемъ принялъ особую форму «регламентированнаго займа», но все-таки и въ своемъ чистомъ видѣ встрѣчается нерѣдко. Мы не задаемся цѣлями изслѣдовать отдѣльно распространеніе того и другаго, не считаемъ необходимымъ и выяснять, гдѣ именно они распространяются, отмѣтимъ только, что они представляютъ обычное явленіе, подмѣченное на обширномъ районѣ пяти волостей. Собственно, регламентированный заемъ по существу своему нисколько не отличается отъ обыкновеннаго займа; въ дѣйстви-

тельности это тотъ же самый актъ со всѣми его основными элементами: срочностью и правомъ собственности; онъ только совершается не такъ скрыто: сельскій сходъ своимъ постановленіемъ утверждаетъ его. Собственно, утверждается даже не передача лѣса однимъ домохозяиномъ другому, а окончательное распредѣленіе лѣса между отдѣльными домохозяевами, произведенное ими путемъ частнаго соглашенія.[1]) Оставаясь слѣдовательно, по существу тѣмъ же обычнымъ займомъ, этотъ регламентированный порядокъ, однако, принялъ здѣсь съ внѣшней стороны совершенно законную форму. Что побудило населеніе перейти къ нему, сказать трудно. Можетъ быть обострились отношенія съ низшей администраціей, можетъ быть самый составъ послѣдней нѣсколько улучшился. Но во всякомъ случаѣ форма «займа лѣса на сходѣ» развивается все больше и больше и захватываетъ весьма значительный районъ. Въ 1893 году въ Мальцевской общинѣ (Тутальской вол.) былъ, напр., составленъ приговоръ, по которому всѣ домохозяева получили изъ валоваго лѣса по 7 бревенъ, 50 жердей и т. д. и лишь одинъ уступилъ сосѣду свои 7 лѣсинъ. Примѣръ, характеризующій извѣстный моментъ, когда одинъ порядокъ еще не отжилъ, а другой начиналъ входить въ жизнь. Въ другихъ мѣстностяхъ онъ принялъ форму вполнѣ законченную. На сколько широко распространенными формами пользованія является личное пользованіе и заемъ; на столько же малое распространеніе имѣетъ такъ называемый «уравнительный раздѣлъ»—«уравнительная раскладка, разверстка». Это несомнѣнно, если не новая, то во всякомъ случаѣ мало развившаяся форма пользованія. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ причинъ она начинаетъ въ настоящее время появляться тамъ и тамъ, и есть вѣроятность, что въ будущемъ займетъ болѣе самостоятельное мѣсто и вытѣснитъ другія отмѣченныя нами формы. Въ этомъ отношеніи толковое разъясненіе смысла той 422-й статьи Лѣсного Устава, по которой распредѣленіе безплатно получаемаго лѣса составляетъ право схода, можетъ оказать большую услугу. Именно, подъ вліяніемъ такого яснаго и точнаго разъясне-

[1]) „Раскладываютъ сами крестьяне на сходѣ. При этомъ практикуется обычный заемъ“ (д. Шелковникова Тут. вол.).

нія, крестьяне уже дѣлаютъ попытки оставить порядокъ «займа» и перейти къ болѣе правильному и болѣе выгодному «уравнительному раздѣлу». Въ Горевской и Чертенковской общинахъ (Кайлинской вол.) такими толкователями явились Саланрскій лѣсничій и мѣстный сельскій староста. Крестьяне «оставили личное распредѣленіе и перешли къ разверсткѣ по нуждѣ каждаго. Произошло это въ настоящемъ 1894 году. Представляя въ основныхъ своихъ чертахъ именно «разверстку по нуждѣ каждаго», эта форма пользованія вездѣ осуществилась въ одномъ видѣ. Общество, получивъ билетъ на всѣ причитающееся ему количество лѣсныхъ матеріаловъ, дѣлало на сходѣ распредѣленіе этихъ матеріаловъ между своими нуждающимися домохозяевами. Это распредѣленіе утверждалось приговоромъ, по которому лѣсная администрація и имѣла возможность контролировать правильность рубки.[1]) На сколько

---

[1]) 1891 года марта 27 дня. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Томскаго округа Кайлинской волости Изылинскаго сельскаго общества разныхъ селеній домохозяева, были сего числа въ общемъ собраніи въ присутствіи нашего сельскаго старосты И. Борцова, гдѣ прочитано намъ предписаніе Кайлинскаго волостнаго правленія отъ 18 числа марта с. г. за № 935, при коемъ приложены (4) четыре лѣсорубочныхъ билета на вырубку намъ лѣсу въ семъ 1891 году безплатно, а именно на деревню Изылинскую на 65 усадьбъ, Чертенкову 32, Сухострѣлову 32 и на деревню Русакову на 50 усадьбъ, причемъ волостное правленіе обязываетъ насъ составить приговора, распредѣлить строевой лѣсъ между собою, сообразуясь съ нуждою каждаго между нами домохозяевами въ потребности онаго, согласно числу усадьбъ указаннымъ въ выданныхъ намъ билетахъ. По довольному между собою о томъ сужденію мы всѣ единогласно приговорили: строевой лѣсъ распредѣлить нуждающимся домохозяевамъ нашеге сельскаго общества и какое кому количество обществомъ удѣлено, о томъ прилагаемъ поименный списокъ съ показаніемъ противъ именъ каждаго домохозяина удѣленное ему количество строеваго лѣса, а вырубки же дровъ, жердей и кольевъ оставляемъ нераспредѣленнымъ, такъ какъ строевой лѣсъ, а долженъ всякій домохозяинъ пользоваться тѣмъ количествомъ, какое указано въ лѣсорубочномъ билетѣ. Копію же съ сего приговора, списавъ на каждое селеніе отдѣльно, т. е. по числу селеній и представить таковыя г. подлѣсничему Саланрскаго лѣсничества тоже съ приложеніемъ поименныхъ списковъ съ подробнымъ расписаніемъ каждому домохозяину дровъ, жердей и кольевъ согласно билетовъ, въ чемъ постановляемъ сей приговоръ и подписуемся.

Именной списокъ крестьянамъ домохозяенамъ Изылинскаго общества, кому сколько обществомъ опредѣлено строевого лѣсу въ семъ 1891 году.

	Имя, отчество и фамилія крестьянъ.	Колич. брев.
	д. Изылинской 65 усадьбъ.	
1	Григорій Дмитріевъ Кулаповскій	ему 20 шт.
2	Николай Прокопьевъ Кулаповскій	40
3	Варфоломей Констаптиновъ Горячевъ	50
4	Алексѣй Васильевъ Горячевъ	50
5	Яковъ Никитинъ Горячевъ	25
6	Григорій Ефимовъ Горячевъ	40
7	Степанъ Родіоновъ Горячевъ	15
8	Михаилъ Лаврентьевъ Горячевъ	50
9	Федоръ Яковлевъ Поповъ	40
10	Николай Осиповъ Двѣнаждовъ	40
11	Оспиъ Сысоловъ	20
12	Леонтій Сысоловъ	30

такая уравнительная разверстка, производимая подъ общественнымъ контролемъ, могла вліять собственно на правильность распредѣленія, мы уже имѣли случай отмѣтить. Она представляетъ одно изъ существенныхъ условій этой правильности, даетъ населенію полную возможность распредѣлять лѣсъ между дѣйствительно нуждающимися членами, и если дѣйствительность открываетъ предъ нами, вообще, иную картину въ этомъ отношеніи,[1]) то здѣсь виновата, конечно, не разверстка, а какія то другія условія, болѣе сложныя и болѣе глубокія. Къ сожалѣнію, изслѣдователю не удалось подмѣтить особенностей распредѣленія лѣса по разверсткѣ и по займу, и значитъ у насъ нѣтъ здѣсь никакихъ придержекъ для категорическаго рѣшенія вопроса.

Можно сказать лишь одно: разверстка гарантируетъ правильность распредѣленія; въ каждомъ же отдѣльномъ случаѣ дѣйствуютъ причины, которыя могутъ вліять на эту правильность въ ту или другую сторону. Распредѣленіе безплатно получаемаго лѣса касается только главнаго сортимента—бревенъ, будетъ ли то распредѣленіе произведено путемъ займа или путемъ уравнительной раскладки.

Пріобрѣтаютъ такую цѣнность бревна въ силу ихъ большаго значенія въ хозяйствѣ и въ силу недостаточности самихъ строевыхъ лѣсовъ, вообще рѣдко встрѣчающихся и немногочисленныхъ въ крестьянскихъ дачахъ.

Явленіе разверстки только однихъ бревенъ отмѣчено рѣшительно всюду, гдѣ форма уравнительнаго пользованія (займа и уравнительной разверстки) нашла себѣ мѣсто. Обще-

---

13	Дмитрій Константиновъ Поповъ	35
	Итого	455

д. Чертенковой 32 усадьбы.

1	Семенъ Леонтьевъ Чертенковъ	10
2	Алексѣй Михайловъ Чертенковъ	20
3	Ефремъ Чертенковъ	15

и т. д.

[1]) На совѣтѣ лѣсничихъ въ 1893 году былъ поднятъ вопросъ о неравномѣрномъ распредѣленіи лѣсныхъ матеріаловъ, получаемыхъ по валовымъ билетамъ, между отдѣльными домохозяевами сельскихъ общинъ, причемъ на дома богатыхъ вліятельныхъ обывателей достается по распредѣленію значительное количество лѣса, между тѣмъ бѣдняки наиболѣе въ немъ нуждающіеся иногда не получаютъ ничего и по необходимости прибѣгаютъ къ порубкамъ и т. д.

(12 и 13 подготовительное засѣданіе 7 и 8 октября).

ственные приговора, которыми утверждаются такія развертки, однако, содержать въ себѣ распредѣленіе и другихъ сортиментовъ между отдѣльными домохозяевами; но это распредѣленіе только указывается въ приговорѣ и не имѣетъ за собой никакого фактическаго значенія. Крестьяне рубятъ дровяной и мелкій лѣсъ только въ такомъ количествѣ, безъ котораго не въ состояніи просуществовать ни одно хозяйство; слѣдовательно здѣсь не можетъ даже являтся вопроса о такой значительной уступкѣ этого лѣса или разверткѣ его, какая производится въ отношеніи крупнаго сортимента. Въ приговорахъ, правда, подаются иногда несомнѣнныя указанія, что развертка мелкихъ сортиментовъ была произведена; но эти случаи рѣдки. Съ другой стороны надо принять во вниманіе и то, что эти сортименты совершенно не подлежатъ учету ни на мѣстѣ ихъ рубки, ни на мѣстѣ потребленія; не контролируется, слѣдовательно, и правильность пользованія ими, и это даетъ населенію полную возможность такъ именно и относиться къ пользованію. Въ большинствѣ случаевъ въ приговора вносится обычное для каждой усадьбы количество дровъ, жердей и кольевъ, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ потребностямъ усадьбы. Дѣлается это какъ необходимая формальность, безъ которой приговоръ будетъ не полонъ; распредѣленіе крупныхъ сортиментовъ при этомъ идетъ своимъ независимымъ порядкомъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ какимъ либо выводамъ изъ полученныхъ регистраціей 1894 года цифръ о валовомъ отпускѣ лѣса, нужно установить одно чрезвычайно важное положеніе. Подворная регистрація отмѣчала, во первыхъ, самый фактъ пользованія лѣсомъ по валовому отпуску, во вторыхъ, размѣръ этого пользованія. Никакихъ различій въ отношеніи того, откуда именно воспользовалось хозяйство лѣсомъ она устанавливать не стремилась. Между тѣмъ само населеніе во многихъ случаяхъ несомнѣнно хорошо различало мѣсто добычи лѣса. Когда домохозяину предлагался вопросъ, въ какомъ количествѣ воспользовался онъ лѣсомъ по валовому билету, для него было ясно, что вопросъ относился къ выясненію количества вывезеннаго лѣса именно изъ мѣста, назначеннаго въ валовомъ билетѣ. Въ такомъ смыслѣ онъ и давалъ отвѣтъ, не

упоминая совершенно о томъ, что еще пользовался лѣсомъ изъ поскотины, изъ свободныхъ мѣстъ, «степныхъ» лѣсовъ. Цифры дѣйствительнаго потребленія здѣсь, слѣдовательно, получились пріуменьшенныя и пріуменьшенныя настолько, насколько различныя условія заставляютъ каждое хозяйство рубить лѣсъ и не въ мѣстахъ предназначенныхъ.

Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, населеніе могло понимать вопросъ о количествѣ вывезеннаго валоваго лѣса въ болѣе широкомъ смыслѣ: сколько вывезено лѣсу всего, какъ изъ мѣстъ опредѣленныхъ заранѣе, такъ и изъ свободныхъ мѣстъ, изъ поскотинъ, «степныхъ лѣсовъ» и т. п. Это могло явиться благодаря многолѣтней привычкѣ къ такому порядку, когда билетъ бралея на одинъ лѣсъ, а рубка производилась въ другомъ, болѣе близкомъ, благодаря полной безконтрольности его.[1]) Въ такомъ случаѣ результаты изслѣдованія получились болѣе близкими къ истиннымъ потребительнымъ нормамъ. Изъ всего этого мы дѣлаемъ слѣдующіе выводы. 1) Изслѣдованіе дало цифры того количества лѣса, которое взято населеніемъ собственно по валовымъ билетамъ. 2) Изслѣдованіе въ данномъ случаѣ не стремилось установить цифры потребительной нормы, т. е. того количества, которое дѣйствительно потреблено населеніемъ въ 1893 году и 3) изслѣдованіе получало не всегда однозначущія цифры количества лѣса, выбраннаго по валовымъ билетамъ. Слѣдовательно, все значеніе полученныхъ цифръ сводится исключительно къ установленію количества лѣса, вывезеннаго по валовымъ билетамъ и ни мало не касается дѣйствительнаго потребленія лѣса, размѣры котораго во всякомъ случаѣ подлежатъ иному учету и развѣ случайно совпадаютъ съ размѣрами вывозки лѣса, полученнаго по валовому отпуску. Что же касается самихъ разницъ, которыя могли получиться при неодинаковомъ пониманіи вопроса, сколько вывезъ лѣса по валовому билету, то въ общемъ онѣ являются слишкомъ ничтожными, что-бы придать полученнымъ даннымъ характеръ несоизмѣримости. Въ этомъ

---

[1]) Безконтрольность отпуска валоваго лѣса создается естественнымъ образомъ: мѣста рубокъ опредѣляются вообще боромъ, изъ котораго назначенъ отпускъ и примѣрнымъ указаніемъ урочища, рѣчки или разстоянія отъ какого либо постояннаго пункта. Затѣмъ мѣста рубокъ назначаются совмѣстныя для многихъ селеній, даже различныхъ волостей.

случаѣ очень важнымъ доказательствомъ служитъ сводный по всему округу итогъ вывезеннаго населеніемъ валоваго лѣса въ 1893 году, именно итогъ строеваго лѣса. Онъ составилъ 42332 бревна, что по раздѣленію на 8246 усадьбъ, воспользовавшихся лѣсомъ по валовому отпуску, дало цифру 5,13 бревенъ, число очень близкое къ тому нормальному, которое опредѣлено «нормой отпуска» для всѣхъ лѣсовъ Алтайскаго округа въ 7 бревенъ и въ частности для немногихъ въ 5, 4, 2, 1. Изъ валоваго лѣса крестьянское населеніе потребляетъ больше всего дровяной сортиментъ.

Въ 1893 году по валовымъ билетамъ населенію Томскаго округа было предоставлено вырубить 79303 бревна, 396280 жердей, 1057740 кольевъ и 52470,50 куб. саж. дровъ.[1]) А въ дѣйствительности населеніе вырубило 42332 бревна, т. е. 53,37% назначеннаго числа; 185715 жердей, т. е. 46,9% 189104 кола, т. е. 17,9% и 30139,58 куб. саж. дровъ, т. е. 57,4%.

Изъ этого видно, что количество вырубаемыхъ бревенъ составляетъ сравнительно небольшой % опредѣленнаго (53,4). жерди и колья еще меньшій, дрова же заняли въ этомъ отношеніи первое мѣсто, однако не превысивъ 57,4%. Столь малый % вырубаемыхъ дровъ, жердей и кольевъ, конечно, вполнѣ объяснимъ: дровяной и мелкій матеріалъ есть чуть ни въ каждой дачѣ, иногда въ поскотинѣ, во всякомъ случаѣ подъ рукою, вблизи жилья. Ради него не приходится ѣхать въ боръ, когда есть возможность рубить изъ ближайшихъ мѣстъ, пользованіе которыми свободно. Сама лѣсная администрація разрѣшаетъ это для нѣсколькихъ мѣстностей богатыхъ березовымъ лѣсомъ, дровяной матеріалъ назначено рубить прямо изъ такъ называемыхъ «степныхъ лѣсовъ». Напримѣръ, для восьми селеній Ояшинской волости, для 5 Тутальской и для 3 Кайлинской (см. приложенное «Распредѣленіе селеній Томскаго округа по мѣсту рубки безплатно получаемаго лѣса»). Менѣе объяснимымъ является незначительный процентъ потребляема-

[1]) Регистрація 1894 года въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Томскаго округа игнорировала вопросъ о дѣйствительномъ потребленіи лѣса—вообще вопросъ лѣсопользованія. Эти селенія съ ихъ наличнымъ числомъ усадьбъ, съ количествомъ предоставленнаго имъ въ 1893 г. валоваго лѣса исключены изъ всѣхъ дальнѣйшихъ разсчетовъ.

го строевого лѣса, къ которому должно, повидимому, быть обращено все вниманіе потребителя; онъ выбирается изъ боровъ[1]) положительно въ ничтожномъ количествѣ. По даннымъ изслѣдованія оно составило въ 1893 году всего 53,4% предоставленнаго по валовымъ билетамъ, причемъ изъ имѣвшихъ право на полученіе безплатнаго лѣса 12084 усадьбы воспользовались лѣсомъ только 8246 усадьбъ, или 68,2% и 46,6% строевого лѣса осталось не вывезеннымъ.[2]) Какія же причины вліяютъ на эти отношенія? Вѣроятно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ здѣсь дѣйствовали условія общаго характера: у населенія не было необходимости воспользоваться всѣмъ предоставленнымъ ему по валовому отпуску количествомъ лѣса. Помимо этихъ условій, конечно, здѣсь играли роль и другія болѣе частныя причины: такъ, крестьянскому населенію мно-

[1]) Также и изъ черневыхъ лѣсовъ.

[2]) Причины побуждающія крестьянское населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей къ самой полной вывозкѣ всего предоставленнаго по валовому отпуску строевого лѣса, тѣсно связаны съ недавнимъ измѣненіемъ въ порядкѣ этого отпуска. Подробнѣе этотъ вопросъ былъ изложенъ выше, здѣсь же мы коснемся только его общихъ положеній.

Мы уже знаемъ, что для нѣкоторыхъ селеній въ послѣдніе годы установлена уменьшенная норма безплатно отпускаемаго валоваго лѣса, весьма различная по различнымъ районамъ.

Крестьяне деревни Калагановой и Томиловой получающіе лѣсъ изъ Барнаульскаго бора обязываются рубить по одному дереву на дворъ и не толще 4 до 7 вершковъ въ верхнемъ отрубѣ.

Для крестьянъ д.д. Канарбуги, Кудриной, Тугучина, вообще всѣхъ селеній, пользующихся лѣсомъ Рожневскаго бора, безплатное пользованіе ограничено однимъ комлемъ на дворъ, причемъ существуетъ обязательство рубить деревья не толще 12-15 вершковъ и т. д. Этотъ порядокъ, по словамъ крестьянъ, заведенъ уже 3 года. Онъ вызываетъ, конечно, много неудобствъ въ пользованіи лѣсомъ: именно вырубать и вывозить приходится 15-16 вершковыя деревья, такъ какъ болѣе тонкихъ въ этихъ борахъ почти нѣтъ; однако населеніе здѣсь пользуется уже всѣмъ, что только предоставляется въ его пользованіе. Такъ селеніе Рус. Тугучинъ вырубило въ 1893 году 133 толстомѣрныхъ дерева, что въ среднемъ на одинъ дворъ составляло 1,3 дерева (воспользовались лѣсомъ 101 хозяйство). Д. Кудриной было вырублено 45 деревьевъ, что въ среднемъ на дворъ составило какъ разъ 1 дерево (45 хозяйствъ). Д. Гутовой 83 дерева, составлявшихъ въ среднемъ 1,4 дер. (61 хозяйство). Д. Кайлинской 47 дер., составлявш. въ среднемъ 1,3 дер. (37 хозяйствъ).

Уменьшенный отпускъ встрѣченъ въ волостяхъ Кайлинской, Кривощековской и Оятшинской. Въ первой изъ нихъ это уменьшеніе коснулось только Рожневскаго бора, изъ котораго пользуются лѣсомъ 9 селеній волости: Гутова, Кайлянская, Елтышева, Глядѣнъ, Канарбуга, Тугучинъ, Кудрина, Осипова и Суркова. Раньше они рубили на общемъ основаніи по 7 комлей каждый дворъ. Три года назадъ, по ихъ словамъ, произошло уменьшеніе этой нормы, такъ что теперь они имѣютъ право выруб. только по 1 комлю на дворъ.

Это уменьшеніе нормы подтверждается и данными Главнаго Управленія. Дѣйствительно изъ свѣдѣній Лѣсной части видно, что въ 1893 году многія селенія Кайлинской волости имѣли право получить по валовому отпуску только 1 комель на дворъ (одна Осиновка 1,5 комля). Для 16 селеній Кривощековской волости пользующихся лѣсомъ въ борахъ П. Обскомъ Кудряшевскомъ и Чемскомъ съ 94 года было предоставлено право рубить по 5 деревьевъ на дворъ. Это ограниченіе носитъ, повидимому, болѣе общій характеръ, такъ какъ касается селеній, пользующихся лѣсомъ изъ трехъ различныхъ боровъ. Тремъ окраинимъ селеніямъ Оятшинской волости: Калтайскому, Смокотниной, Кандинской въ 1894 году назначено рубить по 2 бревна на дворъ (изъ Калтайскаго бора).

гихъ мѣстностей валовый лѣсъ отпускается въ весьма отдаленныхъ лѣсныхъ дачахъ. По Кайлинской волости, напримѣръ, разстояніе мѣстъ рубокъ отъ селеній доходитъ до 40, 50 и 60 верстъ,[1]) въ Тутальской волости до 50 и 70,[2]) въ Кривощековской, Чаусской и Ояшинской до 30 и 40 верстъ.[3]) И, дѣйствительно, на эти мѣстности падаетъ самый меньшій % выбираемаго населеніемъ строеваго лѣса. Приводимъ таблицу.

Селенія.	Разстояніе до мѣста рубки	Мѣсто рубки	Предоставлено по вязовому билету брев.	Въ дѣйствительности вывезено по вязовому билету брев.	% этого числа	Замѣтка изслѣдователя
Бжицкова Кайл. в.			266	29	10,9	„Не берутъ
Ача Кайл. в.	50	Обской боръ	455	199	41,8	лѣса, далеко
Асанова Кайл. в.			280	101	36,1	ѣздить“
Мохова Тут. в.	50	Черноп. лѣса по	210	119	54,3	„Больше полов. остается
Кулакова Тут. в.	«	р. Сосновкѣ	268	136	50.7	непопут., далеко“
Асанова Тут. в.			301	28	9.3	
Елгина Тут. в.			168	49	29,2	
Томилова Тут. в.		Калтайскіе	250	21	8,4	
Филонова Тут. в.	40	отборки	231	104	45,0	
Мальцева Тут. в.			343	87	25,4	
Лукина Тут. в.			70	49	70,0	
Поп. Искитимъ Тут. в.	60	Томск. чернь	623	251	40,3	„Не всѣ возятъ“
Чахлова Тут. в.	45	Обской боръ	238	47	19,7	„Не рубятъ и полов.“
Тутальская Тут. в.	45-60	Обской б. за дер.	385	56	14,5	
Пяткова Тут. в.	«	Черной (Ояш. в.)	168	88	52,4	
Поломошнова Тут. в.	50	Чернь	721	474	59,9	„ѣздятъ рѣдко“
Арлюкова Тут. в.	60-70	Обской	476	66	13,9	
Коршилова Кайл. в.	«	боръ	392	209	53,3	
Долгова Кайл. в.	60	Обской боръ	357	53	14,8	„Насел. не выб. всего лѣс.“
Манойлова Кайл. в.			623	161	25,8	
Савинова Кайл. в.		Обской	182	35	19,2	„Ѣздятъ только
Таскаева Кайл. в.	40	боръ	294	93	31,6	многодѣтн. богатые“
Кривошапъ Кайл. в.			399	161	40,4	

и т. д.

---

[1]) Четыре селенія Кривошапинской податной общины (Кривошапъ, Манойлова, Савинова и Таскаева) пользуются въ Обскомъ бору по р. Икскѣ за 40 вер.; пять селеній Асановской податной общины (Ача, Асанова, Бжицкова, Татаринова и Елфимова) въ томъ же бору за 50 вер. и два селенія Коршиловской податной общины (Коршилова, Долгова) за 60 верстъ.

[2]) Д. Боровая въ Обскомъ бору за р. Елбакомъ въ 70 вер., д. Арлюкова въ 70 вер., д. Поперечный Искитимъ изъ черневыхъ лѣсовъ за 60 вер. и т. д.

[3]) Д. Казакова въ Кудряшенскомъ бору между Боровыхъ ключей и чистымъ бологомъ за 40 вер., д. Вахрушева въ томъ же бору за 40 верстъ, д д. Анисимова и Зеледеева въ тайгѣ за 40 верстъ и т. д.

Причина отдаленности селеній отъ боровъ и мѣстъ рубокъ, конечно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не представляется единственной. Дѣйствуютъ тутъ и другія условія, изъ которыхъ нужно отмѣтить, напр., обезпеченіе строевымъ лѣсомъ изъ поскотинныхъ боровъ, изъ ближайшихъ свободныхъ мѣстъ, изъ инородческихъ лѣсовъ (путемъ покупки) и т. д. Собственно, существованіе поскотинныхъ и вообще сберегаемыхъ боровъ нужно считать очень важной причиной того, что населеніе мало выбираетъ лѣсу изъ валоваго отпуска, удовлетворяя свою потребность въ строевомъ матеріалѣ изъ этихъ боровъ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя, правда, немногія мѣстности обращаются за строевымъ матеріаломъ *главнымъ образомъ* въ поскотинные лѣса и, слѣдовательно, почти не пользуются имъ по валовому отпуску (Долгова Кайлинской волости).

Потребленіе безплатно отпускаемаго лѣса въ зависимости отъ обезпеченія строевымъ лѣсомъ изъ своихъ боровъ (поскотинныхъ) выражается слѣдующей таблицей:

		Назначено по валовому билету бревенъ	Въ дѣйствительности вывезено бревенъ	%
1.	Асанова Кайлинской вол.	280	101	36,1
2.	Татаринова Кайлинской вол.	154	94	61,0
3.	Карпысакъ Кайлинской вол.	1119	686	62.2
4.	Кривояшъ Кайлинской вол.	399	75	18.8
5.	Долгова Кайлинской вол.	357	53	14.9
6.	Шелковникова Тутальской вол.	147	70	47,6
7.	Кубовинская Кривощековской вол.	525	259	49,3
8.	Филонова Тутальской вол.	231	104	45,0
9.	Арлюкова Тутальской вол.	476	66	13,7

Къ покупкѣ лѣса населеніе прибѣгаетъ очень часто, пріобрѣтая строевые матеріалы въ борахъ же Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и въ инородческихъ лѣсахъ. Что касается собственно дальности разстоянія, то оно имѣетъ значеніе главнымъ образомъ для бѣдной части населенія, которая фактически не можетъ вывести предоставленный по билету лѣсъ, такъ какъ обращается исключительно къ гужевой возкѣ. Насколько такая возка вмѣстѣ съ отдаленностью разстоянія можетъ вліять на количество вывозимаго лѣса судить легко, тѣмъ болѣе, что всѣ затрудненія и неудобства связанныя съ

ней, конечно, прежде всего ощущаются бѣдной частью населенія

Вотъ что говорятъ сами крестьяне о гужевой возкѣ лѣса изъ отдаленныхъ боровъ. Въ Филоновой и Мальцевой строевой лѣсъ, какой только получается изъ «Калтайскихъ отборковъ», доставляется въ селеніе гужемъ. «Если нанять, за бревно нужно отдать 1 руб. и 1 руб. 20 коп. Въ сутки одного бревна не вывезешь, надо полторы, двое сутокъ... Выѣзжаемъ въ ночь, къ свѣту въ лѣсу, весь день ѣдешь назадъ съ бревномъ... Въ д.д. Черной и Кожевниковой кормимъ лошадей (кормъ свой). Поздно ночью, пожалуй подъ утро, пріѣдешь домой. Такъ двѣ ночи и ѣдешь»...

Рядомъ, конечно, идетъ и другой процессъ экономическаго подчиненія этой группы болѣе сильному элементу; процессъ передающій въ руки «многодушныхъ» богатыхъ и «сильныхъ» семей почти все количество безплатно отпускаемаго лѣса. Совершается это, какъ мы уже имѣли случай указать, путемъ займа, торга, задаванія ссудъ, даже путемъ самаго, повидимому, законнаго договора, утверждаемаго постановленіемъ схода. Главная масса дѣйствительно вывозимаго крестьянами лѣса остается, слѣдовательно, у богатой части населенія, и остается самый цѣнный сортиментъ лѣса—строевой. Лучшимъ подтвержденіемъ того могутъ служить нашія регистраціи о числѣ тѣхъ экономически различныхъ хозяйствъ, которыя дѣйствительно воспользовались лѣсомъ по валовому отпуску.

Число дворовъ, воспользовавшихся валовымъ лѣсомъ, съ подраздѣленіемъ на три экономическія подгруппы.[1])

Волости. Окр.		Число наличныхъ хозяйствъ, о которыхъ въ данномъ случаѣ имѣются свѣдѣнія	Число хозяйствъ, вообще воспользовавшихся лѣсомъ по валовому отпуску	% этого числа къ наличному числу хозяйствъ.	Число бревенъ, вывезенныхъ хозяевами въ 1893 году (хлыстами)	Число бревенъ на одно воспользовавшееся хозяйство
Тутальская	1	1611	591	36.9	2671	4,50
волость	2	635	325	51.2	2601	8.00
	3	390	211	54.1	2309	10.94
Кривощек. в.	1	1450	913	63.0	4215	4.61

[1]) 1-ю подгруппу составляютъ непанимающіе и непанимающіеся—элементъ наименѣе обезпеченный. 2-ю подгруппу—пользующіеся наемнымъ трудомъ и платящіе въ годъ до 30 р.—элементъ средней обезпеченности и 3-ю подгруппу—пользующіеся наемнымъ трудомъ и платящіе въ годъ свыше 30 р.—элементъ самый обезпеченный.

Кривощеков.	2	536	451	84,1	2688	5,96
волость	3	324	251	77,5	1896	7.55
Оятинская	1	1402	872	62,5	3838	4,40
волость	2	434	393	90,6	3330	8,47
	3	289	281	97,2	2739	9.78
Кайлинская	1	1800	1404	78,0	3703	2.63
волость	2	629	621	98,7	2756	4.43
	3	314	274	87,3	1589	5,80
Чаусская	1	1258	756	60,1	2948	4.03
волость	2	391	367	93,9	1889	5,14
	3	313	303	97,4	2596	8,56
Чатская	1	155	136	87,7	241	1,77
инородная	2	18	15	83,3	117	7,80
управа	3	13	9	69,2	30	3,33
М.-Коряков.	1	74	32	43,2	10	0,31
инородная	2	10	5	50,0	100	20
управа	3	4	3	75.0	0	0
Темерчинская	1	26	25	96,1	41	1.64
инородная	2	8	8	100,0	25	6.25
управа	3	«	«	«	«	«
Томскій	1	7776	4729	60.9	17667	3.73
округъ	2	2661	2185	82,1	13506	6.18
	3	1647	1332	80,9	11159	8.37

Какъ по отдѣльнымъ волостнымъ итогамъ, такъ и по всему округу эти числа замѣтно разнятся для каждой категоріи хозяйствъ. Самый большой $^0/_0$ воспользовавшихся валовымъ лѣсомъ хозяйствъ падаетъ, какъ мы видимъ, на 3-ю и 2-ю категорію, экономически наиболѣе обезпеченныя. Изъ 1-й категоріи пользуется валовымъ лѣсомъ сравнительно наименьшее число хозяйствъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ $^0/_0$ этого сорта хозяйствъ и поднимается до $96{,}1^0/_0$, точно такъ, какъ въ другихъ опускается до $36{,}8^0/_0$. Въ среднемъ эти хозяйства составляютъ $60{,}9^0/_0$.

Этотъ выводъ становится еще болѣе разительнымъ на *среднихъ* цифрахъ потребленія лѣса *однимъ хозяйствомъ* по установленнымъ экономическимъ категоріямъ. Въ этомъ случаѣ самое меньшее число падаетъ на хозяйства 1-й категоріи (подгруппы), самое большое на хозяйство 2-й и 3-й. Въ среднемъ, напр., одно хозяйство 1-й категоріи (Томскаго окр.) въ 1893 г. вывезло лѣсу по валовому отпуску 3,73 бревна, 2-й категоріи 6,18 бревна и 3-й категоріи 8,37 бревна. На отдѣльныхъ хо-

зяйствахъ это неравномѣрное потребленіе лѣса выражается еще сильнѣе.

Всѣ послѣдующіе примѣры представляютъ собой выборки изъ данныхъ подворной переписи взятыхъ на удачу хозяйствъ.

Въ д. Возовѣ (Ояшинской волости) крестьянинъ Сысой Тротиковъ, имѣющій 30 десятинъ запашки, 15 рабочихъ лошадей, 15 головъ крупнаго рогатаго скота, комчатую мельницу и расходующій ежегодно на наемъ рабочихъ до 80 рублей, вывезъ въ 1893 году по валовому билету 60 бревенъ, 30 жердей, 40 кольевъ и $3^3/_4$ кубическихъ саж. дровъ. Крестьянинъ той же деревни Иванъ Аникинъ, имѣющій 83 десятины запашки, 32 десятины покосу, 26 головъ крупнаго скота, расходующій на наемъ до 70 рублей, вывезъ въ 93 году по валовому билету 30 бревенъ, 150 жердей и 5 куб. саж. дровъ. Крестьянинъ Петръ Тютиковъ 50 бревенъ, 50 жердей, 100 кольевъ и 7 куб. саж. дровъ. Крестьянинъ Василій Шипулинъ 60 бревенъ. Крестьянинъ Максимъ Аникинъ 90 бревенъ и т. д. Съ другой стороны домохозяева той же деревни Федоръ Аникинъ, Иванъ Аникинъ, Михаилъ Клюевъ, Егоръ К—(?), у которыхъ хозяйства, по ихъ показаніямъ, съ послѣдними годами ухудшается, количество запахиваемой земли не превышаетъ 1,7 десятинъ, которые постоянно отдаютъ въ наемъ свой трудъ, такъ они, напр., въ 93 году не воспользовались по валовому билету ни однимъ бревномъ и т. д. Говоря о естественныхъ неудобствахъ, препятствующихъ поселенію выбирать все слѣдуемое по валовому отпуску количество лѣса, нужно указать еще на одно изъ нихъ. Въ Чаусской волости нѣсколькимъ сѣвернымъ селеніямъ предоставлено пользоваться лѣсомъ Н. Обского бора. Однако, съ пользованіемъ въ немъ соединены такія неудобства, какъ переправа черезъ р. Обь. Послѣднее обстоятельство заставляетъ крестьянъ даже самыхъ ближайшихъ къ нему селеній прибѣгать къ покупкѣ лѣса въ пригородческомъ Орскомъ бору, хотя послѣдній по отдаленности представляетъ гораздо больше неудобствъ, чѣмъ Н. Обской боръ: лежитъ болѣе чѣмъ на 25 верстъ отъ ближайшей къ нему Анбинской дачи; по условіямъ принадлежности его пригородамъ, пользоваться въ немъ возможно лишь за пла-

ту.[1]) Однако, около 5 селеній[2]) съ 316 усадьбами обращаются за лѣсомъ въ этотъ боръ, ссылаясь исключительно на неудобство переправы. Съ другой стороны, нѣсколько селеній той же Чаусской волости,[3]) обращаются за строевымъ лѣсомъ въ инородческій боръ, имѣя право пользоваться въ Кабинетскомъ Кашламскомъ, лежащемъ въ границахъ дачъ этихъ селеній. Но Кашламскій боръ въ настоящее время является настолько истощеннымъ, что въ немъ уже нельзя получить строевого лѣса; рубятъ одни жерди и колья. Слѣдовательно, здѣсь есть побудительная причина обращаться за лѣсомъ въ другой боръ, хотя бы это было связано съ покупкой лѣса.

Въ неменѣе исключительныхъ условіяхъ пользованія безплатно получаемымъ лѣсомъ находятся нѣсколько крайнихъ дачъ Кайлинской волости. Это, во первыхъ, тѣ изъ нихъ, которыя прилегаютъ къ Таремнинской степи и составляютъ ея непосредственное продолженіе, а во вторыхъ, тѣ, которыя лежатъ по отборкамъ Саланрской черни и Урскаго бора. Къ первой группѣ относятся западныя дачи: Сухостр[illegible]лова, Чертенкова, Кусьмень, Кускова, Изылы и т. д. Ко второй смежныя имъ, по южнѣе лежащія дачи: Агафониха Дергоусова, Чемская и т. д. Всѣ онѣ, получая отъ Главнаго Управленія валовые билеты на рубку лѣса, имѣютъ право пользоваться, однако, только черневыми лѣсами, пихтачемъ, ельникомъ и

---

[1]) Инородцы Мало-Коряковской управы, считая Орскій боръ своею собственностью, производятъ изъ него продажу лѣса въ окрестныя селенія. Насколько эта продажа представляется имъ законнымъ актомъ видно изъ того, что они утверждаютъ ее, напримѣръ, приговоромъ за подписью и печатью должностныхъ лицъ. Съ другой стороны и населеніе, покупающее лѣсъ у инородцевъ, относится къ этой покупкѣ, какъ къ такому же законному акту; и, напр., въ дѣлахъ Главнаго Управленія встрѣчено не мало жалобъ на лѣсную администрацію, которая за купленный у инородцевъ лѣсъ налагала на покупателей штрафъ. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, дѣйствія администраціи были въ глазахъ населенія незаконными и это вызвало необходимость подачи жалобъ.

Куплю-продажа лѣса въ инородческихъ борахъ всегда является дѣломъ оформленнымъ, какъ со стороны продавцевъ, такъ и со стороны покупателей. Обыкновенно инородцы черезъ своихъ должностныхъ лицъ выдаютъ покупателю такъ называемую „квитанцію," нѣчто въ родѣ лѣсорубочнаго билета, которая имѣетъ слѣдующую форму.

КВИТАНЦІЯ.

„1894 года 2 января дана сія квитанція крестьянину Чаусской волости деревни Плутовой Александру Ивановичу Березинину въ томъ, что за вырубленный лѣсъ въ Татарскомъ бору 70 штукъ запопенныя деньги взысканы вполнѣ".

Сельскій староста Орскихъ юртъ Якубъ Амандляровъ. Тутъ же приложена печать Орскаго сельскаго старосты.

[2]) Тропина, М. Черемшанка, Кандыкова и Южина,

[3]) Вьюна, Анба, Тропина заимка.

осинникомъ. Это ограниченіе въ пользованіи, вызванное опасеніемъ за будущность имѣющихся здѣсь сосновыхъ лѣсовъ, рядомъ съ которыми ростетъ неистощимая черь, представляетъ для населенія много невыгодъ. Эти-то невыгоды и создаютъ всю исключительность его положенія. Салаирская черь, занимающая огромное пространство земли въ 451624 десятины, всецѣло лежитъ за предѣлами Томскаго округа и только по рѣкѣ Болотной и Чемской входитъ въ его границы двумя незначительными рукавами. Параллельно Салаирской черни и непосредственно примыкая къ ней, тянется Урской боръ, представляющій собою узкую и длинную полосу сосноваго лѣса, протянувшуюся по всей восточной кромкѣ черни. Этотъ лѣсъ уже входитъ въ границу Томскаго округа и входитъ значительной частью, по крайней мѣрѣ, Дергоусовская дача безусловно покрыта сосновымъ лѣсомъ, захватывающимъ цѣлый районъ ея земель отъ рѣчекъ Каменки и Чемской до р.р. Калиновки и Березовки и до границъ Тарсминской волости. Въ этихъ условіяхъ взаимнаго положенія черневыхъ лѣсовъ и Урскаго бора и заключаются всѣ невыгодныя стороны пользованія этими лѣсами, того порядка, который создалъ здѣсь для населенія рядъ фактическихъ неудобствъ и даже прямую невозможность пользоваться лѣсомъ. Населеніе названныхъ деревень, напр., не вырубаетъ черневой лѣсъ въ томъ количествѣ, какое ему предоставлено по смѣтѣ Главнаго Управленія, а иногда и совсѣмъ не вырубаетъ ни одного комля. Плохія дороги, гористая мѣстность, масса мелкихъ рѣчекъ и ложковъ и крайняя отдаленность мѣста рубки (обычная 40 вер.)—это условія, при которыхъ населеніе отказывается отъ всякаго безплатнаго пользованія лѣсомъ и предпочитаетъ обращаться къ покупкѣ его въ ближайшемъ бору (Урскомъ).

Съ послѣдними годами было введено одно ограниченіе въ пользованіи безплатно отпускаемымъ лѣсомъ: это запрещеніе рубить лѣсъ раньше и позднѣе извѣстныхъ сроковъ, различно опредѣленныхъ для каждой мѣстности. Крестьянамъ нѣкоторыхъ селеній Ояшинской волости разрѣшено рубить лѣсъ, напримѣръ, только до 1-го іюня. Въ связи съ тѣмъ, что валовой билетъ высылается, по ихъ словамъ, «въ самый послѣдній путь (въ 1894 г. въ мартѣ)». Это ограниченіе создаетъ

большія препятствія къ пользованію: «билетъ приходитъ, когда въ болото не заѣдешь... при распутицѣ». Разрѣшается рубить въ самую горячую пору полевыхъ работъ, когда бываетъ «не до лѣсу». «Съ 1-го іюня рубить совсѣмъ запрещено, такъ и сидимъ безъ лѣсу съ однимъ билетомъ»... (Черная). Въ Варюхинской общинѣ говорятъ: что «раньше круглый годъ рубили, а нынче что-бы до Петрова дня вся рубка была окончена». Въ Чебулѣ «выходятъ недоразумѣнія съ лѣсничимъ изъза порубокъ во время осени—время самое удобное». Въ Вьюнской общинѣ (Чаусской волости) «можно рубить только осенью»... Для Тугучинской общины (Кайлинской волости) въ 1894 году было распоряженіе, запретившее вывозить изъ бора лѣсъ тѣмъ, кто не успѣлъ его вывезти до іюня.. «Надо бы за время объяснить намъ это, а не въ Петровку, когда и въ лѣсъ то ѣхать времени нѣтъ», говорятъ крестьяне... Это рядъ отрывочныхъ фактовъ, отмѣченныхъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, указываетъ намъ на какое то несомнѣнно болѣе общее распоряженіе лѣсной администраціи, коснувшееся общихъ условій заготовокъ безплатно отпускаемаго лѣса (смот. выше). Въ данномъ случаѣ мы только отмѣчаемъ вліяніе этого распоряженія на самое пользованіе лѣсомъ, вліяніе выразившееся въ уменьшеніи количества вывозимыхъ матеріаловъ.

Къ числу мѣстныхъ промысловъ крестьянскаго населенія въ нѣкоторыхъ пунктахъ Томскаго округа принадлежитъ сборъ кедровыхъ орѣховъ, дающій въ урожайные годы извѣстный доходъ, который служитъ немалымъ подспорьемъ въ общемъ хозяйствѣ крестьянъ. Отсюда особое значеніе, какое имѣютъ кедровыя насажденія, такъ называемые «кедровники», для населенія, а, слѣдовательно, и необходимость ознакомиться съ формами пользованія этимъ видомъ земельныхъ угодій.

Кедровый промыселъ болѣе или менѣе распространенъ въ Тугальской, Чаусской, Ояшинской и Уртамской волостяхъ и въ Мало-Коряковской и Темерчинской инородныхъ управахъ; въ однихъ мѣстахъ промышляютъ въ кедровникахъ, растущихъ въ крестьянскихъ дачахъ, въ другихъ—на пустолежащихъ земляхъ. Пользованіе тутъ и тамъ существенно разнится одно отъ другаго, какъ разнится и самое значеніе промысла.

Въ Тутальской волости кедровникъ имѣется въ поскотинахъ слѣдующихъ селеній: Косогоровой, Манойловой, Пашковой, Мѣдковой, Ботевой,[1]) Тарабыкиной, Литасовой, Чирковой, Мунгаловой, Болтовской, Балахнинной, Маяновой, Шубиной, Маркиной, Истоминой, Шитиковой, Власковой и Минчевой. Характеръ пользованія почти вездѣ одинъ и тотъ же; различія есть лишь во второстепенныхъ чертахъ. Для образца возьмемъ Косогорову и Манойлову, каждая изъ которыхъ пользуется кедровникомъ въ своей поскотинѣ.

Право на собираніе шишекъ распространяется на всѣхъ членовъ общины, но не въ одинаковой степени: «босецъ,» несущій всѣ подати и повинности, имѣетъ право выставить одного «лазальщика,»[2]) которымъ можетъ явиться самъ лично или поставить за себя другого, и двухъ «сборщиковъ»;[3]) старики и неполные бойцы[4]) ставятъ по одному лазальщику и одному сборщику; вдовы съ сиротами и одинокіе сироты выставляютъ по одному лазальщику-подростку и одному сборщику; наконецъ, бездѣтныя вдовы могутъ только собирать «падалицу», т. е. шишку, которая сама свалилась съ дерева. Заблаговременно собирается сходъ и устанавливаетъ день, когда будетъ «биться» шишка, а также условія, при которыхъ будетъ производиться промыселъ, о чемъ и постановляется приговоръ за подписью старосты. Въ приговорѣ перечисляются всѣ общественники и опредѣляется, сколько каждый можетъ взять съ собой сборщиковъ и сбивальщиковъ (лазальщиковъ). Тутъ же записывается день сбора, а также, съ какой части кедровника начинать работу: въ первый день за рѣкой, на проѣздной дорогѣ, на другой день—въ остальной части. Не прибывшіе въ назначенный день къ сбору лишаются права на орѣхъ. Отсутствующіе по уважительной, съ точки зрѣнія общества, причинѣ могутъ выставить за себя наемное лицо. Собравшись въ опредѣленный день и часъ, общини-

---

[1]) Населеніе Ботевой смѣшанное: большая часть принадлежитъ къ Спасской, меньшая —къ Тутальской вол., но самая деревня находится среди Тутальскихъ земель.

[2]) Такъ въ кедровомъ промыслѣ называется лицо, которое лѣзетъ на кедръ и обиваетъ палкой шишки, съ вѣтвей.

[3]) Лица остающіеся на землѣ и собирающіе сбиваемую шишку въ мѣшки.

[4]) Первые 3-4 года молодые люди несутъ не полный податной окладъ, почему и называются неполными бойцами.

ники ожидаютъ, пока старшій изъ нихъ не сниметъ шапки и не перекрестится, сказавъ: «Благослови Господи!» Послѣ этого идутъ къ кедровнику, и каждый лѣзетъ на то дерево, какое ему кажется удобнѣе; сбивъ шишку съ него, онъ лѣзетъ на другое и т. д. Шишку бьютъ во второй половинѣ августа, когда орѣхъ совсѣмъ поспѣетъ, и шишки отъ слабаго удара по вѣтвямъ отваливаются. Послѣднее дѣлается въ тѣхъ видахъ, чтобы сильными ударами не портить кедровниковъ и не сбивать завязей. На промыселъ ходятъ и женщины сбирать орѣхъ; ребята также допускаются, но съ условіемъ, чтобы были при матери. Свѣжій кедръ рубить не дозволяется ни въ какомъ случаѣ; старый же, уже не дающій шишки, можно рубить только на гробъ, и то съ разрѣшенія общества.

Таковы въ наиболѣе существенныхъ чертахъ формы пользованія кедровниками въ Косогоровой и Манойловой. Въ общемъ тоже видимъ и во всѣхъ другихъ общинахъ волости. Вездѣ право на промыселъ въ полномъ размѣрѣ дается только бойцамъ. Что же касается другихъ членовъ общины, то въ Пашковой вдовы, сироты, солдаты и пр. не имѣютъ права на шишку—имъ предоставляется лишь собирать падалицу послѣ «боя». Это право, впрочемъ, имѣютъ и всѣ посторонніе. Въ Боровой же этого права никому не дается. Разница объясняется тѣмъ, что здѣсь кедровникъ сплошной, шишка ложится на землю ровнѣе, и сборъ ея легче, чѣмъ въ Пашковой, гдѣ кедръ перемѣшанъ съ ельникомъ и березнякомъ. Въ Пашковой и Власковой на ряду съ бойцами всѣми правами на участіе въ промыслѣ пользуются старики. Въ Тарабыкиной, Литасовой, Чирковой, Мунгаловой, Болтовской, Балахишной и Маяновой одинаковымъ правомъ на промыселъ съ стариками и вдовами пользуются солдаты и бездѣтныя вдовы. Во всемъ остальномъ условія общія съ разсмотрѣнными выше.

Не безъинтересенъ слѣдующій фактъ: д. Романова, имѣющая одну поскотину съ Чирковой, Литасовой и Тарабыкиной, кедровниками не пользуется, какъ другія деревни, что находитъ свое объясненіе въ прошломъ этой общины. Лѣтъ еще 20 назадъ, Романова имѣла отдѣльную поскотину, которая впослѣдствіи только была присоединена къ общей поскотинѣ другихъ деревень. Въ романовской поскотинѣ кедровника не

было, почему остальныя селенія отрицаютъ право Романовой на орѣхъ и теперь. Тѣ-же изъ романовскихъ крестьянъ, которые и раньше жили въ сосѣднихъ деревняхъ и пользовались кедровниками вмѣстѣ съ жителями этихъ селеній, пользуются орѣхомъ и сейчасъ.

Кромѣ промысла у себя въ дачѣ, жители д.д. Колмогоровой, Занмки, Писаной, Косогоровой (почти половина взрослаго населенія), Пашковой, Иткары и Саламатовой ходятъ на промыселъ въ тайгу, соединяясь съ этой цѣлью въ артели изъ 3-10 человѣкъ.

Въ Чаусской волости кедровникъ есть въ дачѣ д.д. Вьюнской, Кондыковой и Малой Черемшанки и на пустолежащемъ мѣстѣ, занятомъ крестьянами д. Тропиной Занмки. Право на промыселъ принадлежитъ каждому члену общины, не исключая вдовъ и сиротъ. Посторонніе не пользуются кедровниками ни въ какой формѣ; точно также не допускаются къ участію въ промыслѣ и работники домохозяевъ, нанятые съ сельско-хозяйственными цѣлями. Съ 20 іюля до 6-15 августа, смотря по тому, когда будетъ назначенъ промыселъ, для охраны кедровниковъ всѣ деревни нанимаютъ 3 караульныхъ, которые получаютъ съ каждой семьи по полпудовки нечищеннаго орѣха. Промысломъ занимаются совмѣстно всѣ четыре деревни. Другимъ кедровникомъ, фактически находящимся въ пользованіи Тропиной Занмки, жители этой деревни пользуются совмѣстно съ крестьянами д. Базойской Ояшинской волости на общихъ основаніяхъ.

Менѣе разработано право промысла въ Ояшинской волости, гдѣ въ дачахъ д.д. Коневой, Сурановой и Ларионой, Елбакской, Верхъ-Елбакской и Карасевой, Зудовой, Киряковой и Елизаровой пользованіе кедровниками ничѣмъ не регулировано. Съѣзжаются всѣ сосѣди своей и чужихъ волостей—въ Карасевскую дачу, напр., пріѣзжаютъ на промыселъ крестьяне изъ Тарминской волости Кузнецкаго округа, которая отдѣлена отъ Ояшинской нѣсколькими дачами Кайлинской волости, и т. д. Пользованіе совершенно безпорядочное, нѣтъ даже того бережливаго отношенія къ дереву, какое встрѣчаемъ въ другихъ волостяхъ, почему кедровыя насажденія вырубаются. Послѣднее еще недавно практиковалось и въ дачѣ д. Вершн-

ниной, гдѣ теперь уже установлено правильное пользованіе,—впрочемъ, тогда лишь, когда кедровъ осталось всего 300-400 штукъ въ поскотинѣ. Изъ остальныхъ селеній съ регулированнымъ промысломъ одно уже упоминалось—д. Базойская. Затѣмъ пользованіе регулировано въ с. Ярскомъ и д. Смокотниной, въ поскотинахъ которыхъ сохранилось немного кедровника. Въ то время, какъ въ Базоѣ и Ярскомъ къ участію въ промыслѣ допускаются, кромѣ бойцовъ, старики, вдовы и сироты (на общихъ основаніяхъ), въ д. Смокотниной установленъ совершенно иной порядокъ, выдѣляющій эту деревню изъ ряда всѣхъ другихъ. Ни женщины, ни ребята и пр. здѣсь къ промыслу не допускаются,—бьютъ шишку лишь взрослые мужчины; весь собранный орѣхъ затѣмъ дѣлится поровну на бойцовъ, для вдовъ же, сиротъ и пр. отдѣляется «часть». Такимъ образомъ, здѣсь форма пользованія промысловымъ угодьемъ сводится къ общинно-артельной организаціи. Жители селеній Зелендѣева, Кожевниковой, Макуриной, Ново-Макуриной, Балты, Черной, Дубровина ходятъ орѣшить на сторону—въ казенные кедровники по р. Черной, въ Уртамскую волость, въ Мало-Коряковскую управу. Организація промысла, какъ и въ Тутальской волости, артельная.

Съ нерегулированнымъ промысломъ встрѣчаемся въ Уртамской волости, гдѣ только въ Батуриной назначается день шишкованія, чѣмъ и ограничиваются всѣ постановленія общины. Нѣкоторые промышленники ѣздятъ на рѣчку Боксу; чилинцы пользуются у акбалыцкихъ инородцевъ, допускающихъ крестьянъ, за что тѣ опаливаютъ имъ боръ. Главный промыселъ производится въ тайгѣ, верстахъ въ 8 отъ юртъ Каштаковскихъ Темерчинской инородной управы, гдѣ ростетъ сплошной кедровникъ среди болотъ. Сюда съѣзжаются не только уртамцы и каштаковцы, но и жители Богородской волости и даже г. Томска. Пользованіе вольное въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Есть, наконецъ, кедровникъ въ Мало-Коряковской инородной управѣ, площадь котораго инородцы опредѣляютъ приблизительно въ 600 десятинъ. Въ настоящее время имъ пользуются только юрты Орскія, Акбалыцкія и Черномысскія да разночинцы, проживающіе въ тѣхъ же юртахъ и принятые въ

податную раскладку. Ранѣе кедровникомъ пользовались и жители Краснаго Яра, но въ 1870 г. остальныя селенія управы имъ «отказали» изъ-за того, что красноярцы сбивали шишку ранѣе установленнаго сходомъ всей управы срока. Участвовать въ промыслѣ могутъ всѣ дворы въ полномъ составѣ, но только безъ наемныхъ работниковъ, и каждый собираетъ шишки, сколько позволяютъ силы.

Недоразумѣнія, возникающія изъ пользованія кедровниками,—повидимому, весьма рѣдкое явленіе. По крайней мѣрѣ, до волостнаго суда за послѣдніе годы дошло лишь одно дѣло: общее собраніе селеній Вьюнскаго, Малой Черемшанки, Кондыковой и Тропиной Заимки въ 1891 г. назначило днемъ сбора всѣхъ участниковъ промысла 15 августа, а начало самаго шишкованія 16 августа. Между тѣмъ, Тропина Заимка, не дождавшись срока, начала промыселъ, а за ней послѣдовали и другія деревни. Въ виду послѣдовавшаго между сторонами соглашенія, судъ дѣло прекратилъ, обязавъ лишь уплатить слѣдуемое караульщикамъ, которые не были удовлетворены и жаловались на это.[1])

Изъ остальныхъ угодій, находящихся въ распоряженіи крестьянскихъ и инородческихъ общинъ, одними пользуются на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ и нѣкоторыми пріусадебными землями-гуменниками, засѣками, т. е. подворно-наслѣдственно или артельно. Сюда относятся мѣста подъ пасѣками, мельницами, заводами и пр. Для занятія того или иного мѣста подъ пасѣку, мельницу и т. д., требуется согласіе общины, иногда выраженное въ формѣ мірскаго приговора. Послѣдній почти неизбѣженъ, если владѣльцемъ завода, мельницы и пр. является не свой человѣкъ, а постороннее общинѣ лицо. Чтобы ознакомить съ общимъ типомъ подобныхъ приговоровъ, приведемъ выписку изъ приговора Гутовскаго общества о разрѣшеніи мѣщанину Ицковичу построить кожевенный заводъ: «Мы... дозволяемъ ему (Ицковичу) построить заведеніе для дѣланія кожъ на отведенномъ ему мѣстѣ, вверхъ по рѣчкѣ Маматыну, въ 130 саженяхъ отъ мельницы мѣщанина Щепанскаго, по правую сторону рѣчки Маматына, при находящемся

---

[1]) Рѣш. Чаус. вол. суда 17 сент. 91 г. № 28.

здѣсь озеръ, которое уступаемъ г. Ицковичу для мочения кожъ, съ тѣмъ вмѣстѣ уступаемъ ему мѣсто для подножнаго корма отъ загородки Ивана Асанова по теченію рѣчки Маматына на сорокъ саженъ и поперечника отъ рѣчки до дороги тридцать саженъ. Но не дозволяемъ, однако, г. Ицковичу мочить кожи въ р. Маматынѣ; въ противномъ случаѣ, если Ицковичъ, вопреки этому приговору, будетъ эти кожи мочить въ рѣчкѣ, то мы, жители, имѣемъ право взять кожи въ свою собственность, какъ съ нарушителя нашего условія».[1]) Въ этомъ же родѣ и всѣ другіе приговора.

Крестьянскія общества, согласно дѣйствующимъ въ Алтайскомъ округѣ положеніямъ, до поземельнаго устройства населенія не могутъ устраивать на находящихся въ ихъ пользованіи земляхъ оброчныхъ статей. Поэтому во всѣхъ подобныхъ случаяхъ земли, на которыя выдаются приговора *посторонимъ* лицамъ, переходятъ въ разрядъ земель, находящихся въ непосредственномъ распоряженіи Главнаго Управленія Алтайскаго округа. Такъ какъ въ настоящемъ трудѣ имѣется въ виду только крестьянское и инородческое землевладѣніе и землепользованіе, а также потому, что земли, находящіяся въ завѣдываніи Главнаго Управленія, составятъ предметъ особаго изслѣдованія по Томскому округу, то здѣсь этихъ земель, уже изъятыхъ изъ пользованія крестьянъ, можно не касаться.

Другія угодья, какъ рыбныя ловли, каменоломни и пр. находятся или въ вольномъ пользованіи не только отдѣльныхъ общинъ, но и всего окрестнаго населенія, или же также уже подверглись изъятію изъ крестьянскаго пользованія и состоятъ въ распоряженіи Главнаго Управленія (нѣкоторыя каменоломни). Но нѣкоторыя каменоломни и рыбалки, хотя и немногія, находятся въ общественномъ пользованіи и подлежатъ извѣстному регулированію, и о нихъ необходимо здѣсь сказать подробнѣе.

Въ дачѣ д. Колмогоровой Тутальской волости крестьяне ломали известковый камень, при чемъ къ промыслу допускались не только свои, но и чужіе. Развитіе промысла было ни-

---

[1]) Общественный приговоръ 19 сент. 1887-г.

чтожное, почему колмогорское общество и сдало ломки чиновнику А. П. Бедрину по мірскому приговору. Денегъ въ общество онъ, однако, не платилъ, а заключилъ условіе съ Горнымъ Правленіемъ, отъ котораго уже и снималъ ломки въ аренду. Отъ Бедрина каменоломни перешли къ Армасулову, отъ него къ какому то нарымскому мѣщанину, пока общество не обратилось въ Горное Управленіе съ просьбой сдать ломки ему, колмогоровскому обществу. Управленіе согласилось и заключило съ обществомъ условіе на уступку ему известковыхъ разработокъ на 2 года, съ платой по 40 к. за десятину, всего 18 десятинъ.[1]) Общество арендовало ломки до 1894 г., когда аренда перешла къ крестьянину д. Романовой Егору Романову, снявшему ломки съ торговъ на 3 года за 256 р. въ годъ. Лишились аренды колмогоровцы вслѣдствіе того, что не сдѣлали за полгода до окончанія арендnаго срока заявленія о желаніи своемъ оставить ломки за собой и на слѣдующій годъ.[2]) За время арендованія общество разрѣшало пользоваться каменоломней лишь тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые обязывались уплачивать ему соотвѣтствующую часть арендной платы, вносимой въ Главное Управленіе. Такимъ образомъ, извѣстное регулированіе пользованія было вызвано совершенно внѣшнимъ обстоятельствомъ необходимостью платить аренду. Колмогоровцы хотѣли бы и на будущее время сохранить за собой право на аренду каменоломни, упущенной изъ рукъ, благодаря оплошности довѣреннаго общества. Каменоломню въ д. Власковой арендуетъ общество этой деревни, которое и пользуется ею на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Колмогорова. Ломки въ д. Барановой арендуетъ крестьянинъ д. Терехиной Миничевъ. Въ Романовской дачѣ близь д. Романовой ломка бутоваго камня вольная, какъ для членовъ общины, такъ и для постороннихъ; каменными ломками въ дачѣ д. Поломошиновой той же волости община не пользуется, какъ и въ Каменкѣ и Дубровиной Ояшинской волости и въ нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ теперь производятся разработки желѣзной дорогой.

---

[1]) Условіе 14 мая 1884 г. № 5643.

[2]) „Передъ окончаніемъ срока арендованія мѣстности и именно за полгода я обязанъ предъявить свое желаніе объ арендованіи мѣстности вновь или же отказаться отъ того, и тогда Главное Управленіе Алтайскаго округа сдѣлаетъ соотвѣтствующее распоряженіе". § 4 Условія 4 марта 1894 года.

Общественная съ регулированнымъ пользованіемъ рыбалка имѣется въ д. Канарбугѣ Кайлинской волости. Въ 150 саженяхъ отъ р. Ини, протекающей черезъ дачу деревни, есть озеро Кочегарово, соединенное съ рѣкой узенькой протокой, черезъ которую весной и лѣтомъ рыба идетъ изъ р. Ини въ озеро, а затѣмъ возвращается обратно. Рыба мелкая—чебаки, окуни. Общество воспользовалось этой протокой, устроило черезъ нее такъ называемый «ѣзъ»—особаго устройства заграждепіе—и установило нѣсколько «мордъ» (конусообразная корзина двойнаго плетенія изъ вѣтвей), обращенныхъ устьями въ обѣ стороны. Число мордъ разное—когда двѣ, а когда и четыре. Весной и осенью рыбы попадаетъ очень много, нѣсколько ведеръ въ сутки на морду; въ 1894 г. «все селеніе питалось этой рыбой», говорятъ канарбугцы. Пользованіе этой рыбалкой таково: общество дѣлитъ сутки на двѣ очереди—«отъ восхода солнца до заката» и «отъ заката до восхода», называя каждую изъ нихъ «сутками». На каждыя такія сутки назначается по четыре платежныя души, смѣняющіяся по очереди. Смѣна получаетъ въ свое распоряженіе морду и деревянную колотушку—доказательство права очереди на сутки. Обойдя всѣхъ бойцовъ общины, очередь возобновляется, и такъ во все время промысла. Лѣтъ 15 назадъ эта рыбалка, называемая Истокомъ, была сдана на 10 лѣтъ въ аренду мѣстной торгующей крестьянкѣ за различные забранные у нея товары. По окончаніи же срока аренды «Истокъ» снова перешелъ въ пользованіе общества.

Подобная же рыбалка есть и въ д. Анбѣ, община которой сдаетъ ее въ аренду артели или кому нибудь одному изъ своихъ членовъ за 10-50 р. въ лѣто, смотря по улову. Деньги идутъ на общественныя надобности.

Большое количество рыболовныхъ угодій въ Мало-Корякской инородной управѣ вызвало сдачу нѣкоторыхъ изъ нихъ въ аренду сосѣдямъ; другими же пользуются сами, каждая деревня отдѣльно. Красный Яръ подѣлилъ свои рыболовныя угодья на ровные паи между всѣми плательщиками причисленными и непричисленными. Выравниваніе паевъ производится почти ежегодно.

Въ дачѣ Сосново-Остроженской общины есть такъ называемая Татарская протока, пользованіе которой для всѣхъ селеній общины вольное; для промысла же постороннимъ требуется согласіе татаръ юртъ Константиновыхъ и Килинскаго сельскаго общества—ближайшія селенія къ рыбалкѣ. Безъ этого никто къ промыслу не допускается.

Этими немногими фактами исчерпываются всѣ случаи регулированнаго пользованія рыбалками въ изслѣдованныхъ волостяхъ и управахъ Томскаго округа.

Таблица

КРЕСТЬЯНСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

въ Томскомъ округѣ.

Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).	Общее количество удобной земли.	Удобной земли по угодьямъ. Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Количество дворовъ.	На одинъ дворъ приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Количество платежныхъ душъ мужского пола.
Кривощековская волость.											
С. Крохалево -	5138,3	974,3	3462,5	586,9	314	16,4	3,1	11,1	2,0	16,1	796
Коткова - - -											
Чиковская - -	19704,1	156,3	19411,1	128,5	237	83,1	0,7	81,9	0,5	83,10	653
Букова - -											
Прокудкина - -	18010,6	2467,7	14607,9	541,7	224	80,4	11,0	65,2	2,4	78,7	592
Казакова - -											
Кочнева - -	11402,2	969,8	6296,4	1066,3	140	81,4	6,9	45,0	7,6	59,5	341
Сеничкина - -	10463,2	358,4	8599,8	524,6	121	86,5	3,0	71,1	4,3	78,4	283
Шилова - -	6090,9	433,9	5141,0	372,4	91	66,9	4,8	56,5	4,1	65,4	193
Пайвина - -	5277,1	339,8	4652,9	75,1	68	77,6	5,0	68,4	1,1	74,5	161
Алексѣева - -	3802,4	200,2	3229,6	257,9	61	62,3	3,3	52,9	4,2	60,5	157
Толмачева - -	3204,6	244,4	2367,5	549,8	84	38,2	2,9	28,2	6,6	37,6	221
Тулинская - -	5500,3	739,0	3004,5	593,5	132	41,7	5,6	22,8	4,5	32,9	317
Тюменина - -	5906,2	287,7	3529,3	33,3	71	83,2	4,1	49,7	0,5	54,2	184
Криводанова -	5792,8	268,1	4155,4	687,5	159	36,4	1,7	26,1	4,3	32,1	413
Кривошекова -											
Бугринская -											
Верткова -											
Мало-Кривощеков.											
Ерестна - -											
Огурцова - -	34629,8	1010,4	16884,8	11967,6	875	39,6	1,2	19,3	13,7	34,1	2210
Нижне и Верхне-Чемская											
Усть-Инская -											
Ново-Луговая -											
Ельцова - -	17129,1	210,3	9093,8	794,0	101	164,6	2,0	87,4	7,6	97,1	263
Мочище - -	27706,4	760,3	25622,4	480,0	173	160,2	4,4	148,1	2,8	155,3	377
Каменка - -	960,4	58,7	856,3	36,6	22	43,7	2,7	38,9	1,7	43,3	58
Быкова - -											
Барышева - -											
Изрева - -											
Березовка - -	51333,2	815,7	42986,7	715,1	391	131,2	2,1	109,9	1,9	113,9	965
Репьева - -											
Плотникова -											
Жеребцова - -											
Гусиный бродъ	II	ѣ	т	ъ		п	л	а	н	а	
Орская - - -											
Барлакъ -	28428,2	1316,5	9278,9	1273,5	438	64,9	3,0	21,2	2,9	27,1	1013
Локтева - -											
Кубова - - -											
Итого -	250179,3	11611,5	183180,3	20714,3	3705	70,3	3,1	49,4	5,6	58,1	9135

На одну душу муж. пола приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Количество годныхъ работниковъ съ 19 до 60 лѣтъ.	На одного годнаго работника приходится. Всего удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Общее количество всей земли по планамъ.	Всей земли приходится. На дворъ.	На наличную душу.	На годнаго работника.	Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).
															Кривощековская волость.
6,5	1,2	4,4	0,7	6,3	391	13,1	2,5	8,9	1,5	12,9	5617,3	17,9	7,4	14,4	С. Крохалево
11.1	0,2	30,7	0,2	31,1	305	64,6	0,5	63,6	0,4	64,6	19798,9	83,5	31,3	64,9	Коткова Чиковская
10,7	4,3	24,9	0,9	30,1	279	64,2	8,8	52,3	1,9	63,1	18891,3	84,3	32,2	67,7	Букова Прокудкина
33,4	2,8	18,5	3,1	24,4	183	62,3	5,3	34,4	5,8	45,5	12407,3	88,6	36,4	67,8	Казакова Кочнева
36 8	1,3	30,3	1,9	33,5	141	74,2	2,5	61,0	3,7	67,2	11587 1	95,1	40,8	82,2	Сеничкина
31,4	2,2	26,5	1,9	30,6	98	62,1	4,4	52,4	3,8	60.7	7229.2	79,4	37,3	73,8	Шилова
32,8	2,1	28,9	0,5	31,5	84	62,8	4,0	55,4	0,9	60,3	5904,3	86,8	56.7	70,3	Пайвина
24,2	1,3	20,6	1,6	23,5	79	18,1	2,5	40,9	3,3	46,7	4852,1	79,5	30,9	61,4	Алексѣева
14,4	1,1	10,6	2,5	14,2	99	12,4	2,5	23,90	5,50	31,9	5264,3	62,7	23,6	53,2	Толмачева
17,7	2,4	9.7	1,9	14,0	164	33,5	4,5	18,3	3.6	26,4	11159,5	84,50	35,9	68,0	Тулинская
21,9	1,6	19,3	0,2	21,1	99	59,6	2,9	35,6	0,3	38,9	8584,5	120,9	46,9	86,7	Тюменина
14,2	0,7	10,2	1,7	12,6	196	29,5	1,4	21,20	3,50	26,1	9724,5	61,2	23,9	49,6	Криводанова
															Кривошекова
															Бугринская
															Верткова
															Мало-Кривощеков.
															Ерестна
15,7	0,5	7,6	5,4	13,5	1086	31,9	0,9	15,5	11,0	27.50	39880,5	45,6	18,0	36,70	Огурцова
															Нижне и Верхне-Чемская
															Усть-Инская
															Ново-Луговая
															Ельцова
65,6	0,8	34,7	3,0	38,5	124	138,1	1,70	73,3	6,4	81,4	20857,3	200,5	79,6	168,2	Мочище
73,1	2,0	67,6	1,3	70,9	187	148,3	4,1	137,0	2,6	148,6	27959,1	161,6	73,8	149,5	Каменка
16,6	1,0	14,8	0,6	16,4	27	35,6	2,2	31,7	1,3	35,2	1109,3	50,4	19,1	41,1	Быкова
															Барышева
															Изрева
53,3	0,9	44,6	0,8	46,3	462	111,8	1,8	93,0	1,6	96,4	56706,0	145,0	58,9	122,7	Березовка
															Репьева
															Плотникова
															Жеребцова
	Н	ѣ	т	ъ					п	л	а	н	а		Гусиный бродъ
															Орская
27,2	1.3	8,9	1,2	11.4	492	57,8	2,7	18,9	2,6	24,2	35432,4	80,9	33,9	72,0	Барлакъ
															Локтева
															Кубова
28,3	1,3	19,9	2,2	23,4	4496	57,9	2,6	40,7	4,6	47,9	302964,9	81,8	33,0	67,4	**Итого -**

Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).	Общее количество удобной земли.	Удобной земли по угодьямъ. Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Количество дворовъ.	На одинъ дворъ приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Количество наличныхъ душъ муж. пола.	На одну душу муж. пола приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Количество годныхъ работниковъ отъ 19 до 60 лѣтъ.	На одного годнаго работника приходится. Всего удобной земли.	Выгонъ.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Общее количество всей земли по планамъ.	Всей земли приходится. На дворъ.	На наличную душу.	На годнаго работника.	Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).
Чаусская волость.																											**Чаусская волость.**
Михайловскій зас.	5617,2	133,0	5137,1	153,7	53	106,0	2,5	97,0	2,9	102,3	178	31,1	0,7	28,9	0,9	30,5	83	67,7	1,6	61,8	1,9	65,3	5729,7	108,1	32,2	69,0	Михайловскій зас.
Вахрушова	11746,1	348,5	9217,9	1536,5	59	199,1	5,3	156,2	26,0	187,6	162	71,2	2,1	55,9	9,5	67,3	86	136,6	4,1	107,2	17,9	129,2	19591,1	332,1	118,7	227,8	Вахрушова
Подволошная																											Подволошная
Мысовская	19888,2	1004,3	15491,7	2054,3	280	71,0	3,6	55,3	7,34	66,3	687	28,9	1,5	22,5	3,0	27,4	329	60,5	3,1	47,1	6,2	54,4	22533,1	80,5	32,8	68,5	Мысовская
Тырышкина																											Тырышкина
Грязнуха																											Грязнуха
Соколова	6688,0	284 5	6221,2	58,7	155	43,2	1,8	40,1	0,4	42.4	362	18,5	0,8	17,2	0.2	18.2	175	38,2	1,6	35,5	0.3	37,4	7661,4	49,4	21,2	43,8	Соколова
Б. Черемшанка	7890,7	339,4	7457,1	65,8	82	96,2	4,1	90,9	0,8	95.9	218	36,2	1,6	34,2	0,3	36,1	95	83,1	3.6	78,5	0,7	82,8	8194,9	99 9	37,6	86,3	Б. Черемшанка
Воробьева																											Воробьева
Б. Ошъ																											Б. Ошъ
М. Ошъ	13434,8	969.0	8150,6	1957,6	250	537	3,9	32,6	7,8	44,3	527	25,5	1,8	15,5	3,7	21,1	250	53,7	3.9	32,6	7,8	44,3	18013,7	76,1	34,2	76,1	М. Ошъ
Киселева																											Киселева
Подгорное																											Подгорное
Чаусъ	10977,5	1671,6	6218,0	2006,3	302	36,4	5,5	20,6	6,6	32,8	707	15,5	2,9	8,9	2,8	14,6	324	33,9	5,2	19,2	6,2	30,6	12891,2	42,7	18,2	39,8	Чаусъ
Скала																											Скала
Сидоровскій зас.	3751,9	—	3339,1	263,8	85	44,1	—	39,3	3,1	42,4	254	14,8	—	13,1	1,0	14,1	138	272	—	24,2	1,9	26,1	3846,1	45,2	15,1	27,9	Сидоровскій зас.
Южина	3361,1	70.6	3155,4	131,6	43	78,2	1,6	73,4	3,1	78,1	109	33,6	0,7	31,6	1,3	33,6	44	76,40	1,6	71,7	3,0	76,3	3684,3	85,7	36,8	83,7	Южина
Тропина	15525,6	1054,9	14023,2	411,0	193	80,4	5,5	72,7	2,1	80,3	448	34,7	2,4	31,3	0,9	34,6	222	69,9	4,8	63,2	1,9	69,9	16655,5	86,3	37,2	75,0	Тропина
Поутова																											Поутова
Анда	3253,1	289,9	2035,5	89,6	81	40,2	3,6	25,1	1,1	29,8	203	15,3	1,4	9,6	0,4	11,4	109	29,8	2,7	18,8	0,8	22,3	4412,0	54,5	20,7	40,5	Анда
С. Вьюна																											С. Вьюна
Кандыкова	13212,1	735,7	8603,4	623,1	298	44,3	2,5	28,9	2,1	33.4	735	17,5	1,0	11,4	0,8	13,2	352	37,5	2,1	24,4	1,8	28,3	20794,8	69,8	27,5	59,1	Кандыкова
М. Черемшанка																											М. Черемшанка
Тропина заимка	Н	а	ц	у	с	т	о	л	е	ж	а	щ	и	х	ъ		з	е	м	л	я	х	ъ				Тропина заимка
Ореко-Борская	2401,1	37,5	30,5	1840,3	58	41,4	0,7	0,5	31,7	32,9	111	21,6	0,3	0,3	16,6	17,2	57	42,1	0,7	0,5	32,3	33,5	3942,5	68,0	35,5	69,2	Орско-Борская
Бѣлоярская	2105,0	92,5	320,9	120,2	39	54,0	2,4	8,2	3,1	13,7	93	21,3	0,9	3,2	1,2	5,3	37	56,9	2,5	8,7	3,3	14,5	2496,0	64	25,2	67,5	Бѣлоярская
Итого	**119852,7**	**7031,4**	**83401,6**	**11312,6**	**1978**	**60,6**	**3,6**	**45,2**	**5,7**	**54,5**	**500,3**	**24,0**	**1,4**	**17,9**	**2,3**	**21,3**	**230**	**52,1**	**3,1**	**33,8**	**4,9**	**46,8**	**150446,3**	**76,1**	**30,1**	**68,0**	**Итого**
Ояшинская волость.																											**Ояшинская волость.**
Ояшъ	26613,5	183,0	24774,5	259,8	151	176,8	1,2	164,1	1,7	167,0	314	84,8	0,6	78,9	0,8	80,3	164	152,3	1,1	151,1	1,6	153,8	27359,7	181,2	87,1	166,8	Ояшъ
Умревинское селье	13147,5	679,1	6057,6	471,5	37	355,3	18,4	163,7	12,7	194,8	90	146.	7,5	67,3	5.2	80,0	40	328,7	17,0	151,4	11,8	180,2	14762,4	399,0	164	369,1	Умревинское селье
Ташара	14209,6	1419,4	9293 1	1389,3	87	163,3	16,3	106,8	16,0	139.1	178	79,8	8,0	51,7	7 8	67,5	72	197,4	19,7	129,1	19,3	168,1	15598,5	179,3	87,6	216,6	Ташара
Дубровино	13329,5	304.0	5223,1	854,9	137	97,3	2,2	38.1	6,2	46.6	206	65,0	1,0	18,0	2,9	21,9	134	99,5	2,3	39,0	6,4	47,7	17265,5	125,0	59,5	128,8	Дубровино
Н. Поросъ	11304,2	2769,4	7314,4	162,8	66	171,3	42,0	110,8	2,5	155.3	188	70.1	14,7	38,9	0,9	54,5	87	129,9	31 8	84,1	1,9	117,8	12327,9	168,8	65,6	141,7	Н. Поросъ
Поросъ	10480,9	653,1	6917,1	205,5	47	223,0	13.9	147,2	4,4	165,4	126	81,9	5,1	54,0	1,6	60,7	55	190,6	11,9	125,8	3,7	141 4	12532,3	266,6	97,9	227,9	Поросъ
Мошнина	9532,4	165,5	5971,1	672,4	48	198,6	3,5	124,4	14,0	141,9	122	78,1	1,4	48,9	5,5	55,8	56	170,2	30	106,6	12,0	121,8	10538,7	219,5	86,3	188,2	Мошнина
Верхъ Балта	12252,3	69,3	9518,9	88,1	26	471,2	2,7	366,1	3,4	372,2	77	159,1	0,9	123,6	1,1	124,9	36	340,3	1,9	264,4	2,5	268,8	14690,2	565,0	190,8	408,1	Верхъ Балта
Воронова	4549,9	117,3	3296,7	55,5	30	151,7	3,9	109,9	1,9	115.7	57	79,8	2,1	57,8	1,0	60,9	31	146,8	3,8	106,3	1,8	111,9	5237,3	174,6	91,9	168,9	Воронова
Балта	1522,1	488,1	13425,7	374,6	102	149,2	4,8	131,6	3,7	140,1	238	29,0	1,9	52,0	1,4	55,3	119	127,9	4,1	112,8	3,1	120,4	20972,7	205,6	81,3	176,2	Балта
Камень	1880,2	66,3	549,7	191.0	35	53,7	1,9	15,7	5,5	23,1	109	18,8	0,7	5,5	1,9	8,1	49	38,4	1,4	11,2	3,9	16,5	2452,3	70,1	24,5	50,0	Камень
Базой	21994,4	965,8	15572,1	936,1	146	150,7	6,6	106,7	6,4	119,7	343	64,1	2,8	45,4	2,7	50,9	160	137,4	6,0	97,3	5,9	109,2	31907,2	218,5	93,0	199,5	Базой
Бибѣева	14103,6	270,1	8801,2	152,4	50	282,1	4,4	176,0	3,1	184,5	131	49,7	2,1	67,2	1,2	70,5	72	195,9	3,7	122,2	2,1	128,0	17664,0	353,3	134,8	245,5	Бибѣева
Чебула	11763,1	419,1	10125,7	95,6	53	221,9	7,9	191,1	1,8	200,8	148	79,5	2,8	68,4	0,6	71,8	80	147,0	5,2	126,6	1,2	133,0	13938,1	263,0	94,2	174,2	Чебула

Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).	Общее количество удобной земли.	Удобной земли по угодьямъ. Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Количество дворовъ.	На одинъ дворъ приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Количество наличныхъ душъ мужескаго пола.
Карасева - -											
Елбакъ - - -	25498,9	1467,4	7527,8	255,6	59	432,2	24,9	127,6	4,3	156,8	162
В. Елбакъ - -											
Болотная - -	21417,7	545,5	15245,8	488,9	116	184,6	4,7	131,4	4,2	140 3	280
Елизарова - -											
Зудова - - -	16732,4	62,8	9673,2	399,7	63	265,6	1,0	153,5	6,3	160,9	159
Кирякова - -											
Черная - - -	7592,5	69,3	2745,0	165,0	93	81,6	0,7	29,5	1,8	32,0	257
Кожевникова -											
Макурина - -	3523,3	54,4	1744,0	135,0	88	40,0	0,6	19,8	1,5	22,0	20
Ново Макурина											
Проскокова - -	10503,8	588,3	6336,7	345,0	106	99,1	5,6	59,8	3,3	68,6	24
Зеледѣева - -	6250,4	400,3	5776,3	62,4	81	77,2	4,9	71,3	0,8	77,0	2
Варюхина - -	16994,2	654,1	12546,2	1063,9	118	144,0	5,5	106,3	9,0	120,9	2
Аллаева - - -	1259,5	137,1	875,4	94,2	52	24,2	2,6	16,8	1,8	21,3	1
Ярское - - -	6168,3	293,5	5283,2	294,1	161	38,3	1,8	32,8	1,8	36,5	37
Вершинина - -											
Ларина - - -											
Суранова - -	15842,4	406,4	12479,4	95,4	76	208,5	5,4	163,6	1,3	170,2	1
Конева - - -											
Калтай - - -											
Смокогнина -	15721,7	725,2	13206,0	80,0	162	97,1	4,5	81,5	0,5	—	40
Кондинская -											
Кафтанчикова -											
Итого -	**327887,2**	**13973,8**	**220279,6**	**9389,7**	**2190**	**149,7**	**6,4**	**100,6**	**4,3**	**111,3**	**522**
Тутальская волость.											
Холмогорова -											
Заимка Холмогорова	5030,1	316,7	4202,6	463,0	64	78,6	5,0	65,7	7,2	77,9	10
Писаная - - -	5279,0	159,4	4271,8	293,9	15	351,9	10,6	284,8	3	315,0	3
Миничева - -											
Морковкина -	С	в	ѣ	д	ѣ	н	і й		н	ѣ т	ъ
С. Пачинское -	5972,3	1125,7	4554,2	144,3	63	94,8	17,9	72,3	2,3	92,5	10
Крылова - - -	7122,0	363,8	5149,8	148,4	92	77,4	4,0	56,0	1,6	61,5	22
Б. Тайменька -											
Зырянка - - -	1280,3	16,8	1104,8	68,7	6	213,4	2,7	184,1	11,5	198,5	1
Баранова - -	1998,2	47,4	1543,3	83,5	23	86,9	2,1	67,1	3,6	72,8	5
Власкова - -	3016,4	219,1	2678,8	103,7	64	47,1	3,4	41,9	1,6	46,9	14
Еловскій зас. -	1626,4	483,4	787,4	138,2	29	56,1	16,7	27,2	4,8	48,6	7
Яшки зас. - -	1031,0	—	625,7	75,4	37	27,9	—	16,9	2,0	19,0	11
Верх. Пачинскій зас.	1139,9	—	810,8	—	22	51,8	—	36,9	—	36,9	6
Литвинова - -	3526,9	316,8	2674,5	41,6	74	47,7	4,3	36,1	0,6	41,0	16
Маянова - - -											

На одну душу муж. пола приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахатной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Количество годныхъ работниковъ съ 19 до 60 лѣтъ.	На одного годнаго работника приходится. Всего удобной земли.	Выгона.	Пахатной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Общее количество всей земли по планамъ.	Всей земли приходится. На дворъ.	На наличную душу.	На годнаго работника.	Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).
															Карасева
157,4	9,1	46,5	1,6	57,2	75	340	19,6	100,4	3,4	123,4	31083,0	526,8	192,5	414,4	Елбакъ
															В. Елбакъ
76,5	1,9	54,4	1,7	58,0	124	172,7	4,4	122,9	3,9	131,2	23764,6	204,8	84,9	191,6	Болотная
															Елизарова
105,2	0,4	60,8	2,5	63,7	75	223,1	0,8	129,0	5,3	135,1	21221,8	336,9	133 5	283,0	Зудова
															Кирякова
29,5	0,3	13,3	0,6	14,2	113	67,2	0,6	24,3	1,5	26,4	10133 8	109,0	39,4	89,7	Черная
															Кожевникова
17,1	0,3	8,5	0,6	9,4	93	37,9	0,6	18,8	1,5	20,9	5286,1	60,1	25,7	56,8	Макурина
															Ново Макурина
42,5	2,4	25,7	1,4	29,5	124	84,7	4,7	51,1	2,8	58,6	11360,4	107,2	46,0	91,6	Проскокова
31,2	2,0	28 9	0,3	31,2	96	65,1	4,2	60,2	0,7	65,1	7940,3	98,0	39,7	82,7	Зеледѣева
3,9	2,8	54,5	4,6	61,9	103	165,0	6,3	121,9	10,3	138,5	18739,5	158,8	81,5	181,9	Варюхина
1,7	1,3	8,1	0,9	10,3	53	23,8	2,6	16,5	1,8	20,9	1405,0	27,0	13,0	26,5	Аллаева
6,3	0,8	13,9	0,8	15,5	168	36,7	1,7	31,4	1,8	34,9	7061,9	44,0	18,6	42,0	Ярское
															Вершинина
															Ларина
5,4	2,4	75,2	0,6	78,2	71	223,1	5,7	175,8	1,3	182,8	16973,5	224,8	102,2	239,1	Суранова
															Конева
															Калтай
38,4	1,8	32,3	0,2	34,3	293	53,7	2,5	45,1	0,3	47,9	16677,6	102,9	40,8	56,9	Смокотнина
															Кондинская
															Кафтаичикова
62,7	**2,7**	**42,1**	**1,8**	**46,6**	**2543**	**129,1**	**5,5**	**86,6**	**3,7**	**95,8**	**388894,8**	**177,6**	**74,4**	**152,9**	**Итого** -
															Тутальская волость.
															Холмогорова
1,2	2,0	26,1	2,9	31,0	82	61,3	3,9	51,3	5,6	60,8	6171,7	96,4	38,3	75,3	Заимка Холмогорова
150,3	5,1	137,8	9,5	152,4	14	377,1	11,4	305,1	21,0	337,5	6017,1	401,1	194,1	429,8	Писаная
															Миничева
		С	в	ѣ	д	ѣ	н	і	й		н	ѣ	т	ъ	Морковкина
6,9	10,7	43,4	1,4	55,5	48	124,4	23,5	94,9	3,0	121,4	6843,5	108,6	65,2	142,6	С. Пачинское
0,2	1,5	21 8	0 6	23,9	104	68,5	3,5	49,5	1,4	54,4	8252,1	89,7	35,0	79,3	Крылова
															Б. Тайменька
1,1	0,9	61,4	3,8	66,1	7	182,9	2,4	157,7	9,8	169,9	1563,7	260,6	86,9	222,0	Зырянка
8,4	0,9	29,7	1,6	32,2	21	95,2	2,3	73,5	4,0	79,8	2470,3	107,4	47,5	117,6	Баранова
0,7	1,5	18,3	0,7	20,2	73	41,3	3,0	36,7	1,4	41,1	3625,5	56,6	24,8	49,7	Власкова
1,7	6,4	10,5	1,8	18,7	31	52,5	15,6	25,4	4,4	45,4	2275,3	78,5	30,3	73,4	Еловскій зас.
,1	—	5,5	0,7	6,2	46	22,4	—	13,6	1,6	45,2	1046,2	28,3	9,2	22,7	Яшки зас.
19,0	—	13,5	—	13,5	25	45,6	—	32,4	—	32,4	1158,7	52,7	19,3	46,3	Верх. Пачинскій зас.
1,6	1,9	16,4	0,3	18,6	84	42,0	3,8	31,8	0,5	36,1	5142,4	69,5	31,5	61,2	Литвинова
															Маянова

Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).	Общее количество удобной земли.	Удобной земли по угодьямъ. Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Количество дворовъ.	На одинъ дворъ приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ угодій.	Количество наличныхъ душъ м. пола.	На одну душу муж. пола приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахатной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ угодій.	Количество годныхъ работниковъ съ 19 до 60 лѣтъ.	На одного годнаго работника приходится. Всего удобной земли.	Выгона.	Пахатной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ угодій.	Общее количество всей земли по планамъ.	Всей земли приходится. На дворъ.	На наличную душу.	На годнаго работника.	Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).
Романова																											Романова
Чиркова																											Чиркова
Литасова	12654,4	645,4	11783,5	60,3	75	168,7	8,6	157,1	0,8	166,5	187	67,7	3,5	63,0	0,3	66,8	92	137,6	7,0	128,1	0,6	135,7	12878,8	171,7	68,9	140,0	Литасова
Тарабыкина																											Тарабыкина
Мунгалова																											Мунгалова
Боровая	2290,0	95,0	474,4	286,5	22	104,1	4,3	21,6	13,0	38,9	63	36,2	1,5	7,3	4,4	13,2	29	79,0	3,3	16,3	9,9	29,5	2671,5	121,4	41,1	92,1	Боровая
Юрга	9618,4	704,0	6541,3	130,6	129	74,6	5,5	50,7	1,0	57,2	277	34,7	2,5	23,6	0,5	26,6	145	66,3	4,9	45,1	0,9	50,9	13347,4	103,5	48,2	48,2	Юрга
Поломошнова																											Поломошнова
Мохова	3955,9	255,0	2419,0	241,6	34	116,4	7,5	71,2	7,1	85,8	91	43,5	2,8	26,6	2,7	32,1	38	104,4	6,7	63,6	6,4	76,7	4511,9	132,7	49,6	118,7	Мохова
Кулакова	3950,9	450,3	2745,5	600,1	37	106,8	12,2	74,2	16,2	102,6	75	52,7	6,0	36,6	8,0	50,6	39	101,3	11,5	70,4	15,4	97,3	5897,3	159,4	78,6	151,2	Кулакова
Саламатова	4579,1	216,0	4127,9	200,0	52	88,1	4,2	79,4	3,9	87,4	121	37,8	1,8	34,1	1 7	37,6	56	81,8	3,9	73,7	3,6	81,2	5183,8	99,7	42,8	92,6	Саламатова
Ботева																											Ботева
Верхъ-Шубина																											Верхъ-Шубини
Н. Шубина	12777,9	720,2	9957,0	91,7	148	86,3	4,9	67,3	0 6	72,8	340	37,6	2,1	29,3	0,3	31,7	171	74,7	4,2	58,2	0,5	62,9	15320,5	103,5	45,1	89,6	Н. Шубина
Истомина																											Истомина
Балакнина																											Балахнина
Болтовская																											Болтовская
Сѣверный засел.	1675,5	80,2	1349,3	51,8	21	79,8	3,8	64,3	2,5	70,5	43	39,0	1,9	31,4	1,2	34.5	25	67,0	3,2	54,0	2,1	59,3	1995,3	95,0	46,4	79,8	Сѣверный зас.
Каленова																											Каленова
Терехина	10863,0	574,2	9484,9	365,0	78	139,3	7,4	121,6	4,7	133,6	193	56,8	3,0	49,2	1,9	54,1	86	126,3	6,7	110,3	4,2	121,2	11830,6	151,7	61,3	137,6	Терехина
Корчуганова																											Корчуганова
Мальцова	6419,1	140,1	4779,8	111,0	59	108,8	2,4	81,0	1,9	85,3	133	48,3	1,1	35,9	0,8	37,8	60	107,0	2,3	69,7	1,8	73,8	6950,7	117,8	52,3	115,8	Мальцова
Томилова	3699,4	128,3	3142,1	125,6	72	51,4	1,8	43,6	1,7	47,2	194	19,1	0,7	16,2	0,6	17,5	85	43,5	1,5	37,0	1,5	40,0	4494,2	62,4	23,2	52,9	Томилова
Елгина	4184,4	475,7	2934,0	188,7	41	102,1	11,6	71,6	4,6	87,8	123	33,5	3,8	23,5	1,5	28,8	56	74,7	8,5	52,4	3,4	64,3	4599,8	112,2	36,8	82,1	Елгина
Асанова	897,8	112,0	580,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	920,1	—	—	—	Асанова
Дубровскій																											Дубровскій
Мѣлкова																											Мѣлкова
Воронова																											Воронова
Монойлова																											Манойлова
Косогорова																											Косогорова
Пашкова																											Пашкова
Килина	29639,7	744,1	24405,3	583,6	312	95	2,4	78,2	1,9	82,5	768	38,6	1,0	31,8	0,8	33,6	359	82,6	2,1	68,0	1,6	71,7	31568,6	101,2	41,1	87,9	Килина
Усть-Сосновка																											Усть-Сосинвка
Константинова																											Константинова
Сосновый Острогъ																											Сосновый Острогъ
Иткара																											Иткара
Пяткова	4379,6	276,0	3874,1	54,4	25	167,4	11,0	155,0	2,2	168,2	71	61,6	3,9	54,9	0,8	59,3	33	132,7	8,4	117,4	1,6	127,4	4766,6	190,6	67,1	144,4	Пяткова
Филонова	2924,7	23,4	2532,6	168,4	35	83,6	0,7	72,4	4,8	77,8	83	35,2	0,3	30,5	1,9	32,7	39	75,0	0,6	64,9	4,3	69,8	4375,7	125,0	52,7	112,2	Филонова
Безмѣнова	1944,4	185,3	1497,5	78,3	23	84,5	8,1	65,1	3,4	76,6	56	34,7	3,3	26,7	1,4	31,4	28	69,4	6,6	53,5	2,8	62,9	2620,2	113,9	46,8	93,6	Безмѣнова
Чахлова	4036,4	411,2	2500,5	35,4	39	103,5	1,5	64,1	0,9	66,6	98	41,6	4,2	25,8	0,5	30,5	50	80,7	8,2	50,0	0,7	58,9	4595,4	117,8	47,4	91,9	Чахлова
Шитикова	3788,3	379,6	3010,8	298,7	44	86,1	8,6	68,4	6,8	83,9	107	35,4	3,5	28,1	2,8	34,4	52	72,8	7,3	57,9	5,7	70,9	5366,3	122,0	50,1	103,2	Шитикова
Лукина	4194,5	73,8	3842,8	170,0	11	381	6,7	349,3	15,5	371,5	38	110 4	1,9	101,1	4,5	107,3	15	279,6	4,9	256,2	11,3	272,4	4466,5	406	117,5	297,8	Лукина
Турнаева																											Турнаева
Троицкая	9699,4	535,6	7762,0	104,6	61	159,0	8,8	127,3	1,7	137,7	156	64,7	3,6	51,7	0,7	58,0	64	151,5	8,4	121,3	1,6	131,3	10060,5	164,9	67,1	157,2	Троицкая
Шелковникова																											Шелковникова
Больше Искитимскія юрты																											Больше-Искитимскаія юрты
Усть-Искитимъ	34383,6	872,6	28697,4	908,4	169	203,5	5,2	169,8	5,4	180,4	523	65,7	1,7	54,9	1,7	58,3	156	220,4	5,6	184,0	5,8	195,4	40346,6	238,7	77	256,6	Усть Искитимъ
Юрты Шалаева — Зимникъ																											Юрты Шалаевы — Зимникъ
Тутальская	3965,6	721,2	2948,5	209,6	52	76,3	13,9	56,7	4,0	74,6	137	28,9	5,3	21,5	1,5	28,3	71	55,8	10,2	41,5	2,9	54,6	6080,2	116,9	44,4	85,6	Тутальская
Борская	4785,2	266,2	2573,9	278,4	36	132,9	7,4	71,5	7,7	86,6	96	43,2	3,0	28,6	3,1	34,7	41	116,7	6,5	62,8	6,8	76,1	5813,8	161,5	64,6	141,8	Борская

Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).	Общее количество удобной земли.	Удобной земли по угодьямъ. Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Количество дворовъ.	На одинъ дворъ приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Количество наличныхъ душъ мужескаго пола.	На одну душу муж. пола приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Количество годныхъ работниковъ отъ 19 до 60 лѣтъ.	На одного годнаго работника приходится. Всего удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ 3-хъ угодій.	Общее количество всей земли по планамъ.	Всей земли приходится. На дворъ.	На наличную душу.	На годнаго работника.	Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).
Кулаковская	9874,0	236,5	4488,3	245,0	54	182,9	4,4	83,1	4,5	92,0	143	69,0	1,7	31,4	1,7	34,8	58	170,2	4,1	77,4	4,2	85,6	11040,3	204,4	77,2	190,3	Кулаковская
Арлюкъ	13647,7	227,8	10220,0	271,1	67	203,7	3,4	152,5	4,1	160,0	181	75,4	1,3	56,5	1,5	59,3	85	160,6	2,70	120,2	3,2	126,1	14363,6	214,3	79,3	169,0	Арлюкъ
Попереч.Искитимъ	8866,9	606,1	5556,1	539,3	94	94,3	6,5	59,1	5,7	71,3	212	41,8	2,9	26,2	2,5	31,6	115	77,1	5,3	48,3	4,7	58,3	13260,9	141,1	62,6	115,3	Попереч.Искитимъ
Попова													Н	ѣ	т	ъ		с	в	ѣ	д	ѣ					Попова
Мал. Таймянька	Н	ѣ т	ъ	с	в	ѣ	д	ѣ	н	і	й																Мал. Таймянька
Убіенная												89,2	—	74,0	1,7	75,7	67	185,1	—	140,9	3,2	150,2	14254,4	266,0	107,2	212,7	Убіенная
Митрофанова	12401,0	—	9842,6	219,9	53	234,0	—	185,7	4,2	189,9	133																Митрофанова
Итого	263119,3	13204,9	202475,3	8178,7	2332	112,8	5,7	86,8	3,5	93,0	5792	45,4	2,3	35,0	1,4	38.7	2650	99,3	5,0	76,4	3,1	84,5	308143,0	132,1	53,2	116,3	**Итого**
Спасская волость.																											**Спасская волость.**
С. Спасское	5089,0	724,7	2899,9	840,1	144	35,3	5,0	20,1	5.8	31,0	331	15,2	2,2	8,7	2,5	13,4	138	36,9	5,2	21,0	6,1	32,3	6653,0	46,2	19,9	48,2	С. Спасское
Батурина	Н	ѣ т	ъ	с	в	ѣ	д	ѣ	н	і	й		Н	ѣ	т	ъ		с	в	ѣ	д	ѣ					Батурина
Ипатова	2268,5	272,9	144,6	1624,3	44	51,6	6,2	3,3	36,9	46,4	104	44,4	2,6	1,4	15,3	19,3	46	49,3	5,9	3,1	35,3	44,4	2352 8	53,50	22,2	51,1	Ипатова
Кандинская	И м	ѣ е	т ъ	о	б щ	у ю	д а	ч у	с ъ	дер.			а л т а й,				О я	ш и н с	к о	й	в о л	о с т и.					Кандинская
Итого	7357,5	997,6	3044,5	2464,4	188	39,1	5,3	16,2	13,1	31,6	440	39,7	2,3	6,9	5,6	14,8	184	40,0	5,4	16,5	13,4	35,4	9005,8	47,9	20,5	48,9	**Итого**
Уртамская волость.																											**Уртамская волость.**
С. Вороново	25921,3	1211,2	18811,6	830,1	309	83,9	3,9	60,9	2,7	67,5	709	37,6	1,7	26,6	1,2	29,5	335	77,4	3,6	56,1	2,5	62,2	28794,4	93,2	40,7	85,9	С. Вороново
Екимова	7110,6	—	5567,6	1114,3	98	72,6	—	56,8	11,4	68,2	233	30,5	—	23,9	4,8	28,7	104	68,4	—	53,5	10,7	64,2	8674,3	88,5	37,2	83,4	Екимова
Еловка													Н	ѣ	т	ъ		с	в	ѣ	д	ѣ					Еловка
Ерестна	Н	ѣ т	ъ	с	в	ѣ	д	ѣ	н	і	й																Ерестна
Чилина																											Чилина
Луговая																											Луговая
Кругликова	П о л ь з у ю т с я					з е м л е ю			с ъ			ч у с т о л е ж а щ а г о								м ѣ с т а.						Кругликова
Д. Батурина	6323,1	422,2	5213,0	270,2	144	55,5	3,8	45,7	2,4	51,9	227	27,4	1,5	17,6	0,9	20,0	102	62,0	4,2	51,1	2,6	58,0	6748,3	59,2	22 8	66.2	Д. Бутурина
Итого	39355,0	1643,4	29592,2	2214,6	521	75,5	3,2	53,0	4,3	60,5	1166	33,8	1,4	25,4	1,0	27,8	541	72,7	3,0	54,7	4,1	61,8	44217,0	84,9	37,8	81,7	**Итого**
Чатская инород. управа																											**Чатская инород. управа.**
Черная Юрта	407,5	239,2	63,4	—	62	6,6	3,8	1,0	—	4,8	157	2,6	1,5	0,4	—	1,9	79	5,2	3,0	0,8	—	3,8	574,5	9,2	3,6	7,3	Черная Юрта
Тохтамышева																											Тохтамышева

Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).	Общее количество удобной земли.	Удобной земли по угодьямъ. Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Количество дворовъ.	На одинъ дворъ приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ уг.	Количество наличныхъ душъ мужескаго пола.	На одну душу муж. пола приходится. Всей удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ уг.	Количество годныхъ работниковъ съ 10 до 60 лѣтъ.	На одного годнаго работника приходится. Всего удобной земли.	Выгона.	Пахотной.	Сѣнокоса.	Всѣхъ уг.	Общее количество всей земли по планамъ.	Всей земли приходится. На дворъ.	На наличную душу.	На годнаго работника.	Названіе межевыхъ общинъ (дачъ).
Барабинскія юрты Кафтанчикова Акбалыкскія юрты	281,2	—	—	4,0	34	8,3	—	—	0,1	0,1	107	2,6	—	—	0,03	0,03	46	6,1	—	—	0,1	0,1	307,2	9,0	2,9	6,7	Барабинскія юрты Кафтанчикова Акбалыкскія юрты
	Пользуются			землей			совмѣстно				съ	инородцами					Малокоряковской					управы.					
Итого -	689,0	239,2	63,4	4,0	96	7,2	2,5	0,7	0,04	3,24	264	2,6	0,9	0,2	—	—	125	5,5	1,9	0,5	0,03	2,43	881,7	9,2	3,3	7,1	Итого -
Малокоряковская инород. управа.																											**Мало Коряковская инород. управа.**
Юрты Краный яръ « Черный мысъ « Орскія -	47520,5	572,9	1796,6	11193,3	118	402,7	4,8	15,2	94,9	114,9	300	158,4	1,9	6,0	37,3	45,2	157	302,7	3,6	11,4	71,3	86,2	76672,9	649,8	255,6	488,4	Юрты Краный яръ « Черный Мысъ « Орскія
Итого -	47520,5	572,9	1796,6	11193,3	118	402,7	4,8	15,2	94,9	114,9	300	158,4	1,9	6,0	37,3	45,2	157	302,7	3,6	11,4	71,3	86,2	76672,9	649,8	255,6	488,4	Итого -
Телеутская управа.																											**Телеутская управа.**
Усть Искитимъ Б. Искитимъ Ю. Зимникъ « Шалаевы -	На одномъ планѣ съ д. Усть Искитимъ Тутальской волости																										Усть Искитимъ Б. Искитимъ Ю. Зимникъ « Шалаевы
« Константиновы	576,6	281,9	—	288,7	Остальное совмѣстно							Косогоровой и др. Тутальской вол.											576,6				« Константиновы
Итого -	576,6	281,9		288,7																							Итого -
Итого по округу -	1401736,3	73598,2	919794,1	77047,5	13828	101,4	5,3	66,5	5,6	77,4	3372	41,6	2,2	27,3	2,3	31,8	16109	87,0	4,6	57,1	4,8	66,5	1669039,7	120.7	49,4	103,6	Итого по округу -

Податныя и земельныя общины Томскаго округа.

Податныя общины (сельскія общества)	Форма податной общины.	Земельныя общины.	Форма земельной общины.
1. Кайлинская волость.		**1. Кайлинская волость.**	
1. С. Гутово. *)	Однодеревенская.	1. С. Гутово. Кудрина	Сложная
2. Кудрина **Тугучинъ** (русскій)	Сложная **Тугучинъ** съ инородческой частью того же селенія составляетъ раздѣльную податную общину.	2. Тугучинъ (русскій)	Раздѣльно-простая община съ инородческой частью того же селенія.
		3. Кайлина	Однодеревенская.
3. Кайлина Ирба Елтышева Глядѣнъ	Сложная	4. Ирба	Однодеревенская.
		5. Елтышева	Однодеревенская.
		Глядѣнъ	Ст. № 31.
4. Кривояшъ. Савинова Манойлова Таскаева	Сложная,	6. Кривояшъ	Однодеревенская.
		7. Савинова	Однодеревенская.
		8. Манойлова	Однодеревенская.
		9. Таскаева	Однодеревенская.
5. Асанова. Бжицкова Татаринова Елфимова Ача (русская)	Сложная **Ача** съ инородческой частью того же селенія составляетъ раздѣльную податную общину.	10 Асанова Бжицкова Татаринова	Сложная вмѣстѣ съ д. Шитиковой Тутальской волости.
		11. Елфимова	Однодеревенская.
		12 Ача	Съ инородческой частью сого же селенія составляетъ раздѣльно-простую общину.
6. Долгова Корнилова	Сложная.	13. Долгова	Однодеревенская.
		14. Корнилова	Однодеревенская.
7. Изылы. Чертенкова Русакова Сухострѣлова	Сложная.	15. Изылы Чертенкова	Сложная съ Н. Изылами и Саламатовой Тарсминской волости.
		16 Русакова	Однодеревенская.
		17. Сухострѣлова	Сложная съ Боровой Тутальской вол. и съ Саламатовой Тарсминской волости.

(* Напечатанныя жирнымъ шрифтомъ селенія,—по имени которыхъ называются общины.

Податныя общины (сельскія общества)	Форма податной общины.	Земельныя общины.	Форма земельной общины.
4. Ерестная	Однодеревенская	——— « ———	Входитъ въ односложную общину съ с. Кривощековымъ и пр.
5. Верхъ-Тулинская Тюменина	Сложная	3. Верхъ-Тулинск. 4. Тюменина	Однодеревенская Однодеревенская
6. Толмачева Алексѣевская	Сложная	5. Толмачева 6. Алексѣевская	Однодеревенская Однодеревенская
7. Криводанова	Однодеревенская	7. Криводанова	Однодеревенская
8. С. Пайвино Шилова	Сложная	8. С. Пайвино 9. Шилова	Однодеревенская Однодеревенская
9. Сеничкина	Однодеревенская	10. Сеничкина	Однодеревенскля
10. Кочнева Казакова	Сложная	11. Кочнева 12. Казакова	Однодеревенская. Однодеревенская.
11. Прокудкина	Однодеревенская	13. Прокудкина	Однодеревенская
12. Чиковская Бунькова	Сложная	14. Чиковская Бунькова	Сложная
13. Коткова С. Крохалевское	Сложная	15. Коткова С. Крохалевское	Сложная
14. С. Барышево. Ельцова Изрева Быкова Усть-Иня Кривошапкина	Сложная	16. Барышева 17. Ельцова 18. Изрева 19. Быкова 20. Усть-Иня Кривошапкина	Однодеревенская Однодеревенская Одцодеревенская Однодеревенская Сложная
15. Плотникова Репьева Березовка	Сложная	21. Плотникова 22. Репьева 23. Березовка	Однодеревенская Сднодеревенская Однодеревенская
16. Жеребцова С. Барлакъ Орская	Сложная	24. Жеребцова 25. С. Барлакъ Орская	Однодеревенская Сложная
17. Локтинская Кубова	Сложная	Локтинская Кубова	
18. С. Каменское Зас. Гусинный бродъ	Сложная	26. С. Каменское 27. Зас. Гусинный бродъ	Однодеревенская Однодеревенская

Податныя общины (сельскія общества).	Форма податной общины.	Земельныя общины.	Форма земельной общины.
19. Мочище	Однодеревенская	28 Мочище	Однодеревенская
III. Чаусская волость.		**III. Чаусская волость.**	
1. Вахрушева Зас. Михайловскій	Сложная	1. Вахрушева 2. Зас Михайловскій	Однодеревенская Однодеревенская
2. Подволошная Мысовская	Сложная	3. Подволошная Мысовская	Сложная
3. С. Тырышкино	Однодеревенская	С. Тырышкино	
4. Большая Черемшанка Воробьева	Сложная	4. Большая Черемшанка Воробьева	Сложная
5. Грязнуха Соколова	Сложная	5. Грязнуха Соколова	Сложная
6. Большой Оёшъ	Однодеревенская	6. Большой Оешъ	Сложная
7. Малый Оёшъ Киселева	Сложная	Малый Оешъ Киселева	
8. Подгорная	Однодеревенская	7. Подгорная	Сложная
9. С. Чаусъ	Однодеревенская	Чаусъ	
10. Анда Скала Орско-Борская	Сложная	Анда Скала 8. Орско-Борская	Однодеревенская
11. Тропина Паутова Южина Зас. Сидоровскій	Сложная	9. Тропина Паутова Южина 11. Зас. Сидоровскій	Сложная Однодеревенская Однодеревенская
12. С. Вьюнское	Однодеревенская	12. Вьюнское	Сложная. Д. Тропина Заимка въ тоже время составляетъ сложную общину съ Базомъ Ояшинской вол.
13. Кондыкова Малая Черемшанка Тропина заимка Бѣлоярка	Сложная	Кандыкова Малая Черемшанка Тропина Заимка 13. Бѣлоярка	Однодеревенская

Податныя общины (сельскія общества).	Форма податной общины.	Земельныя общины.	Форма земельной общины.
IV. Ояшинская волость.		**IV. Ояшинская волость.**	
1. С. Дубровино	Однодеревенская	1. С. Дубровино	Однодеревенская
2. Ташара Умревинское Поселье	Сложная	2. Ташара Умревинское Поселье	Сложная
3. Поросъ Новый Поросъ Мошнина	Сложная	3. Поросъ 4. Новый Поросъ 5. Мошнина	Однодеревенская Однодеревенская Сложная
4. Верхъ-Балта **Балта** Воронова	Сложная	Верхъ-Балта 6. Балта 7. Воронова	Однодеревенская Однодеревенская
5. Базой Камень Бибѣева	Сложная	8. Базой 9. Камень 10. Бибѣева	Составляетъ сложную общину съ Троицкой Заимкой Чаус. вол. Однодеревенская Однодеревенская
6. С. Ояшъ	Однодеревенская	11. С. Ояшъ	Однодеревенская
7. Чебула Елбакъ Верхъ-Елбакъ Карасева	Сложная	12. Чебула 13. Елбакъ Верхъ-Елбакъ Карасева	Однодеревенская Сложная
8. Зудова Кирякова Елизарова Кожевникова Макурина Ново-Макурина Черная	Сложная	14. Зудова Кирякова Елизарова 15. Кожевникова Макурина Ново-Макурина 16. Черная	Сложная Сложная Однодеревенская
9. С. Болотное	Однодеревенская	17. С. Болотное	Однодеревенская
10. С. Проскоково	Однодеревенская	18. С. Проскоково	Составляетъ сложную общину съ Безменовой Тутальск. вол.
11. С. Зеледѣево	Однодеревенская	19. С. Зеледѣево	Однодеревенская
12. Варюхина Аллаева	Сложная	20. Варюхина Аллаева	Сложная
13. Калтай (Русск.) Смокотнина Кафтанчикова (Русск.) Кондинская	Сложная. **Калтай** и **Кафтанчикова** составляютъ раздѣльныя общины съ инородческими частями тѣхъ же селеній. Д. Кондинская также представл. раздѣльную податную общину, такъ какъ часть ея населенія принадлежитъ къ Спасской вол.	21. Калтай Смокотнина Кафтанчикова Кондинская	Сложны. **Калтай** и **Кафтанчикова** въ тоже время представляютъ раздѣльныя общины съ инородческими частями тѣхъ же селеній.

Податныя общины (сельскія общества).	Форма податной общины.	Земельныя общины.	Форма земельной общины.
14. С. Ярское	Однодеревенская	22. С. Ярское	Однодеревенская
15. Вершинина	Однодеревенская	23. Вершинина	Однодеревенская
16. Конева Ларина Суранова	Сложная	24. Конева Ларина Суранова	Сложная
V. Тутальская волость.		**V. Тутальская волость.**	
1. С. Пача Власкова Заимка Бурлакова Баранова Зырянова Крылова	Сложная	1. С. Пача 2. Власкова Заимка Бурлакова 3. Баранова 4. Зырянова 5. Крылова	Однодеревенская Сложная Однодеревенская Однодеревенская
2. Малая Тайменька **Большая Тайменька** Попова	Сложная	Малая Тайменька 6. Большая Тайменька Попова	Сложная Сложная
3. Митрофанова Убіенная	Сложная	Митрофанова Убіенная	
4. Колмогорова Заимка Писаная Миничева Морковкина	Сложная	7. Колмогорова Заимка Писаная 8. Миничева Морковкина	Сложная Сложная
5. Зас. Верхъ-Пача Зас. Яшка Зас. Еловка	Сложная	9. Зас. Верхъ-Пача 10. Зас. Яшка 11. Зас. Еловка	Однодеревенская Однодеревенская Однодеревенская
6. Литвинова Терехина Маянова Корчуганова Каленова	Сложная	12. Литвинова 13. Терехина 14. Маянова 15. Корчуганова Каленова	Однодеревенская Однодеревенская Однодеревенская Сложная

Податныя общины (сельскія общества)	Форма податной общины	Земельныя общины	Форма земельной общины
7. Романова	Сложная	16. Романова	Сложная
Чиркова		Чиркова	
Литасова		Литасова	
Мунгалова		Мунгалова	
8. Тарабыкина	Сложная. **Ботева** въ то-же время раздѣльная, такъ какъ часть ея населенія принадлежитъ къ Спаѣской волости.	Тарабыкина	
Болтовская		17. Болтовская	Сложная
Балахнина		Балахнина	
Шубкина		18. Шубина	Сложная
Шубкина 2-я (Маркина)		Шубина 2-я (Маркина)	
Истомина		19. Истомина	Однодеревенская
Ботева		20. Ботева	Однодеревенская
Зас. Дубровинскій		21. Зас. Дубровскій	Однодеревенская
9. Арлюкъ	Сложная	22. Арлюкъ	Однодеревенская
Кулаковская		23. Кулаковская	Сложная съ Сухострѣловой Кайлинской волости
Боровая		24. Боровая	
10. Поломошнова (русс.)	Сложная. **Поломошнова** въ то-же время раздѣльная съ инородческой частью того же селенія.	25. Поломошнова	Сложная. **Поломошнова** въ то-же время раздѣльн. община съ инородч. частью того же селенія.
Юрга		Юрга	
Борская		26. Борская	Однодеревенская
11. Кулакова	Сложная	27. Кулакова	Сложная
Мохова		Мохова	
12. Саламатова	Сложная	28. Саламатова	Однодеревенская
Иткара		29. Иткара.	Однодеревенская
13. Килина	Сложная	30. Килина	Сложная съ юртами Константиновыми Телеутской инородной управы.
С. Сосновый Острогъ		С. Сосновый Острогъ	
Константинова		Константинова	
Усть-Сосновка		Усть-Сосновка	
14. Косогорова	Сложная	Косогорова	
Манойлова		Манойлова	
Пашкова		Пашкова	
Мѣлкова		Мѣлкова	
Воронова		31. Воронова	Однодеревенская
Зас. Сѣверный		32. Зас. Сѣверный	Однодеревенская
15. Мальцева	Сложная	33. Мальцева	Однодеревенская
Лукина		34. Лукина	Однодеревенская
16. Асанова	Сложная	35. Асанова	Однодеревенская
Томилова		36. Томилова	Однодеревенская

Податныя общины (сельскія общества)	Форма податной общины	Земельныя общины	Форма земельной общины
17. Филонова Безмѣнова Елгина	Сложная	37. Филонова 38. Безмѣнова 39. Елгина	Однодеревенская Сложная съ с. Проскоковы Ошинской волости Однодеревенская
18. Чахлова Шелковникова Троицкая Турнаева Шитикова	Сложная	40. Чахлова 41. Шелковникова Троицкая Турнаева 42. Шитикова	Однодеревенская Сложная Сложная съ Асановой Кай. ской волости
19. Тутальская Усть-Искитимъ Пяткова	Сложная. **Усть-Искитимъ** въ то-же время раздѣльная податная община съ инородческой частью того-же селенія.	43. Тутальская 44. Усть-Искитимъ 45. Пяткова	Однодеревенская Раздѣльная съ инородческ частью того-же селенія Однодеревенская
20. С. Поперечн. Искитимъ	Однодеревенская	46. С. Поперечн. Искитимъ	Однодеревенская

Таблица

безплатно отпускаемаго лѣса сельскому населенію

Томскаго округа.

Количество лѣсныхъ матеріаловъ, безплатно отпущенныхъ въ 1893-мъ году крестьянамъ Томскаго округа на личныя и общественныя потребности.

Кайлинская волость.

	Бревенъ	Жердей	Кольевъ	Дровъ.
Гутово . .	80	4000	8000	452
Кайлинская .	48	2400	4800	240
Елтышева .	27	1350	2700	135
Ирба . .	189	1350	2700	135
Глядѣнъ . .	10	500	1000	50
Кривоящъ .	399	2850	5700	285
Савинова . .	182	1300	2600	130
Манойлова .	623	4450	8900	445
Таскаева . .	294	2100	4200	210
Асанова . .	280	2000	4000	200
Татаринова .	154	1100	2200	110
Бжицкая . .	266	1900	3800	190
Ефимова . .	427	3050	6100	305
Ачинская . .	455	3250	6500	325
Для этапа	„	„	„	4
Корнилова .	392	2800	5600	280
Долгова . .	357	2550	5100	255
Для этапа	„	„	„	4
Суркова . .	67	3350	6700	335
Кускова . .	238	1700	3400	170
Кійская . .	392	2800	5600	28
Осиновка . .	115	3350	6700	335
Осмолу	„	„	„	½
Кусьмень . .	497	3550	7100	355
Русакова . .	350	2500	5000	250
Сухострѣлова .	224	1600	3200	160
Чертенкова .	224	1600	3200	160
Изылы . .	455	3250	6500	325
Горевское . .	490	3500	7000	350
Вассина . .	336	2400	4800	240
Шубкина . .	161	1150	2300	115
Боровлянкина .	579	4100	8200	410
Агафониха .	182	1300	2600	130
Чемская . .	399	2850	5700	291
Дергоусова .	196	1400	2800	140
Шумилова .	259	1850	3700	185
Борцова . .	301	2150	4300	215
Зас. Владимір. .	112	800	1600	80
Усть-Каменка .	406	2900	5800	290
Карпысакъ .	1119	4350	8700	435
Причту	„	„	„	25
Моткова . .	1234	4350	8700	435
Дуготакъ . .	315	2250	4500	225
Калганова .	343	1450	2900	145
Канарбуга .	31	1550	3100	155
Тугучинъ . .	116	5800	11600	580
Кудрина . .	51	2550	5100	250
Всего на личныя потребности	13375	107350	214700	107885
На общественныя потребности	„	„	„	35

Ояшинская волость.

	Бревенъ	Жердей	Кольевъ	Дровъ.
Ново-Пороссской	371	2650	5300	265
Воронова . .	189	1350	2700	135
Карасева . .	84	600	1200	60
Елбакъ . .	227	1300	2600	130
Верх. Елбакъ .	206	400	800	40
Умревинск. нос.	147	1050	2100	105
Верх. Болтинск.	210	1150	2300	115
Мошнина . .	259	1850	3700	185
Чебула . .	357	2550	5100	256
Для этапа	„	„	„	4
Кпбѣева . .	826	1900	3800	190
Пороссской .	273	1950	3900	195
Кожевникова .	560	4000	8000	400
Колтинская .	1330	9500	19000	950
Причту	„	„	„	24
Дубровино .	1017	5550	11100	555
Причту	„	„	„	31
Ояшъ . .	945	6650	13500	665
Для учил., вол., пожарн. и этапа	„	„	„	20
Прич. и церкви	„	„	„	31
Суркова . .	119	850	1700	85
Конева . .	266	1900	3800	190
Ларина . .	49	350	700	35
Зеледѣева .	1155	3450	6900	345
Для церкви	„	„	„	20
Вершинина .	479	2850	5700	285
Колотная . .	1871	10650	21300	1065
Для этапа	„	„	„	4
Прич. и церкви	„	„	„	20
Татаринская .	563	2950	5900	285
Для этапа	„	„	„	4
Проскоково .	602	4200	8600	430
Для учил. и этап.	„	„	„	10
Прич. и церкви	„	„	„	20
На постр. лечеб.	1454	„	„	„
Зудова . .	668	3700	7400	370
Елизарова .				
Алаева . .	336	2400	4800	240
Варюхино . .	707	4350	8700	435
Для этапа	„	„	„	4
Козы . . .	686	4900	9800	490
Черная . .	784	5600	11200	560
Смокотина .	113	950	1900	95
Кандинская .	164	100	200	10
Калтай . .	416	2150	4300	215
Для учил. и этап.	„	„	„	10
Для церкви	„	„	„	30
Кафтанчикова .	49	350	700	35
д. Каменная .	336	1400	2800	140
Ярское . .	1060	4000	8000	400

Ояшинская волость.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ.	Дровъ
На церковь	80	—	—	—
Причт. и церк.	—	—	—	20
Всего на личныя потребности	17424	99550	199500	9955
На общественныя потребности	1534	—		258

Кригошековская волость.

	Бревенъ	Жердей	Кольевъ	Дровъ
Барлакъ	910	6500	13000	650
Причту	—	—	—	28
Орская	511	3650	7310	365
Кубовинская	525	3750	7500	375
Локтевская	812	5800	11600	580
В. Шуменская	735	2250	10500	525
Прокудина	586	6500	13000	650
Казакова	539	3850	7700	385
Бунькова	413	2950	5900	295
Чиковская	679	4850	9700	485
Кобылій Логъ	756	5400	10800	540
Крохалева	525	3750	7500	375
Церкви и причт.	—	—	—	20
Коткова	1169	8350	16700	835
Быкова	77	550	1100	55
Кочнева	2074	7250	14500	725
Пайвина	448	3200	6400	320
На постр. моста	40	—		—
Пречту и церкви	—	—	—	20
Алексѣева	371	2650	5300	265
Рыс. Алексѣева				
Толмачева	462	3300	6600	330
Кревозанка	217	1550	3100	155
Жеребцова	168	1200	2400	120
Плотникова	343	2450	4900	245
Репьевка	560	4000	8000	400
Березовка	490	3500	7000	350
Изревинска	508	2200	4400	220
Барышевска	413	2950	5900	295
Причту и церкви	—	—	—	20
Мощицка	679	4850	9700	485
Каменка	1113	7950	15900	795
Причту и церкви	—	—	—	20
Шилова	630	4500	9000	450
Кривощеково	1758	11700	23400	1130
Церкви и причта	—	—	—	34
Бугринска	697	4050	8100	405
Верткова	303	1450	2900	145
М. Кривощеково	836	4900	9800	490
Огурцова	588	4200	8400	420
Ельцовка	437	2050	4100	205
Усть-Инская	882	2300	4600	230
Верхъ-Чемское	273	1950	3900	195
Нижне-Чемское	917	4300	8180	455
Тюменина	469	9200	6700	335
Крестная	833	5950	11900	595
Гусина	84	600	1200	60
Кривошапкина	210	1500	3000	150
Спиричкина	756	5400	10800	540
В. Тулинская	326	900	1800	90
Всего на личныя потребности	26082	170150	335190	16715
На общественныя потребности	—	—	—	142

Тутальская волость.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ	Дровъ
Пача	629	2350	4700	235
Причту и церкви	—	—	—	28
Зырянская	35	250	500	25
Баранова	63	450	900	45
Верхъ Искитимъ	200	—	—	—
Болтовская	252	1800	3600	180
Балахнина	217	1550	3100	155
Ботева	35	250	500	25
Истомина	56	400	800	40
Шубина 1-я	98	700	1400	70
Шубина 2-я	126	900	1800	90
Писаная	84	600	1200	60
Заз. Вер. Пачинь	168	1200	2400	120
Власкова	378	2700	5400	270
Зас. Еловка	1549	350	700	35
Зас. Сѣверный	въ 18	93г. не	полу	чали
Соснов. Островъ	189	1350	2700	135
Игикаръ	238	1700	3400	170
Косогорова	371	2650	5300	265
Михайлова	56	400	800	40
Пашкова	375	270	540	270
Мѣлкова	329	2350	4700	235
Воронова	56	400	800	40
Килина	245	1750	3500	175
На постр. моста	331	—	—	—
Причту и церкви	—	—	—	20
Константанова	84	600	1200	60
Констант. Юрты	147	1050	2100	105
Крылова	147	1050	2100	105
Б. Тайменовка	115	2250	4500	225
Арлюкова	476	3400	6800	340
Ремонт. хлѣбно-запасн. магазина	32	—	—	—

	Бревенъ	Жердей	Кольевъ	Дровъ
Юр. Усть-Искит. Текут.упр	287	2050	4100	253
Юр. Зимниковы	154	1100	2200	110
Для мечети	—	—	—	20
Юр. Шалаевы	70	500	1000	50
Кулаковская -	308	2200	4400	220
Причту и церкви	—	—	—	20
Романова -	154	1100	2200	110
Чиркова - -	105	750	1500	75
Митасова -	35	250	500	25
Тарабыкина -	56	400	800	40
Мунгалова -	126	900	1800	90
Филипова -	231	1650	3300	165
Безмѣнова -	119	850	1750	85
Ляжнева -	35	250	500	25
Чахлова - -	238	1700	3700	170
Дубровская -	84	600	1200	60
Лукина - -	70	500	1000	50
Елгина - -	168	1200	2400	120
Томилова -	250	1800	3600	180
Асанова - -	301	2150	4300	210
Анкудинова -				
Мальцова -				
Нов. Мальцова	343	2450	4900	245
Калмагорова -	556	2900	5800	290
Пяткова - -	168	1200	2400	120
Кулакова -	268	1200	2400	120
Саламатова -	280	2000	4000	200
Мохово - -	210	1500	3000	150
Путово - -				
Зас. Яшки -	300	2350	4700	235
и д. Поповой	329			
Ситвинова -	280	2000	4000	200
Маянова - -	112	800	1600	80
Терехина -	84	600	1200	60
Корчуганова -	301	2150	4300	215
Каленова -	70	500	1000	50
Тутальская -	385	2750	5500	295
На ремонтъ моста	19	—	—	—
Борова - -	239	2660	5300	265
Паломошнова -	791	5650	11300	565
Шитикова -	273	1950	3900	195
Шековникова -	147	1500	2100	105
Поперечн. Искитимъ	623	4450	8900	445
Для причтан церкви	—	—	—	32
Тропинка - -	98	700	1400	70
Турнаева -	84	600	1200	60
Добросск. засел.				
Митрофанова -	371	2650	5300	265
Попова - -	329	2350	4700	235
М. Тайменская	315	2250	4500	225
Убинская -	182	1300	2600	130
Минаева - -	161	1150	2300	115
Морковкина -	290	1000	2000	100
Мишичева -	105	750	1500	75
Всего на личныя потребности -	17618	108030	221190	10569
На общественныя потребности -	382	—	—	122—

Чаусская волость.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ.	Дровъ
Киселева -	154	1100	2200	110
Южина - -	245	1750	3500	175
Чаусъ - -	721	5150	10302	515
Для причта и церкви				
« училища -	—	—	—	35
Подгорна -	904	3600	7200	360
Скала -	448	3200	6400	320
Тропина - -	862	5550	11110	555
« заимка	406	2900	5800	290
Паутова - -	436	2400	4800	240
Анбинская -	532	3800	7600	380
М Черемшанка	301	2150	4150	215
Воробьевка -	245	1750	3500	175
Грязнуха -	518	3700	7400	370
Соколова -	161	1150	2300	115
Бѣлоярскъ -	210	1500	3000	150
Зас Михайловскій	не пользовался въ 1893 г.			
Тырышкино -	868	6200	12400	620
Для причта и этапа	—	—	—	25
Подволошна -	616	4400	8800	440
Мысовска -	315	2250	4500	225
Зас. Сидоровка	750	—	—	—
Черемшанка -	329	2350	4700	235
Кандыкова -	553	3950	7900	395
Вьюна - -	994	7100	14200	710
Для причта и церкви	—	—	—	25
Вахрушева -	336	2400	4800	240
Орскій Станец.	315	2250	4500	225
Для этапа	—	—	—	5
М. Остинская	602	4300	8600	430
Б. Остинская	840	6000	12000	600
Всего на личныя потребности -	12661	80900	161660	8090
На общественныя потребности -	—	—	—	90

Уртамская волость.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ.	Дровъ
Безплатнымъ отпускомъ изъ дачъ Алтайск. округа не пользуются.				
Батурина -				
Воронова -				
Екимова -				
Кругликова -				

Чатская Управа.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ.	Дровъ
Чатск. Уп. и Училищ.	—	—	—	12
Для мечети и мулл.	—	—	—	10
Калтайск. -	189	1350	2700	135
Для мечети -	—	—	—	10
Акбалыкск. Ю.	119	8500	1700	85
дер. Красноярск.	175	1250	2500	125
Черномыш. -	182	1300	2600	130
Тахтал. - -	не пользовались.			
Черныя - -				
Кафтанчик. -				
Барабанск. -				
Орскія юрты -				
Казанскія -	168	1200	2400	120
Всего на личныя потребности -	833	13600	27200	595
На общественныя потребности -	—	—	—	32

Мало-Киряковская Управа.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ.	Дровъ
Юр. Красн. Яр. д. Черной мысъ	не пользовались.			
Юр. Орскіе -	308	2200	4400	220
Всего на личныя потребности -	308	2200	4400	220

Спасская волость.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ.	Дровъ
Спаскъ - -	безплатнымъ отпускомъ лѣса изъ дачъ Алтайскаго округа не пользуется.			
Базакскія Юр. Ипатова - -	268	1200	2400	120
	не пользуется.			
Всего на наличныя потребности -	268	1200	2400	120

Телелеутская Управа.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ.	Дровъ
Юр. Усть-Искитим.	231	1650	3300	165
Зимникъ -	154	1100	2200	110
Шалаевск. -	70	500	1000	50
Константин. Юр.	147	1050	2100	105
Для мечети и мулл.	—	—	—	10
Всего на личныя потребности -	602	4300	8600	420
На общественныя потоебности -	—	—	—	10

Темерчинская Управа.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ.	Дровъ
Каштаковск. -	252	1800	3600	180
Всего на личныя потребности -	252	1800	3600	180

1-я Пол. Кумышск. Инородн. Управа.

	Бревенъ.	Жердей.	Кольевъ.	Дровъ
Туруучинск. -	30	—	—	8
Ача - -	не пользовались.			
Сурнова - -				
Кусьмень. -				
Шумилова -	71	—	—	—
Шубкина -	не пользовались.			
Васспна - -				
Шумих. - -	362	1850	3700	185
Всего на личныя потребности -	463	1850	3700	193

2007041434

Податныя общины (сельскія общества).	Форма податной общины.	Земельныя общины.	Форма земельной общины.
8. Вассина (русск.) С. Горевское Шубкина (русская)	Сложная **Вассина** и **Шубкина** съ инородческими частями тѣхъ же селеній раздѣльныя общины.	18. Вассина С. Горевское	Сложная **Вассина** въ то же время раздѣльная съ инородческой частью того же селен
		19. Шубкина	Раздѣльная съ инородческой частью того же селенія.
9. Осиновка. Кійская Суркова Кусьмень Кускова	Сложная	20. Осиновка 21. Кійская 22. Суркова 23. Кусьмень 24. Кускова	Однодеревенская. Однодеревенская. Однодеревенская. Однодеревенская. Однодеревенская.
10. Агафониха Дергоусова Чемская Зас. Владиміровка Боровлянка Борцова Шумилова	Сложная	25 Агафониха Дергоусова Чемская 26. Зас. Владиміровка 27. Боровлянка 28. Борцова 29. Шумилова	Сложная. Однодеревенская. Однодеревенская. Однодеревенская. Однодеревенская.
11. С. Карпысакъ. Моткова Усть-Каменка Буготакъ	Сложная	30. С. Карпысакъ Моткова Усть-Каменка Буготакъ	Сложная.
12. Канарбуга. Калаганова Томилова	Сложная	31. Канарбуга Глядѣнъ 31. Калаганова Томилова	Сложная. **Глядѣнъ** въ то же время раздѣльная община съ инородческ. частью того же селенія. Сложная
II. Кривощековская волость.		**II. Кривощековская волость.**	
1. С. Кривощеково.	Однодеревенская.	1. С. Кривощеково. Ерестная Бугринская Верткова	Сложная. Д. Ерестная составляетъ отдѣльную податную общину.
2, Бугринская Верткова Мало-Кривщек.	Сложная	2. Мало-Кривощек.	
3. Нижне-Чемская Верхне-Чемская Огурцова	Сложная	Нижне-Чемская Верхне-Чемская Огурцова	Сложная